

Г 67
16888
112

История
государства Российского

Том XII

И С Т О Р І Я
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКАГО.

Т О М Ъ XII.

**ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССІЙСКАГО.**

ТОМЪ XII.

ИЗДАНІЕ ТРЕТІЕ.

Изданіе съ книгопродавца Смирдина.

САНКТІТЕРВУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМІРДИНА.

1831.

Г 67
16888
v 12

ИСТОРИЯ

ГОСУДАРСТВА

РОССІЙСКАГО

ПЕЧАТАНО
ТOMъ XII

по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

Издательство Императорской Академіи Наукъ

Лезо

925 12
67

СВЕРЕНО
1936 г.

Библиотечка
Императорской Академіи Наукъ

СВЕРЕНО
с фоток

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

(1828 года.)

Наконецъ мы можемъ исполнить ожиданіе Публики и послѣднюю волю безсмертнаго творца Исторіи Государства Россійскаго.

Въ 1826 году, когда его семейство и друзья еще позволяли себѣ надѣяться, что путешествіе и лучшій климатъ могутъ поправить его здоровье, онъ поручалъ намъ быть Издавателями XII Тома его Исторіи; думалъ кончить ее въ Италіи и однакожь хотѣлъ прежде отъѣзда приготовить Примѣчанія къ написаннымъ уже Главамъ. Но Судьбѣ было угодно, чтобы его великій трудъ и въ семъ отношеніи остался недовершеннымъ. Въ первыя минуны ужасной и — не смотря на видимыя дѣйствія чепырехъ-мѣсячной мучительной болѣзни — все еще какъ будто неожиданной потери, когда мысли тѣхъ, кои досель его оплакиваютъ, не могли быть заняты ничѣмъ инымъ, собранныя имъ для составленія Примѣчаній книги и рукописи разосланы по разнымъ мѣстамъ. Нужно было время, чтобы снова собрать ихъ и привести въ порядокъ. Опъ сего и опъ нѣкопрыхъ другихъ, неважныхъ для Публики обстоятельство, замедлилось изданіе книги, какъ намъ извѣстно съ неперпніемъ ожидаемой.

Всѣ приложенныя нами Примѣчанія суть не что иное какъ выписки, сдѣланныя по оставшимся въ бумагахъ покойнаго Исторіографа указаніямъ. Что касается до текста, кажется нѣтъ нужды говорить, что онъ представляется Читателямъ въ томъ самомъ видѣ, въ коемъ мы нашли его. Первые четыре Главы, даже и начало пятой, за исключеніемъ лишь немногихъ послѣднихъ страницъ, были еще при жизни Автора переписаны на бѣло, пересмотрѣны имъ и приготовлены къ печати. По странному, достойному замѣчанія смеченію обстоятельствъ, сіе послѣднее произведеніе Карамзина было, какъ можно полагать, послѣднимъ чтеніемъ Императора Александра: манускриптъ онаго, присланный изъ Таганрога послѣ кончины сего Государя, возвращенъ покойному Исторіографу въ то время, когда онъ самъ быстро склонялся къ гробу.

Карамзинъ не имѣлъ несчастія пережить свой талантъ. Въ самомъ изнеможеніи силъ физическихъ, силы души его не слабыли, и послѣднія черты его кисти также живы и вѣрны, какъ и тѣ, коими ознаменованы блистательнѣйшія мѣста его Исторіи. Въ семъ XII Томѣ, коему можешь быть шолько не достаешь конца, чтобъ быть совершеннѣйшимъ, Читатели умѣютъ цѣнить изящное

найдутъ все, что по справедливости плѣняетъ насъ въ первыхъ, все, что можно назвать отличительнымъ свойствомъ сего безмерпаго творенія: необыкновенную точность въ изображеніяхъ, плодъ обширныхъ, неутомимыхъ изысканій и пламенной, благоговѣйной любви къ истинѣ, во всемъ руководствовавшей Автора, выборъ всегда удачный сихъ мелкихъ, но иногда столь важныхъ подробностей, которыя, такъ сказать, оживотворяютъ рассказъ Историка, искусство поддерживать и пробуждать вниманіе красотою отдѣльныхъ картинъ безъ вреда для общей связи и дѣйствія цѣлаго, и другое еще замѣчательнѣйшее искусство описывать давно бывшія происшествія съ чувствомъ и жаромъ современника, не переставая судить о нихъ, означать ихъ причины и слѣдствія съ безпристрастіемъ и проницательностію Философа богатаго идеями нашего вѣка. Мы уже не говоримъ о достоинствѣ неподражаемаго, доселѣ единственнаго у насъ слога.

Повѣствованіе о бѣдствіяхъ царствованія Василія Шуйскаго и послѣдовавшаго за онымъ Междоцарствія прерывается въ 1611 году. Какъ намъ кажется, сіе не ослабляетъ и, можетъ быть, еще усиливаетъ впечатлѣніе, производимое описаніемъ тогдашняго ужаснаго состоянія Россіи.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XII.

ГЛАВА I.

ЦАРСТВОВАНИЕ ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА ШУЙСКАГО.

Родъ Василіевъ. Свойства новаго Царя. Клятва Василіева. Обнародованныя грамоты. Вѣнчаніе. Опазы. Неудовольствія. Препесеніе Димитріева тѣла. Новый Пашіархъ. Гордость Марины. Рѣчь Пословъ Ляповскихъ. Посольство къ Сигизмунду. Сношенія съ Европою и съ Азією. Мятежи въ Москвѣ. Бунтъ Шаховскаго. Второй Лжедимитрій. Болотниковъ. Успѣхи мятежниковъ. Прокопій Ляпуновъ. Препесеніе тѣла Борисова. Мятежники подъ Москвою. Победа Скопина-Шуйскаго. Лжепетръ. Осада Калуги. Годуновы въ Сибири. Распоряженія Василіевы. Призваніе Іова. Храбрость Болотникова. Победа Ромацова. Мужество Скопина. Бодрость Василія въ несчастіяхъ. Доблесть Воеводъ Царскихъ. Осада Тулы. Явленіе новаго Лжедимитрія. Взятіе Тулы. Бракъ Василіевъ. Законы. Успавъ воинскій.

Г. 1606 — 1608.

Василій Іоанновичъ Шуйскій, проис-
дя въ осьмомъ колѣнѣ отъ Димитрія
Суздальскаго, спорившаго съ Донскимъ о
Томъ XII.

Г.
1606.
Родъ
Васи-
ліевъ.

Г. 1606. Великомъ Княжествѣ, былъ внукомъ ненавистнаго Олигарха Андрея Шуйскаго, казненнаго во время Иоанновой юности, и сыномъ Болрина-Воеводы, убитаго Шведami въ 1573 году подъ стѣнами Лодѣ¹.

Свой-спва-пова-го Царя. Если всякаго Вѣнценосца избраннаго судятъ съ большою строгостію, нежели Вѣнценосца наслѣдственнаго; если опѣ перваго прѣбуютъ обыкновенно качествъ рѣдкихъ, чтобы повиноваться ему охотно, съ усердіемъ и безъ зависти: по какія достоинства, для царствованія мирнаго и непрекословнаго, надлежало имѣть новому Самодержцу Россіи, возведенному на тронъ болѣе сонмомъ клеврецовъ, нежели опеческвомъ единокрунымъ, въ слѣдствіе измѣнъ, злодѣйствъ, буйности и разврата? Василій, льстивый царедворецъ Иоанновъ, сперва явный непріятель, а послѣ безсовѣстный угодникъ и все еще тайный зложелатель Борисовъ, достигнувъ вѣнца успѣхомъ кова, могъ быть только вторымъ Годуновымъ: лицомъ, а не Героемъ добродѣтели, которая бываетъ главною силою и Властителей и народовъ въ опасностяхъ чрезвычайныхъ. Борисъ, воцаряясь, имѣлъ выгоду: Россія уже давно и счастливо ему повиновалась, еще не зная примѣровъ

въ крамольствѣ. Но Василій имѣлъ другую выгоду: не былъ святоубійцею; обогреннѣй единственно кровію ненавистною, и заслуживъ удивленіе Россіянъ дѣломъ блестящимъ, оказавъ въ низложеніи Самозванца и хипростъ и неустрашимость, всегда плѣнительную для народа. Чья судьба въ Исторіи равняется съ судьбою Шуйскаго? Кто съ мѣста казни выходилъ на тронъ, и знаки жестокой пытки прикрывалъ на себѣ хлаидою Царскою? Сіе воспоминаніе не вредило, но способствовало общему благорасположенію къ Василію: онъ страдалъ за отечество и Вѣру! Безъ сомнѣнія уступая Борису въ великихъ дарованіяхъ государственныхъ, Шуйскій славился однакожь разумомъ мужа Думнаго и свѣдѣніями книжными, столь удивительными для тогдашнихъ суевѣровъ, что его сгишали волхвомъ²; съ наружностію невыгодною (будучи роста малаго, полстѣ, песановитъ и лицомъ смуглѣ; имѣя взоръ суровый, глаза красноватые и подслѣпые, ротъ широкій), даже съ качествами вообще нелюбезными, съ холоднымъ сердцемъ и чрезмѣрною скупостію, умѣлъ, какъ Вельможа, снискать любовь гражданъ³, честною жизнію, ревностнымъ на-

Г. 1606.

Г. 1606. блюденіемъ старыхъ обычаевъ, доступно-спію, ласковымъ обхожденіемъ. Престоль явилъ для современниковъ слабость въ Шуйскомъ: зависимость отъ внушеній, склонность и къ легковѣрію, коего желаетъ зомысліе, и къ недоувѣрчивости, которая охлаждаетъ усердіе. Но престоль же явилъ для потомства и чрезвычайную твердость души Василиевой въ бореніи съ неодолимымъ рокомъ: вкусивъ всю горестъ Державства несчастнаго, уловленнаго властолюбіемъ, и свѣдавъ, что вѣнецъ бываетъ иногда не наградою, а казнію, Шуйскій палъ съ величіемъ въ развалинахъ Государства!

Онъ хотѣлъ добра отечеству, и безъ сомнѣнія искренно: еще болѣе хотѣлъ угождать Россіянамъ. Видѣвъ сполько злоупотребленій неограниченной Державной власти, Шуйскій думалъ устранишь ихъ и плѣнитъ Россію новостію важною. Въ часъ своего воцаренія, когда Вельможи, сановники и граждане клялись ему въ вѣрности, самъ нареченный Вѣцено-сець, къ общему изумленію, далъ присягу, дополъ неслыханную: 1) не казнишь смертію никого безъ суда Болрскаго, истиннаго, законнаго; 2) преступниковъ не лишаешь имѣнія, но оспавляешь его въ

Кля-
тва
Васи-
ліева.

наслѣдіе женамъ и дѣтямъ невиннымъ; Г. 1606.
3) въ извѣстахъ пребывашъ прямыхъ, явныхъ уликъ съ очей на очи, и наказывашъ клеветниковъ пѣмъ же, чему они подвергали винимыхъ ими несправедливо⁴. »Мы желаемъ« (говорилъ Василій), »чтобы православное Христіанство наслаждалось миромъ и пишиною подъ нашею Царскою хранительною властію« — и велѣвъ чипашъ грамоту, которая содержала въ себѣ означенный уставъ, цѣловалъ крестъ въ удостовѣреніе, что исполнишь его добросовѣстно. Симъ священнымъ обѣщомъ мыслилъ новый Царь избавить Россіяна отъ двухъ ужасныхъ золъ своего вѣка: отъ ложныхъ доносовъ и беззаконныхъ опалъ, соединенныхъ съ разореніемъ цѣлыхъ семействъ въ пользу алчной казны; мыслилъ, въ годину смутеній и бѣдствій, дать гражданамъ то благо, коего не знали ни дѣды, ни опцы наши до человеколюбиваго царствованія Екатерины Вшорой. Но вмѣсто признательности, многіе люди, знавшіе и незнавшіе, изъявили негодованіе, и напомнили Василію правило, уставленное Іоанномъ III, что не Государь народу, а шолько народъ Государю даетъ клятву⁵. Сии Россіяне были искренніе друзья отечества, не рабы и

Г. 1606. не льстецы низкіе: имѣя въ свѣжей памяти грозы тиранства, еще помнили и бурные дни Іоаннова младенчества, когда власть Царская въ пеленахъ дремала: боялись ея спѣшенія, вреднаго для Государства, какъ они думали, и предпочитали свободную милость закону. Царь не выслушалъ ихъ убѣжденій, дѣйствуя или по собственному изволенію или въ угодиныи нѣкошорымъ Боярамъ склоннымъ къ Аристократіи⁶, и чтобы блеснуть великодушіемъ, порожественно обѣщалъ забыть всякую личную вражду, всѣ досады, перепѣныя имъ въ Борисово время⁷: ему вѣрили, но не долго.

Оптимѣвъ новосіи, введенныя Лжедимитріемъ, и возстановивъ древнюю Государственную Думу, какъ она была до его времени, Василій спѣшилъ извѣстить всю Россію о своемъ воцареніи и не оставивъ въ умахъ ни малѣйшаго сомнѣнія о Самозванцѣ: послали всюду чиновниковъ знатныхъ приводить народъ къ крестному цѣлованію, съ обѣщаніемъ не дѣлать, не говорить и не мыслить ничего злаго противъ Царя, будущей супруги и дѣтей его; вѣли, какъ обыкновенно, при дни звонить въ колокола, опѣ Москвы до Астрахани и Чернигова, до Тары и Ко-

Обна-
родо-
ван-
ныя
грамо-
ты.

лы; — молился о здравіи Государя и Г. 1606. мирѣ отеческа. Чинали въ церквахъ грамоты опѣ Боярѣ, Царицы-Инокіи Марѣи и Василія (именованнаго въ сихъ бумагахъ *потомкомъ Кесаря Римскаго*). Описавъ дерзость, злодѣйства, собственное въ томъ признаніе и гибель Самозванца, Бояре величали родъ и заслугу Шуйскаго, спасителя Церкви и Государства. Марѣя свидѣтельствовала Богомъ, что ея сердце успокоено казнью обманщика; а Василій увѣрялъ Россіянъ въ своей любви и милости безпримѣрной. Обнародовали найденную во внутреннихъ комнатахъ дворца переписку Лжедимитрія съ Римскимъ Дворомъ и Духовенствомъ о введеніи у насъ Латинской Вѣры⁹, запись данную Воеводѣ Сендомирскому на Смоленскъ и Сѣверскую землю, также допросы Мнишка и Бучинскихъ, Яна и Спанислава: Мнишекъ винился въ заблужденіи, сказывая, что онъ и самъ уже не могъ считать мнимаго Димитрія истиннымъ, примѣшавъ въ немъ ненависть къ Россіи, и для того часто виадалъ въ болѣзнь опѣ горести. Бучинскіе объявляли, что Разсприга дѣйствительно хошѣлъ, съ помощію Ляховъ, умертвить, 18 Мал, на лугу Срышенскомъ,

Г. двадцать главных Бояръ и всѣхъ лучшихъ Москвитинъ; что Пану Раѣомскому надлежало убить Князя Мстиславскаго, Тарлу и Спадницкимъ Шуйскихъ; что Ляхи должны были занять всѣ мѣста въ Думѣ, править войскомъ и Государствомъ: свидѣтельство едва ли достойное уваженія, и если не вымышленное, то вынужденное страхомъ изъ двухъ малодушныхъ слугъ, которые, желая спасти себя отъ мести Россіянъ, не боялись клеветать на пепелъ своего милоспивца, развѣянный въпромя! Современники вѣрили; но трудно убѣдить потомство, чтобы Лжедимитрій, хотя и неразсудительный, могъ дерзнуть на дѣло ужасное и безумное: ибо легко было предвидѣть, что Болре и Москвитяне не дали бы рѣзать себя какъ агнцевъ, и что кровопролитіе заключилось бы гибелію Ляховъ вмѣстѣ съ ихъ Главою.

Вънчаніе. Іюня 1 совершилось Царское вънчаніе, въ храмѣ Успенія, съ наблюденіемъ всѣхъ торжественныхъ обрядовъ, но безъ всякой распочительной пышности: корону Мономахову возложилъ на Василія Мишрополишъ Новгородскій¹⁰. Сивклишъ и народъ славили Вънценосца съ усердіемъ; госпи и купцы оплчились щедростію

въ дарахъ, ему поднесенныхъ. Являлось Г. однакожъ какое-то уныніе въ столицѣ¹¹. 1606. Не было ни милостей¹², ни пировъ; были опалы. Смѣнили Дворецкаго, Князя Рубца-Ола-Мосальскаго, одного изъ первыхъ кляшво-ль-преступниковъ Борисова времени¹³, и велѣли ему ѣхать Воеводою въ Корелу или Кексгольмъ; Михайлу Нагому запретили именоваться Конюшимъ, желая ли навѣки уничтожить сей знаменитый санъ, чрезмѣрно возвышенный Годуновымъ, или единственно въ знакъ неблаговоленія къ злопамятному спрадальцу Василюева криводушія въ дѣлѣ о Димитріевомъ убіеніи¹⁴; Великаго Секретаря и Подскарбія, Аѳанасія Власьева, сослали на Воеводство въ Уфу¹⁵, какъ ненавистнаго приверженика Разстригина; двухъ важныхъ Бояръ, Михайла Салтыкова и Бѣльскаго, удалили, давъ первому начальство въ Иванъ-городѣ, второму въ Казани¹⁶; многихъ иныхъ сановниковъ и Дворинъ, не угодныхъ Царю, также выслали на службу въ дальніе города; у многихъ взяли помѣстья. Василій, говоритъ Лѣтописецъ¹⁷, нарушилъ обѣщъ свой не мститъ никому лично, безъ вины и суда. Оказалось не-Не-удовольствіе; слышали ропотъ. Василій, удо-во-какъ опытный наблюдатель прирдапни-ствія

1606. Г. дѣянія гнуснаго ширанства, не хопѣлъ ужасомъ произвеси безмолвія, которое бываетъ знакомъ ипайной, всегда опасной ненависти къ жестокимъ Властителямъ; хопѣлъ равнялся въ государственной мудрости съ Борисомъ и превзойти Лжедимирія въ свободолубіи, опличать слово опъ умысла, искалъ въ нескромной искренности только указаній для Правительсва и грозилъ мечемъ закона единственно крамольникамъ. Слѣдствіемъ была удивительная вольность въ сужденіяхъ о Царѣ, особенная величавость въ Боярахъ¹⁸, особенная смѣлость во всѣхъ людяхъ чиновныхъ; казалось, что они имѣли уже не Государя самовластнаго, а полу-Царя. Никто не дерзнулъ спорить о коронѣ съ Шуйскимъ, но многіе дерзали ему завидовать и порочили его избраніе, какъ незаконное. Самые усердные клеветы Василія изъясляли негодованіе: ибо онъ, доказывая свою умѣренность, безпристрастіе и желаніе царствовать не для клеветовъ, а для блага Россіи, не далъ имъ никакихъ наградъ блестящихъ въ удовлетвореніе ихъ суеисности и корыстолубіи. Замѣтили еще необыкновенное своевольство въ народѣ¹⁹ и шапосъ въ умахъ: ибо частыя перемѣны

государственной власти раждають недо- Г.
вѣріе къ ея пвердостн и любовь къ не- 1606
ремѣнамъ: Россія же въ теченіе года²⁰ имѣ-
ла четвертаго Самодержца, праздновала
два цареубійства и не видала нужного
общаго согласія на послѣднее избраніе.
Спаросль Василія, уже почти шестидесятилѣтняго²¹, его одиночество, неизвѣстность наслѣдія, также производи-
ли уныніе и безпокойство. Однимъ сло-
вомъ, самые первые дни новаго царствованія,
всегда благопріятнѣйшіе для ревности
народной, болѣе омрачили, нежели
утѣшили сердца истинныхъ друзей отече-
ства.

Между тѣмъ, какъ бы еще не полагаясь на удостовѣреніе Россіяны въ самозванствѣ Разстриги, Василій дерзнулъ явленіемъ порожесипвеннымъ напомнить о своихъ лжесвидѣтельстввахъ, которыми онъ, въ угодноспѣ Борису, заимилъ обстоятельспва Димитріевой гибели: Царь велѣлъ Свяшителиамъ, Филарету Ростовскому и Ѳеодосію Аспраханскому, съ Боярами Княземъ Ворошинымъ, Петромъ Шереметевымъ, Андреемъ и Григоріемъ Нагими, перевезши въ Москву шло Димитріа изъ Углича, гдѣ оно, въ господспвованіе Самозванца, лежало уеди-

Г. 1606. ненно въ опальной могилѣ, никѣмъ непо-
сѣщаемой²²: Іереи не смѣли служить па-
нихидъ надъ нею; граждане боялись при-
близиться къ сему мѣсту, которое без-
молвно уличало мнимаго Димитрія въ
обманѣ. Но паденіе обманщика возвра-
тило честь гробу Царевича: жители устре-
мились къ нему толпами; *пѣли молебны,*
лили слезы умиленія и покаянія, лучше
другихъ Россіянъ зная истину и молча въ
прошивъ совѣсти. Когда Священники и
Бояре Московскіе, прибывъ въ Угличъ,
объявили волю Государеву, народъ долго
не соглашался выдать имъ драгоценныя
остатки юнаго мученика, взывая²³: «Мы
его любили и за него страдали! Лишен-
ные живаго, лишимся ли и мертваго?»
Когда же, вынувъ изъ земли гробъ и снявъ
его крышку, увидѣли тѣло, въ пятнад-
цать лѣтъ едва поврежденное сыростию
земли²⁴: плоть на лицѣ и волосы на го-
ловѣ цѣлыя, равно какъ и жемчужное оже-
релье, шипый плащъ въ лѣвой рукѣ,
одежду также шипую серебромъ и золо-
томъ, сапожки, горсть орѣховъ, найден-
ныхъ у закланнаго младенца въ правой
рукѣ и съ нимъ положенныхъ въ могилу:
тогда, въ единодушномъ восторгѣ жи-
тели и пришельцы начали славить сіе зна-

меніе святости — и за чудомъ слѣдо-
вали новыя чудеса, по свидѣтельству со-
временниковъ: недужные, съ вѣрою и лю-
бовію касаясь мощей, исцѣлялись. Изъ
Углича несли раку, перемѣнялся, люди
знавшіе, воины, граждане и земледѣль-
цы: Василій, Царица-Инокія Марѳа, Ду-
ховенство, Синклитъ, народъ встрѣтили
ее за городомъ; открыли мощи, ливили Ю-
ныхъ неплѣніе, чтобы *утѣшить супругу-ца-
рицу и сомкнуть уста невѣрными*²⁵. Ва-
силій взялъ святое бремя на рамена свои
и неслъ до церкви Михаила Архангела,
какъ бы желая симъ усердіемъ и смире-
ніемъ очистить себя передъ тѣмъ, кого
онъ споль безстыдно оклеветалъ въ са-
моубійствѣ! Тамъ, среди храма, Инокія
Марѳа, обливаясь слезами, молила Царя,
Духовенство, всѣхъ Россіянъ простить
ей грѣхъ согласія съ Лжедимитріемъ для
ихъ обмана — и Священники, исполняя
волю Царя, разрѣшили ее шоржественно,
*изъ уваженія къ ея супругу и сыну*²⁶. На-
родъ исполнился умиленія, и еще болѣе,
когда церковь огласилась радостными кли-
ками многихъ людей, вдругъ излеченныхъ
отъ болѣзней дѣйствіемъ вѣры къ мо-
щамъ Димитріевымъ, какъ пишутъ оче-
видцы. Хотѣли предать землѣ сіи свя-

Г.
1606.

Г. 1606. тые ошати и раскопали засыпанную могилу Годунова, чтобы поспавить въ ней гробъ его жертвы, въ придѣлѣ, гдѣ лежатъ Царь Іоаннъ и два сына его; но благодарность исцѣленныхъ и надежда болящихъ убѣдили Василія не скрывать *источника благодати*: вложили шѣло въ деревянную раку, обитую золотымъ апласомъ, оспавили ее на помостѣ и велѣли пѣть молебны новому Угоднику Божію, вѣчно праздновать его память и вѣчно класъ Лжедимитріеву²⁷.

Но-
вый
Па-
три-
архъ.
Еще Церковь не имѣла Папріарха: въ самый первый день Василіева царствования свели Игнатія съ престола, безъ суда Духовнаго, единственно по указу Государеву, — одѣли въ черную рясу и заперли въ келліяхъ Чудова монастыря; Іовъ же, въ печали, въ слезахъ лишахъ зрѣнія, не хотѣлъ возвратиться въ Москву²⁸, гдѣ находились тогда всѣ Святители Россійскіе, кромѣ Митрополита Ермогена, удаленнаго Лжедимитріемъ²⁹, и шѣмъ возвышеннаго во мнѣніи народа. Среди жалостныхъ примѣровъ слабости, оказанной несчастнымъ Іовомъ и всѣмъ Духовенствомъ, Ермогенъ, не обольщенный милостию Самозванца, не утраченный опалою за ревность къ Православію, казался

Г. 1606. Героемъ Церкви, и былъ единодушно, единогласно нареченъ Папріархомъ, — неперпѣливо ожидаемъ и немедленно посвященъ, какъ скоро прибылъ изъ Казани въ столицу, соборомъ нашихъ Епископовъ. Царь, съ любовью вручал Ермогену жезлъ Св. Пепра Митрополита, и Ермогенъ, съ любовью благословляя Царя, заключили искренній, вѣрный союзъ Церкви съ Государствомъ, но не для ихъ мира и счастья!

Утвердивъ себя на престолѣ великодушнымъ обыкомъ блюсти законъ, всенароднымъ оправданіемъ казни Разстригиной, своимъ Царскимъ вѣнчаніемъ, торжествомъ Димитріевой святости, избраніемъ Папріарха ревностнаго и мужественнаго духомъ, — поставивъ войско на берегахъ Оки и въ Украинѣ, велѣвъ надежнымъ чиновникамъ осмошрѣть его³⁰ и Воеводамъ ждать Царскаго Указа, чтобы ишши для усмиренія враговъ, гдѣ они явятся — Василій немедленно занялся дѣлами вѣшними. Важнѣйшимъ дѣломъ было рѣшить миръ или войну съ Литвою, не уронить достоинства Россіи, но безъ крайности не начинать кровопролитія въ смутныхъ обстоятельствахъ Государства, коего внутреннее устройство,

Г. послѣ измѣнѣ и буншовѣ, требовало вре-
 1606 мени и пишины. Еще шло Самозванца
 лежало на лобномъ мѣстѣ, когда Духо-
 венство наше отправило гонца въ Кіевъ,
 къ шамошнему Воеводѣ, Князю Острож-
 скому, съ извѣстительною грамотою о
 всемъ, что случилось въ Москвѣ, и съ
 увѣреніемъ въ миролюбіи Россійскаго Пра-
 вительства, не взирая на всѣ козни Ли-
 шовскаго. Въ семъ смыслѣ дѣйствовалъ
 и новый Вѣнценосецъ: хранилъ Поляковъ
 отъ злобы народа, велѣлъ давать имъ
 все нужное въ изобиліи, и съ честью
 отвезши Марину къ отцу, которъй,
 обманывая себя и другихъ, еще имено-
 вавъ ее Царицею, и въ видѣ слуги усерд-
 наго благоговѣлъ предъ дочерью³¹. Мари-
 на изъясляла болѣе высокомерію, нежели
 Гор- досць, и говорила своимъ ближнимъ:
 Ма- скорби, и говорила своимъ ближнимъ:
 рины. »Избавьте меня отъ вашихъ безвремен-
 ныхъ утѣшеній и слезъ малодушныхъ!
 У нее взяли сокровища, одежды богатыи,
 данныя ей мужемъ: она не жаловалась отъ
 гордоспи. Взяли и все имѣніе Воеводы
 Сендомирскаго: 10,000 рублей деньгами,
 кареты, лошадей, приборы конскіе, вина,
 всего на 250,000 нынѣшнихъ рублей се-
 ребряныхъ³², сказавъ ему: »возвратимъ
 тебѣ, что найдется твоимъ собствен-

ными; удержимъ достояніе казны Цар- г.
 1606 ской.» Въ свиданіи съ Болрами Мнишекъ
 не скрывалъ глубокой своей печали, ни
 раскаянія, вѣролпно искренняго, бывъ
 знаменитѣйшимъ Вельможею въ опече-
 ствѣ и видя себя невольникомъ въ стра-
 нѣ чуждой, гдѣ народная мѣсть, имъ за-
 служенная, угрожала ему гибелію или
 узами, послѣ его сновидѣнія о Держав-
 номъ величіи. Болре обѣщали Мнишку не
 только безопасность, но и свободу, если
 Король удостовѣритъ Василія въ испин-
 номъ расположеніи къ миру³³.

Они имѣли нѣсколько свиданій и съ
 Послами Липовскими. Первое было 27 Мая,
 во дворцѣ, гдѣ сѣи Паны замѣтили рази-
 тельную перемѣну: исчезла пышность
 Лжедимитріева времени; скрылись блестя-
 щіе золотомъ шѣлохранители и Стрѣль-
 цы; самые знашныя чиновники, угождая
 вкусу Василіеву къ бережливости, не
 оплечались богатствомъ плашья. Вмѣ-
 сто роскоши и веселія, являлись вездѣ
 простота, угрюмая важность, безмоль-
 ная печаль³⁴. »Намъ казалось« — пишушъ
 Ляхи очевидцы — »что Дворъ Москов-
 скій готовился къ погребенію.« Князья
 Мспиславскій, Дмитрій Шуйскій, Тру-
 бецкій, Голицыны, Ташищевъ, приняли

г. Олесницкаго и Гостѣвскаго въ той же па-
1696. латѣ, въ коей они бесѣдовали съ ними
именемъ Лжедимитрія, называя его тогда
непобѣдимымъ Цесаремъ, а въ сіе время
гнуснымъ исчадіемъ ада! Мстиславскій
произнесъ сильную рѣчь о злодѣйскомъ
убіеніи истиннаго сына Іоаннова поволѣ
Годунова, о немѣломъ самозванствѣ Раз-
сприги, о козняхъ Сигизмундовыхъ, же-
лая доказать, что бродяга безъ вспомо-
женія Лаховъ никогда не овладѣлъ бы
Московскимъ престоломъ; что сей бро-
дыга достойно казненъ Россіею, а не мно-
гіе Ляхи, въ часъ мятежа убиши чернію
за ихъ наглость, безъ вѣдома Бояръ и
Дворянства. «Однимъ словомъ» — заклю-
чилъ Мстиславскій — «кто виною зла и
«всѣхъ бѣдствій? Король и вы, Паны, на-
«рушивъ святость мирнаго договора и
«крестнаго цѣлованія.»

Олесницкій и Гостѣвскій тихо совѣ-
товались другъ съ другомъ и дали оп-
вѣсть не менѣе сильный, изъясняясь смѣ-
ло, и если не во всемъ искренно, то по
крайней мѣрѣ умно и благородно. «Мы
«слышали о бѣдственной кончинѣ Дими-
«трія» — говорили Паны — «и жалѣли объ
«ней какъ Христіане, гнушаясь убійцею.
«Но явился человекъ подѣ именемъ сего

Рѣчь
По-
словъ
Ал-
шов-
скихъ.

г. «Царевича, свидѣтельствуюсь разными
1696. «примѣтами въ истинѣ своего увѣренія,
«и сказывая, какъ онъ спасенъ Небомъ
«отъ убійцы, — какъ Борисъ тайно умер-
«шилъ Царя Θεодора, испребилъ зна-
«чѣйшіе роды Дворянскіе, пѣснилъ, гналъ
«всѣхъ людей именипыхъ. Не то ли са-
«мое говорили намъ о Борисѣ и нѣкто-
«рые изъ васъ, мужей Думныхъ? И чипая
«Испорію, не находимъ ли въ ней при-
«мѣровъ, что мнимо-усопшіе являющіяся
«иногда живы въ казнѣ злодѣйству? Но
«мы еще не вѣрили бродягъ: повѣрилъ
«ему только добросердечный Воевода Сен-
«домірскій, и не ему одному, но многимъ
«Россіянамъ, признавшимъ въ немъ Ди-
«митрія³⁵: они клялися, что Россія ждесть
«его; что города и войско сдадутся Іоан-
«нову наслѣднику. Дѣйствуя самовольно,
«Мнишекъ хотѣлъ бытъ свидѣтелемъ
«поржества Димитріева — и былъ; но,
«повинуясь указу Королевскому, возвра-
«тился, чтобы не нарушить мира, за-
«ключеннаго нами съ Годуновымъ. Дими-
«трій, какъ онъ называлъ себя, осмалелъ
«въ землѣ Сѣверской единственно съ Рос-
«сіянами, Донскими и Запорожскими Ко-
«заками: чтожь сдѣлали Россіяне? пали
«къ ногамъ его: воеводы и войско. Что

Г. 1606. »сдѣлали и вы, Бояре? выѣхали къ нему
»на встрѣчу съ Царскою ушварію; вопи-
»ли, что принимаете Государя любимаго
»опѣ Бога, и киѣли гнѣвомъ, когда Ля-
»хи смѣли утверждать, что они дали
»Царство Димитрію. Мы, Послы, соб-
»спвенными глазами видѣли, какъ вы
»предъ нимъ благоговѣли. Здѣсь, въ сей
»сей самой палатѣ, разсуждая съ нами о
»дѣлахъ государспвенныхъ, вы не изъ-
»являли ни малѣйшаго сомнѣнія о родѣ
»его и санѣ. Однимъ словомъ, не мы По-
»ляки, но вы Русскіе признали своего же
»Русскаго бродягу Димитріемъ, встрѣ-
»пили съ хлѣбомъ и солью на границѣ,
»привели въ столицу, короновали и....
»убили; вы начали, вы и кончили. Для
»чего же вините другихъ? Не лучше ли
»молчать и каяться въ грѣхахъ, за ко-
»торые Богъ наказалъ васъ такимъ ослѣ-
»пленіемъ? Не говоримъ о клятвѣ преступ-
»пленіи и цареубійствѣ; не осуждаемъ ва-
»шего дѣла, и не имѣемъ причины жа-
»лѣться о семъ человѣкѣ, который въ ва-
»шихъ глазахъ оскорблялъ насъ, величал-
»ся, безумно требовалъ неслыханныхъ
»пишуповъ и едва ли могъ бытъ надеж-
»нымъ другомъ нашего опечества; но ди-
»вимся, что вы, Бояре, какъ люди изъ

Г. 1606. »вѣспно умные, позволяете себѣ суесло-
»вие, желая оправдать душегубство:
»безчеловѣчное избіеніе нашихъ брашнѣвъ....
»Они не воевали съ вами, не помогали ва-
»шему Лжедимитрію, не хранили его: ибо
»онъ ввѣрилъ жизнь свою не имъ, а вамъ
»единспвенно! Слагаете вину на чернь:
»повѣримъ тому, если можно; повѣримъ,
»если вы не вредимо опшпустили съ нами
»Воеводу Сендомирскаго, дочь его и всѣхъ
»Ляховъ къ Королю, дабы мы своимъ ми-
»ролюбивымъ ходапайспвомъ обезоружи-
»ли мѣсть гоповую. Но доколѣ, вопреки
»Народному Праву, уважаемому и варвара-
»ми, будете держать насъ, какъ бы плѣн-
»никовъ, дополѣ въ глазахъ Короля, Рес-
»публики и всей Европы не чернь Мо-
»сковская, а вы съ вашимъ новымъ Ца-
»ремъ останетесь виновниками сего кро-
»вопролитія, и не въ безопасности. Раз-
»судите!»

Бояре слушали съ великимъ внима-
ніемъ и долго сидѣли въ молчаніи, смо-
три другъ на друга; наконецъ отвѣсп-
ствовали Панамъ: »Вы были Послами у
»Самозванца, а теперъ уже не Послы: слѣд-
»спвенно не должно говорить вамъ такъ
»вольнo и смѣло³⁶; но разспались съ ни-
ми ласково; видѣлись снова, и сказали имъ,

Г. 1606. что Василій милосиво приказалъ осво-
бодить всѣхъ нечиновныхъ Ляховъ, и вы-
везти за границу; но что Послы, Воево-
да Сендомірскій и другіе знатные Паны
должны ждаць въ Россіи рѣшенія судьбы
своей опъ Сигизмунда, къ коему ѣдепъ
Царскій чиновникъ для важныхъ объясне-
ній и переговоровъ. По-
солъ
спѣ-
шнѣ
къ
Св.-
вѣ
Краковъ.
Олесницкій
и
Госѣвскій
оста-
лись
въ
Москвѣ
подъ
спражею;
Мнишка
13
Ію-
ня. Дворянинъ Князь Гри-
горій Волконскій немедленно былъ посланъ
къ Св.-вѣ Краковъ. Олесницкій и Госѣвскій оста-
лись въ Москвѣ подъ спражею; Мнишка
13 Ію-сѣ дочерью вывезли въ Ярославъ, Вишне-
вецкаго въ Коспному, поварищей ихъ въ
Ростовъ и Тверь³⁷. Они имѣли дозволеніе
писать къ Королю, и писали миролюби-
во, желалъ какъ можно скорѣе избавишься
опъ неволи, чѣобы говорить и дѣйстви-
вать иначе.

Ужѣ слухъ о гибели Самозванца и мно-
гихъ Ляховъ въ Москвѣ встревожилъ всю
Польшу: въ городахъ и въ мѣстечкахъ
Липовскихъ оспанавливали Князя Вол-
конскаго и Дѣяка его, безчестили, руга-
ли, называли убійцами, злодѣями³⁸; ме-
шали въ ихъ людей камнями и грязью;
а Королевскіе чиновники опвѣчали имъ
на жалобы, что никакая власть не мо-
жетъ унять народнаго негодованія. Бывъ
чепыре мѣсяца въ дорогѣ, Волконскій

пріѣхалъ въ Краковъ, гдѣ Сигизмундъ Г. 1606.
вспрышилъ его съ лицомъ угрюмымъ, не
звалъ къ обѣду, не удостоилъ ни одного
ласковаго слова, и скрывъ печаль свою о
судьбѣ Лжедимитрія, опъ коего Польша
ждала сполько выгоды, слушалъ холодно
извѣщеніе о новомъ Самодержцѣ въ Рос-
сіи. Въ переговорахъ съ Коронными Па-
нами, Волконскій доказывалъ тоже, что
наши Бояре доказывали въ Москвѣ По-
сламъ Сигизмундовымъ; а Паны опвѣш-
спвовали ему тоже, что Послы Боярамъ.
Мы говорили Ляхамъ: »Вы дали намъ Лже-
димитрія!« Ляхи возражали: »Вы взяли
его съ благодарностію!« Но съ обѣихъ
сторонъ умѣряли колкость выражений,
оставляя слово на мирѣ. Волконскій пре-
бывалъ удовольствіемъ за бѣдствіе, пре-
шертѣнное Россіею опъ Самозванца: за
гибель многихъ людей и расхищеніе на-
шей казны; Король же пребывалъ осво-
божденія своихъ Пословъ и плашежа за
шовары, взятые Лжедимитріемъ у куп-
цевъ Липовскихъ и Галицкихъ, или раз-
грабленные чернію Московскою въ день
машежа. Не могли согласиться, однакожь
не грозили войною другъ другу. »Шве-
ція« — сказалъ Волконскій — »уступаетъ
Царю знатную часть Ливоніи, желая

Г. 1606. него вспоможенія; но онъ не хочеть на-
рушить прежняго мирнаго договора. Па-
ны увѣрили, что они также не нару-
шатъ сего договора, если мы будемъ со-
блюдать его. Ничего не рѣшили и ни
въ чемъ не условились. Сигизмундъ не
взялъ даровъ отъ Волконскаго, и хотѣлъ
писать съ нимъ къ Василию; но Волкон-
скій отвѣчалъ: «я не гонецъ.» Король ве-
лѣлъ ему ѣхать къ Царю съ поклономъ,
сказавъ, что пришлетъ въ Москву соб-
ственнаго чиновника; но медлилъ, уже
зная о новыхъ мятежахъ Россіи и гото-
вясь воспользоваться ими, какъ сосѣдъ
дѣятельный въ ненависти къ ея величію.

Еще Василій имѣлъ время возобновить
дружественныя сношенія съ Императо-
ромъ, съ Королями Англійскимъ и Дан-
ско-ропо-скимъ³⁹. Гонецъ Рудольфовъ и Посланникъ
и съ Шведскій находились въ Москвѣ. Непри-
Азіею. миримый врагъ врага нашего, Сигизмунда,
Карль IX ревностно искалъ союза Россіи,
и Василій дѣйствительно не спѣшилъ
заключить его, въ надеждѣ обойтись безъ
войны съ Сигизмундомъ. Ханъ Казы-Гирей
увѣрялъ Царя въ бранствѣ, Ногайскій
Князь Иштерекъ въ повиновеніи⁴⁰. Вое-
вода Князь Ромодановскій отправился къ
Шаху Аббасу для важныхъ переговоровъ

Г. 1606. о Турціи и Хрисіанскихъ земляхъ Вос-
шока. Еще Дворъ Московскій занимался
дѣлами Европы и Азіи, полипикого Ав-
стріи и Персіи; но скоро опасности бли-
жайшія, внутреннія, многочисленныя и
грозныя скрыли отъ насъ вѣщиость, и
Россія, перзая свои пѣдра, забыла Европу
и Азію!... Сіи новыя бѣдствія начались
такимъ образомъ:

Въ первые дни Іюня, ночью, тайные Мл-
зодѣи, всегда готовые подвижники въ тежн
въ бурныя времена гражданскихъ обществъ — Мо-
желая ли только беззаконной корысти,
или чего важнѣйшаго, бунта, убійствъ,
испроверженія верховной власти — напи-
сали мѣломъ на воротахъ у богатѣйшихъ
иноземцевъ и у нѣкоторыхъ Болръ и Дво-
рянъ, что Царь предастъ ихъ дома рас-
хищенію за измену⁴¹. Упрямъ скопилось
мнѣшество людей, и грабители
присупили къ дѣлу; но воинскія дружи-
ны успѣли разогнать ихъ безъ кровопро-
литія.

Чрезъ нѣсколько дней новое смятеніе.
Увѣрили народъ, что Царь желаетъ го-
ворить съ нимъ на лобномъ мѣстѣ. Вся
Москва пришла въ движеніе, и Красная
Площадь наполнилась любопытными, оп-
части и зломысленными, которые лука-

Г. 1606. вами внушеніями подспрекали чернь къ мятежу. Царь шелъ въ церковь; услышалъ необыкновенный шумъ внѣ Кремля, свѣдалъ о созваніи народа, и велѣлъ немедленно узнать виновниковъ такого беззаконія; остановился и ждалъ донесенія, не прогаясь съ мѣста.

Бояре, Царедворцы, сановники окружали его: Василій безъ робости и гнѣва началъ укорять ихъ въ непостоянствѣ и въ легкомысліи, говоря: «Вижу вашъ умыселъ; но для чего лукавствовать, ежели я вамъ не угоденъ? Кого вы избрали, того можете и свергнуть. Будете спокойны: пропавшись не буду»⁴². Слезы текли изъ глазъ сего несчастнаго властолюбца. Онъ кинулъ жезлъ Царскій, снялъ вѣнецъ съ головы и примолвилъ: «Ищите же другаго Царя!» — Всѣ молчали отъ изумленія. Шуйскій надѣлъ снова вѣнецъ, поднялъ жезлъ и сказалъ: «Если я Царь, то мятежники да препещутъ! Чего хопяшъ они? смерти всѣхъ невинныхъ иноземцевъ, всѣхъ лучшихъ, знаменитѣйшихъ Россіянъ, и моей; по крайней мѣрѣ насилія и грабежа. Но вы знали меня, избирая въ Цари: имѣю власть и волю казнить злодѣевъ.» Всѣ единогласно оповѣстывали: «Ты нашъ Госу-

дарь законный! Мы тебѣ присягали и не измѣнимъ! Гибель крамольникамъ!» — 1606. Объявили указъ гражданамъ мирно разошедшимся, и никто не ослушался; схватили пясть человекъ въ толпахъ, какъ возмущенцевъ народа, и выскли кнутомъ. Доискивались и тайныхъ, знатнѣйшихъ крамольниковъ; подозрѣвали Нагихъ: думали, что они волнуютъ Москву, желая свести Шуйскаго съ престола, собрать Великую Думу Земскую и вручить державу своему ближнему, Князю Мстиславскому. Исследовали дѣло, честно и добросовѣстно; выслушали оповѣщанія, свидѣтельства, оправданія, и торжественно признали невинность скромнаго Мстиславскаго; не тронули и Нагихъ; сослали одного Боярина Петра Шереметева, Воеводу Псковскаго, также ихъ родственника, дѣйствительно уличеннаго въ козняхъ. Шуйскій въ семъ случаѣ оказалъ твердость, и не нарушилъ данной имъ клятвы судить законно. Ему готовились искушенія важнѣйшія!

Столица утихла до времени; но знающая часть Государства уже пылала бунтомъ!... Тамъ, гдѣ явился первый Лжедмитрій, явился и впорый, какъ бы въ посмѣяніе Россіи, снова пребуя легковѣ-

Г. 1606. рія или безстыдства, и находя его въ ослѣпленіи или въ развратѣ людей, опть черни до Вельможнаго сана.

Казалось, что Самозванецъ, всѣми оспа-
вленный въ часъ бѣдспвія, не имѣлъ ни
друзей, ни приверженниковъ, кромѣ Бас-
манова. Тѣ, коихъ онъ любилъ съ довѣ-
ренностію, осыпалъ милостіями и награ-
дами, громогласнѣ другихъ кляли память
его, желая неблагодарностію спасти се-
бя — и спаслися: сохранили всю добычу
измѣны, санъ и богатство. Нѣкоторые
изъ нихъ умѣли даже снискавъ довѣрен-
ность Василиеву: такъ Князь Григорій
Пепровичъ Шаховскій, извѣстный люби-
мецъ Разспригинъ, былъ посланъ Воево-
дою въ Пушिवль, на смѣну Князю Бахмѣя-
рову, честному, но, можетъ быть, не
весьма распоропному и смѣлому⁴³. Пра-
вительство знало важность сего назна-
ченія: нигдѣ граждане и чернь не оказы-
вали столько усердія къ Самозванцу и
не могли столько бояться новаго Царя,
какъ въ землѣ Сѣверской, гдѣ оставалось
еще не мало бродягъ, бѣглыхъ разбойни-
ковъ, злодѣевъ, сподвижниковъ Ошрепье-
ва⁴⁴, и куда многіе изъ нихъ, послѣ его
гибели, спѣшили возвратиться. Шахов-
скій безъ сомнѣнія говорилъ Василию по-

же, что Басмановъ несчастному Θεодо-
ру⁴⁵, — и сдѣлалъ поже. Рожденный въ Г. 1606.
свое время, въ вѣкъ мятежей и беззакон-
ній, со всѣми качествами, нужными для
первенства въ оныхъ, Шаховскій пылалъ
ненавистію къ виновникамъ Лжедими-
тріевой гибели; зналъ расположеніе наро-
да Сѣверскаго и неудовольствіе многихъ
Россіянъ, которые имѣли право учаспво-
вать и не учаспвовали въ избраніи Вѣн-
ценосца; зналъ волненіе умовъ и въ Мо-
сквѣ и въ цѣломъ Государствѣ, смящен-
номъ бунтами и еще не совсѣмъ успо-
коенномъ властію закона; считалъ Дер-
жавство Василия непердымъ, обсто-
пельства благопріятными, и, прельщаясь
блескомъ великой опзаги, рѣшился на
злостство, удивительное и для сего вре-
мени: созвалъ гражданъ въ Пушивль, и
сказалъ имъ торжественно, что Москов-
скіе измѣнники, вмѣсто Димитрія, умер-
твили какого-то Пѣмца; что Димитрій,
испавный сынъ Іоанновъ, живъ, но скры-
вается до времени, ожидая помощи сво-
ихъ друзей Сѣверскихъ; что злобный Ва-
сильй тошовитъ жителямъ Пушивля и
всей Украины, за оказанное имъ усердіе
къ Димитрію, жребій Новгородцевъ,
исперзанныхъ Іоанномъ Грознымъ⁴⁶; что

Бунтъ
Ша-
хов-
скаго.

Г. не только за испиннаго Царя, но и для
1606. собственнаго спасенія они должны воз-
сшати на Шуйскаго. Народъ не усомнил-
ся, и возспалъ. Казалось, что всѣ города
южной Россіи ждали только примѣра:
Моравскъ, Черниговъ, Спародубъ, Новго-
родъ-Сѣверскій немедленно, а скоро и Бѣл-
городъ, Борисовъ, Осколъ, Трубчевскъ,
Кромъ, Ливны, Елецъ, опложились опъ
Москвы. Граждане, Спрѣльцы, Козаки,
люди Боярскіе, крестыяне полпами спе-
кались подъ знамя бунта, выставленное
Шаховскимъ и другимъ, еще знашнѣй-
шимъ сановникомъ, Черниговскимъ Вое-
водою, мужемъ Думнымъ, вѣкогда вѣр-
нымъ закону: Княземъ Андреемъ Теляшев-
скимъ. Сей человекъ удивительный, не
хотѣвъ вмѣстѣ съ цѣлымъ войскомъ пре-
даться живому, шоржествующему Само-
званцу, съ шайками крамольниковъ пре-
дался его шѣни, имени безъ существа,
ослѣпленный заблужденіемъ или непріяз-
нію къ Шуйскимъ: такъ люди, кромѣ
испинно великодушныхъ, измѣняются
въ государственныхъ смятеніяхъ! Еще
не видали никакого Димитрія, ни лица,
ни меча его, и все пымало къ нему усер-
діемъ, какъ въ Борисово и Феодорово вре-
мя! Сіе роковое имя съ чудною легкостію

побѣждало власть законную, уже не обо- Г.
льщала милосердіемъ, какъ прежде¹⁷, но 1606.
устрашая муками и смертію. Кто не
вѣрилъ грубому, безстыдному обману, —
кто не хотѣлъ измѣнить Василю и дер-
залъ пропивинься мяшежу: пѣхъ уби-
вали, вѣшали, кидали съ башенъ, распи-
нали! Такъ, еще ко славу опечества, по-
гибли Воеводы, Болринъ Князь Буйнотовъ
въ Бѣлгородъ, Бушурлинъ въ Осколъ,
Плещеевъ въ Ливнахъ, двое Воейковыхъ,
Пушкинъ, Князь Щербатый, Барпeneвъ,
Мальцовъ; другихъ ввергали въ темницы.
Злодѣйствомъ доказывалась любовь къ
Царю; вѣрность называли измѣною, бо-
гашество преспулненіемъ: холопи грабили
имѣніе господъ своихъ, безчестили ихъ
женъ, женились на дочеряхъ Боярскихъ.
Плавая въ крови, упоая въ мерзостяхъ
насилія, перпѣливо ждали Димитрія, и
едва спрашивали: гдѣ онъ? Увѣряя въ не-
обходимости молчанія до нѣкошораго вре-
мени, Шаховскій давалъ однакожь разу-
мѣшь, что солнце взойдетъ для Россіи —
изъ Сендомира!

Могъ ли одинъ человекъ предпріять
и совершить такое дѣло, равно ужасное
и нелѣпое, безъ условія съ другими, безъ
пригошования и заговора? Шаховскій

Г. 1606. имѣлъ клеветовъ въ Москвѣ, гдѣ скоро по
убіеніи Лжедимитрія распустили слухъ,
что онъ живъ, за нѣсколько часовъ до
мяшежа, ночью, ускакавъ верхомъ съ дву-
мя царедворцами, неизвѣстно куда. Въ
то же время видѣли на берегу Оки, близъ
Серпухова, трехъ необыкновенныхъ, та-
инственныхъ путешественниковъ: одинъ
изъ нихъ далъ перевозчику семь злопыхъ
и сказалъ: »Знаешь ли насъ? Ты перевезъ
»Государя Димитрія Иоанновича, который
»спасается отъ Московскихъ измѣнни-
»ковъ, чтобы возвратиться съ сильнымъ
»ополченіемъ, казнишь ихъ, а тебя сдѣ-
»лашь великимъ человекомъ⁴⁸. Вотъ онъ!»
примолвилъ незнакомецъ, указавъ на млад-
шаго изъ спутниковъ, и немедленно уда-
лился вмѣстѣ съ ними. Многіе другіе ви-
дѣли ихъ и далѣе, за Тулою, около Пу-
швиля, и слышали позже. Сіи путеше-
ственники, или бѣглецы, выѣхали изъ
предѣловъ Россіи въ Литву, — и вдругъ
вся Польша заговорила о Димитріи, ко-
торый будно бы ушелъ изъ Москвы въ
одеждѣ Инока, скрывается въ Сендомирѣ
и ждетъ счастливой для него перемѣны
обстоятельствъ въ Россіи. Посоль Ва-
силіевъ, Князь Волконскій, будучи въ Кра-
ковѣ, свѣдалъ, что жена Мвишкова дѣй-

Впо-
рый
Лже-
дими-
тріи.

спившительно объявила какого-то человека Г. 1606.
своимъ зятемъ Димитріемъ; что онъ
живетъ по въ Сендомирѣ, по въ Самбо-
рѣ, въ ея домѣ и въ монастырѣ, удаляясь
отъ людей; что мнимая пеща купила
для него богатшя одежды и приняла 200
слугъ и шлохранишелей; что съ нимъ
только одинъ Москвитанинъ, Дворянинъ
Заболоцкій, но что многіе знатные Рос-
сіяне, и въ числѣ ихъ Князь Василій Мо-
сальскій, ему тайно благопріятствуютъ⁴⁹.
Новый Самозванецъ ни мало не сходство-
валъ наружностію съ первымъ: былъ вы-
ше его, лицомъ не бѣлъ, а смуглъ; имѣлъ
волосы кудрявые, черные (вмѣсто рыже-
ватыхъ); глаза большіе, брови густыя,
навислыя, носъ покляпый, бородавку сре-
ди щеки, усъ и бороду сприженную; но
такъ же, какъ Опрепьевъ, говорилъ твер-
до языкомъ Польскимъ и разумѣлъ Ла-
шинскій. Волконскій удостовѣрился, что
сей обманщикъ былъ Дворянинъ Михайло
Молчановъ, гнусный убійца юваго Царя
Феодора⁵⁰ и мнимый чернокнижникъ, съ-
ченый за то кнутомъ въ Борисово вре-
мя: онъ скрылся въ началѣ Василіева цар-
ствованія. Дѣйствуя по условію съ Ша-
ховскимъ, Молчановъ успѣлъ въ главномъ
дѣлѣ: ославилъ воскресеніе Разсриги,

г. 1606. чпобы пипать мяшежъ въ землѣ Сѣверской; но не сѣѣшилъ явиться шамъ, гдѣ его знали, и гошовился передаѣть имя Димитрія иному, менѣ извѣстному или дерзновеннѣйшему злодѣю.

Ужѣ самый первый слухъ о бѣгствѣ Разспригивстревожилъ Московскую чернь, копорая, при дни перзавъ мершваго Лжецаря, не знала, вѣришь ли или не вѣришь его спасенію: ибо думала, чпо онъ, какъ извѣстный чародѣй, могъ ожить силою адскою, или въ часъ опасности сдѣлаться невидимымъ и подспавить другаго на свое мѣсто; нѣкоторые даже говорили, чпо человекъ, убитый вмѣсто Лжедимитрія, походилъ на одного молодаго Дворянина, его любимца, копорый съ сего времени пропалъ безъ вѣспи⁵¹. Дѣйствовала и любовь къ чудесному и любовь къ мяшежамъ: «чернь Московская» (пишутъ свидѣтели очевидные) «была гошова мѣняѣ Царей еженедѣльно, въ надеждѣ доискаѣся лучшаго или своевольствовашъ въ безначаліи» — и люди, обагренные, можетъ быть, кровію Самозванца, вдругъ начали жалѣѣть объ его дняхъ веселыхъ, сравнивая ихъ съ унылымъ царствованіемъ Василія! Но легковѣріе многихъ и зломысліе нѣкошорыхъ не могли

г. 1606. еще произвести общаго движенія въ пользу Разсприги шамъ, гдѣ онъ воскресъ быкъ ужасу своихъ измѣнниковъ и душегубцевъ, — гдѣ всѣ, опъ Вельможъ до мѣщанъ, хвалились его убіеніемъ. Клеврешы Шаховскаго въ сподицѣ желали единственно волненія, безпокойства народнаго, и вмѣстѣ съ слухами распроспраняли письма опъ имени Лжедимитрія, кидали ихъ на улицахъ, прибывали къ спѣнамъ⁵²: въ сихъ грамопахъ упрекали Россіянъ неблагодарностію къ милоспямъ великодушнѣйшаго изъ Царей, и сказывали, чпо Димитрій будетъ въ Москвѣ къ Новому году. Государь велѣлъ искаѣ виновниковъ такого возмущенія: призывали всѣхъ Дѣлковъ, сличали ихъ руки съ подмешными письмами, и не открыли сочинителей⁵³.

Еще Правительство не уважало сихъ козней, изъясняя онѣя безсильною злобою тайныхъ, малочисленныхъ друзей Разспригиныхъ; но свѣдавъ въ одно время о бунтѣ южной Россіи и Сендомирскомъ Самозванцѣ, увидѣло опасность и спѣшило дѣйствовать — сперва убѣжденіемъ. Василій послалъ Крушицкаго Митрополипа Пафнушія въ Сѣверскую землю⁵⁴, образумиѣ ея жипелей словомъ истины и милосердія, закона и совѣсти: Митро-

Г. 1606. полиша не приняли и не слушали. Царица-Инокня Марѳа, исполненная ревности загладишь вину свою, писала къ жишелямъ всѣхъ городовъ Украинскихъ, свидѣтельствуя предъ Богомъ и Россією, что она собственными глазами видѣла убіеніе Димитрія въ Угличѣ и Самозванца въ Москвѣ⁵⁵; что одни Ляхи и злодѣи ушверждаютъ противное; что Царь великодушный далъ ей слово *покрыть милосердіемъ* вину заблужденія; что не только возмущенные, но даже и возмущившиеся могутъ жить безопасно и мирно въ домахъ своихъ, если изъявлять раскаяніе; что она шлетъ къ нимъ брата, Боярина Григорія Нагаго, и свѣтлый образъ Димитріевъ, да слышатъ истину, да зрятъ Ангельское лице ея сына, который былъ рожденъ любить, а не терзати опечесство смутами и злодѣйствами. Ни грамоты, ни Посольства не имѣли успѣха. Бунтъ кипѣлъ; оспервененіе возрастало. Дѣйствуя неуспѣшно, Шаховскій звалъ всю Россію соединиться съ Украиною; писалъ указы именемъ Димитрія и прикладывалъ къ нимъ печать государственную, которую онъ похитилъ въ день Московскаго мятежа⁵⁶. Рапъ измѣнниковъ усиливалась и выступала въ поле, съ Воево-

дою, достойнымъ такого начальства, холпомъ Князя Теляшевскаго, Иваномъ Болопниковымъ. Сей человекъ, взятый въ плѣнъ Татарами, проданный въ неволю Туркамъ и выкупленный Нѣмцами въ Константинополь, жилъ нѣсколько времени въ Венеціи, захошѣлъ возвратиться въ опечесство, услышалъ въ Польшѣ о имени Димитрія, предложилъ ему свои услуги и явился съ письмомъ отъ него къ Князю Шаховскому въ Путивль. Внупренно вѣря или не вѣря Самозванцу, Болопниковъ воспламенилъ другихъ любовными объ немъ рассказами; имѣя умъ смѣшливый, нѣкоторыя знанія воинскія и дерзость, сдѣлался главнымъ орудіемъ мятежа, къ которому прислали еще двое Князей Мосальскихъ и Михайло Долгорукій⁵⁷.

Видя необходимость кровопролитія, Василій велѣлъ полкамъ идти къ Ельцу и Кромамъ. Предводительствоважали Бояринъ Воропынскій, сынъ отца спользнаменишаго, и Князь Юрій Трубецкій, Спольникъ, удостоенный необыкновенной честью имѣть мужей Думныхъ подъ своими знаменами⁵⁸. Воропынскій близъ Ельца разбѣгалъ шайки мятежниковъ; но чиновникъ Царскій, везя къ нему золотыя

Г.
1606.
Боло-
пни-
ковъ

Г. медали въ награду его мужества, вмѣсто
1606. побѣдителей вспрыснулъ бѣглецовъ на
пути. Гдѣ вѣкогда самъ Шуйскій съ силь-
нымъ войскомъ не умѣлъ одолѣть гор-
сипи измѣнниковъ, и гдѣ измѣна Басмано-
ва рѣшила судьбу опечесства, шамъ, въ
виду несчастныхъ Кромъ, Болошниковъ
напалъ на 5000 Царскихъ всадниковъ: они,
съ Княземъ Трубецкимъ, дали шылъ; за
Успѣ- ними и Воропынкій ушелъ опъ Ельца;
хи мл- винили, обгоняли другъ друга въ срам-
теж- номъ бѣгствѣ, и какъ бы еще имѣяспыдъ,
ни- не хотѣли явишся въ столицъ: разѣха-
ковъ. лись по домамъ, сложивъ съ себя обязан-
ность чести и зацщниковъ Царства⁵⁹.

Побѣдитель Болошниковъ ругался надъ
плѣнными: называлъ ихъ кровопійцами,
злѣдьями, буншовщиками, а Царя Василія
*Шубникомъ*⁶⁰; велѣлъ однихъ упоишиъ,
другихъ веспи въ Путивль для казни;
нѣкоторыхъ съчъ племьми и едва жи-
выхъ оппуспишиъ въ Москву; шелъ впе-
редъ и возстановлялъ Державу Самозван-
ца. Орелъ, Мценскъ, Тула, Калуга, Веневъ,
Кашира, вся земля Рязанская пристали
къ бунту, вооружились, избрали началь-
никовъ: Сына Боярскаго Испому Пашко-
ва, Веневскаго Сотника⁶¹; Григорія Сун-
булова, бывшаго Воеводою въ Рязани, и

шамошняго Дворянина Прокопія Ляпуно- Г.
ва, дополъ неизвѣснаго, опселъ знаме- 1606.
ниаго, созданнаго быль вождемъ и по- Про-
велипелемъ людей въ безначалии, въ мя- копій
шежахъ и буряхъ, — одареннаго красо- Ляпу-
ною и крѣпостію тѣлесною, силою ума новъ.
и духа, смѣлостію и мужествомъ⁶². Сіе
новое войско опличалось ревностію чи-
спѣйшею, составленное изъ гражданъ,
владѣльцевъ, людей домовипыхъ. Бывъ
первыми, усерднѣйшими клеверешами Бас-
манова⁶³ въ измѣнѣ Осеодору, они хопя и
присягнули Василию, но осуждали дѣло
Москвитянь, убіеніе Разстриги, и думали,
что присяга Шуйскому сама собою уни-
чтожается, когда живъ Димитрій, спа-
рѣйшій и слѣдспвенно одинъ Вѣнцено-
сецъ законный. Но ревность ихъ пакже
вела къ злѣдѣспивамъ: лилась кровь вои-
новъ и гражданъ, вѣрныхъ чести и Ва-
силью. Рязанскій Намѣспникъ, Бояринъ
Князь Черкасскій, Воеводы Князь Тростен-
скій, Вердеревскій, Князь Каркадиновъ,
Измайловъ⁶⁴, были скованные опсправлены
Ляпуновымъ въ Путивль на судъ или
смерть. Разбойники Сѣверскіе жгли, опу-
стошали селенія; грабля, не щадили и
святыни церквей; срамили челоувѣчество
гнуснѣйшими дѣлами⁶⁵. Ужась распростра-

Г. 1606. нялъ измѣну, какъ буря пламень, съ неимовѣрною быспропою, опъ предѣловъ Тулы и Калуги къ Смоленску и Твери: Дорогобужъ, Вязьма, Ржевъ, Зубцовъ, Спарица предались плѣни Лжедимитрія, чшо бы спаслися опъ ярости мяшежниковъ; но Тверь, издревле славная въ нашихъ лѣтописяхъ вѣрностію, не измѣнила: достойный ея Свяишиель Θεоксиспъ, великодушно негодуя на слабость Воеводъ, явился бодрымъ Спрашигомъ: ополчилъ Духовенство, людей приказныхъ, собспвенныхъ Дѣтей Болрскихъ, гражданъ; разбилъ многочисленную шайку злодѣевъ⁶⁶ и послалъ къ Государю нѣсколько сотъ плѣнныхъ.

Вспревоженный бѣгспвомъ Воеводъ опъ Ельца и Кромъ, бѣгспвомъ чиновниковъ и рядовыхъ опъ Воеводъ и знаменъ, — наконецъ силою, успѣхами бунша, Василий еще не смушился духомъ, имѣя данное ему опъ природы мужеспво, если не для одолѣнія бѣдспвій, то по крайней мѣрѣ для великодушной гибели. Лѣтописецъ говоритъ, чшо Царь безъ искусныхъ Спрашиговъ и безъ казны еспъ орелъ безкрылый, и чшо шаковъ былъ жребій Шуйскаго⁶⁷. Борисъ оставилъ преемвику казну и только одного славнаго храбро-

спію Воеводу, Басманова-измѣнника: Лже-Г. 1606. димитрій-распочишель не оставилъ ничего, кромѣ измѣнниковъ; но Василий дѣлалъ, чшо могъ. Объявивъ всенародно о происхожденіи мяшежа — о нелѣпой баснѣ Разспригина спасенія, о сонмищѣ воровъ и негодаевъ, коимъ имя Димитрія служилъ единспвенно предлогомъ для злодѣйспва⁶⁸, въ самыхъ плѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили, ими обманушые, встрѣчаютъ ихъ какъ друзей, — Царь выслалъ въ поле новое сильнѣйшее войско, и какъ бы спокойный сердцемъ, какъ бы въ мирное, безмятежное время, удумалъ загладишь несправедливоспъ современниковъ въ глазахъ потомспва: снялъ опалу съ памяти Вѣиценосца, хотя и ненависпаго за многія дѣла злыя, но достойнаго хвалы за многія государспвенныя благопворенія: велѣлъ, пышно и великолѣпно, перенести плѣло Бориса, Маріи, юнаго Θεодора, изъ бѣдной обипели Св. Варсонофія въ знаменипную Лавру Сергіеву. Торжеспвенно огласивъ убіеніе и свѣтоспъ Димитрія, Шуйскій не смѣлъ приближипъ къ его мощамъ гробъ убійцы и снова поставилъ между Царскими памишниками; но хотѣлъ симъ дѣйспвіемъ увѣжипъ законнаго Монарха въ Годуновъ,

г. будучи также Монархомъ избраннымъ;
1606. хопѣлъ возбудить жалость, если не къ
Борису виновному, то къ Маріи и къ Тео-
дору невиннымъ, чѣмъ бы произвели жи-
вѣйшее омерзѣніе къ ихъ гнуснымъ умер-
твителимъ, сообщникамъ Шаховскаго⁶⁹,
жаднымъ къ новому цареубійству. Въ
присутствіи безчисленнаго множества
людей, всего Духовенства, Двора и Син-
клиста, открыли могилы: двадцать Ино-
ковъ взяли раку Борисову на плеча свои
(ибо сей Царь скончался Инокомъ); Тео-
дорову и Маріину несли знашныя санов-
ники, провождаемые Священниками и Бол-
рами. Позади ѣхала, въ закрытыхъ са-
няхъ⁷⁰, несчастная Ксенія, и громко во-
пила о гибели своего Дома, жалуясь Богу
и Россіи на изверга Самозванца. Зрители
плакали, вспоминая счастливые дни ея
семейства, счастливые и для Россіи въ
первые два года Борисова царствованія.
Многіе объ немъ шутили, встревожен-
ные настоящимъ, и страшась будущаго⁷¹.
Въ Лаврѣ, внѣ церкви Успенія, съ благо-
говѣніемъ погребли отца, мать и сына;
оставили мѣсто и для дочери, которая
жила еще 16 горестныхъ лѣтъ въ Дѣ-
вичьемъ монастырѣ Владимірскомъ, не
имѣя никакихъ утѣшеній, кромѣ небес-

ныхъ⁷². Новымъ погребеніемъ возвращая
санъ Царю, лишенному онаго въ могилѣ,
думалъ ли Василій, чѣмъ нѣкогда и собствен-
ныя его кости будутъ лежать въ неизвѣст-
ности, въ презрѣніи, и чѣмъ великодушная
жалость, справедливость и Политика
также возвращали имъ честь Царскую⁷³?

Уже не только Политика мирила Ва-
силія съ Годуновымъ, но и злополучіе,
разительное сходство ихъ жребія. Обо-
имъ власъ измѣняла; опоры того и дру-
гаго, видомъ крѣпкія, падали, рушились,
какъ плѣнь и брѣніе. Рапи Василіевы,
подобно Борисовымъ, цѣпели, казалось,
предъ плѣнію Димитрія. Юноша, ближній
Государевъ, Князь Михаилъ Скопинъ-Шуй-
скій, имѣлъ успѣхъ въ битвѣ съ непріа-
тельскими толпами на берегахъ Пахры⁷⁴;
но Воеводы главные, Князья Мстислав-
скій, Димитрій Шуйскій, Воробьевскій,
Голицыны, Нагѣ, имѣя съ собою всѣхъ Дво-
рянъ Московскихъ, Стольниковъ, Спращ-
чихъ, Жильцовъ⁷⁵, встрѣтились съ не-
пріателемъ уже въ пятидесяти верстахъ
отъ Москвы, въ селѣ Троицкомъ⁷⁶, сра-
зились и бѣжали, оставивъ въ его ру-
кахъ множество знашныхъ плѣнниковъ.

Уже Болошниковъ, Пашковъ, Ляпуновъ,
възявъ, опустошивъ Коломну, стояли (въ

г.
1606.

г. 1606. Октябрь мѣсяцъ) подѣ Москвою, въ селѣ Коломенскомъ; торжественно объявили Василия Царемъ сверженнымъ; писали къ Москвитянамъ, Духовенству, Синклиту и народу, что Димитрій снова на престолѣ и требуютъ ихъ новой присяги⁷⁷; что война кончилась и Царство милосердія начинается. Между тѣмъ мятежники злодѣйствовали въ окрестностяхъ, звали къ себѣ бродягъ, холопей; приказывали имъ рѣзать Дворня и людей торговыхъ, брать ихъ женъ и дѣтей, обѣщая имъ богатство и Воеводство⁷⁸; разсыпались по дорогамъ, не пускали запасовъ въ столицу, ими осажденную... Войско и самое Государство какъ бы исчезли для Москвы, преданной съ ея святынею и славою въ добычу неистовому бунту. Но въ сей ужасной крайности еще блеснулъ лучъ великодушія: оно спасло Царя и Царство, хотя на время!

Василій, велѣвъ написать къ мятежникамъ, что ждетъ ихъ раскаянія, и еще медливъ испребитъ жалкій сонмъ безумцевъ, спокойно устроилъ защиту города, предмѣстій и слободъ⁷⁹. Духовенство молилось; народъ постился три дни, и видя неуспрашимость въ Государя, самъ казался неуспрашимымъ. Вонны,

граждане по собственному движенію облагоустроили другъ друга клятвою въ вѣрности, и никто изъ нихъ не бѣжалъ къ злодѣямъ⁸⁰. Полководцы, Князья Скопинъ-Шуйскій, Андрей Голицынъ и Ташевъ расположились станомъ у Серпуховскихъ воротъ, для наблюденія и для бѣгства въ случаѣ приступа. Высланные изъ Москвы отряды возстановили ея сообщеніе съ городами, ближними и дальними. Патриархъ, Святители писали всюду грамоты увѣщательныя: вѣрные одушевились ревностію, измѣнники устыдились. Тверь, Смоленскъ служили примѣромъ: ихъ Дворяне, Дѣти Болрскія, люди торговые кинули семейства и спѣшили спасти Москву. Къ добрымъ Тверитянамъ присоединились жители Зубцова, Спарицы, Ржева; къ добрымъ Смоленцамъ граждане Вязьмы, Дорогобужа, Серпейска, уже не преступники отъ малодушія, но снова достойные Россіяне⁸¹; вездѣ били злодѣевъ; выгнали ихъ изъ Можайска, Волока, Обители Св. Іосифа; не давали имъ пощады: казнили плѣнныхъ.

Тогда же въ Коломенскомъ станѣ открылась важная измѣна. Болошниковъ, называя себя Воеводою Царскимъ, хотѣлъ быть главнымъ⁸²; но Воеводы, избранные

Г. городами, не признавали сей власти, пре-
 1606. бовали Димитрія отъ него, отъ Шахов-
 ского: не видали, и начинали хладѣть въ
 усердіи. Ляпуновъ первый удосповѣрился
 въ обманѣ, и стыдѣсь бысть союзникомъ
 бродягъ, холопей, разбойниковъ безъ вся-
 кой государственнѣй, благородной цѣли,
 первый явился въ столицѣ съ повинною
 (въролпно, въ слѣдствіе шайныхъ, пред-
 варительныхъ сношеній съ Царемъ); а за
 Ляпуновымъ и всѣ Рязанцы, Сунбуловъ
 и другіе. Василій простилъ ихъ и далъ
 Ляпунову санъ Думнаго Дворянина. Скоро
 и многіе иные сподвижники бунта, удо-
 стовѣренные въ милосердіи Государя, пе-
 ребѣжали изъ Коломенскаго въ Москву,
 гдѣ уже не было ни страха, ни печали:
 все ожило и пылало ревностію ударить
 на оспальныхъ мятежниковъ. Василій
 медлилъ; изъявляя челоуѣколюбіе и жа-
 лость къ несчастнымъ жертвамъ заблу-
 жденія⁸³, говорилъ: »Они также Русскіе
 ии Христіане: молюся о спасеніи ихъ душъ,
 »да раскаяются, и кровь опечества да не
 »ліеся въ междоусобіи!« Василій или дѣй-
 ствительно надѣялся упушпть бунтъ
 безъ дальнѣйшаго кровопролитія, пор-
 жественно предлагая милость самымъ
 главнымъ виновникамъ онаго, или для

вътрѣйшей побѣды ждалъ Смоленъ и Тве- Г.
 рипянь: они соединились въ Можайскѣ 1606.
 съ Воеводою Царскимъ Колычевымъ и
 приближались къ столицѣ.

Еще мятежники упорствовали въ на-
 мѣреніи овладѣть Москвою; укрѣпили Ко-
 ломенскій станъ валомъ и тыномъ, пер-
 пѣливо сносили ненастье и холодъ глу-
 бокой осеи; приступали къ Симонову
 монастырю⁸⁴ и къ Гонной или Рогожской
 слободѣ; были опиражены, лишились мно-
 гихъ людей, и все еще не унывали — по
 крайней мѣрѣ Болопиниковъ: онъ не слу-
 шалъ обѣщаній Василія забыть его вину
 и дасть ему знапный чинъ⁸⁵, отвѣтствуя:
 »я клялся Димитрію умереть за него, и
 »сдержу слово: буду въ Москвѣ не измѣн-
 »никомъ, а побѣдителемъ!« уже видѣлъ
 знамена Тверитянъ и Смоленъ на Дѣ-
 вичьемъ полѣ; видѣлъ движеніе въ войскѣ
 Московскомъ, и смѣло ждалъ битвы не-
 равной. Василій, самъ опытный въ дѣлѣ
 бранномъ, еще не хотѣлъ и предъ спѣ-
 нами Кремлевскими рашоборствовать лич-
 но, какъ бы стыдѣсь врага подлаго; хо-
 тѣлъ бысть только невидимымъ зрите-
 лемъ сей битвы: вѣрилъ главное началь-
 ство усерднѣйшему или счастливѣйшему
 вѣнцязю: двадцатилѣтнему Князю Ско-

Г. пишу-Шуйскому, который свелъ полки
1606. въ монастырь Даниловскомъ, и мыслить
2 Де-окружишь непріятеля въ станѣ. Боло-
кабря.тниковъ и Пашковъ воспрѣли Воеводъ
Царскихъ: первый сразился какъ левъ;
второй, не обнаживъ меча, передался къ
нимъ со всѣми Дворянами и съ значною
частью войска⁸⁶. У Болотникова оспа-
лись Козаки, холопы, Сѣверскіе бродяги;
но онъ бился до совершеннаго изнуренія
По-силъ, и бѣжады съ немногими къ Серпу-
бѣда.Ско-хову: оспальные разсѣлись. Козаки еще
пина-держались въ укрѣпленномъ селеніи За-
Шуй-скаго.боръ, и наконецъ съ Ашаманомъ Беззуб-
цевымъ сдались, присягнувъ Василию въ
вѣрности. Кромѣ ихъ, взяли на бою споль
великое число плѣнныхъ, что они не умѣ-
спились въ шемницахъ Московскихъ, и
были всѣ уоплены въ рѣкѣ, какъ зло-
дѣи ожесточенные; но Козаковъ не про-
нули и приняли въ Царскую службу⁸⁷.
Юношѣ - побѣдителя, Князю Скопину,
рожденному къ чести, утѣшенію и го-
рести опечесства, дали санъ Боярина, а
Воеводѣ Колычеву — Боярина и Дворец-
каго⁸⁸. Радовались и шоржествовали; пѣли
молебны съ колокольнымъ звономъ⁸⁹ и
благодарили Небо за истребленіе мяше-
никовъ, но прежде времени.

Болотниковъ думалъ останавишься Г.
въ Серпуховѣ: жители не впустили его⁹⁰. 1606.
Онъ застылъ въ Калугѣ; въ нѣсколько дней
укрѣпилъ ее глубокими рвами и валомъ;
собралъ тысячъ десять бѣглецовъ, изго-
товился къ осадѣ, и писалъ къ Сѣверской
Думѣ измѣнниковъ, что ему нужно вспомо-
женіе и еще нужные Димитрій, истин-
ный или мнимый; что имя безъ человека
уже не дѣйствуетъ, и что всѣ ихъ кле-
веты готовы слѣдовать примѣру Ля-
пунова, Сунбулова и Пашкова, если явле-
ніе вожделѣннаго Царя-изгнанника, споль
долго славимаго и невидимаго, не дастъ
имъ новаго усердія и новыхъ подвижни-
ковъ⁹¹. Но кого было представить? Сен-
домирскаго ли Самозванца, Молчанова,
извѣстнаго въ Россіи и ни мало не сход-
наго съ Лжедимитріемъ, еще извѣстнѣй-
шимъ? Сей бѣглець могъ дѣйствовать
на легковѣрныхъ только издали, слухомъ,
а не присущивіемъ, которое изобличи-
ло бы его въ обманѣ. Пишутъ, что зло-
дѣи Россійскіе хотѣли назвать Дими-
тріемъ инаго человека, какого-то благо-
роднаго Ляха, но что онъ — взявъ, въ-
роятно, деньги за такую отвагу — раз-
думалъ искать гибельнаго величія въ бу-
рахъ мяшежа, мирно оспался въ Польшѣ

Г. 1606. жить нескуднымъ Дворяниномъ, и превалъ наконецъ связь съ Шаховскимъ⁹², коему случай далъ между тѣмъ другое орудіе.

Мы упоминали о бродягѣ Илейкѣ, Лже-пепрѣ, мнимомъ сынѣ Царя Θεодора⁹³. На пуши къ Москвѣ узнавъ о гибели Разсприги, онъ съ Терскими Козаками бѣжалъ назадъ, мимо Казани, гдѣ Болре Морозовъ и Бѣльскій хотѣли схватить его: Козаки обманули ихъ; прислали сказать, что выдадутъ имъ самозванца, и ночью уплыли внизъ по Волгѣ; грабили людей шорговыхъ и служивыхъ; злодѣйствовали, жгли селенія на берегахъ, до Царицына, гдѣ убили Князя Ромодановскаго, ѣхавшаго Посломъ въ Персію, и Воеводу Акинѣева⁹⁴; остановились зимовать на Дону и разславили въ Украинѣ о своемъ Лжецаревичѣ. Обманъ способствовалъ обману: Шаховскій призналъ Илейку сыномъ Θεодоровымъ, звалъ къ себѣ вмѣстѣ съ шайкою Терскихъ мяпежниковъ, встрѣпилъ въ Путивлѣ съ честію, какъ племянника и намѣстника Димитріева въ его опсупшвіе, и даже не усомнился обѣщать ему Царство, если Димитрій, ими ожидаемый, не явится⁹⁵. Сей союзъ злодѣйства праздновали новымъ душегубствомъ, въ дока-

зательство державной власти разбойника Г. Илейки. Онъ велѣлъ умертвить всѣхъ 1606. знаемыхъ плѣнниковъ, которые еще сидѣли въ плѣнницахъ: вѣрныхъ Воеводъ Рязанскихъ⁹⁶, Думнаго мужа Сабурова, Князя Пріимкова-Ростовскаго, начальниковъ города Борисова, и Воеводу Путивльскаго, Князя Бахтѣярова, взявъ себѣ его дочь въ наложницы. Искали и союзниковъ внѣшнихъ, тамъ, гдѣ вредъ Россіи всегда считался выгодною, и гдѣ старая ненависть къ намъ усилилась желаніемъ мести за стыдъ неудачнаго дружества съ бродягою: новый Самозванецъ Пепръ также обратился къ Сигизмунду, и Вельможные Паны не успѣдились сказать Князю Волконскому, который еще находился тогда въ Краковѣ, что они «ждушъ Пословъ» ошъ Государя Сѣверскаго, сына Θεодорова, который вмѣстѣ съ Димитріемъ, «укрывающимся въ Галиціи, намѣренъ» «свергнушъ Василя съ престола; что если» «Царь возвратитъ свободу Мнишку и» «всѣмъ знаемымъ Ляхамъ, Московскимъ» «плѣнникамъ, то не будетъ ни Лжедими-» «митрія, ни Лжепепра; а въ противномъ» «случаѣ оба сдѣлаются истинными и» «найдушъ сподвижниковъ въ Республикѣ»⁹⁷! Но Ляхи только грозили Василю; мави-

Г. 1606. ли, вѣрояпно, мятежниковъ обѣщаніями, и не спѣшили дѣйствовать; Шаховскій, Теляшевскій, Долгорукій, Мосальскіе, съ новымъ Ашаманомъ Илейкою не имѣли времени ждать ихъ; призвали къ себѣ Запорожцевъ; ополчили всѣхъ, кого могли, въ землѣ Сѣверской, и выступили въ поле, чѣобы спасти Бологнникова.

Умѣлъ ли Василій воспользоваться своею побѣдою, давъ мятежникамъ соединиться и вновь усилились въ Калугѣ? Онъ послалъ къ ней войско, но уже чрезъ нѣсколько дней, и малочисленное, смятое первую смѣлою вылазкою; послалъ и другое, сильнѣйшее съ Бояриномъ Иваномъ Шуйскимъ, который, одержавъ верхъ въ кровопролитномъ дѣлѣ съ Бологнниковымъ при устьѣ рѣки Угры⁹³, осадилъ Калугу (30 Декабря), но безъ надежды взять ее скоро. Худыя вѣспи, одна за другою, встревожили Москву. Въ Калужской и Тульской области новыя шайки злодѣевъ скопились и заняли Тулу⁹⁹. Бунтъ вспыхнулъ въ Уѣздѣ Арзамасскомъ и въ Алашырскомъ¹⁰⁰: Мордва, холопи, крестьяне грабили, рѣзали Царскихъ чиновниковъ и Дворянъ, ушопили Алашырскаго Воеводу Сабурова, осадили Нижній Новгородъ именемъ Димитрія. Аспраханъ также

Осада
Калу-
ги.

измѣнила: ея знашнй Воевода, Окольнічій Князь Иванъ Хворостининъ, взялъ сторону Шаховскаго: вѣрныхъ умертвили: добраго, мужеспвеннаго Дьяка Карпова и многихъ иныхъ¹⁰¹. Самыхъ границъ Сибири коснулось возмущеніе, но не проникло въ оную: тамъ началъствовали усердные Годуновы, хотя и въ честной ссылкѣ¹⁰². Изъ Вятки, изъ Перми силою Г. 1606. гнали воиновъ въ Москву, а чернь славила Димитрія¹⁰³. Къ сему смущенію присоединилось ужасное еспественное бѣдствіе: язва въ Новгородѣ, гдѣ умерло множество людей, и въ числѣ ихъ Бояринъ Капыревъ¹⁰⁴. Между тѣмъ цѣлое войско злодѣевъ разными путями шло опъ Пушкелъ къ Тулѣ, Калугѣ и Рязани.

Василій бодрствовалъ неусыпно, распоряжалъ хладнокровно: послалъ рати и Воеводъ: знашнѣйшаго саномъ, Князя Мстиславскаго, и знаменитѣйшаго мужествомъ, Скопина-Шуйскаго, къ Калугѣ; Воропынскаго къ Тулѣ¹⁰⁵, Хилкова къ Веневу, Измайлова къ Козельску, Хованскаго къ Михайлову, Боярина Ѳедора Шереметева къ Аспрахани, Пушкина къ Арзамасу; а самъ еще остался въ Москвѣ съ дружиною Царскою, чѣобы хранить святыню опечесства и Церкви, или явинъ-

Г. 1607.
Рас-
поря-
женія
Васи-
левъ.

Г. 1607. ся на полѣ битвы въ часѣ рѣшитель-
ный. Василій думалъ предупредить сое-
диненіе мятежниковъ, истребить ихъ
опдѣльно, нападеніями разными, едино-
мысленными, чѣобы вдругъ и вездѣ ушу-
шить бунтъ. Дѣйствуя въ воинскихъ
распоряженіяхъ какъ Спрашигъ искус-
ный, онъ хотѣлъ дѣйствовать и на серд-
ца людей, оживить въ нихъ силу прав-
ственную, успокоить совѣсть, возмущен-
ную беззаконіями государственными, и
снова скрѣпить союзъ Царя съ Цар-
ствомъ, нарушенный злодѣйствомъ.

3 Фе- Имятъ поржесивенное совѣщаніе съ
враля. Ергоеномъ, Дуговенствомъ, Синклипомъ,
людьми чиновными и торговыми, Васи-
лій опредѣлялъ звать въ Москву бывша-
го Пашріарха Іова для великаго земскаго
При- званіе Іова. дѣла. Ергоенъ писалъ къ Іову: »Пре-
»клоняемъ колѣна: удостой насъ видѣть
»благотѣпное лице швое и слышать гласъ
»швой сладкій: молимъ тебѣ именемъ опе-
»чества смяшеннаго«¹⁰⁶. Іовъ пріѣхалъ, и
14 Фе- (20 Февраля) явился въ церкви Успенія,
враля. извнѣ окруженной и внутри наполненной
несмѣтнымъ множествомъ людей. Онъ
споялъ у Пашріаршаго мѣста въ видѣ
простаго Инока, въ бѣдной ризѣ, но воз-
вышаемый въ глазахъ зрителей памятію

его знаменитости и спраданій за исти- Г.
ну, смиреніемъ и святостію: опшелъ 1607.
никъ, вызванный почти изъ гроба при-
мирить Россію съ закономъ и Небомъ.
Все было изготовлено Царемъ для дѣй-
ствія поржесивеннаго, въ коемъ Па-
шріархъ Ергоенъ съ любовію уступалъ
первенство Спарцу, уже безчиновному.
Въ глубокой тишинѣ общаго безмолвія
и вниманія поднесли Іову бумагу и велѣ-
ли Пашріаршему Діакону читать ее на
амвонѣ. Въ сей бумагѣ народъ — и толь-
ко одинъ народъ — молилъ Іова оппу-
стить ему, именемъ Божиимъ, всѣ его
грѣхи предъ Закономъ, спрошивость,
ослѣпление, вѣроломство, и клялся впредь
не нарушать присяги, быть вѣрнымъ
Государю; требовалъ прощенія для жи-
выхъ и мертвыхъ, дабы успокоить ду-
ши клятвопреступниковъ и въ другомъ
мѣрѣ; винилъ себя во всѣхъ бѣдствіяхъ,
ниспосланныхъ Богомъ на Россію, но не
винился въ царевѣйствахъ, приписывая
убіеніе Θεодора и Маріи одному Разспри-
гѣ¹⁰⁷; наконецъ молилъ Іова, какъ свѣпа-
го мужа, благословить Василія, Князей,
Бояръ, Хрисполубивое воинство и всѣхъ
Христіанъ, да воспоржесивуетъ Царь
надъ мятежниками и да насладится Рос-

Г. 1607. сія счастьемъ пишины. Іовъ отвѣтство-
валъ грамошою, заблаговременно, но дѣй-
ствительно имъ сочиненною, писанною
извѣстнымъ его слогомъ, умилительно
и не безъ искусства. Тотъ же Діаконъ
читалъ ее народу. Изобразивъ въ ней ве-
личіе Россіи, произведенное умомъ и сча-
стьемъ ея Монарховъ — хвала особенно
государственный умъ Іоанна Грознаго¹⁰⁸,
Іовъ соболѣзновалъ о гибельныхъ слѣд-
ствіяхъ его преждевременной кончины и
Димитріева закланія, но умолчалъ о ви-
новникѣ онаго, нѣкогда любивъ и славивъ
Бориса; напомнилъ единодушное избраніе
Годунова въ Цари и народное къ нему
усердіе; дивился ослѣпленію Россіянъ,
прельщенныхъ бродягою; говорилъ: «Я да-
валъ вамъ спрашную на себѣ кляпшу
въ удосповѣреніе, что онъ самозванецъ:
вы не хотѣли мнѣ вѣрить — и сдѣла-
лось, чему нѣтъ примѣра ни въ Свя-
щенной, ни въ свѣтской Исторіи.» Опи-
савъ всѣ измѣны, бѣдствіе отечества и
Церкви, свое изгнаніе, гнусное царевѣй-
ство, если не совершенное, то по край-
ней мѣрѣ допущенное народомъ — воздавъ
хвалу Василію, *Царю святому и правед-*
ному, за великодушное избавленіе Россіи
отъ спыда и гибели — Іовъ продолжалъ:

«Вы знаете, убилъ ли Самозванецъ; знае-
те, что не осталось на землѣ и *скарעד-*
наго пѣла его — а злодѣи дерзають увѣ-
рять Россію, что онъ живъ и есть
истинный Димитрій! Велики грѣхи наши
предъ Богомъ, *въ сіи времена послѣдніѣ*¹⁰⁹,
когда вымыслы нелѣпые, когда сволочь
мерзостная, шапи, разбойники, бѣглые
холопи, могутъ споль ужасно возму-
щать отечество!» Наконецъ, исчисливъ
всѣ клятвопресупленія Россіянъ, не
исключая и данной Лжедимитрію при-
сяги¹¹⁰, Іовъ именемъ Небеснаго милосер-
дія, своимъ и всего Духовенства объ-
являлъ имъ разрѣшеніе и прощеніе, въ
надеждѣ, что они уже не измѣнятъ сно-
ва Царю законному, и добродѣтелию вѣр-
ности, плодомъ чистаго раскаянія, уни-
лоспиваяшъ Всевышняго, да побѣдятъ
враговъ и возвращаяшъ Государеву миръ
съ пишиною.

Дѣйствіе было неописанное. Народу
казалось, что тяжкія узы клятвы спали
съ него, и что самъ Всевышній устами
Праведника изрекъ помилованіе Россіи.
Плакали, радовались — и тѣмъ сильнѣе
пронухи были вѣстію, что Іовъ, едва
успѣвъ доѣхать изъ Москвы до Спарицы,^{8 Мар-}
преславился¹¹¹. Мысль, что онъ, уже^{ша.}

Г. 1607. стоя на прагѣ вѣчности, бесѣдовалъ съ Москвою, умиляла сердца. Забыли въ немъ слугу Борисова: видѣли единственно мужа святого, который въ послѣднія минуты жизни и въ послѣднихъ моленіяхъ души своей ревностно занимался судьбою горестнаго отечества, умеръ, благословляя его и возвѣспивъ ему умилошнвленіе Неба!

Но происшествія не соотвѣтствовали благопріятнымъ ожиданіямъ. Воеводы, посланные Царемъ испробить скопича мятежниковъ, большею частію не имѣли успѣха. Мстиславскій, съ главнымъ войскомъ обшунивъ Калугу¹¹³, спрѣлалъ изъ тяжелыхъ пушекъ, дѣлалъ примешъ къ укрѣпленіямъ, издали велъ къ нимъ *деревянную гору* и хотѣлъ зажечь ее вмѣстѣ

Храб-
рость
Боло-
шнн-
кова.
съ пыномъ оспрога: но Болошниковъ подкопомъ взорвалъ сію гору; не зналъ и не давалъ успокоенія осаждающимъ; сражался день и ночь; не жалѣлъ людей, ни себя; обливался кровію въ битвахъ непреспанныхъ, и выходилъ изъ оныхъ побѣдителемъ, доказывая, что ожесточеніе злодѣйства можетъ иногда уподобляться героизму добродѣтели. Онъ боялся не смерти, а долговременной осады, предвидя необходимость сдаться опъ

голода: ибо не успѣлъ запастися хлѣбомъ. Г. 1607. Разбойники Калужскіе ѣли лошадей, не жаловались и не слабѣли въ сѣчахъ. Царь велѣлъ снова обѣщать милоспі ихъ Ашаману, если покорится: отвѣтомъ его было: »жду милоспі единственно опъ «Димитрія!» Тщесно прибѣгали и къ средствамъ, менѣе законнымъ: Московскій лекарь Фидлеръ вызвался оправить главнаго злодѣя, далъ на себя спрашную клятву, и взявъ 100 флориновъ, обманулъ Василія: уѣхалъ въ Калугу служишь за деньги Болошникову, изъ любви къ Разстригѣ. — Неудачная осада продолжалась чепыре мѣсяца¹¹⁵.

Другіе Воеводы, встрѣтивъ непріятеля въ полѣ, бѣжали¹¹⁴: Хованскій опъ Михайлова въ Переславль-Рязанскій, Хилковъ опъ Венева въ Коширу, Ворошынскій опъ Тулы въ Алексинъ, на голову разбишый предводителемъ измѣнниковъ, Княземъ Андреемъ Теляшевскимъ, который успѣлъ прежде его занять и Тулу и Дѣдиловъ. Только Измайловъ и Пушкинъ честно сдѣлали свое дѣло: первый, разсѣявъ многочисленную шайку измѣнника, Князя Михайла Долгорукаго, осадилъ мятежниковъ въ Козельскѣ¹¹⁵; второй спасъ Нижній Новгородъ, усмиривъ бунтъ въ

Г. Арзамасѣ, въ Ардамовѣ, и еще приспѣлъ
1607. къ Хилкову въ Коширу, чтобы иппи
съ нимъ къ Серебрянымъ Прудамъ¹¹⁶, гдѣ
они испребили сконище злодѣевъ и взя-
ли ихъ двухъ начальниковъ, Князя Ивана
Мосальскаго и Липвина Споровскаго; но
близъ Дѣдилова были разбины сильными
дружинами Телятевскаго и въ безпорядкѣ
опустушили къ Коширѣ: Воевода Ададу-
ровъ положилъ голову на мѣстѣ сей не-
счастной битвы, и множество бѣглецовъ
упонуло въ рѣкѣ Шамѣ¹¹⁷. — Бояринъ
Шереметевъ, коему надлежало усмирить
Аспраханъ, не могъ взять города; укрѣ-
пился на островѣ Болдинскомъ, и не взи-
ралъ на зимній холодъ, нужду, смертонос-
ную цынгу въ своемъ войскѣ, отражалъ
всѣ приступы шамошнихъ бунтовщи-
ковъ, которые въ изступленіи ярости
мучили, убивали плѣнныхъ. Глава ихъ,
Князь Хвороспининъ, объявивъ самого
Шереметева измѣнникомъ, грозилъ ему
люпытѣею казнію и звалъ Ногайскихъ
Владѣтелей подѣ знамена Димитрія¹¹⁸. —
Но Царь уже не думалъ о томъ, что
происходило въ отдаленной Аспрахани,
когда судьба его и Царства рѣшилась за
160 верстѣ отъ столицы.

Ежедневно надѣясь побѣдить Болопни-

кова, если не мечемъ, то голодомъ — на- Г.
дѣясь, что Воропынскій въ Алексинѣ и 1607.
Хилковъ въ Коширѣ заслоняютъ осаду
Калуги и блюдутъ безопасность Москвы
— главный Воевода, Князь Мстиславскій,
опредѣливъ Бояръ, Ивана Никитича Рома-
нова, Михайла Нагаго и Князя Мезецкаго
противъ злодѣя, Василия Мосальскаго¹¹⁹,
который шелъ съ своими толпами Бѣ-
левскою дорогою къ Калугѣ. Они срази-
лись съ непріателемъ на берегахъ Выр-
ки¹²⁰, смѣло и мужественно. Цѣлыя суши
продолжалась битва. Мосальскій палъ, ока-
завъ храбрость, достойную лучшей цѣли.
Такъ пали и многіе клеветы его: уже
не имѣя вожда, шѣснимые, разброшенные,
не хотѣли бѣжать, ни сдаться: умирали
въ сѣчѣ; другіе зажгли свои пороховыя
бочки и взметѣли на воздухъ, какъ жер-
твы оспервененія, свойственнаго польско
войнамъ междоусобнымъ. Романовъ, до-Побѣ-
толѣ извѣстный единственно великодуш- да Ро-
нымъ терпѣніемъ въ несчастіи¹²¹, удо- ма-
стоился благодарности Царя и золотой ва.
медали за оказанную имъ доблесть¹²².

Но измѣнники въ другомъ мѣстѣ бы-
ли счастливы. Они, подобно Царю, со-
ображали свои дѣйствія наступательныя
слѣдуя общей мысли, и спремаясь съ раз-

Г. ныхъ споронъ къ одной цѣли: освободить
 1607. Болопникова. Гибель Мосальскаго не успра-
 шила Теляшевскаго, который также шелъ
 къ Калугѣ и также встрѣтилъ Москов-
 скихъ Воеводъ, Князей Ташева, Черкас-
 1 Малскаго и Боряшинскаго, посланныхъ Мспи-
 славскимъ изъ Калужскаго спана¹²³. Въ
 жестокій бивъ на Пчелѣхъ легли Ташевъ
 и Черкасскій со многими изъ добрыхъ
 воиновъ; остальные спаслись бѣгствомъ
 въ станъ Калужскій, и привели его въ
 ужасъ, коимъ воспользовался Болопни-
 ковъ: сдѣлавъ вылазку и разогналъ вой-
 ско, еще многочисленное; всѣ обратили
 пылъ, кромѣ юнаго Князя Скопина-Шуй-
 скаго и вѣнзя Истомы Пашкова, уже
 вѣрнаго слуги Царскаго¹²⁴: они упорнымъ
 боемъ дали время малодушнымъ бѣжать,
 спасая если не честь, то жизнь ихъ;
 отступили сражаясь къ Боровску, гдѣ
 несчастный Мстиславскій и другіе Вое-
 воды соединили разсѣянные остатки вой-
 ска, бросивъ пушки, обозъ, запасы въ до-
 бычу непріятелю. Еще хуже робости
 была измѣна: 15000 воиновъ Царскихъ,
 и въ числѣ ихъ около ста Нѣмцевъ, при-
 спали къ мятежникамъ. Узнавъ, что сдѣ-
 лалось подъ Калугою, Измайловъ снялъ
 осаду Козельска; по крайней мѣрѣ не ки-

Му-
же-
ство
Ско-
пина.

нулъ снаряда огнестрѣльнаго, и засѣлъ Г.
 въ Мещовскѣ¹²⁵. 1607.

Сии вѣсти поразили Москву. Шуйскій Бо-
 снова колебался на престолѣ, но не въ ростъ
 душъ: созвалъ Духовенство, Бояръ, лю- Васи-
 дей чиновныхъ; предложилъ имъ мѣры неща-
 стіяхъ
 спасенія, далъ спроегіе указы, требовалъ
 немедленнаго исполненія, и грозилъ каз-
 нью ослушникамъ: всѣ Россіяне, годные
 для службы, должны были спѣшить къ
 нему съ оружіемъ, монастыри запасли
 столицу хлѣбомъ на случай осады, и са-
 мые Иноки готовились къ ратнымъ по-
 двигамъ за Вѣру¹²⁶. Упопресли и нрав-
 ственное средство: Священники предали
 анаемъ Болопникова и другихъ извѣсп-
 ныхъ, главныхъ злодѣевъ: чего Царь не
 хотѣлъ допущать, въ надеждѣ на ихъ рас-
 каеніе. Время было дорого: къ счастью,
 мятежники не двигались впередъ, ожидая
 Илейки, который, съ послѣдними силами
 и съ Шаховскимъ еще шелъ къ Тулѣ¹²⁷.
 21 Мая Василій сѣлъ на ратнаго коня и
 самъ вывелъ войско, приказавъ Москву
 брату, Димитрію Шуйскому, Князьямъ
 Одоевскому и Трубецкому¹²⁸, а всѣхъ
 иныхъ Бояръ, Окольныхъ, Думныхъ
 Дьяковъ и Дворянъ взявъ съ собою, подъ
 Царское знамя, коего уже давно не видали

Г. въ полѣ съ такимъ блескомъ и множе-
1607. ствомъ сановниковъ: уже не спыдились
ипши всѣмъ Царствомъ на скопище зло-
дѣевъ храбрыхъ! Близъ Серпухова соеди-
нились съ Василиемъ Мстиславскій и Во-
рошынскій, оба какъ бѣглецы въ унынїи
спыда. Довольный числомъ, но боясь ро-
бости сподвижниковъ, Царь умѣлъ оду-
шевить ихъ своимъ великодушїемъ: въ
присутствїи ста тысячъ воиновъ цѣлуя
крестъ, громогласно произнесъ объѣтъ
возвратиться въ Москву побѣдителемъ
или умереть¹²⁹; онъ не требовалъ кля-
твы отъ другихъ, какъ бы опасаясь вве-
сти слабыхъ въ новый грѣхъ вѣролом-
ства, и далъ ее въ твердой рѣшимости
исполнить. Казалось, что Россїя нашла
Царя, а Царь нашелъ подданныхъ: всѣ
съ ревностїю повторили объѣтъ Васи-
лѣвъ — и на сей разъ не измѣнили.

Свѣдавъ, что Илейка съ Шаховскимъ
уже въ Тулѣ, и что Болопниковъ къ
нимъ присоединился, Василій послалъ Кня-
зѣй Андрея Голицына, Лыкова и Проко-
пія Лапунова¹³⁰ къ Коширѣ. Самозванецъ
Петръ, какъ главный предводитель зло-
дѣевъ, велѣлъ также занять сей городъ
5 Ію- Теляшевскому. Рати сошлись на берегахъ
11. Восми¹³¹; началось дѣло кровопролитное,

и мятежники одолѣвали: но Голицынъ и Г.
Лыковъ кинулись въ пылъ битвы съ вос- 1607.
кличанїемъ: «итѣ для насъ бѣгства; одна Доб-
«мерть или побѣда!» и сильнымъ, от- Вое-
чаяннымъ ударомъ смяли непрїателя. Те- водъ
ляшевскій ушелъ въ Тулу, оставивъ Мо- скихъ.
сквицѣямъ всѣ свои знамена, пушки,
обозъ; гнали бѣгущихъ на простираниѣ
придцати верстъ и взяли 5000 плѣн-
ныхъ. Храбрѣйшіе изъ злодѣевъ, Козаки
Терскіе, Яицкіе, Донскіе, Украинскіе, чи-
сломъ 1700, зашли въ оврагахъ, и спрѣ-
ляли; уже не имѣли пороха, и все еще
не сдавались: ихъ взяли силою на пре-
пїй день, и казнили, кромѣ семи чело-
вѣкъ, помилованныхъ за то, что они
спасли нѣкогда жизнь вѣрнымъ Дворянамъ,
которые были въ рукахъ у злодѣя Илей-
ки¹³²: черта достохвальная въ самой не-
умолимой мести!

Обрадованный столь важнымъ успѣ-
хомъ и геройствомъ Воеводъ своихъ еще
болѣе, нежели числомъ враговъ испробе-
ленныхъ, Василій изъявилъ Голицыну и
Лыкову живѣйшую благодарность¹³³; дви-
нулся къ Алексину, выгналъ опшуда мя-
шежниковъ, шелъ къ Тулѣ. Еще злодѣи
хотѣли отвѣдать счастья, и въ семи
верстахъ отъ города, на рѣкѣ Воронежъ,

Г. 1607. сразились съ полкомъ Князя Скопина-Шуйскаго: стояли вмѣстѣ крѣпкомъ, въ лѣсу, между топями, и долго пропивились; наконецъ Москвитяне зашли имъ въ тылъ, смѣшали ихъ и вогнали въ городъ; нѣкоторые вломились за ними даже въ улицы, но тамъ пали: ибо Воеводы безъ Царскаго указа не дерзнули на общій приступъ; а Царь жалѣлъ людей или опасался неудачи, зналъ, что въ Тулѣ было еще не менѣе двадцати тысячъ злодѣевъ отчаянныхъ: Россіяне умѣли оборонять крѣпости, не умѣя брать ихъ. Обложили Осада Тулу. Князь Андрей Голицынъ занялъ до-
Тулѣ. рогу Коширскую: Мстиславскій, Скопинъ и другіе Воеводы Кропивинскую; прижельный снарядъ огнестрѣльный разставили за штурами близъ рѣки Уны; далѣе, въ трехъ верстахъ отъ города, шатры Царскіе. Началась осада, медленная и кровопролитная, подобно Калужской: шопъ же Болотниковъ и съ шюю же смѣлостію бился въ вылазкахъ¹³⁴; презирая смерть, казался и невредимымъ и неушомимымъ: три, чешыре раза въ день нападалъ на осаждающихъ, которые одерживали верхъ единственно превосходствомъ силы, и не могли хвалиться дѣйствіемъ своихъ тяжелыхъ стѣнобитныхъ орудій, стрѣляя

30 Ию-
ня.

только издали и не мѣшко. Воеводы Московскіе взяли Дѣдиловъ, Кропивну, Епифань, и не пускали никого ни въ Тулу, ни изъ Тулы: Василій хотѣлъ одолѣть ея жестокое сопротивленіе голодомъ, чтобы въ одномъ гнѣздѣ захвативъ всѣхъ главныхъ злодѣевъ, и тѣмъ прекратить бѣдспивенную войну междоусобную. »Но «Россія,» говоритъ Лѣтописецъ¹³⁵, »упо-» пала въ пучинѣ крамолъ, и волны спре-» мились за волнами: рушились однѣ, под-» нимались другія.«

Замышляя измѣну, Шаховскій надѣялся, вѣроятно, одною сказкою о Царѣ изгнанникѣ низвергнуть Василія и дать Россіи инаго Вѣнценосца, новаго ли бродягу, или кого нибудь изъ Вельможъ, знаменитыхъ родомъ, если, не взирая на свою дерзость, не смѣлъ мечтать о коронѣ для самого себя; но, обманутый надеждою, уже сполъ на краю бездны. Ежедневно уменьшались силы, запасы и ревность спѣшенныхъ въ Тулѣ мятежниковъ, которые спрашивали: »гдѣ же »тошъ, за кого умираемъ? гдѣ Димитрій?« Шаховскій и Болотниковъ клялись имъ: первый, что Царь въ Липвѣ; второй, что онъ видѣлъ его тамъ собственными глазами. Оба писали въ Галицію, къ ближ-

Г.
1607.

г. 1607. нимъ и друзьямъ Мнишковымъ, пребуя
отъ нихъ какого нибудь Димитрія или
войска, предлагая даже Россію Ляхамъ,
такими словами: »Отъ границы до Мо-
»сквы все наше: придите и возьмите;
»шолько избавыте насъ отъ Шуйска-
го¹³⁶. Съ письмами и наказомъ послали
въ Литву Ашамана Козаковъ Днѣпров-
скихъ, Ивана Маршинова Заруцкаго, смѣ-
лаго и лукаваго: умѣвъ ночью пройши
сквозь спанъ Московскій, онъ не хотѣлъ
ѣхать далѣ Стародуба, жилъ въ семь
городѣ безопасно и пыпалъ въ гражда-
нахъ ненависть къ Василию. Послали дру-
гаго вѣспника, который доспигъ Сен-
домира, не нашелъ тамъ никакого Дими-
трія, но заставилъ ближнихъ Мнишко-
выхъ искасть его¹³⁷: искали и нашли бро-

Явле- дягу, жишеля Украйны, сына Поповскаго,
не по- Манивля Веревкина, какъ увѣраюшъ Лѣ-
ваго тописцы, или Жида, какъ сказано въ со-
Лже- временныхъ бумагахъ государственныхъ¹³⁸.
димит- Сей Самозванецъ и видомъ и свойствамъ
рія. оплчался отъ Разстриги: былъ грубъ,
свирѣпъ, корыстолюбивъ до низости;
шолько подобно Опреньеву, имѣлъ дер-
зоспъ въ сердцѣ и нѣкоторую хитроспъ
въ умѣ; владѣлъ искусно двумя языками,
Русскимъ и Польскимъ; зналъ твердо Св.

Писаніе и Кругъ Церковный¹³⁹; разумѣлъ, г. 1607.
если вѣришь одному чужеземному Исто-
рику¹⁴⁰, и языкъ Еврейскій, чиналъ Таль-
мудъ, книги Раввиновъ, среди самыхъ
опасностей воинскихъ; хвалился мудро-
стію и предвидѣніемъ будущаго¹⁴¹. Панъ
Мѣховецкій, другъ перваго обманщика,
сдѣлался руководителемъ и наставникомъ
впораго; впечатлѣлъ ему въ память всѣ
обстоятельства и случаи Лжедимитріе-
вой исторіи, — открылъ много и тай-
наго, чтобы изумлять тѣмъ любопыт-
ныхъ; взялъ на себя чинъ его Гепмана;
пригласилъ сподвижниковъ, какъ нѣкогда
Воевода Седемьмирскій, чтобы возвратить
Державному изгнаннику Царство; нахо-
дилъ менѣ легковѣрныхъ, но столько же,
или еще болѣе, ревнистелей славы или
корысти. »Не спрашивали« — говоритъ
Историкъ Польскій¹⁴² — »испивный ли
»Димитрій или обманщикъ зоветъ вои-
»шелей? Довольно было того, что Шуй-
»скій сидѣлъ на престолѣ, обогрениомъ
»кровію Ляховъ. Война Ливонская кончи-
»лась: юношество, скучая праздностію,
»кипѣло любовію къ рашной дѣятельно-
»спи; не ждало указа Королевскаго и рѣ-
»шенія Чиновъ Государственныхъ: хотѣ-
»ло и могло дѣйствовать самовольно,« но

Г. конечно съ тайнаго одобренія Сигизмундова и Пановъ Думныхъ. Богатые давали деньги бѣднымъ на предпріятіе, коего цѣлю было расхищеніе цѣлой Державы. Выспавили знамена, образовалось войско; и вѣспъ за вѣспію приходила къ жищеламъ Сѣверскимъ, чшо скоро будетъ у нихъ Димитрій¹⁴³.

Наконецъ, 1 Августа, явились въ Спародубъ два человека: одинъ именовалъ себя Дворяниномъ Андреемъ Нагимъ, другой Алексѣемъ Рукинымъ, Московскимъ Подьячимъ; они сказали народу, чшо Димитрій не далско съ войскомъ и велѣлъ имъ ѣхать впередъ, узнать расположеніе гражданъ: любяшъ ли они своего Царя законнаго? хопяшъ ли служить ему усердно? Народъ единодушно воскликнулъ: «гдѣ онъ? гдѣ пощецъ нашъ? идемъ къ нему всѣ головами¹⁴⁴. Онъ здѣсь, оповѣщивалъ Рукинъ, и замолчалъ, какъ бы ушрашасъ своей нескромности. Тщешно граждане убѣждали его изъясниться; вышли изъ шерпнія, схватили и хопѣли пытать безмолвнаго упряма: тогда Рукинъ объявилъ имъ, чшо мнимый Андрей Нагой есть Димитрій. Никто не усомнился: всѣ кинулись лобызашъ ноги прищельца; вопили: «Хвала Богу! нашлося сокровище

»нашихъ душъ!« Ударили въ колокола, пѣли молебны, щеспили Самозванца, коего прислалъ Мѣховецкій¹⁴⁵, готовящъ ищши въ слѣдъ за нимъ съ войскомъ: прислалъ съ однимъ клевершомъ, безоружнаго, беззащитнаго, по тайному уговору, какъ вѣроапно, съ главными Спародубскими измѣнниками, желя доказашъ Лхамъ, чшо они могутъ надѣлшся на Россіянъ въ войнѣ за Димитрія. Путивль, Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскій, едва услышавъ о прибышій Лжедимитрія, и еще не видя знаменъ Польскихъ, спѣшили изъяснить ему свое усердіе, и дашъ воиновъ. Заблужденіе уже не извиняло злодѣйства: многіе изъ Сѣверянъ знали перваго Самозванца и слѣдственно знали обманъ, видя вщораго, человека имъ неизвѣстнаго; но славили его какъ Царя истиннаго, опъ ненависти къ Шуйскому, опъ буйности и любви къ мятежу. Такъ Апананъ Заруцкій, бывъ наперсникомъ Разспригнымъ, упалъ къ ногамъ Спародубскаго обманщика, увѣряя, чшо будетъ служить ему съ прежнею ревностию¹⁴⁶, и безщыдно исчисляя опасности и битвы, въ коихъ они будшо бы вмѣстѣ храбровали. Но были и легковѣрные, съ горячимъ сердцемъ и воображеніемъ, слабые умомъ,

Г.
1607.

Г. твердые душою. Такимъ оказалъ себя
1607. одинъ Стародубецъ, сынъ Боярскій: взялъ
и вручилъ Царю, въ спанъ подъ Тулою,
письмо опть городовъ Сѣверскихъ, въ ко-
торомъ мятежники совѣтовали Шуйско-
му уступить престолъ Димитрію и
грозили казнію въ случаѣ упорства: сей
посолъ дерзнулъ сказать въ глаза Васи-
лію тоже, называлъ его не Царемъ, а
злымъ измѣнникомъ; терпѣлъ пытку,
хвалея вѣрностію къ Димитрію, и былъ
сожженъ въ пепелъ, не изъявивъ ни чув-
ствительности къ мукамъ, ни сожалѣнія
о жизни, въ изступленіи ревности уди-
вительной¹⁴⁷.

Василій, узнавъ о семъ явленіи Само-
званца, о семъ новомъ движеніи и скопи-
щѣ мятежниковъ въ южной Россіи, отпра-
дилъ Воеводъ, Князей Липвинова-Мосаль-
скаго и Трещяка Сеитова, къ ея предѣ-
ламъ: первый спалъ у Козельска; впорый
занялъ Лихвинъ, Бѣлевъ и Болховъ¹⁴⁸.
Скоро услышали, что Мѣховецкій уже
въ Стародубѣ съ сильными Липовскими
дружинами; что Заруцкій призвалъ нѣ-
сколько тысячъ Козаковъ и соединилъ
ихъ съ толпами Сѣверскими; что Лже-
димитрій, выступивъ въ поле, идетъ
къ Тулу. Воеводы Царскіе не могли спа-

сти Брянска и велѣли зажечь его, когда Г.
жители вышли съ хлѣбомъ и солью на 1607.
встрѣчу къ мнимому Димитрію¹⁴⁹. Въ
сіе время одинъ изъ Польскихъ друзей
его, Николай Хармскій, исполненный къ
нему усердія и надежды завоевать Рос-
сію, писалъ къ своимъ ближнимъ въ Ли-
пву слѣдующее письмо любопытное¹⁵⁰:
»Царь Димитрій и всѣ наши благородные
»вицязи здравствуютъ. Мы взяли Брянскъ,
»сожженный людьми Шуйскаго, которые
»вывезли отсюда всѣ сокровища, и бѣ-
»жали шакъ скоро, что ихъ не лзя бы-
»ло настигнуть. Димитрій теперь въ
»Карачевѣ, ожидая знаменшаго вспомо-
»женія изъ Липвы. Съ нимъ нашихъ 5000,
»но многіе вооружены худо.... Зовише
»къ намъ всѣхъ храбрыхъ; прельщайте
»ихъ и славою и жалованьемъ Царскимъ.
»У васъ носится слухъ, что сей Дими-
»трій есть обманщикъ: не вѣрьте. Я
»самъ сомнѣвался и хотѣлъ видѣть его;
»увидѣлъ, и не сомнѣваюсь. Онъ набоженъ,
»презвъ, уменъ, чувствителенъ; любитъ
»военное искусство; любитъ нашихъ; ми-
»лостивъ и къ измѣнникамъ: даетъ плѣн-
»нымъ волю служить ему или снова Шуй-
»скому. Но есть злодѣи: опасаясь ихъ,
»Димитрій никогда не спитъ на своемъ

г. 1607. »Царскомъ ложѣ, гдѣ только для вида
»великиѣ быть стражѣ: положивъ шамъ
»кого нибудь изъ Русскихъ, самъ уходитъ
»ночью къ Гепману или ко мнѣ, и воз-
»вращается домой на разсвѣтѣ. Часто
»бываетъ тайно между воинами, желая
»слышать ихъ рѣчи, и все знаетъ. Зная
»даже и будущее, говоритъ, что ему
»власноватъ не долѣ прехъ лѣтъ; что
»линился престола измѣною, но опять
»воцарится и распространитъ Государ-
»ство. Безъ прибытія новыхъ, сильнѣй-
»шихъ дружинъ Польскихъ, онъ не ду-
»маетъ спѣшить къ Москвѣ, если воз-
»мемъ и самого Шуйскаго, который въ
»ужасѣ, въ смященіи снялъ осаду Тулы¹⁵¹;
»всѣ бѣгутъ отъ него къ Димитрію.....
Но Самозванецъ, ославивъ за собою Бол-
ховъ, Бѣлевъ, Козельскъ, и разбивъ Князя
Липвинова-Мосальскаго близъ Мещовска,
на пути къ Тулѣ свѣдалъ, что въ ней
славится уже не Димитріево, а Василіе-
во имя.

Еще мясоежники оборонялись шамъ
усильно до конца лѣта, хотя и терпѣли
недостатокъ въ сѣбныхъ припасахъ,
въ хлѣбѣ и соли. Счастливая мысль одно-
го воина дала Царю способъ взять сей
Взя-
mie
Тулѣ городъ безъ кровопролитія. Муромецъ,

Сынъ Болгарскій, именемъ Суминъ Кровковъ, г. 1607.
предложилъ Василію затопить Тулу, изъяс-
нить возможность успѣха, и ручался
въ шомъ жизнию¹⁵². Приспустили къ дѣлу;
собрали мельниковъ; велѣли рапникамъ
носить землю въ мѣшкахъ на берегъ
Упы, ниже города, и запрудили рѣку де-
ревянною плотиною: вода поднялась, вы-
шла изъ береговъ, влилась въ острогъ,
въ улицы и дворы, такъ, что осажден-
ные бѣжали изъ дому въ домъ на лодкахъ¹⁵³;
только высокія мѣста остались сухи и
казались грядями оспрововъ. Битвы, вы-
лазки пресѣклись. Ужасъ попопа и голода
смирилъ мясоежниковъ: они ежедневно цѣ-
лыми толпами приходили въ станъ къ
Царю, винились, пребывали милосердія и
находили его, всѣ безъ исключенія. Глав-
ные злодѣи еще нѣсколько времени упор-
ствовали: наконецъ и Теляшевскій, Ша-
ховскій, самъ непреклонный Болотниковъ,
извѣстивъ Василія, что гоповы предашь
ему Тулу и Самозванца Петра, если Цар-
скимъ словомъ удостовѣрены будутъ въ
помилованіи, или, въ противномъ случаѣ,
умрутъ съ оружіемъ въ рукахъ, и ско-
рѣ съѣдятъ другъ друга отъ голода, не-
жели сдадутся. Уже зная, что новый
Лжедимитрій недалеко, Василій обѣщалъ

Г. милость, — в 10 Октября Болринъ Ко-
 1607. лычевъ, всунувъ въ Тулу съ воннами
 Московскими, взялъ подлыйшаго изъ зло-
 дѣевъ, Илейку. Болонниковъ явился, съ
 головы до ногъ вооруженный, предъ ша-
 пирами Царскими, сошелъ съ коня, обна-
 жилъ саблю, положилъ ее себѣ на шею,
 палъ ницъ и сказалъ Василию: »Я испол-
 нилъ обѣтъ свой: служилъ вѣрно тому,
 »кто называлъ себя Димитріемъ въ Сен-
 »домирѣ: обманщикъ или Царь истинный,
 »не знаю; но онъ выдалъ меня. Теперь я
 »въ твоей власти: вотъ сабля, если хо-
 »чешь головы моей; когда же оставишь
 »мнѣ жизнь, то умру въ твоей службѣ,
 »усерднѣйшимъ изъ рабовъ вѣрныхъ«¹⁵⁴.
 Онъ угадывалъ, кажется, свою долю. Ми-
 лованъ такихъ злодѣевъ есть пресупле-
 ніе; но Василій обѣщалъ, и не хотѣлъ
 явно нарушить слова: Болонникова, Ша-
 ховскаго и другихъ начальниковъ мятежа
 оправили, въ слѣдъ за скованнымъ Илей-
 кою, въ Москву съ приставами; а Князя
 Теляшевскаго, знаменнѣйшаго и шѣмъ ви-
 повнѣйшаго измѣнника, изъ уваженія къ
 его именитымъ родственникамъ, не ли-
 шили ни свободы, ни Болрства, къ по-
 срамленію сего Вельможнаго достоинства
 и къ соблазну государственному¹⁵⁵: сла-

бость безспыдная, вреднѣйшая жестоко-
 сти! Г. 1607.

Но общая радость все прикрывала.
 Взятіе Тулы праздновали какъ завоеваніе
 Казанскаго Царства или Смоленскаго Кня-
 жества¹⁵⁶; и желая, чѣобы сія радость
 была еще искреннѣе для войска упомяну-
 таго, Царь далъ ему отдыхъ: уволилъ
 Дворянъ и Дѣшей Болрскихъ въ ихъ по-
 мѣстья, свѣдавъ, что Лжедимитрій испу-
 ганнъ судьбою Лжепетра, ушелъ назадъ
 къ Трубчевску¹⁵⁷. Вопреки опыту прези-
 рая новаго злодѣя Россіи, Василій не спѣ-
 шилъ изгнать его; послалъ только
 легкія дружины къ Брянску, а конницу
 Черемисскую и Тапарскую въ Сѣверскую
 землю для грабежа и казни виновныхъ
 ея жителей¹⁵⁸; не хотѣлъ ждать, чѣобы
 сдалися Калуга, гдѣ еще держались кле-
 врепы Болонникова съ Ашаманомъ Скоп-
 ницкимъ¹⁵⁹: велѣлъ осаждать ее малочи-
 сленной рати, и возвратился въ столицу.
 Москва встрѣтила его какъ побѣди- 21 О.
 теля¹⁶⁰. Онъ въѣзжалъ съ необыкновен-
 ной пышностію, съ двумя тысячами
 нарядныхъ всадниковъ, въ богатой ко-
 лесницѣ, на прекрасныхъ бѣлыхъ коняхъ;
 умиленно слушалъ рѣчь Папиріарха, ви-
 дѣлъ знаки народнаго усердія, и казался

Г. 1607. счастливымъ! Три дни славили въ храмахъ милость Божию къ Россіи; пять дней молился Василій въ Лавръ Св. Сергія, и заключилъ церковное торжество дѣйствіемъ государственнаго правосудія: злодѣя Илейку повѣсили на Серпуховской дорогѣ, близъ Данилова Монастыря¹⁶¹. Болонникова, Ашамана Ѳедора Нагибу и спротививъшихъ мѣтежниковъ отвезли въ Каргополь и тайно утопили. Шаховскаго сослали въ Каменную Пустыню Кубенскаго Озера, а вѣроломныхъ Нѣмцевъ, взятыхъ въ Туль, числомъ 52, и съ ними Медика Фидлера, въ Сибирь¹⁶². Всѣхъ другихъ плѣнниковъ оставили безъ наказанія и свободными. Калуга, Козельскъ еще пропивились; вся южная Россія, отъ Десны до устья Волги, за исключеніемъ немногихъ городовъ, признавала Царемъ своимъ мнимаго Димитрія: сей злодѣй, отступивъ, ждалъ времени и новыхъ силъ, чтобы итти впередъ, — а Москва, упомянутая тревогами, наслаждалась тишиною, послѣ ужасной грозы и предъ ужаснѣйшею! Испытавъ умъ, твердость Царя и собственное мужество, вѣрные Россіяне думали, что главное сдѣлано; хопѣли временнаго успокоенія и надѣялись легко довершить оспальное.

Такъ думалъ и самъ Василій. Бывъ Г. 1607. дополь въ непрестанныхъ заботахъ и въ безпокойствѣ, мысливъ единственно о спасеніи Царства и себя отъ гибели, онъ вспомнилъ наконецъ о своемъ счастьи и невѣстѣ: жестокою Полипникомъ лишенный удовольствія быть супругомъ и отце^{Бракъ Василіевъ. Г. 1608. Января 17.}мъ въ лѣтахъ цвѣтущихъ, спѣшилъ вкусить его хотя въ лѣтахъ преклонныхъ, и женился на Маріи, дочери Болрина Князя Пепира Ивановича Буйносова-Роспловскаго¹⁶³. Вѣрить ли сказанію одного Лѣтописца¹⁶⁴, что сей бракъ имѣлъ слѣдствіа бѣдственныя; что Василій, алчный къ наслажденіямъ любви, столь долго ему неизвѣстнымъ, предался нѣгѣ, роскоши, лѣности: началъ слабѣть въ государственной и въ рапной дѣятельности, среди опасностей засыпать духомъ, и своимъ небреженіемъ охладилъ ревность лучшихъ Совѣтниковъ Думы, Воеводъ и воиновъ, въ Царствѣ Самодержавномъ, гдѣ все живешь и движешься Царемъ, съ нимъ бодрствуешь или дремлешь? Но согласно ли такое очарованіе любви съ природными свойствами челоѣка, копорый въ недосугахъ заговора и властвованія смущаго цѣлые два года забывалъ милую ему невѣсту? И какое очарованіе

Г. могло устоять противъ такихъ бѣдъ.
1608. спивій?

По крайней мѣрѣ до сего времени Василій бодрствовалъ не только въ усиліяхъ истребить мятежниковъ, но съ удивительнымъ хладнокровіемъ, едва избавивъ отъ нихъ Москву, занимался и земскими или государственнымъ успаваніемъ и способами народнаго образованія, какъ бы среди глубокаго мира. Въ Мартѣ 1607 года, имѣвъ торжественное разсужденіе съ Патриархомъ, Духовенствомъ и Синклитомъ, онъ издалъ Соборную грамоту о бѣглыхъ крестьянахъ, велѣлъ ихъ возвращить шѣмъ владѣльцамъ, за коими они были записаны въ книгахъ съ 1593 года: то есть, подтвердилъ Уложеніе Феодора Иоанновича, но сказавъ, что оно есть дѣло Годунова, неодобренное Болрами старѣйшими, и произвело въ началѣ много зла, неизвѣстнаго въ Иоанново время, когда земледѣльцы могли свободно переходить изъ селенія въ селеніе¹⁶⁵. Далѣе уставлено въ сей грамотѣ, что принимающій чужихъ крестьянъ долженъ плащать въ казну 10 рублей пени съ человѣка, а господамъ ихъ при рубли за каждое лѣто; что подговорщикъ, сверхъ денежной пени, наказываея кнутомъ;

Закононы.

что мужъ бѣглой дѣвки или вдовы дѣлаея рабомъ ея господина; что если Г. 1608. господинъ не женилъ раба до двадцати лѣтъ, а рабы не выдастъ за-мужъ до осьмнадцати, то обязанъ данъ имъ волю и не имѣеть права жаловаться въ судъ на ихъ бѣгство, даже и въ случаѣ кражи или сноса: законъ благонамѣренный, полезный не только для размноженія людей, но и для чистоты нравственной!

Тогда же Василій велѣлъ перевести съ Нѣмецкаго и Латинскаго языка *Уставъ* ^{Уставъ} *Дѣлъ Ратныхъ*, желая, какъ сказано въ ^{Войн-скій.} началѣ онаго, чтобы «Россіянъ знали есѣ шовья хитрослѣны воинскія, коими хвалялися Испанія, Франція, Испанія, Австрія, Голландія, Англія, Ливонія, и могли не только силой, но и смыслу смысломъ противиться съ успѣхомъ, въ такое время, когда умъ человеческій всего болѣе вперенъ въ науку необходимую для благосостоянія и славы Государствъ: въ науку побѣждать враговъ и хранить вѣдѣность земли своей»¹⁶⁶. Ничто не забыто въ сей любопытной книгѣ: даны правила для образованія и раздѣленія войска, для строя, похода, станова, обоза, движеній пѣхоты и конницы, стрѣльбы

Г. пушечной и ружейной, осады и приступы 1608. повъ, съ ясностію и точностію. Не забыты и нравственные средства. Предъ всякою битвою надлежало Восводѣ ободрять воиновъ *лицемъ веселымъ*¹⁶⁷, напоминая имъ отечество и присягу; говорить: «я буду впереди... лучше умереть съ честію, нежели жить безчестно,» и съ симъ вручать себя Богу.

Угождалъ народу своею любовію къ старымъ обычаямъ Русскимъ, Василій не хотѣлъ однакожь, въ угодность ему, гнать иноземцевъ: не оказывалъ къ нимъ пристрастія, коимъ упрекали Разспригу и даже Годунова, но не давалъ ихъ въ обиду мятежной черни¹⁶⁸; выслалъ ревностныхъ тѣлохранителей Лжедимитріевыхъ и четырехъ Медиковъ Германскихъ за шѣсную связь съ Поляками, — оставивъ лучшаго изъ нихъ, лекаря Вазмера, при себѣ¹⁶⁹: но старался милостію удерживать всѣхъ чуждыхъ Нѣмцевъ въ Москвѣ и въ Царской службѣ, какъ воиновъ, такъ и людей ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, любя гражданское образованіе, и зналъ, что они нужны для успѣховъ его въ Россіи; однимъ словомъ, имѣлъ желаніе, не имѣлъ только времени сдѣлаться просвѣщеніемъ опечесива... и

въ какой вѣкъ! въ какихъ обстоятельствахъ ужасныхъ!

ГЛАВА II.

Продолженіе Василіева царствованія.

Бѣгство Воеводъ отъ Калуги. Самозванецъ усиливается. Дѣло знаменитое. Грамота Лжедимитріева. Предложеніе Шведовъ. Побѣда Лисовскаго. Побѣда Самозванца. Ужасъ въ Москвѣ. Измѣна Восводѣ. Самозванецъ въ Тушинѣ. Перемиріе съ Липовою. Коварство Ляховъ. Побѣда Сапѣги. Марина и Мпишекъ у Самозванца. Скопикъ посланъ къ Шведамъ. Бѣгство къ Самозванцу. Развратъ въ Москвѣ. Знаменитая осада Лавры. Измѣна городовъ. Ужасное состояніе Россіи. Тушиню. Договоръ Самозванца съ Мпишкомъ. Польша объявляетъ войну Россіи. Крайность Россіи и перемѣна къ лучшему.

Г. 1607 — 1609.

Въ то время, когда Москва праздно- Г. вала Василіево бракосочетаніе, война ме- 1607 — 608. ждоусобная уже снова пылала.

Калуга упорствовала въ бунтѣ. Отъ имени Царя ѣздилъ къ ея жителямъ и людямъ воинскимъ прощенный измѣнникъ, Атаманъ Беззубцевъ¹⁷⁰, съ убѣжденіемъ смиришься. Они сказали: «не знаемъ Царя,

Г. 1607. «кроме Димитрія: ждемъ и скоро его увидимъ!» Вѣроятно, что явленіе вѣнорого Лжедимитрія было имъ уже извѣстно. Василій, жалѣя упомлять войско трудами зимней осады, предложилъ, весьма осторожно, четырѣмъ тысячамъ Донскихъ мясѣжниковъ, которые въ битвѣ подъ Москвою ему сдались¹⁷¹, загладишь вину свою взятіемъ Калуги: Донцы изъявили не только согласіе, но и живѣйшую ревность; клялись оказать чудеса храбрости; прибыли въ Калужскій станъ къ Государевымъ Воеводамъ, и чрезъ нѣсколько дней возбуждены, такъ, что устрашенные Воеводы бѣжали отъ нихъ въ Москву. Частъ мясѣжниковъ вступила въ Калугу; другіе ушли къ Самозванцу.

Бѣгство Воеводъ отъ Калуги.

Сей наглый обманщикъ не долго былъ въ бездѣйствіи. Дружины за дружинами приходили къ нему изъ Липвы, конныя и пѣхотныя, съ вождями знаменитыми: въ числѣ ихъ находились Мозырскій Хорунжій, Іосифъ Будило, Паны Тишкѣвичи и Лисовскій, бѣглець, за какое-то пресупленіе осужденный на казнь въ своемъ отечествѣ: смѣлостію и мужествомъ выпяль, ремесломъ грабитель¹⁷². Узнавъ, что Василій распустилъ главное войско, Лжедимитрій, по совѣту Лисовскаго, не-

Самозванецъ усиливается.

медленно выступилъ изъ Трубчевска съ Г. 1607. семью тысячами Ляховъ, осмью тысячами Козаковъ и немалымъ числомъ Россіянъ. Воеводы Царскіе, Князь Михайло Кашинъ и Ржевскій, укрѣпились въ Брянскѣ¹⁷³. Самозванецъ осадилъ его, но не могъ взять, отъ храбрости защитниковъ, которые терпѣли голодъ, ѣли лошадей, и не имѣя воды, доставали ее своего кровію, ежедневными вылазками и битвами. Рать Лжедимитріева усилилась шайками новыхъ Донскихъ выходцевъ: они представили ему какого-то неизвѣстнаго бродягу, мнимаго Царевича Θεодора, будто бы вѣнорого сына Ирины; но Лжедимитрій не хотѣлъ признавать его племянникомъ и велѣлъ умертвить. Осада длилась, и Василій успѣлъ принять мѣры: Болринъ Князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ изъ сполиты, а Князь Липвиновъ изъ Мещовска шли спасши Брянскъ. Липвиновъ первый съ дружинами Московскими достигъ береговъ Десны, видѣлъ сей городъ и станъ Лжедимитріевъ на другой сторонѣ ея, но не могъ перейти туда, ибо рѣка покрывалась льдомъ: осажденные также видѣли его; кричали своимъ Московскимъ братьямъ: «спасите насъ! не имѣемъ куска хлѣба!» и съ сле-

Г. 1607. Дѣло знаменное
 Г. 1608.
 зами простирали къ нимъ руки¹⁷⁴. Сей день (15 Декабря 1607) остался памятнымъ въ нашей Исторіи: Липвиновъ кинулся въ рѣку на конѣ; за Липвиновымъ всѣ, восклицая: лучше умереть, нежели «выдасть своихъ: съ нами Богъ!» плыли, разгребая ледъ, подъ выстрѣлами непріятеля, изумленнаго такою смѣлостію; вышли на берегъ, и сразились. Кашинъ и Ржевскій сдѣлали вылазку. Непріятель между двумя огнями не устоялъ, смѣшался, отступилъ. Уже побѣда совершилась, когда приспѣлъ Куракинъ, дивясь мужеству добрыхъ Россіянъ и славить Бога Русскаго; но самъ, какъ главный Воевода, не отличился: только запасъ городъ всѣмъ нужнымъ для осады; укрѣпился на лѣвомъ берегу Десны, и далъ время непріятелю образумиться. Рѣка спала. Лжедмитрій соединилъ полки свои и напалъ на Куракина. Бились мужественно, нѣсколько разъ, безъ рѣшительнаго слѣдствія, и войско Царское, ославивъ Брянскъ, заняло Карачевъ. Не имѣя надежды взять ни того, ни другаго города, Самозванецъ двинулся впередъ, мирно вступилъ въ Орель, и написалъ опшуду слѣдующую грамоту къ своему мнимому шесню, Воеводѣ Сендомирскому:

Г. 1608. Грамота Лжедмитріева.
 «Мы, Димитрій Іоанновичъ, Божіею милостію Царь всея Россіи, Великій Князь Московскій, Дмитровскій, Углицкій, Городецкій.... и другихъ многихъ земель и Тагарскихъ Ордъ, Московскому Царству подвластныхъ, Государь и наследникъ.... Любезному опшцу нашему! Судьбы Всевышняго непоспихимы для ума человеческого. Все, что бываетъ въ мірѣ, искони предопредѣлено Небомъ, котораго страшный судъ совершился и надо мною: за грѣхи ли нашихъ предковъ или за мои собственныя изгнанный изъ опшества, и скипаясь въ земляхъ чуждыхъ, сколько терпѣлъ я бѣдствій и печали! Но Богъ же милосердый, не помянувъ моихъ беззаконій, и спасъ меня отъ измѣнниковъ, возвращаетъ мнѣ Царство, наказаетъ нашихъ злодѣевъ, преклоняетъ къ намъ сердца людей, Россіянъ и чужеземцевъ, такъ, что надѣмся скоро освободить васъ и всѣхъ друзей нашихъ, къ неописанной радости вашего сына. Богу единому слава! Да будетъ также вамъ извѣстно, что Его Величество, Король Сигизмундъ, нашъ пріишель, и вся Рѣчь Посполитая усердно содѣйствуютъ мнѣ въ опшисканіи наследственной Державы¹⁷⁵. Сія грамота, вѣроятно, не дошла до

Г. Мнишка, заключеннаго въ Ярославѣ, но 1608. была конечно и писана не для него, а единственно для тѣхъ, которые еще могли вѣрить обману.

Самозванецъ зимовалъ въ Орлѣ спокойно, умножая число подданныхъ обольщеніемъ и силою; слѣдуя правилу Шаховскаго и Болопинкова, возмущалъ крестьянъ: объявлялъ независимость и свободу тѣмъ, коихъ господа служили Царю; жаловалъ холопей въ чины, давалъ помѣстья своимъ усерднымъ слугамъ, иноземцамъ и Русскимъ¹⁷⁶. Тамъ прибыли къ нему знаменитые Князья Рожинскій и Адамъ Вишневецкій, съ двумя или тремя тысячами всадниковъ¹⁷⁷. Первый, властолюбивый, надменный и необузданный, въ жаркой распрѣ собственною рукою умертвилъ Мѣховецкаго, друга, наставника Лжедмитріева, и заступилъ мѣсто убитаго: сдѣлался Гетманомъ бродяги, презираемаго имъ и всѣми умными Ляхами.

Но Василій уже не могъ презирать его злодѣя: еще не думая оставить юной супруги и столицы, онъ ввѣрилъ рабъ любимому своему брату, Дмитрію Шуйскому, Князьямъ Василю Голицыну, Лыкову, Волконскому, Нагому¹⁷⁸; велѣлъ присоединиться къ нимъ Куракину, конницѣ

Татарской и Мордовской, посланной еще Г. изъ Тулы на Сѣверскую землю¹⁷⁹, и если 1608. не былъ, то по крайней мѣрѣ казался удостовереннымъ, что власть законная, не взирая на смятеніе умовъ въ Россіи, одолѣетъ крамолу. Въ сіе время чиновникъ Шведскій, Пепрей, находясь въ Москвѣ, осперегалъ Василя: доказывая, что явленіе Лжедмитріевъ есть дѣло Сигизмунда и Папы, желающихъ овладѣть Россією, предлагалъ намъ, отъ имени Карла IX, союзъ и значительное вспоможеніе¹⁸⁰; Пред-но Василій—такъ же, какъ и Годуновъ¹⁸¹ — лож-не сказалъ, что ему нуженъ только одинъ Шве-помощникъ, Богъ, а другихъ не надобно. довѣ. Къ несчастію, онъ долженъ былъ скоро перемѣнить мысли.

Главный Воевода, Дмитрій Шуйскій, отличался единственно величавостію и спесію; не былъ ни любимъ, ни уважаемъ войскомъ¹⁸²; не имѣлъ ни духа ратнаго, ни прозорливости въ совѣтахъ и въ выборѣ людей; имѣлъ зависѣть къ достоин-ствамъ блестящимъ и слабостъ къ ласка-телямъ коварнымъ: для того, вѣроятно, не взялъ юнаго, счастливаго вишля, Скопина-Шуйскаго, и для того взялъ Князя Василя Голицына, знаменитаго измѣн-ми. Рать Московская остановилась въ

Г. Болховъ; не дѣйствовала, за погдашними
1608. глубокими снѣгами¹⁸³, до самой весны, и
дала непріятелю усилився. Шуйскій и
сподвижники его, утѣренные зимнимъ
походомъ, съ семидесятью тысячами вои-
новъ¹⁸⁴ отдыхали; а толпы Лжедими-
тріевы, не боясь ни морозовъ, ни снѣ-
говъ, вездѣ разсыпались, брали города,
жгли села и приближались къ Москвѣ.
Начальники Рязани, Князь Хованскій и
Думный Дворянинъ Ляпуновъ, хотѣли
выгнать мяшежниковъ изъ Пронска, овла-
дѣли его внѣшними укрѣпленіями и вло-
мились въ городъ; но Ляпунова тяжело
ранили: Хованскій опуступилъ — и чрезъ
Побѣ-нѣсколько дней, подъ стѣнами Зарайска,
да Лисов-былъ на голову разбитъ Паномъ Лисов-
скаго. скомъ¹⁸⁵, которъ оставилъ памѣ па-
мятникъ своей побѣды, внимый и до-
нынѣ: высокій курганъ, насыпанный надъ
могилою убитыхъ въ семь дѣлъ Россіянъ.
Царю надлежало защищать Москву но-
вымъ войскомъ. Писали къ Димитрію Шуй-
скому, чѣобы онъ не медилъ, шелъ и
Апрѣ-дѣйствовалъ: Шуйскій наконецъ выступилъ,
ля 13. и верстахъ въ десяти отъ Бол-
хова уже встрѣпилъ Самозванца¹⁸⁶.

Первый вступилъ въ дѣло Князь Ва-
силій Голицынъ, и первый бѣжалъ; глав-

ное войско также дрогнуло: но запасное, Г.
подъ начальствомъ Куракина, смѣлымъ 1608.
ударомъ остановило спремленіе непріа-
теля. Бились долго, и разошлись безъ
побѣды. Съ честію пали многіе войны,
Московскіе и Нѣмецкіе, коихъ главный
сановникъ, Ламсдорфъ, тайно общалъ
Лжедимитрію передаться къ нему со
всею дружиною, но пьяный забылъ о семъ
уговорѣ, и не мѣшалъ ей опличаться
мужествомъ въ битвѣ. Въ слѣдующій
день возобновилось кровопролитіе, и Шуй-
скій, излишно осторожный или робкій,
велѣвъ преждевременно спасать тяжелья
пушки и везти назадъ къ Болхову, далъ
мысль войску о худомъ концѣ сраженія:
чѣмъ воспользовался Лжедимитрій, извѣ-
щенный перемелчикомъ (Болрскимъ Сы-
номъ, Лихаревымъ), и сильнымъ нападе-
ніемъ смялъ ряды Москвитянъ; всѣ бѣ-Побѣ-
жали, еще кромѣ Нѣмцевъ: Капитанъ да Са-
Ламсдорфъ, уже непьяный, предложилъ мо-
имъ брашки соединиться съ Ляхами; но зван-
ца.
многіе, сказавъ: «наши жены и дѣти въ
»Москвѣ,« усаkali въ слѣдъ за Россіяна-
ми. Оспались 200 человекъ при знаме-
нахъ съ Ламсдорфомъ, ждали чести отъ
Лжедимитрія — и были изрублены Ко-
заками: Гешманъ Рожинскій велѣлъ умер-

Г. 1608. пвишь ихъ какъ обманщиковъ, за кровь Ляховъ, убишыхъ ими на канунѣ. Сія измѣна Нѣмцевъ ушла отъ Василія: онъ награждалъ ихъ вдовъ и сиротъ, думая, что Ламсдорфъ съ добрыми сподвижниками легъ за него въ жаркой сѣчѣ¹⁸⁷.

Царскіе Воеводы и воины бѣжали къ Москвѣ; нѣкоторые, съ Княземъ Третьякомъ Сеишовымъ, засѣли въ Болховѣ; другіе ушли въ дома. Болховъ, гдѣ находилось 5000 людей ратныхъ¹⁸⁸, сдѣлся Лжедимитрію: всѣ они присягнули ему въ вѣрности, выспутили съ нимъ къ Калугѣ, но шли особенно, подъ начальствомъ Князя Сеишова. Москва была въ ужасѣ. Ужась въ Москвѣ Бѣглецы, оправдывая себя, въ разсказахъ своихъ умножали силы Самозванца, число Ляховъ, Козаковъ и Россійскихъ измѣнниковъ; даже увѣряли, что сей вѣпорый Лжедимитрій есть одинъ человекъ съ первымъ; что они узнали его въ бѣгствѣ по храбрости еще болѣе, нежели по лицу. Чернь начинала уже винить Бояръ въ несчастной измѣнѣ Самозванцу ожившему, и думала, въ случаѣ крайности, выдать ихъ ему головами¹⁸⁹; нѣкоторые только спрашивались, чтобы онъ, какъ волшебникъ, не увидѣлъ на нихъ крови исперзанныхъ ими Ляховъ или своей соб-

ственной! Но въ то же время достойные Россіяне, многіе Дворяне и Дѣши Болрескіе, оставивъ семейства, изъ ближнихъ городовъ спѣшили въ столицу защищать Царя въ опасности. Явились и мнимые измѣнники Болховскіе, Князь Третьякъ Сеишовъ съ плетью тысячами воиновъ: удостоверенные, что Самозванецъ есть подлый злодѣй, они ушли отъ него съ береговъ Оки въ Москву, извиняясь минувшимъ спрахомъ и неволею¹⁹⁰. Василій составилъ новое войско, и далъ начальство — къ несчастію, поздно — знаменитому Князю Скопину и доброму Боярину, Ивану Романову. Сіе войско спало на берегахъ Незнаки, между Москвою и Калугою, ждало непріятеля, и готовилось къ бѣгству, — но едва не было жершвою гнуснаго заговора. Главные сподвижники Скопина и Романова, чистыхъ сердцемъ предъ людьми и Богомъ, не имѣли ихъ души благородной: Воеводы, Князья Иванъ Камыревъ, Юрій Трубецкій⁹¹, Троекуровъ, думал, что пришла гибель Шуйскихъ, какъ некогда Годуновыхъ, и что лучше ускореніемъ ея снискать милость бродяги, какъ сдѣлалъ Басмановъ, нежели гибнуть вмѣстѣ съ Царемъ несчастнымъ, начали тайно склонять Дворянъ и Дѣшей

Г. 1608.

мѣна
Вое-
водъ

г. 1608. Боярскихъ къ измѣнѣ. Умыселъ открылся: Василій приказалъ ихъ схватить, везти въ Москву, пытать — и, не сомнѣнно уличенныхъ, осудилъ единственно на ссылку, изъ уваженія къ древнимъ родамъ Княжескимъ: Капырева удалили въ Сибирь, Трубецкаго въ Топьму, Троекурова въ Нижній; но менѣе знатныхъ и менѣе виновныхъ преступниковъ, участниковъ злодѣйскаго кова, казнили: Желябовскаго и Невшева¹⁹². Встревоженный симъ происшествіемъ и вѣспію, что Самозванецъ обходитъ станъ Воеводъ Царскихъ и приближается къ Москвѣ другимъ путемъ, Государь велѣлъ имъ также идти къ столице, для ея защиты.

1 Июня Лжедимишрій съ своими Ляхами и Россіянами спалъ въ двѣнадцати верстахъ отъ пуда, на дорогѣ Волоколамской, въ селѣ Тушинѣ¹⁹³, думая однимъ своимъ явленіемъ взволновать Москву и въ Ту-свергнуть Василія; писалъ грамоты къ ея жителямъ, и пицешно ждалъ отвѣта. Войско, вѣрное Царю, заслоняло съ сей стороны городъ. Были кровопролитныя сшибки, но ничего не рѣшили. Увѣряютъ, что Князь Рожинскій хотѣлъ взять Москву немедленнымъ приступомъ, но что Лжедимишрій сказалъ ему: *Если разорите*

мою столицу, то гдѣ же жить царствовать? если сожжете мою казну, то гдѣ же будетъ жить наградить васъ?» «Сія жалость къ Москвѣ погубила его,» пишетъ Испорикъ чужеземный¹⁹⁴, который добродѣтели злостью болѣе, нежели Россіи: «Самозванецъ щадилъ столицу, но не щадилъ Государства, преданнаго имъ въ жернову Ляхамъ и разбойникамъ. На пепелъ Москвы скоро явилась бы новая; она уцѣлѣла, а вся Россія сдѣлалась пепелищемъ.» Но Самозванецъ, имѣя тысячъ пятнадцать Ляховъ и Козаковъ, пятьдесятъ или шестидесятъ тысячъ Россійскихъ измѣнниковъ¹⁹⁵, болышею частью худо вооруженныхъ, дѣйствительно ли имѣлъ способъ взять Москву, обширную твердыню, гдѣ, кромѣ жителей, находилось не менѣе осьмидесяти тысячъ исправныхъ воиновъ подъ защитною крѣпкихъ стѣнъ и безчисленнаго множества пушекъ? Лжедимишрій надѣялся болѣе на измѣну, нежели на силу¹⁹⁶; хотѣлъ опрѣзать Москву отъ городовъ сѣверныхъ, и перенести станъ въ село Тайнинское, но былъ самъ опрѣзанъ: войско Московское заняло Калужскую дорогу, и пресѣкло его сообщеніе съ Украиною, откуда шли къ нему новыя дружины Ли-

г. 1608. повскія и великія запасы: дружины были разсыланы, запасы взяты, и Лжедимирий сплсненъ на маломъ пространствѣ. Усиленнымъ боемъ очистивъ себѣ путь, онъ возвратился въ Тушино¹⁹⁷, избралъ мѣсто выгодное, между рѣками Москвою и Восточною, подлѣ Волоколамской дороги, и сплсшилъ тамъ укрѣпился валомъ съ глубокими рвами (коихъ слѣды видимъ и нынѣ). Воеводы Царскіе, Князь Скопинъ-Шуйскій, Романовъ и другіе¹⁹⁸, стали между Тушинымъ и Москвою, на Ходынкѣ; за ними и самъ Государь, на Прѣснѣ или Ваганковѣ, со всемъ Дворомъ и полками опборными: выѣзжая изъ сплюницы, онъ видѣлъ усердіе и любовь народа, слышалъ его искренніе обѣщанія вѣрности, и пребывалъ опъ него пниины, великодушнаго спокойствія. Сплюница дѣйствительно казалась спокойною, извнѣ оберегаемая Царемъ, внутри особеннымъ засаднымъ войскомъ, коимъ предводительствовали Бояре¹⁹⁹, и которое, храня всѣ укрѣпленія опъ Кремля до слободъ, въ случаѣ нападенія могло одно спасти городъ. Воспоминали нашествіе, угрозы и гибель Болотникова; надѣялись, что будущее поже и Самозванцу, а Царю новая слава, и ежечасно ждали битвы. Но Царь,

готовый обороняться, не думалъ наступать, и далъ время непріятелю укрѣпиться въ Тушинскомъ станѣ: Василій занимался переговорами. г. 1608.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ находились въ Москвѣ чиновники Сигизмундовы, Вишовскій и Князь Друцкій-Соколинскій²⁰⁰, присланные Королемъ поздравить Василія съ воцареніемъ и требовать свободы всѣхъ знатныхъ Ляховъ. Бояре предложили имъ возобновить мирный договоръ Годунова времени, нарушенный Сигизмундомъ споль безсовѣстно; но чиновники Королевскіе объявили, что имъ должно видѣться для того съ Липовскими Послами, заключенными въ Москвѣ, и что безъ нихъ они не могутъ ни чего сдѣлать. Бояре согласились²⁰¹. Живъ 18 мѣсяцевъ въ спрахѣ и въ скукѣ, щепотно хотѣвъ бѣжать и даже силою вырваться изъ неволи²⁰², Олесницкій и Гостѣвскій снова явились въ Кремлевскомъ дворцѣ, какъ Послы, съ вѣрующею грамотою Королевскою; говорили, спорили, расходились съ неудовольствіемъ, чтобы опять сойтись. Мы желали мира: Ляхи желали только освободить единоземцевъ своихъ изъ рукъ нашихъ. Исполняя ихъ пребываніе, Царь велѣлъ привезти въ Москву

Г. Воеводу Сендомирскаго, и дозволилъ ему
1608. бесѣдовать съ ними тайно, наединѣ, безъ
сомнѣнія не въ миролюбивомъ къ намъ
расположеніи.... Но Самозванецъ былъ
уже подъ Москвою! Имѣя одну цѣль:
опытитъ у него союзниковъ - Ляховъ, Ва-
силій дозволилъ Князю Рожинскому навѣ-
дываться, словесно или письменно, о здо-
ровьѣ Пословъ Сигизмундовыхъ: для чего
сановники Липовскіе ѣздили изъ Тушин-
скаго стана въ Москву, свободно и без-
опасно²⁰³. Наконецъ, 25 Іюля, Послы за-
ключили съ Болрами слѣдующій договоръ:

Пере- миріе съ Липовою. »1) Въ теченіе трехъ лѣтъ и одиннадца-
»ти мѣсяцевъ не быть войнѣ между Рос-
»сією и Липовою. 2) Въ сіе время усло-
»вишься о вѣчномъ мирѣ или двадцати-
»лѣтнемъ перемиріи. 3) Обоимъ Государ-
»ствамъ владѣть, чѣмъ владѣютъ. 4) Ца-
»рю не помогать врагамъ Королевскимъ,
»Королю врагамъ Царя, ни людьми, ни
»деньгами. 5) Воеводу Сендомирскаго съ
»дочерью и всѣхъ Ляховъ освободить и
»дать имъ нужное для путешествія до
»границы. 6) Князьямъ Рожинскому, Виш-
»невскому и другимъ Ляхамъ, безъ вѣ-
»дома Королевскаго вступившимъ въ служ-
»бу къ злодѣю, вѣнчатору Лжедимитрію²⁰⁴,
»немедленно оставить его, и впредь не

»приставать къ бродягамъ, которые взду- Г.
»маютъ именовать себя Царевичами Рос- 1608.
»сійскими. 7) Воеводѣ Сендомирскому не
»называть сего новаго обманщика своимъ
»зятемъ, и не выдавать за него дочери.
»8) Маринѣ не именоваться и не писать-
»ся Московскою Царицею²⁰⁵.» Договоръ
утвердили съ обѣихъ сторонъ клятвою;
но не Василій, а Сигизмундъ достигъ цѣ-
ли. Коварство Ляховъ открылось еще во
время переговоровъ.

Чиновники, посылаемые отъ Князя
Рожинскаго изъ Тушина въ Москву, дѣй-Ко-
сцовали какъ лазутчики, высматривая вар-
укрѣпленія города и стана Ходынскаго. сство
Царь былъ неостороженъ: Воеводы еще Ля-
неосторожныѣ. Сперва они бодрствовали ховъ.
неупомимо, днемъ и ночью, въ доспѣ-
хахъ и на коняхъ; вдали легкіе опряды,
вокругъ неусыпная снража. Но шипина,
бездѣйствіе и слухъ о мирѣ съ Ляхами
уменьшили опасеніе: Россіяне уже не бе-
реглися; а Гешманъ Лжедимитріевъ, ночью,
съ Ляхами и Козаками внезапно ударилъ
на станъ Ходынской: захватилъ обозъ и
пушки, рѣзалъ сонныхъ или безоружныхъ,
и гналъ изумленныхъ ужасомъ бѣглецовъ
почти до самой Прѣсни, гдѣ ихъ встрѣ-
щило войско, посланное Царемъ съ Людь-

Г. ми Ближними, Сполюниками, Спряпчими
1608. и Жильцами. Туть началась кровопро-
липная бивша, и непріятель долженъ
былъ опуступить; его пѣснили и гнали
до Ходынки²⁰⁶.

Василій могъ справедливо жаловаться,
что Ляхи, заключая миръ, воюють и
нападають въ распахъ: онъ скоро уви-
дѣлъ ихъ совершенное вѣроломство. Испол-
няя договоръ, Василій вмѣстѣ съ Посла-
ми немедленно оппустилъ въ Липву
Воеводу Сендомирскаго, Марину и всѣхъ
ихъ знатныхъ единомысленцевъ изъ Москвы и
другихъ мѣстъ, гдѣ они содержались;
далъ имъ для храненія воинскую дружи-
ну подъ начальствомъ Кнзя Владиміра
Долгорукаго, и надѣялся, что Рожинскій,
Вишневецкій и другіе Паны, извѣщенные
объ условіяхъ мира, оспавяшъ Лжеди-
мипріа: но никто изъ нихъ не думалъ
оспавить его! Они дали время Посламъ
и Минику удалиться, и снова начали вое-
вать, не внимая убѣжденіямъ нашихъ
Бояръ, которые писали къ нимъ, что
обманъ столь гнусный достоинъ не ви-
шазей Державы Христіанской, а подлыхъ
слугъ злодѣя подлаго; что если Рожин-
скій имѣетъ хотя искру чести въ душѣ,
то обязанъ выдать Самозванца для казни,

и немедленно выйти изъ Россіи²⁰⁷. Число
Ляховъ грабителей еще умножилось семью
тысячами всадниковъ, приведенныхъ въ
Тушино Усвятскимъ Старостою, Яномъ
Петромъ Сапѣгою²⁰⁸. Сей Рыцарь зна-
ный, воинскими способностями превос-
ходя всѣхъ иныхъ сподвижниковъ бродяги,
превосходилъ иныхъ и въ безспыдствѣ:
зналъ, кто онъ; смѣлся надъ нимъ и
надъ Россіянами; говорилъ: «мы жалуемъ
»въ Цари Московскіе, кого хотимъ»²⁰⁹;
жегъ, грабилъ и хвалился *Римскимъ* ге-
ройствомъ! Сапѣга хотѣлъ биввою рѣ-
шить судьбу Москвы, и сопровождалъ на-
паденіями спанъ Ходынский²¹⁰: Рожинскій,
управляя Самозванцемъ, медлилъ, ожидая
скорой измѣны въ столицѣ: ибо тамъ
уже дѣйствовали злодѣи, ненавистники
Василісы; сносились еще съ Послами Ли-
повскими²¹¹, сносились и съ Гешманомъ
Лжедимитріевымъ, давали имъ соеѣты,
готовили предательство. Неперѣливыи
и гордый Сапѣга опдѣлился отъ Гешма-
на; желалъ начальствовать независимо,
завоевать внутреннія области Россіи, и
съ пятнадцатую тысячами двинулся къ
Лаврѣ Сергіевой, чтобы разграбить ея
богатство. Съ другой стороны Панъ Ли-
совскій, именемъ Димитрія присоединивъ

Г. къ своимъ шайкамъ 30,000 измѣнниковъ
1608. Тульскихъ и Рязанскихъ²¹², взявъ Колом-
ну, плѣнилъ шамошняго Воеводу Долго-
рукаго, Епископа Іосифа, Дѣшей Бояр-
скихъ и шелъ къ Москвѣ. Царь выслалъ
противъ него Князей Куракина и Лыко-
ва, копорые на берегахъ Москвы рѣки,
на Медвѣжьемъ Броду, сражались цѣлый
день, разбили непріятеля, освободили Ко-
ломенскихъ плѣнниковъ²¹³ — и Лисовскій,
хотѣвъ явиться въ Тушинѣ побѣдише-
лемъ, явился тамъ бѣглецомъ съ немно-
гими всадниками. Царскіе Воеводы, Иванъ
Бутурлинъ и Глѣбовъ, снова заняли Ко-
ломну.

Сей успѣхъ былъ предпеченоу бѣдствіа.
Князья Иванъ Шуйскій и Григорій Ромо-
дановскій, посланные съ войскомъ въ слѣдъ
за Сапѣгою, наспигли его между селомъ
Здвиженскимъ и Рахманцовымъ: опирали
два нападенія и взяли пушки. Казалось,
что они побѣдили; но Сапѣга, раненный
пулею въ лице, не выпускалъ меча изъ
рукъ, и сказавъ своимъ²¹⁴: »опечесство да-
леко; спасеніе и честь впереди, а за спи-
ною спыдъ и гибель,« преннымъ оп-
чаяннымъ ударомъ смѣшалъ Москвитянъ.
Винили Воеводу Федора Головина, кото-
рый первый дрогнулъ и бѣжалъ; хвалили

Ромодановскаго, который не думалъ о г.
сынѣ, подлѣ него убитомъ, и сражался 1608.
мужественно: другіе слѣдовали примѣру
Головина, а не Ромодановскаго, и, бывъ
числомъ вдвое сильнѣе непріятеля, раз-
сыпались, какъ стадо овецъ. Сапѣга гналъ
ихъ 15 верстъ, взялъ 20 знаменъ и мно-
жество плѣнниковъ. Воеводы съ главны-
ми чиновниками бѣжали по крайней мѣ-
рѣ къ Царю, по воины въ дома свои,
крича: »идемъ защитити нашихъ женъ и
дѣтей отъ непріятеля!²¹⁵«

Другое важное происшествіе имѣло
для Москвы и Россіи еще вреднѣйшее
слѣдствіе. Послы Литовскіе и Мишекъ,
выѣзжая изъ столицы, уже знали, чему
надлежало случиться, бывъ въ тайномъ
сношеніи съ Лжедмитріевыми совѣтни-
ками, какъ мы сказали²¹⁶. Василій далъ
на себя оружіе злодѣямъ, давъ свободу
Маринѣ. Онъ вѣрилъ договору и клявшъ;
но могъ ли благоразумно вѣрить имъ въ
такихъ обстоятельствевахъ, въ такомъ
общемъ забвеніи всѣхъ уставовъ чести
и справедливости? Князь Долгорукій вѣхалъ
съ Послами и съ Воеводою Сендомирскимъ
черезъ Угличъ, Тверь, Бѣлую, къ Смолен-
ской границѣ, и былъ встрѣченъ силь-
нымъ опрядомъ конницы, высланной изъ

Г. 1608. Тушинскаго спана съ двумя чиновными
Ляхами, Зборовскимъ и Спадницкимъ²¹⁷,
чтобы освободить Марину. Долгорукій
не могъ или не хотѣлъ прошивишься;
воины его разбѣжались: онъ самъ уса-
калъ назадъ въ Москву; а чиновники Лже-
димитріевы, объявивъ Маринѣ, что су-
пругъ ждетъ ее съ нешерпѣніемъ, вру-
чили грамоту опцу ея. »Мы сердечно
»обрадовались« — писалъ къ нему Само-
званецъ — »услышавъ о вашемъ отъѣздѣ
»изъ Москвы: ибо лучше знать, что вы
»далѣе, но свободны, нежели думать, что
»вы близко, но въ плѣну. Спѣшите къ
»нѣжному сыну. Не въ уничиженіи, какъ
»теперь, а въ чести и въ славѣ, какъ
»будешь скоро, должна видѣть васъ Поль-
»ша. Мать моя, ваша супруга, здорова и
»благополучна въ Сендомирѣ: ей все из-
»вѣстно.« Мнишекъ и Марина не колеба-
лись. Опечесство, безопасность, вельмо-
жесство и богатство, еще достапочное
для жизни роскошной, не имѣли для нихъ
прелести прона и мценія; ни опасности,
ни спыдъ не могли удержатъ ихъ отъ
новаго, вѣроломнаго и еще гнусѣйшаго
союза съ злодѣйствомъ. Лжедимитрій
звалъ къ себѣ и Пословъ Сигизмундовыхъ:
одинъ Николай Олесницкій возвратился;

Мни-
шекъ
и Ма-
рина
уже-
ство-
Самоз-
ван-
ца.

другіе спѣшили въ Литву²¹⁸, не хотѣвъ
быть свидѣтелями срамнаго торжества
Марины, которая ѣхала къ мнимому Царю
своему пышно и безопасно, мѣстами уже
ему подвластными. Узнавъ, что она при-
ближается, Самозванецъ велѣлъ палить
изъ всѣхъ пушекъ²¹⁹; но Марина остано-
вилась въ шапрахъ за версту отъ Туши-
на: тамъ было первое свиданіе, и не ра-
достное, какъ пишутъ. Марина знала
истину; знала вѣрно, что убитый мужъ
ея не воскресъ изъ мертвыхъ, и заблу-
говременно пригласилась къ обману: съ
печалію однакожь увидѣла сего вѣраго
Самозванца, гадкаго наружностию, груба-
го, низкаго душою — и, еще не мертва
для чувствъ женскаго сердца, содрогну-
лась отъ мысли раздѣлять ложе съ та-
кимъ челоѣкомъ. Но поздно! Мнишекъ
и честолюбіе убѣдили Марину преодо-
лѣть слабость. Условились, чтобы Ду-
ховникъ Воеводы Сендомирскаго, Іезуитъ,
шайно обвѣнчалъ ее съ Лжедимитріемъ,
который далъ слово жить съ нею какъ
братъ съ сестрою, до завоеванія Мо-
сквы²²⁰. Наконецъ, 1 Сентября, Марина
торжественно въѣхала въ Тушинскій
спанъ, и лицедѣйствовала споль неку-
сно, что зрители умилялись ея нѣжно-

Г.
1608.

г. 1608. стію къ супругу: радостныя слезы, объясніа, слова внушенныя, казалось, истиннымъ чувствомъ — все было употреблено для обмана, и не бесполезно: многіе вѣрили ему, или по крайней мѣрѣ говорили, что вѣрятъ, и Россійскіе измѣнники писали къ своимъ друзьямъ: »Димитрій есть безъ сомнѣнія истинный, когда Марина признала въ немъ мужа«²²¹. Сія письма имѣли дѣйствіе: изъ разныхъ городовъ, изъ самага войска Царскаго пріѣхали къ злодѣю Дворяне, люди чиновные, Спольники: Князя Димитрій Трубецкій, Черкасскій, Алексѣй Сицкій, Засѣкны, Михайло Бутурлинъ, Дьякъ Грамопинъ, Третьяковъ и другіе, которые знали перваго Лжедимитрія, и слѣдственно знали обманъ втораго²²². Въ числѣ сихъ немаловажныхъ измѣнниковъ находился и знаменитѣйшій, Вельможа, Дворецкій Опреньева, Князь Василій Рубецъ-Мосальскій: сосланный воеводствовать въ Кексгольмъ, онъ былъ вызванъ или привезенъ въ Москву какъ человекъ подозрительный, видѣлъ себя въ опалѣ и съ дерзостію явился на новомъ театрѣ злодѣйства²²³. Другіе, менѣе безсовѣстные, но малодушные, не ожидая ничего, кромѣ бѣдствій для Царя, разѣхались отъ

него по домамъ²²⁴; не шлоулись, и были г. 1608. ему до конца вѣрны, одни Украинскіе Дворяне и Дѣти Боярскіе, вопреки буншамъ ихъ отчизны кляпой²²⁵.

Видя спрашное начало измѣнъ и ежедневное уменьшеніе войска, Василій рѣшился устранишь гордость народную: доселѣ не хотѣвъ слышать о вспоможеніи иноземномъ, велѣлъ своему знаменишому племяннику, Князю Михаилу Скопину-Шуйскому, ѣхать къ непріятелю Сигизмундову, Карлу IX, заключить съ нимъ союзъ и привести Шведовъ къ спасенію Россіи! Уже Царь могъ безъ видны не вѣрны опечесиву, зараженному духомъ предашельства — и лучшій изъ Воеводъ, хотя и юнѣйшій, въ годину величайшей опасности съ печалію удалился отъ рапи, думая, что онъ возвратился, можетъ быть, уже поздно, не спасти Царя, а только умереть послѣднимъ изъ достойныхъ Россіянъ!... Тогда же Царь писалъ къ Государямъ западной Европы, къ Королю Данскому, Англійскому и къ Императору²²⁶, о вѣроломствѣ Сигизмундовомъ, требуя ихъ вспоможенія или, по крайней мѣрѣ, суда безприсрашнаго. Но не въ такихъ обстоятельствахъ Державы находятъ союз-

Г. 1608. никовъ ревностныхъ: касаясь гибели, Россія могла быть только предметомъ любопытства или безплодной жалости для опдаленной Европы!

Еще оказывая благородную неустрашимость, Василий искалъ если не геройства, то стыда въ Россіяхъ; собралъ воиновъ и спрашивалъ, кто хочетъ стоянь съ нимъ за Москву и за Царство? говорилъ: »Для чего срамышь себя бѣгствомъ? Даю вамъ волю: идите, куда хощите! Пусть только вѣрные останутся со мною!« Казалось, что воины ждали сего великодушнаго слова: пребывали Евангелія и креста; наперерывъ цѣловали его и клялися умереть за Царя..... а на другой и въ слѣдующіе дни толпами бѣжали въ Тушино.... тѣ, которые еще недавно служили вѣрно Іоанну ужасному, измѣняли Царю снисходительному, передавались къ бродягѣ и Ляхамъ, древнимъ непріателямъ Россіи, исполненнымъ злобой мести и справедливаго къ нимъ презрѣнія! Чудесное изступленіе спрасшей, изъясняемое единственно гнѣвомъ Божиимъ! Сей народъ, безмолвный въ грозахъ Самодержавія наследственнаго, уже игралъ Царями, узнавъ, что они могутъ

Бѣгство къ Самозванцу.

быть избираемы и низвергаемы его властію или дерзкимъ своевольствомъ²²⁷! Г. 1608.

Съ такимъ ли войскомъ могъ Василій отважиться на рѣшительную битву въ полѣ? Бывъ дополь защитникомъ Москвы, онъ уже искалъ въ ней защиты для себя: вступилъ со всеми полками въ столицу²²⁸, орошенную кровію Самозванца и Ляховъ, туда, гдѣ страхъ лютой мести долженъ былъ воспаленіемъ и малодушныхъ для опчаяннаго сопротивленія. Въ улицы, стѣны, башни, земляныя укрѣпленія наполнились воинами, подъ начальствомъ мужей Думныхъ²²⁹, которые еще съ видомъ усердія ободряли ихъ и народъ. Но не было уже ни взаимной довѣренности между государственною властію и подданными, ни ревности въ душахъ, какъ бы упомянутыхъ напряженіемъ силъ въ непрестанномъ бореніи съ опасностями грозными. Все ослабло: благоговѣніе къ сану Царскому, уваженіе къ Синклиту и Духовенству. Блескъ Василевой великодушной твердости затмѣвался въ глазахъ страждущей Россіи его несчастіемъ, которое ставили ему въ вину и въ обманъ: ибо сей Властолюбецъ, принимая скипетръ, обѣщалъ благоденствіе Государству. Видѣли ревностную

г. 1608. мольбу Васи́ліеву въ храмахъ; но Богъ не внималъ ей — и Царь злосчастный казался народу Царемъ неблагословеннымъ, отверженнымъ. Духовенство славilo высокоую добродѣтель Вѣнценосца²³⁰, и Бояре еще изъявляли къ нему усердіе; но Москвитяне помнили, что Духовенство славilo и кляло Годунова, славilo и кляло Опрепьева; что Бояре изъявляли усердіе и къ Разспригъ наканунѣ его убіенія. Въ смятеніи мыслей и чувствъ, добрые скорбѣли, слабые недоумѣвали, злые дѣйствовали.... и гнусныя измѣны продолжались.

Столица уже не имѣла войска въ полѣ: конныя дружины непріятельскія, разѣзжая въ виду стѣнъ ея, прикрывали бѣгство Московскихъ измѣнниковъ, воиновъ и чиновниковъ, къ Самозванцу; многіе изъ нихъ возвращались съ увѣреніемъ, что онъ не Димитрій²³¹, и снова уходили къ нему. Злодѣйство уже казалось только легкомысліемъ; уже не мерзли сими обыкновенными бѣглецами, а шутили надъ ними, называя ихъ *перелетали*²³². Развратъ былъ столь ужасенъ, что родственники и ближніе уговаривались между собою, кому оспаваться въ Москвѣ, кому ѣхать въ Тушино, чтобы

Раз-
вратъ
въ Мо-
сквѣ

пользоваться выгодами пош и другой стороны, а въ случаѣ несчастія, здѣсь 1608. или тамъ, имѣть заступниковъ. Въспѣвъ обѣдавъ и пировавъ (тогда еще пировали въ Москвѣ!), одни спѣшили къ Царю въ Кремлевскія палаты, другіе къ Царику: итакъ именovali впрочемъ Лжедимитрія. Взавъ жалованье изъ казны Московской, пребывали инаго изъ Тушинской — и получали! Купцы и Дворяне за деньги снабждали спашъ непріятельскія яствами, солью, плащемъ, оружіемъ, и не тайно: знали, видѣли и молчали; а кто доносилъ Царю, именовался *наушникомъ*²³³. Василій колебался: то не смѣлъ въ крайности быть жестокимъ, подобно Годунову²³⁴, и спускалъ преступникамъ; то хотѣлъ строгостію унять ихъ, и вѣря иногда клеветникамъ, наказывалъ невинныхъ къ умноженію зла. »Вельможи его« — говоритъ Лѣтописецъ — »были въ смущеніи и въ двоумьслии: служили ему языкомъ, а не душою и шѣломъ; нѣкоторые дерзали и словами лезить Царя заочно, вопреки присягѣ и совѣсти.« Не взирая на то, Москва, наученная примѣромъ Опрепьева²³⁵, еще не думала предать Царя; еще вѣрность, хотя и сомнительная, одолевала измѣну въ войскѣ и въ народѣ:

Г. 1608. все колебалось, но еще не падало къ ногамъ Самозванца. Окруженная твердынями, наполненная воинами, столица могла не спрассишься приступа, когда гордый Сапѣга, въ сіе время, щещно силился взять и монаспырскую ограду, гдѣ горсть защитниковъ среди ужасовъ беззаконія и спыда еще помнила Бога и чепь Русскаго имени.

Зна-
менитая
осада
Лав-
ры.

Троицкая Лавра Св. Сергія (въ шестидесяти чепырехъ верстахъ отъ столицы), прельщая Ляховъ своимъ богатствомъ, множествомъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, драгоценныхъ каменьевъ, образовъ, крестовъ, была важна и въ воинскомъ смыслѣ, способствуя удобному сообщенію Москвы съ Сѣверомъ и Воспокомъ Россіи: съ Новымъ городомъ, Вологдою, Пермю, Сибирскою землею, съ областію Владимірскою, Нижегородскою и Казанскою, откуда шли на помощь къ Царю дружины ратныя, взяли казну и запасы. Основанная въ лѣсной пущынѣ, среди овраговъ и горъ, Лавра еще въ царствованіе Іоанна IV была ограждена (на пространствѣ шести сотъ сорока двухъ сажени) каменными стѣнами (вышиною въ чепыре, толщиною въ три сажени) съ башнями, оспрогомъ и

глубокимъ ровомъ²³⁶: предусмотрительный Г. 1608. Василій успѣлъ занять ее дружинами Дѣшай Боярскихъ, Козаковъ вѣрныхъ, Спрѣльцевъ, и съ помощію усердныхъ Инокъ снабдить вѣмъ нужнымъ для сопротивленія долговременнаго. Сіи Иноки — изъ коихъ многіе, бывъ мірянами, служили Царямъ въ чинахъ воинскихъ и Думныхъ — взяли на себя не только значительныя издержки и молишву, но и труды кровавые въ бѣдствіяхъ опечестива; не только, сверхъ рясы надѣвъ доспѣхи, ждали непріятеля подъ своими стѣнами, но и выходили вмѣстѣ съ воинами на дороги, чпобы испреблять его разѣзды, ловить вѣспниковъ и лазутчиковъ, прикрывать обозы Царскіе²³⁷; дѣйствовали и невидимо въ спанахъ вражескихъ, писанными увѣщаніями опнимая клеветовъ у Самозванца, прогая совѣсть легкомысленныхъ, еще незакоснѣлыхъ измѣнниковъ, и представляя имъ въ спасительное убѣжище Лавру, гдѣ число добрыхъ подвижниковъ, одушевленныхъ чистою ревностію или раскаяніемъ, умножалось. »Доколь» — говорили Лжедимирию Ляхи — »доколь свирѣпствовать противъ насъ симъ кровожаднымъ вранамъ, гнѣздящимся въ ихъ каменномъ гробѣ²³⁸ Го-

Г. 1608. »рода многолюдные и цѣлыя области уже
»твой; Шуйскій бѣжалъ отъ тебя съ
»войскомъ, а Черяцы ведутъ дерзкую вой-
»ну съ тобою! Разсыплемъ ихъ прахъ и
»жилище!» Еще Лисовскій, злодѣйствуя
въ Переславской и Владимірской области,
мыслилъ взять Лавру; увидѣвъ труд-
ность, прошелъ мимо, и сжегъ только
посадъ Клементьевскій²³⁹; но Сапѣга, раз-
бивъ Князей Ивана Шуйскаго и Ромо-
новскаго²⁴⁰, хотѣлъ, чего бы то ни стои-
ло, овладѣть ею.

Сія осада знаменита въ нашихъ лѣ-
тописяхъ не менѣе Псковской, и еще
удивительнѣе: первая ушѣшила народъ во
время его спраданія отъ жестокости
Юанновой; другая утѣшаетъ потомство
въ спраданіи за предковъ, униженныхъ
развратомъ. Въ общемъ паденіи духа уви-
димъ доблестъ нѣкоторыхъ, и въ ней
причину государственнаго спасенія: казня
Россію, Всевышній не хотѣлъ ея гибели,
и для того еще оставилъ ей *такихъ*
гражданъ. Не устранимъ подробностей
въ описаніи дѣлъ славныхъ, совершенныхъ
хотя и въ предѣлахъ смиренной Оби-
тели Монашеской, людьми простыми, низ-
кими званіемъ, высокими единственно
душею!

Г. 1608. 23 Сентября Сапѣга, а съ нимъ и Ли-
совскій, Князь Конспіаншинъ Вишневец-
кій, Тишкевичи и многіе другіе знашныя
Паны, предводительствуя придцанью
тысячами Ляховъ, Козаковъ и Россійскихъ
измѣнниковъ, спали въ виду монастыря
на Клементьевскомъ полѣ²⁴¹. Осадные Вое-
воды Лавры, Князь Григорій Долгорукій
и Алексій Голохвасновъ, желая узнать
непріятеля и показавъ ему свое муже-
ство, сдѣлали вылазку, и возвратились
съ малымъ урономъ, давъ время жи-
телямъ монастырскихъ слободъ обрати-
тъ ихъ въ пепелъ: каждый зажегъ домъ свой,
спасая только семейство, и спѣшилъ въ
Лавру. Непріятель, въ слѣдующій день,
осмотрѣвъ мѣста, занялъ всѣ высоты и
всѣ пути, расположился спаномъ и на-
чалъ укрѣпляться²⁴². Между тѣмъ Лавра
наполнилась множествомъ людей, кото-
рые искали въ ней убѣжища, не могли
вмѣститься въ келліяхъ и не имѣли кро-
ва: больные, дѣти, родильницы лежали
на дождѣ въ холодную осень²⁴³. Легко
было предвидѣть дальнѣйшій, гибельный
слѣдствіи итѣсноты; но добрые Иноки
говорили: »Св. Сергій не отвергаетъ зло-
»счастныхъ« — и всѣхъ принимали. Вое-
воды, Архимандритъ Іоасафъ и Соборные

г. 1608. Спарцы урядили защиту: вездѣ разсѣ-
вили пушки; назначили, кому биться на
спѣнахъ или въ вылазкахъ, и Князь Дол-
горукий съ Голохвастовымъ первые, надѣ
гробомъ Св. Сергія, поцѣловали крестъ
въ помѣ, чтобы сидѣть съ осадѣ безъ
измѣны²⁴⁴. Всѣ люди ратные и мона-
стырскіе слѣдовали ихъ примѣру въ духѣ
любви и брашства, ободряли другъ друга
и съ ревностію готовились къ трапезѣ
кровавой, пили чашу смертнующую
за отечество²⁴⁵. Съ сего времени пѣніе
не умолкало въ церквахъ Лавры, ни днемъ,
ни ночью.

29 Сентября Сапѣга и Лисовскій пи-
сали къ Воеводамъ: «Покоритесь Дими-
трію, истинному Царю вашему и на-
шему, который не только сильнѣе, но
и милостивѣе Лжецаря Шуйскаго, имѣя,
чѣмъ жаловать вѣрныхъ, ибо владѣетъ
уже едва не всѣмъ Государствомъ, спѣ-
шивъ своего злодѣя въ Москвѣ осажде-
нной. Если мирно сдадитесь, то будете
намѣстниками Троицкаго града и владѣ-
ніями многихъ селъ богатыхъ; въ слу-
чай безполезнаго упорства, падутъ ва-
ши головы.» Они писали и къ Архиман-
дрипу и къ Инокамъ, напоминая имъ ми-
лость Іоанна къ Лаврѣ, и требуя благо-

дарности, ожидаемой отъ нихъ его сы- г. 1608.
номъ и невѣсткою. Архимандритъ и Вое-
воды чинили сіи грамоты всеародно; а
Монахи и воины сказали: «уиованіе наше
жестъ Святая Троица, спѣна и щипъ
»Богоматерь, Святые Сергіи и Никонъ
»сподвижники: не спрашимся!» въ бран-
номъ оповѣстѣ Лхамъ не оставили слова
на миръ; но не пронули измѣнника, Сы-
на Боярскаго, Безсона Руготина, копо-
рый привозилъ къ нимъ Сапѣгины гра-
моты²⁴⁶.

30 Сентября непріятель утвердилъ
пуры на горѣ Волкушѣ, Тереншьевской,
Круглой и Красной²⁴⁷; выкопалъ ровъ отъ
Келарева пруда до Глиниаго врага, насы-
палъ широкій валъ, и съ 3 Октября, въ
печеніе шести недѣль, палилъ изъ шести-
десяти прехъ пушекъ²⁴⁸, спарался раз-
рушить каменную ограду; спѣны, башни
тряслися, но не падали, отъ худаго ли
искусства пушкарей, или отъ малости
ихъ орудій: сыпались кирпичи, дѣлались
отверстія и немедленно задымлялись;
ладра каленыя лепѣли мимо зданій мона-
стырскихъ въ пруды, или гасли на пу-
стыряхъ и въ ямахъ, къ удивленію осаж-
денныхъ, которые, видя въ томъ чудес-
ную къ нимъ милость Божию, укрѣпля-

Г. 1608. лись духомъ, и въ ожиданіи приступа всѣ исповѣдались, чѣобы съ чистотою совѣстію не робѣть смерти; многіе постриглись, желая умереть въ санѣ Монашескомъ. Иноки, дѣля съ воинами опасности и труды, ежедневно обходили стѣны съ святыми иконами.

Сапѣга готовился къ первому рѣшительному дѣлу не молитвою, не покаяніемъ, а пиромъ для всего войска. 12 Октября съ утра до вечера Ляхи и Россійскіе измѣнники шумѣли въ станѣ, пили, стрѣляли, скакали на лошадяхъ съ знаменами вокругъ Лавры, въ сумерки вышли полками къ шурамъ, заняли дорогу Углицкую, Переславскую, и ночью устремились къ монастырю съ лѣсницами, щитами и парасами, съ крикомъ и музыкою. Ихъ встрѣтили залпомъ изъ пушекъ и пищалей; не допустили до стѣнъ; многихъ убили, ранили: всѣ другіе бѣжали, кинувъ лѣсницы, щиты и парасы²⁴⁹. Въ слѣдующее утро осажденные взяли сіи трофеи и предали огню, славя Бога. — Не одолѣвъ силою, Сапѣга еще думалъ взять Лавру угрозами и лестію: Ляхи мирно подъѣзжали къ стѣнамъ, указывали на свое многочисленное войско, предлагали выгодныя условія; но чѣмъ

болѣе требовали сдачи, тѣмъ менѣе казались страшными для осажденныхъ, которые уже дѣйствовали и наступательно. Г. 1608.

19 Октября, видя малое число непріятелей въ огородахъ монастырскихъ, Стрѣльцы и Козаки безъ повелѣнія Воеводѣ спустились на веревкахъ съ стѣны, напали и перерѣзали тамъ всѣхъ Ляховъ. Пользуясь сею ревностію, Князь Долгорукій и Голохвастовъ тогда же сдѣлали смѣлую вылазку съ конными и пѣхотными дружинами, къ шурамъ Красной горы, чѣобы разрушить непріятельскія бойницы; но въ жестокой сѣчѣ лишились многихъ добрыхъ воиновъ²⁵⁰. Никто не опдался въ плѣнъ; раненыхъ и мертвыхъ принесли въ Лавру, всего болѣе жалѣя о храбрѣмъ чиновникѣ Бреховѣ: онъ еще дышалъ, и былъ вмѣстѣ съ другими умирающими постриженъ въ Монахи... Въ возмездіе за вѣрную службу Царю земному, опечетство передавало ихъ въ Образъ Ангельскомъ Царю Небесному.

Гордясь симъ дѣломъ какъ побѣдою, непріятель хотѣлъ довершить ее: въ темную осеннюю ночь (25 Октября), когда огни едва свѣпились и все запыхло въ Лаврѣ, дремлющіе воины встрепнулись отъ незапнаго шума: Ляхи и Россій-

г. 1608. скіе измѣнники, подъ громомъ всѣхъ своихъ бойницъ, съ крикомъ и воплемъ, стремились къ монастырю, достигли рва, и соломою съ берестомъ зажгли острогъ: яркое пламя озарило ихъ толпы какъ бы днемъ, въ цѣль пушкамъ и пищалямъ. Сильною стрѣльбою и гранатами осажденные побили множество смѣлѣйшихъ Ляховъ и не дали имъ ежечь острога; непріятель ушелъ въ свои окопы, но и въ нихъ не остался: при свѣтѣ восходящаго солнца видя на стѣнахъ церковныя хоругви, воиновъ, Священниковъ, которые пѣли пѣснь благодарственнаго молебна за побѣду, онъ устранился нападенія и бѣжалъ въ станъ укрѣпленный. Нѣсколько дней минуло въ бездѣйствіи²⁵¹.

Но Сапѣга и Лисовскій въ пишинѣгоповили гибель Лавръ: вели подкопы къ стѣнамъ ея²⁵². Угадывая сіе пайное дѣло, Князь Долгорукій и Голохвастовъ хотѣли добыть языковъ: сдѣлали вылазку на Княжеское поле, къ Мишупинскому врагу, гдѣ, разбивъ непріятельскую стражу, захватили Липовскаго Роммиспра, Брушевскаго, и безъ урона возвратились, не давъ Сапѣгѣ преградить имъ пути. Разспрашивали чиновнаго плѣнника

и пытали: онъ сказалъ, что Ляхи дѣйствительно ведутъ подкопъ, но не знали мѣста²⁵³. Воеводы избрали человека искуснаго въ ремеслѣ горномъ, монастырскаго слугу, Корсакова, и велѣли ему *дѣлать* подъ башнями такъ называемые *слухи*, или ямы въ глубину земли, чтобы слушать тамъ голоса или стука людей копающихся въ ея нѣдрахъ; велѣли еще углубить ровъ внѣ Лавры, отъ Воспока къ Сѣверу²⁵⁴. Сія работа произвела двѣ битвы кровопролитныя: непріятель напалъ на копашелей, но былъ отраженъ дѣйствіемъ монастырскихъ пушекъ. Въ другой сѣчь за рвомъ, Ноября 1, Ляхи убили 190 человекъ и взяли нѣсколько плѣнниковъ²⁵⁵; спѣснили осажденныхъ, не пускали ихъ черпать воды въ прудахъ внѣ крѣпости²⁵⁶, и приблизили свои окопы къ стѣнамъ. Сердца уныли и въ великодушныхъ: видѣли уменьшеніе силъ ратныхъ; опасались болѣзней отъ нѣсноты и недосыанка въ хорошей водѣ; знали вѣрно, что есть подкопъ, но не знали, гдѣ, и могли ежечасно взлѣпиться на воздухъ²⁵⁷. Тогда же нѣсколько ядеръ упало въ Лавру: одно ударило въ большой колоколъ, въ церковь, и, къ общему ужасу, раздробило святыя иконы, предъ коими

Г. 1608. народъ молился съ усердіемъ; другимъ убило Инокію; трепльмъ, въ день Архангела Михаила, оторвало ногу у Спарца Корнилія: сей Инокъ благочестивый, исходя кровію, сказалъ: »Богъ Архистрапшигомъ своимъ Михаиломъ опмспиптъ кровь Христіанскую« — и тихо скончался. Тогда же между вѣрными Россіянами нашлись и невѣрные: слуга монастырскій, Селевинъ, бѣжалъ къ Ляхамъ. Боались его извѣповъ, козней и пайныхъ единомышленниковъ: одинъ примѣръ измѣны былъ уже опасенъ²⁶⁸. — Въ сихъ обстоительствѣхъ не измѣнилась ревность добрыхъ Спарцевъ: первые на молившъ, на спражъ и въ биввахъ, они словомъ и дѣломъ воспламеняли защитниковъ, представляя имъ малодушіе грѣхонъ, неробкую смертью долгомъ Христіанскимъ и гибель временную вѣчнымъ спасеніемъ²⁶⁹.

Биввы продолжались. Осажденные сдѣлали въ землѣ ходъ изъ-подъ спѣтны въ ровъ, съ преме желѣзными воротами для скорѣйшихъ вылазокъ²⁶⁰; въ темныя ночи нападали на окопы непріятельскіе, хватали языковъ, допрашивали и свѣдали наконецъ важную шайну: тяжело раненный плѣнникъ, Козакъ Дѣдиловскій, уми-

рая Христіаниномъ, указалъ Воеводамъ Г. мѣсто подкопа: Ляхи вели его опъ мель- 1608. ницы къ круглой угольной башнѣ нижняго монастыря²⁶¹. Укрѣпивъ сіе мѣсто часпokoломъ и шурами, Воеводы рѣшились уничтожить опасный замыселъ Сапѣги. Два случая ободрили ихъ: мѣпкою спрѣльбою имъ удалось разбить главную Липовскую пушку, которая называлась *Трещерою*, и болѣе иныхъ вредила монастырю. Другое счастливое происшествіе уменьшало силу непріятеля: 500 Козаковъ Донскихъ, съ Атаманомъ Елифанцемъ, успыдились воевать свлшую Обишель и бѣжали опъ Сапѣги въ свою опчизну²⁶². 9 Нолября, за три часа до свѣта, взявъ благословеніе Архимандрита надъ гробомъ Св. Сергія, Воеводы тихо вышли изъ крѣпости съ людьми рапными и Монахами. Глубокая тѣма скрывала ихъ опъ непріятеля; но какъ скоро они спали въ ряды, сильный порывъ вѣтра разсѣялъ облака: мгла исчезла; ударили въ осадный колоколъ, и всѣ кинулись впередъ, восклицая имя Св. Сергія²⁶³. Нападеніе было съ трехъ споронъ, но спремались къ одной цѣли: выгнали Козаковъ и Ляховъ изъ ближайшихъ укрѣпленій, овладѣли мельницею, нашли и взорвали подкопъ,

Г. 1608. къ сожалѣнію, съ двумя смѣльчаками (Шиловымъ и Слопомъ, Клементьевскими земледѣльцами), которые наполнили его веществомъ горючимъ, зажгли и не успѣли спастись. Побѣдители были еще не довольны: рѣзались съ непріателемъ между его бойницами, падали опъ ядери и меча. Не слушаясь начальниковъ, всѣ оспальные Иноки и воины, толпа за толпою, прибѣжали изъ монастыря въ пылъ сѣчи, долго упорной. Нѣсколько разъ Ляхи сбивали ихъ съ высотъ въ лощины, гнали и прубили побѣду; но Россіянѣ снова выходили изъ овраговъ, лѣзли на горы, и наконецъ взяли Красную со всѣми ея пурами, не мало пѣвниковъ, знамена, 8 пушекъ, множество самопаловъ, ручницъ, копій, палашей, воинскихъ снарядовъ, трубъ и лишавръ; сожгли, чего не могли взять, и въ ипоржесствѣ, облипые кровію, возвратились при колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей монастырскихъ, неся своихъ мертвыхъ, 174 человекъ, и 66 тяжело раненныхъ, а непріательскія укрѣпленія оставивъ въ пламени. Битва не пресѣкалась съ раняго утра до темнаго вечера. 1500 Россійскихъ измѣнниковъ и Ляховъ, съ Панами Угорскимъ и Мазовецкимъ, легли около мельницы, прудъ

Г. 1608. довъ Клементьевскаго, Келарева, Конюшеннаго и Круглаго, церквей нижняго монастыря и противъ Красныхъ воротъ (ибо Ляхи, въ срединѣ дѣла имѣвъ выгоду, гнали нашихъ до самой ограды)²⁶⁴. Иноки и воины хоронили тѣла съ умиленіемъ и благодарностію; раненныхъ покоили съ любовію въ лучшихъ келліяхъ, на иждивеніи Лавры. Славили мужество Дворянъ, Виукова и Есипова убишыхъ, Ходырева и Зубова живыхъ²⁶⁵. Братъ измѣнника и переметчика²⁶⁶, Сопникъ Данило Селевинъ, сказалъ: «хочу смертію загладить безчестіе нашего рода,» и сдержалъ слово: пѣшій напалъ на дружину Апамана Чики, саблею изрубилъ трехъ всадниковъ, и смертельно раненный въ грудь чепвернымъ, еще имѣлъ силу убишь его на мѣстѣ. Другой воинъ Селевинъ также удивилъ храбростію и самыхъ храбрыхъ²⁶⁷. Слуга монастырскій, Меркурій Айгустовъ, первый доспигъ непріательскихъ бойницъ, и былъ заспрѣленъ изъ ружья Липовскимъ пушкаремъ, коему сподвижники Меркуріевы въ тоже мгновеніе опсѣкли голову²⁶⁸. Иноки сражались вездѣ впереди. — О семъ счастливымъ дѣлѣ Архимандритъ и Воеводы

Г. 1608. извѣстили Москву, которая праздновала оное вмѣстѣ съ Лавроу²⁶⁹.

Стыдясь своихъ неудачъ, Сапѣга и Лисовскій хопѣли испытать хитрость: ночью скрыли конницу въ оврагахъ, и послали нѣсколько дружинъ къ спѣнамъ, чѣмбы выманивъ осажденныхъ, которые дѣйствительно успремились на нихъ и гнали бѣгущихъ къ засадѣ; но спражи, увидѣвъ ее съ высокой башни, звукомъ осаднаго колокола извѣстили своихъ о хитрости непріятельской: они возвратились безвредно, и съ плѣнниками²⁷⁰.

Настала зима. Непріятель, большею частію укрываясь въ станѣ, держался и въ закопахъ: Восводы Троицкіе хопѣли выгнать его изъ ближнихъ укрѣпленій, и на разсвѣтѣ туманнаго дня вступили въ дѣло жаркое; занявъ врагъ Мишунинъ, Благовѣщенскій лѣсъ и Красную гору до Клементьевскаго пруда, не могли одолѣть соединенныхъ силъ Лисовскаго и Сапѣги: были приписнушы къ спѣнамъ; но подкрѣпленные новыми дружинами, начали въпорую биву, еще кровопролитнѣйшую и для себя опчаянную, ибо уже не имѣли ничего въ запасъ. Монастырскія бойницы и личное геройство многихъ дали имъ побѣду. »Св. Сергій« — говорилъ Лѣ-

пописецъ — »храбрилъ и невѣждъ; безъ г. «лапъ и шлемовъ, безъ навыка и знанія 1608. «рапнаго, они шли на воиновъ опытныхъ, «доспѣшныхъ, и побѣждали»²⁷¹. Такъ житель села Молокова, именемъ Суета, ростомъ великанъ, силою и душою богатырь, всѣхъ запомилъ чудесною доблестію; сдѣлался истиннымъ Воеводою, увлекать другихъ за собою въ жестокую свалку; на обѣ стороны съкъ головы бердышемъ и двигался впередъ по шпунамъ. Слуга Пимень Тененевъ пустилъ стрѣлу въ лѣвый високъ Лисовскаго и свалилъ его съ коня²⁷². Другаго знашнаго Ляха, Князя Юрія Горскаго, убилъ воинъ Павловъ, и примчалъ мертваго въ Лавру²⁷³. Бились въ рукопашъ, рѣзались ножами, и шолпы непріятельскія рѣдѣли отъ сильнаго дѣйствія стрѣнныхъ пушекъ. Сапѣга, негоповый къ присупу, увидѣвъ наконецъ вредъ своей запальчивости, удалился; а Лавра торжествовала въпорую знаменитую побѣду.

Но предстоило искушеніе для твердости. Въ холодную зиму монастырь не имѣлъ дровъ: надлежало кровію доставать ихъ: ибо непріятель сперегъ дровосѣковъ въ рощахъ, убивалъ и плѣнилъ многихъ людей²⁷⁴. Осажденные едва не

Г. 1608. лишились и воды: два злодѣя, изъ Дѣшей Боярскихъ, передались къ Лахамъ и сказали Сапѣгѣ, что если онъ велико спуститъ главный внѣшній прудъ, изъ коего были проведены трубы въ ограду, то всѣ монастырскіе пруды изсохнутъ²⁷⁵. Непріятель началъ работу, и тайно: къ счастью, Воеводы узнали отъ плѣнника и могли уничтожить сей замыселъ: сдѣлавъ ночью вылазку, они умертвили работниковъ, и вдругъ отворивъ всѣ подземельныя трубы, водою внѣшняго пруда наполнили свои, внутри Обищели, на долгое время²⁷⁶. — Нашлись и другіе, гораздо важнѣйшіе измѣнники: Казначей монастырскій, Іосифъ Дѣвочкинъ, и самъ Воевода Голохвастовъ, если вѣришь сказанію Лѣтописца: ибо въ великихъ опасностяхъ или бѣдствіяхъ, располагающихъ умы и сердца къ подозрѣнію, не рѣдко вражда личная язвитъ и невинность клеветною смертоносною. Пишутъ, что сіи два чиновника, сомнѣваясь въ возможности спасти Лавру доблестію, хотѣли спасти себя злодѣйствомъ, и черезъ бѣглеца Селевина тайно условились съ Сапѣгою предать ему монастырь; что Голохвастовъ думалъ, въ часъ вылазки, впустить неприятеля въ крѣпость; что Старецъ Гу-

рій Шиякинъ хитро вывѣдалъ отъ нихъ Г. 1608. адскую тайну и донесъ Архимандриту. Іосифу дали время на покаяніе: онъ умеръ скоропостижно. Голохвастовъ же оспался Воеводою: слѣдственно не былъ уличенъ ясно; но сія измѣна, дѣйствительная или мнимая, произвела зло: взаимное недоверіе между защитниками Лавры²⁷⁷.

Тогда же открылось зло еще ужаснѣйшее. »Когда« — говоритъ Лѣтописецъ Лавры — »бѣдствіе и гибель ежедневно намъ угрожали, мы думали только о душѣ; когда гроза начинала слабѣть, мы обратились къ тѣлесному«²⁷⁸. Непріятель, изнуренный щепотными усиліями и холодомъ, кинулъ окопы, удалился отъ сѣнѣй и заключился въ земляныхъ укрѣпленіяхъ спана, къ великой радости осажденныхъ, копорые могли наконецъ безъ опасно выходить изъ тѣсной для нихъ ограды, чтобы дышать свободѣе за стѣнами, рубить лѣсъ, мышь бѣлье въ прудахъ внѣшнихъ; уже не боялись прислуповъ, и только добровольно сражались, отъ времени до времени прѣвозжа неприятеля вылазками: начинали и прекращали битву, когда хотѣли. Сей отдыхъ, сія свобода пробудили склонность къ удовольствіямъ чувственнымъ: крѣпкіе меды

Г. и молодыя женщины кружили головы вой-
1608. намъ; увѣщанія и примѣръ презвѣхъ Ино-
ковъ не имѣли дѣйствія. Уже не берегли,
какъ долголѣ, запасовъ монастырскихъ;
роскошествовали, пировали, пѣшились
музыкою, пляскою и скоро оцѣпенѣ-
ли отъ ужаса²¹⁹.

Долговременная тѣснопа, зима сырая,
употребленіе худой воды, недоспаинокъ
въ укусу, въ праныхъ зельяхъ и въ хлѣб-
номъ винѣ произвели цынгугу²²⁰: ею зара-
зились бѣднѣйшіе, и заразили другихъ.
Больные пухли и гнили; живые смердѣли
какъ труны; задыхались отъ зловонія и
въ келліяхъ и въ церквахъ²²¹. Умирало
въ день отъ двадцати до пятидесяти
человѣкъ; не успѣвали конать могилъ:
за одну плащили два, три и пять ру-
блей; клали въ нее тридцать и сорокъ
тѣлъ. Съ утра до вечера оспѣвали усоп-
шихъ и хоронили; ночью стонъ и вой
не умолкали: кѣмо издыхалъ, кѣмо плакалъ
надъ издыхающимъ. И здоровые шапа-
лись какъ ипѣни отъ изнеможенія, осо-
бенно Священники, коихъ водили и дер-
жали подъ руки для исправленія шребъ
церковныхъ. Томные и слабые, предвидя
смерть отъ спрашнаго недуга, искали
ее на спѣнахъ, отъ пули непріятельской²²².

Вылазки пресѣклись, къ злой радости Г.
измѣнниковъ и Ляховъ, копорые, слыша 1608.
всегдашній плачь въ Обители, всходили
на высоты, влѣзали на деревья и видѣ-
ли гибель ея защитниковъ, кучи тѣлъ
и ряды могилъ свѣжихъ, исполнились
дерзости, подтѣзжали къ ворошамъ, зва-
ли Иноковъ и воиновъ на бипиву, руга-
лись надъ ихъ безсиліемъ, но не думали
приступомъ увѣришся въ ономъ, на-
дѣясь, что они скоро сдадутся или всѣ
изгибнутъ.

Въ крайности бѣдствія Архимандритъ
Іоасафъ писалъ къ знаменитому Келарю
Лавры, Аврамію Палицыну, бывшему по-
гда въ Москвѣ, чтобы онъ убѣдилъ Царя
спасти сію священную твердыню не-
медленнымъ вспоможеніемъ: Аврамій убѣ-
ждалъ Василія, братавѣвъ его, Синклипъ,
Паптіарха; но столица сама трепетала,
ожидая приступа Тушинскихъ злодѣевъ.
Аврамій доказывалъ, что Лавра можетъ
еще держаться шолько мѣсяць, и паде-
ніемъ опкроетъ непріятелю весь Сѣверъ
Россіи до моря. Наконецъ Василій послалъ
нѣсколько воинскихъ снарядовъ и 60 Ко-
заковъ съ Ашаманомъ Оспанковымъ, а
Келарь 20 слугъ монастырскихъ²²³. Сіа
дружина, хоша и слабая числомъ, ушѣ-

Г. 1608. шила осажденныхъ: они видѣли готовность Москвы помогать имъ, и новою дерзостію — къ сожалѣнію, дѣломъ жестокимъ — явили непріятелю, сколь мало спрашася его злобы. Неосторожно пропустивъ Царскаго Апамана въ Лавру, и захвативъ только чепырехъ Козаковъ, варваръ Лисовскій съ досады велѣлъ умершвишь ихъ предъ монастырскою стѣною. Такое злодѣйство требовало мести: осажденные вывели цѣлую толпу Липовскихъ плѣнниковъ и казнили изъ нихъ 42 человѣка, къ ужасу Поляковъ, копорые, гнушаясь виновникомъ сего душегубства, хотѣли убить Лисовскаго, едва спасеннаго менѣе безчеловѣчнымъ Сапѣгою²⁸⁴.

Бѣдствія Лавры не уменьшились: болѣзнь еще свирѣпствовала; новые сподвижники, Апаманъ Останковъ съ Козаками, сдѣлались также ея жертвою, и непріятель удвоилъ заставы, чтобы лишить осажденныхъ всякой надежды на помощь. Но великодушіе не слабѣло: всѣ готовились къ смерти; ни кто не смѣлъ упомянуть о сдачѣ. Кто выздоравливалъ, тотъ оповѣдывалъ силъ своихъ въ битвѣ, и вылазки возобновились. Дѣйствуя мечемъ, употребляли и коварство. Часто

Ляхи, подъѣзжая къ стѣнамъ, дружелюбно Г. 1608. разговаривали съ осажденными, вызывали ихъ, давали имъ вино за медъ, вмѣстѣ пили и хватали другъ друга въ плѣны или убивали. Въ числѣ такихъ плѣнниковъ²⁸⁵ былъ одинъ Ляхъ, называемый въ лѣтописи Маршіасомъ, умный и спошь искусный въ льстивомъ припворствѣ, что Воеводы ввѣрили въ него какъ въ измѣнника Липвы и въ друга Россіи: ибо онъ извѣщалъ ихъ о тайныхъ намѣреніяхъ Сапѣги; предсказывалъ съ точностію всѣ движенія непріятеля, училъ пушкарей мѣткой стрѣльбѣ, выходилъ даже биться съ своими единоземцами за стѣною, и бился мужественно. Князь Долгорукій спошь любилъ его, что жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ, совѣтовался въ важныхъ дѣлахъ, и поручалъ ему иногда ночную стражу. Къ счастью, перебѣжалъ тогда въ Лавру отъ Сапѣги другой Панъ Липовскій, *Нѣмко*, отъ природы глухій и безсловесный, но въ бояхъ выпязъ неуспрашимый, ревнишель нашей Вѣры и Св. Сергія. Увидѣвъ Маршіаса, Нѣмко заскрежепалъ зубами, выгналъ его изъ горницы, и съ видомъ ужаса знаками изъяснилъ Воеводамъ, что отъ сего человѣка надушь монастырскія стѣны. Мар-

г. 1608. тіаса начали пыпати и свѣдали истину: онъ былъ лазутчикъ Сапѣгинъ, пускалъ къ нему шайныя письма на спрѣлахъ, и готовился, по условію, въ одну ночь за- колопити всѣ пушки монастырскія. Ко- варство непріятеля, усиливая остерве- неніе, возвышало доблесть подвижниковъ Лавры. Славнѣйшіе изгибли: ихъ мѣсто заступили новые, дополъ презираемые или неизвѣстные, безчиновные, слуги, зе- мледѣльцы. Такъ Ананія Селевинъ, рабъ смиренный, заслужилъ имя Сергіева ви- пияз²⁸⁶ дѣлами храбрости необыкновен- ной: Россійскіе измѣнники и Ляхи знали его коня и тяжелую руку; *видѣли издали и не смѣли видѣть облизы*, по сказанію Лѣтописца: дерзнулъ одинъ Лисовскій, и раненный палъ на землю²⁸⁷. Такъ Спрѣ- лецъ Нехорошевъ и селянинъ Никифоръ Шиловъ были всегда пугеводителями и Героями вылазокъ; оба, единоборствуя съ шѣмъ же Лисовскимъ, обагрились его кровію: одинъ убилъ подъ нимъ коня, дру- гой разсѣкъ ему бедру²⁸⁸. Спражи непріа- тельскія бодрствовали, но грамоты ушѣ- шительныя, хощя и безъ воиновъ, изъ Москвы приходили: Келарь Аврамій, ду- шею присутствуя въ Лаврѣ, писалъ къ ея вѣрнымъ Россіянамъ: »будьте непоко-

»лебимы до конца«²⁸⁹! Архимандритъ, Ино- г. ки рассказывали о видѣніяхъ и чудесахъ: 1608. увѣряли, что Святые Сергій и Никонъ являющія имъ съ благовѣстіемъ спасе- нія; что ночью, въ церквахъ затворен- ныхъ, невидимые лики Ангельскіе поюшъ надъ усопшими, свидѣтельствую шѣмъ ихъ санъ небесный въ награду за смерть добродѣтельную. Все питало надежду и вѣру, огонь въ сердцахъ и воображеніи; терпѣли и мужались до самой весны²⁹⁰.

Тогда цѣлебное вліяніе шеплага воз- духа прекрапило болѣзнь смертоносную, и 9 Мал, въ новоосвященномъ храмѣ Св. Николая, Иноки и воины пѣли благодар- ственный молебенъ, за коимъ слѣдовала счастливая вылазка²⁹¹. Хощѣли доказать непріятелю, что Лавра уже снова цвѣ- тетъ душевнымъ и шѣлеснымъ здравіемъ. Но силы не соотвѣтствовали духу. Въ печеніе пяти или шести мѣсяцевъ умер- ло тамъ 297 спарыхъ Иноковъ, 500 но- вопосприженныхъ и 2125 Дѣшей Бояр- скихъ, Спрѣльцевъ, Козаковъ, людей да- точныхъ и слугъ монастырскихъ²⁹². Са- пѣга зналъ, сколь мало осталось живыхъ для защиты, и рѣшился на претій об- щій приступъ. 27 Мал зашумѣлъ спанъ непріятельскій: Ляхи, слѣдуя своему обы-

г. кновенію, съ упура начали веселился,
1608. пишь, играшь на трубахъ. Въ полдень
многіе всадники объѣзжали вокругъ снѣгъ
и высматривали мѣста; другіе взадъ и
впередъ скакали, и мечами грозили оса-
жденнымъ. Ввечеру многочисленная кон-
ница съ знаменами стала на Клементьев-
скомъ полѣ; вышелъ и Сапѣга съ осмалъ-
ными дружинами, всадниками и пѣхотою,
какъ бы желая доказать, что презираетъ
выгоду нечеловѣчности въ нападеніи и даетъ
время непріятелю изготавиться къ бою.
Лавра изготавилась: не только Монахи
съ оружіемъ, но и женщины явились на
спѣнахъ съ камнями, съ огнемъ, смолою,
извесью и сѣрою²⁹³. Архимандритъ и
старые Іеромонахи въ полномъ облаченіи
стояли предъ Олшаремъ и молились. Жда-
ли часа. Уже наступила ночь и скрѣла
непріятеля; но въ глубокомъ мракѣ и без-
молвіи осажденные слышали ближе и бли-
же шорохъ: Ляхи какъ злѣи ползли ко
рву съ снѣгобитными орудіями, щипа-
ми, лѣсницами — и вдругъ съ Красной
горы грянулъ пушечный громъ: непріа-
тель завопилъ, ударилъ въ бубны и ки-
нулся къ оградѣ; придвинулъ щипы на
колесахъ, лѣзъ на спѣны. Въ сей роко-
вый часъ осматокъ великодушныхъ увѣи-

чалъ свой подвигъ. Готовые къ смерти, г.
защитники Лавры уже не могли ничего 1608.
спрашиться: безъ ужаса и смущенія ка-
ждый дѣлалъ свое дѣло; спрѣляли, коло-
ли изъ опверсній, метали камни, зажжен-
ную смолу и сѣру; лили варъ; ослѣпляли
глаза извесью; опбивали щипы, тара-
сы и лѣсницы. Непріятель оказывалъ смѣ-
лость и твердость; опражаемый, съ уси-
ліемъ возобновлялъ приступы, до самого
упура, которое освѣтило спасеніе Лавры:
Ляхи и Россійскіе злодѣи начали опспу-
пать; а побѣдители, неупомимые и не-
насыщенные, сдѣлавъ вылазку, еще били
ихъ во рвахъ, гнали въ полѣ и въ лощи-
нахъ, схватили 30 Пановъ и чиновныхъ
измѣнниковъ, взяли множество снѣго-
битныхъ орудій, и возвратились славить
Бога въ храмѣ Троицы²⁹⁴. Симъ дѣломъ
важнымъ, но кровопролитнымъ только
для непріятеля, рѣшилась судьба осады.
Еще держась въ станѣ, еще надѣясь одо-
лѣть непреклонность Лавры совершен-
нымъ изнеможеніемъ ея защитниковъ,
Сапѣга уже берегъ свое войско; не напа-
дая, единственно опражалъ смѣлыя ихъ
вылазки, и ждалъ, что будетъ съ Мо-
сковю. Ждала того и Лавра, служа для
нее примѣромъ, къ несчастію, безплоднымъ.

Г. 1608. Когда горсть достойныхъ воиновъ-Мо-
наховъ, слугъ и земледѣльцевъ, изнурен-
ныхъ болѣзнію и трудами — неослабно
боролась съ полками Сапѣги, Москва, имѣя,
кромя гражданъ, войско многочисленное,
все лучшее Дворянство, всю нравствен-
ную силу Государства, давала владыче-
ствованію бродягъ Лжедимирию въ двѣ-
нацати верстахъ опѣ спѣнь Кремлев-
скихъ и досугъ покоряшь Россію. Москва
находилась въ осадѣ: ибо непріятель сво-
ими разбѣдами мѣшалъ ея сообщеніямъ.
Хотя Царскіе Воеводы иногда выходили
въ поле, иногда сражались, чпобы очи-
стивъ нупи, и въ дѣлѣ кровопролит-
номъ, въ коемъ былъ раненъ Гепманъ
Лжедимириевъ²⁹⁵, имѣли выгоду: но не
предпринимали ничего рѣшительнаго. Ва-
силій ждалъ вѣстей опѣ Скопина; ждалъ
и ближайшей помощи, давъ указъ жи-
телямъ всѣхъ городовъ сѣверныхъ воору-
житься, ийти въ Ярославль и къ Мо-
сквѣ²⁹⁶, — велѣвъ и Боярину Ѳедору Ше-
ремешеву оставить Аспраханъ, взять
людей ратныхъ въ Низовыхъ городахъ
и также спѣшитъ къ столицѣ²⁹⁷. Но
для сего пребовалось времени, коимъ не-
пріятель могъ воспользоваться, омчавши
и воспользовался къ ужасу всей Россіи.

Не имѣя силъ овладѣть Москвою, не
умѣвъ овладѣть и Лаврою, Лжедимириѣй Г.
съ измѣнниками и Ляхами послалъ опря-
ды къ Суздалью, Владиміру и другимъ го-
родамъ, чпобы дѣйствовать обольще-
ніемъ, угрозами или силою. Надежда его
исполнилась. Суздаль первый измѣнилъ
честь, слушаясь злодѣя, Дворянина Шин-
лова: цѣловалъ крестъ Самозванцу, при-
нималъ Лисовскаго и Воеводу Ѳедора Пле-
шсеева опѣ Сапѣги²⁹⁸. Переславль-Залѣс-
скій очернилъ себя еще гнуснѣйшимъ дѣ-
ломъ: жители его соединились съ Ляхами
и приступили къ Ростову. Тамъ кру-
шился о бѣдспвіяхъ опечесства добродѣ-
тельный Митрополитъ Филаретъ: не
имѣя крѣпкихъ спѣнь, граждалъ предло-
жили ему удалиться вмѣстѣ съ ними въ
Ярославль; но Филаретъ сказалъ, чпо не
бѣгствомъ, а кровію должно спасати
опечесство; чпо великодушная смерть
лучше жизни срамной; чпо есть другая
жизнь и вѣнецъ мучениковъ для Хри-
стіанъ, вѣрныхъ Царю и Богу. Видя бѣг-
ство народа, Филаретъ съ немногими
усердными воинами и гражданами заклю-
чился въ Соборной церкви: всѣ исповѣ-
дались, причастились Святыхъ Таинъ и
ждали непріятеля или смерти. Не Ляхи,

1608
— 609.

Измѣ-
на го-
родов.

г. а братья единовѣрные, Переславцы, дерз-
 1609. нули осадить святой храмъ, спрѣяли,
 ломились въ двери, и дикимъ ревомъ яро-
 сти оповѣстивали на голосъ Митро-
 полита, который молилъ ихъ не быть
 извергами. Двери пали: добрые Ростовцы
 окружили Филарета и бились до совер-
 шеннаго изнеможенія. Храмъ наполнился
 трупамъ. Злодѣи побѣдители схватили
 Митрополита, и сорвавъ съ него ризы
 Священительскія, одѣли въ рубище, обна-
 жили церковь, сняли золото съ гробни-
 цы Св. Леонтія и раздѣлили между со-
 бою по жеребью³⁰⁰; опустошили городъ,
 и съ добычею святопапства вышли изъ
 Ростова, куда Савѣга прислалъ воевод-
 ествовать злаго измѣнника, Матвѣя Пле-
 щева. Филарета повезли въ Тушинскій
 сѣанъ, какъ узника, босаго, въ одеждѣ
 Липовской, въ Тапарской шапкѣ³⁰⁰; но
 Самозванецъ готовилъ ему безчестіе и
 срамъ иного рода: вспрѣпилъ его съ зна-
 ками чрезвычайнаго уваженія, какъ пле-
 мянника Иоанновой супруги Анастасіи, и
 жертву Борисовой ненависти; величалъ
 какъ знаменитѣйшаго, достойнаго Архи-
 наспыря и называлъ Папріархомъ: далъ
 ему златый поясъ и Священительскихъ
 чиновниковъ для наружной пышности,

но держалъ его въ тѣсномъ заключеніи, г.
 какъ непреклоннаго въ вѣрности къ Ца- 1609.
 рю Василию³⁰¹. Сей второй Лжедимицій,
 наученный бѣдспвіемъ перваго, хотѣлъ
 казаться ревностнымъ чинителемъ Цер-
 кви и Духовенства; училъ лицемѣрию и
 жену свою, которая съ благоговѣніемъ
 приняла отъ Савѣги богатую икону Св.
 Леонтія, Ростовскую добычу³⁰²; уже не
 смѣла гнушаться обрядами Православія,
 молилась въ нашихъ церквахъ и покло-
 нялась мощамъ Угодниковъ Божіихъ³⁰³.
 Еще притворствовали и хитрили для
 ослѣпленія умовъ въ вѣкъ безумія и спра-
 сней несповыхъ!

Городъ за городомъ сдавался Лжеди-
 мицію: Владиміръ, Угличъ, Коспрома,
 Галичъ, Вологда и другіе³⁰⁴, тѣ самыя,
 откуда Василій ждалъ помощи. Являлась
 толпа измѣнниковъ и Ляховъ, восклицая:
 «да здравствуетъ Димитрій!» и жилили,
 оповѣстивъ такимъ же восклицаніемъ,
 встрѣчали ихъ какъ друзей и братьевъ.
 Добросовѣстные безмолвствовали въ горе-
 сти, видя силу на споронѣ разврата и
 легкомыслія: ибо многіе, вопреки здраво-
 му смыслу, еще вѣрили мнимому Дими-
 тію! Другіе, зная обманъ, измѣняли отъ
 робости, или для того, чтобы злодѣй-

Г. 1609. спивовати свободно; приставали къ шайкамъ Самозванца и вмѣстѣ съ ними грабили, гдѣ и чпо хотѣли. Шуя, наследственное владѣніе Василіевыхъ предковъ, и Кинешма, гдѣ защищался Воевода Ѳеодоръ Бабарыкинъ, были взяты, разорены Лисовскимъ³⁰⁵; взята и вѣрная Тверь: ибо лучшіе воины ея находились съ Царемъ въ Москвѣ. Опрядъ легкой Сапѣгиной конницы вступилъ и въ опдаленный Бѣлозерскъ, гдѣ издревле хранилась часть казны государственной: Ляхи не нашли казны, но тамъ и вездѣ освободили ссыльныхъ, а въ ихъ числѣ и злодѣя Шаховскаго, себѣ въ усердные сподвижники³⁰⁶. Ярославль, обогащенный торговлею Англійскою, сдался на условіи не грабить его церквей, домовъ и лавокъ, не безчестить женъ и дѣвицъ; принялъ Воеводу опятъ Лжедимитрія, Шведа Греческой Вѣры, именемъ Лоренца Біугге, Іоаннова Ливонскаго плѣнника³⁰⁷; послалъ въ Тушинскій станъ 30,000 рублей, обязался снарядить 1000 всадниковъ. Псковъ, знаменитый древними и новѣйшими воспоминаніями славы, сдѣлался вдругъ вертепомъ разбойниковъ и душегубцевъ. Тамъ снова началъ спивоваль Бояринъ Петръ Шереметевъ, не долго бывъ въ опалѣ³⁰⁸.

вѣрный Царю, нелюбимый народомъ за Г. 1609. лихоимство³⁰⁹. Духовенство, Дворяне, гости были также вѣрны; но лазутчики и письма Тушинскаго злодѣя взволновали *мелкихъ* гражданъ, чернь, Сирѣльцевъ, Козаковъ, исполненныхъ ненависти къ людямъ сановитымъ и богатымъ. Мятежниками предводительствовалъ Дворянинъ Ѳеодоръ Плещеевъ: поржествуя числомъ, силою и дерзостію, они присягнули Лжедимитрію; вопили, что Шуйскій отдаетъ Псковъ Шведамъ; заключили Шереметева и гражданъ знатнѣйшихъ; расхищали достояніе Свяшинельское и монастырское. Узнавъ о томъ, Лжедимитрій прислалъ къ нимъ свою шайку: начались убійства. Шереметева удавили въ темницѣ; другихъ узниковъ казнили, мучили, сажали на колъ. Въ сіе ужасное время сгорѣла значная часть Пскова, и кучи пепла облилися новою кровію: неистовые мятежники объявили Дворянъ и богатыхъ купцевъ зажигаателями; грабили, рѣзали невинныхъ, и славили Царя Тушинскаго... Кто могъ въ сихъ изступленіяхъ злодѣйства узнать опичизну Св. Ольги, гдѣ цвѣла нѣкогда добродѣтель, человѣческая и государственная; гдѣ, еще за 26 лѣтъ предъ тѣмъ, жили

г. 1609. граждане великодушные, побѣдители Героя Баторія, спасители нашей чести и славы³¹⁰²

Но кто могъ узнатьъ и всю Россію, гдѣ, въ печеніе вѣковъ, видѣли мы сполноко подвиговъ достохвальныхъ, сполноко твердости въ бѣдствіяхъ, сполноко чувствъ благородныхъ? Казалось, что Россіяне уже не имѣли опечества, ни души, ни Вѣры; что Государство, зараженное нравственною лзвою, въ страшныхъ судорогахъ кончалось!.... Такъ повѣспуемъ добродѣтельный свидѣтель погашенныхъ ужасовъ, Аврамій Палицынъ, исполненный любви къ злосчастному опечеству и къ истинѣ:

Ужасное состояніе Россіи. «Россію перзали свои болѣе, нежели иноплеменины: пушеводителями, наславниками и хранишелями Ляховъ были наши измѣнники, первые и послѣдніе въ кровавыхъ сѣчахъ: Ляхи, съ оружіемъ въ рукахъ, шолько смотрѣли и смѣлись безумному междоусобию. Въ лѣсахъ, въ боломахъ непроходимыхъ Россіяне указывали или готовили имъ путь, и шломя превосходнымъ берегли ихъ въ опасностяхъ, умирая за шѣхъ, которые обходились съ ними какъ съ рабами. Вся добыча принадлежала Ляхамъ: они избн-

ирали себѣ лучшихъ изъ плѣнниковъ, красныхъ юношей и дѣвицъ, или опдавали на выкупъ ближнимъ — и снова опни-мали, къ забавѣ Россіянъ!.... Сердце шрепещетъ отъ воспоминанія злодѣйствъ: шпамъ, гдѣ спыла теплая кровь, гдѣ лежали трупы убитенныхъ, тамъ гнусное шлюбошпрасніе искало одра для своихъ шмерзостныхъ наслажденій.... Свяпыхъ юныхъ Инокінъ обнажали, позорили; лишениыя чести, лишались и жизни въ мукахъ срама.... Были жены шрепощаемыя иноплемениниками и развратомъ; но другія шмершю избавляли себя отъ швр-скаго насилія. Уже не сражаясь за опечество, еще многіе умирали за семейства: мужъ за супругу, отецъ за дочь, шбратъ за сесипру вонзалъ ножъ въ грудь шЛяху. Не было милосердія: добрый, швр-ный Царю воинъ, шзятый въ плѣнъ Ляхами, иногда находилъ въ нихъ жалостъ и самое уваженіе къ его шврности; но шзмѣнники называли ихъ за то женами шслабыми и худыми союзниками Царя шТушинскаго: штѣхъ швердыхъ въ добродѣтели предавали жесшпокой шмерти; мешали съ крупныхъ береговъ въ глубину шрѣкъ, разштрѣливали изъ луковъ и шшопаловъ; въ глазахъ родителѣй жгли

Томъ XII.

Г. 1609. »дѣтей, носили головы ихъ на сабляхъ и
»копьяхъ; грудныхъ младенцевъ, вырывая
»изъ рукъ матерей, разбивали о камни.
»Видя сію неслыханную злобу, люди со-
»дрогались и говорили: *кто же будетъ*
намъ отъ Россіянъ, когда они и друзей дру-
га губятъ съ такою лютостію? Сердца
»окаменѣли, умы омрачились; не были ни
»состраданія, ни предвидѣнія: вблизи свирѣ-
»пствовало злодѣйство, а мы думали:
оно минуетъ насъ! или искали въ немъ
»личныхъ для себя выгодъ. Въ обществѣ
»круженіи головъ всѣ хошѣли бытъ вы-
»ше своего званія: рабы господамъ, чернь
»Дворянствомъ, Дворяне Вельможамъ. Не
»только простые простыхъ, но и знат-
»ные знатныхъ, и разумные разумныхъ
»обольщали измѣною, въ домахъ и въ са-
»мыхъ битвахъ; говорили: *мы блажен-*
ствуемъ; идите къ намъ отъ скорби къ
утѣхамъ!... Гибли отечество и Цер-
»ковь: храмы истиннаго Бога разорялись,
»подобно капищамъ Владимірова времени;
»скотъ и псы жили въ Олгаряхъ; возду-
»хами и пеленами украшались кони; пили
»изъ пошировъ; мяса сполли на диско-
»сахъ; на иконахъ играли въ кости; хо-
»ругви церковныя служили вмѣсто зна-
»менъ; въ ризахъ Іерейскихъ плясали блуд-

»ницы. Инокѣвъ, Священниковъ палили г.
»огнемъ, допытывались ихъ сокровищъ; 1609.
»опшешыниковъ, Схимниковъ заспавляли
»пѣть срамныя пѣсни, а безмолвствующи-
»щихъ убивали. ... Люди уступили свои
»жилища звѣрямъ: медвѣди и волки, оспа-
»вивъ лѣса, выпали въ пустыяхъ городахъ
»и весяхъ; враны плетоядные сидѣли спа-
»шицами на пѣлахъ человѣческихъ; малыя
»птицы гнѣздились въ черепахъ. Могилы
»какъ горы вездѣ возвышались. Граждане
»и земледѣльцы жили въ дѣбряхъ, въ лѣ-
»сахъ и въ пещерахъ недовѣдомыхъ, или
»въ болопахъ, только ночью выходя изъ
»нихъ осушиться. И лѣса не спасали: лю-
»ди, уже покинувъ звѣроловство, ходили
»туда съ чуткими псами на ловлю людей;
»матери, укрываясь въ густотѣ древес-
»ной, спрашивали вопля своихъ младен-
»цевъ, зажимали имъ ротъ и душили ихъ
»до смерти. Не свѣтомъ луны, а пожа-
»рами озарялись ночи: ибо грабители
»жгли, чего не могли взять съ собою,
»домы и все, да будешь Россія пустынею
»необитаемою»³¹¹!

Россія бывала пустынею; но въ сіе
время, не Башыевы, а собспвенные вар-
вары свирѣпствовали въ ея нѣдрахъ, изу-
мляя и самыхъ неистовыхъ иноплемён-

1. никовъ: Россія могла тогда завидовать
1609. временамъ Батыевымъ, будучи жертвою
величайшаго изъ бѣдсвій, разврата го-
сударственнаго, коимъ и мерзвѣи и
надежду на умилоствленіе Небесное! Сія
надежда питалась только великодушною
смертію многихъ Россіянъ: ибо не въ
одной Лаврѣ блистало геройство: сіи, по
выраженію Лѣтописца, *горы могила*, всю-
ду видимыя, вмѣщали въ себѣ персть му-
чениковъ вѣрности и закона: добродѣ-
тель, какъ Фениксъ, возрождается изъ
пепла могилы, примѣромъ и памятію;
памѣть же все погибло, гдѣ хопя немно-
гіе предпочинають гибель беззаконію.
Съ честію умирали и воины и граждане,
и старцы и жены. Въ Духовенствѣ
особенно сіяла доблесѣть. Мы видѣли
мужество Филарета. Епископъ Твер-
скій, Феоклістъ, крестомъ и мечемъ
вооруженный, до послѣдняго издыханія
боролся съ измѣною, и, взятый въ плѣнъ,
удостоился вѣнца спрадалческаго. Архі-
епископъ Суздальскій, Галакціонъ, не хо-
тивъ благословити Самозванца, скончал-
ся въ изгнаніи. Добродѣтельнаго Коло-
менскаго Священителя, Іосифа, злодіи вла-
чили привязаннаго къ пушкѣ: онъ тер-
пѣль и молилъ Бога образумити Россіянъ³¹².

Священитель Псковскій, Геннадій, въ тщет-
номъ усиліи обуздать мятежниковъ, умеръ^{1609.}
отъ горести³¹³. Не многіе изъ Священни-
ковъ, какъ сказано въ Лѣтописи³¹⁴, уцѣ-
лѣли, ибо вездѣ противились бунту.

Сей бунтъ уже поглощалъ Россію:
какъ разсѣянные осирова среди бурнаго
моря, являлись еще подъ знаменемъ Мо-
сковскимъ вблизи Лавра, Коломна, Пере-
славль-Рязанскій, вдали Смоленскъ, Нов-
городъ, Нижній, Саратовъ³¹⁵, Казань, го-
рода Сибирскіе; всѣ другіе уже принадле-
жали къ царству беззаконія, коего сто-
лицею былъ Тушинскій станъ, дѣйствителъ-
но подобный городу разными зданіа-
ми внутри онаго, купеческими лавками,
улицами, площадями³¹⁶, гдѣ толпилось
болѣе ста тысячъ разбойниковъ, обога-
щаемыхъ плодами грабежа; гдѣ каждый
день, съ утра до вечера, казался празд-
никомъ грубой роскоши: вино и медъ ли-
лился изъ бочекъ; мяса, варенія и сырыя,
лежали грудами, пресыщал и людей и
псовъ, копорые вмѣстѣ съ измѣнниками
спекались въ Тушино³¹⁷. Число сподвиж-
никовъ Лжедимитріевыхъ умножилось Та-
тарами, приведенными къ нему поплѣш-
нымъ Царемъ Борисовымъ, Державцемъ
Касимовскимъ, Уразъ-Магметомъ³¹⁸, и кре-

Г. 1608. щенымъ Ногайскимъ Княземъ, Арасланомъ Петромъ, сыномъ Урусовымъ⁵¹⁹: оба, мѣнѣ Россіянъ виновные, измѣнили Василію; впорыи оставилъ и Вѣру Христіанскую и жену (бывшую Княгиню Шуйскую), чинобы служилъ Царю Тушинскому, по естъ грабилъ и злодѣйствовать. Жилище Самозванца, пышно именуемое дворцемъ, наполнялось лицемѣрами благоговѣніи, Россійскими чиновниками и знашными Ляхами (между коими⁵²⁰ унижался и Посоль Сигизмундовъ, Оленицкій, выпросивъ у бродяги въ даръ себѣ городъ Бѣлую). Тамъ безстыдная Марипа, съ своею поруганною красотою, наружно величалась саномъ безвѣрной Царицы, но внутренно илосковала, не властвуя, какъ ей хотѣлось, а работавшвуя, и съ пренебрегомъ завися опъ мужа варвара, копорый даже опказывалъ ей и въ средствахъ блистать пышно-спію⁵²¹; шамъ Вельможный опецъ ея лобызалъ руку бѣлаго поповича или Жидо-да⁵²², принявъ опъ него новую владѣющую грамоту на Смоленскъ, еще не взяшый, и Сѣверскую землю, съ обиліемъ ея выдать ему (Мнишку) 300,000 рублей изъ казны Московскои, еще незавоенной. Тамъ, упоенный счастіемъ, и господ-

Дого-
воръ
Самозван-
ца съ
Мниш-
скомъ.

Г. 1608. саву надъ Россією опъ Десны до Чудского и Блага Озера, Двины и моря Каспійскаго — ежедневно слыша о новыхъ успѣхахъ мнишка, ежедневно видя новыхъ поданныхъ у ногъ своихъ — спѣсняя Москву, угрожаемую голодомъ и преда-тельствомъ — Самозванецъ шерливо ждалъ послѣднато успѣха: гибели Шуйскаго, въ надеждѣ скоро взяти столицу и безъ кровопролитія, какъ обѣщали ему лжекомнатинные переменчики⁵²³, копорые опъ хотѣли видѣть въ ней ни меча, ни прилици, ни въ шамъ дома и семейства. Но опъ и возвращилось льпо: Самозванецъ еще споялъ въ Тушинѣ! Хотя въ злодѣйскихъ предиріишяхъ всякое замедленіе опасно, и близкая цѣль пренебуетъ не опдыха, а быспрѣйшаго къ ней стремленія; хотя Лжедмитрій, сличкомъ долго смотря на Москву, давалъ время узнавать и презираиъ себя, и съ умноженіемъ силъ вещественныхъ и нравственныхъ: но торжествовать опъ могло бы созершишся⁵²⁴, если бы Лжедмитрій виновники его счастья, не сдѣлавъ виновниками и его гибели, не возманилъ услуживъ нашему отечеству, опъ и въ время первого Лжедмитрія⁵²⁵,

Россіи издыхающей *помогъ* новый *не-
пріятель!*

Доселъ Король Сигизмундъ враждовалъ намъ тайно, не снимая съ себя личины мирной, и содѣйствуя Самозванцамъ польско наемными дружинами или вольницею: настало время снять личину и дѣйствовать открыто.

Г. 1609. Соединивъ, уже неразрывно, судьбу Марины и мнимую честь свою съ судьбою обманщика, болѣе худаго оборота въ дѣлахъ его и надѣясь быть зяпю полезнѣе въ Королевской Думѣ, нежели въ Тушинскомъ станѣ, Воевода Сендомирскій (въ Генварь 1609 года) уѣхалъ въ Варшаву, такъ скоро, что не успѣлъ и благословить дочери, которая въ письмахъ къ нему жаловалась на сію холодность³²⁶. Въ слѣдъ за Миншкомъ надлежало ѣхать и Посламъ Лжедимитріевымъ, шуда, гдѣ все съ живѣйшимъ любопытствомъ занималось нашими бѣдствіями, желая ими воспользоваться и для государственныхъ и для частныхъ выгодъ: ибо еще многіе благородные Ляхи, пылая страстію удализма и корысти, думали искать счастья въ смятенной Россіи. Уже друзья Воеводы Сендомирскаго дѣйствовали ревностно на Сеймѣ, представляя, что шоржесиво

мнимаго Димитрія есть шоржесиво Польши; что нужно довершить оное силами Республики, дать корону бродягѣ, и взять Смоленскъ, Сѣверскую и другія, нѣкогда Липовскія земли³²⁷. Они хопѣли, чего хопѣлъ Миншекъ: войны за Самозванца, и — если бы Сигизмундъ, признавъ Лжедимитрія Царемъ, усердно и заблаговременно помогъ ему какъ союзнику новымъ войскомъ: то едва ли Москва, едва ли шесть или семь городовъ, еще вѣрныхъ, устояли бы въ сей бурѣ общаго мятежа и разрушенія. Что сдѣлалось бы тогда съ Россіею, вполноричною гнусною добычею Самозванства и его пѣстуновъ? могла ли бы она еще возстать изъ сей бездны срама и быль, чѣмъ видимъ ее нынѣ? Такъ, судьба Россіи зависѣла отъ Политики Сигизмундовой; но Сигизмундъ, къ счастью, не имѣлъ духа Бапоріева: властолюбивый съ малодушіемъ и съ умомъ недалновиднымъ, онъ не вразумился въ причины дѣйствій; не зналъ, что Ляхи единственно подъ знаменами Россійскими могли шерзать, унижать, шоптать Россію, не своимъ героизмомъ, а Димитріевымъ именемъ чудесно обезоруживая народъ ея слѣпошествующій, — не зналъ, и Политикою, грубо-спяжащельною, оп-

г. 1609.

Г. 1609. крыль ему глаза, воспламенилъ въ немъ искру великодушія, оживилъ, усилить спарую ненависть къ Липвѣ, и сдѣлавъ много зла Россіи, далъ ей спасенія, для ужаснаго, хотя и медленнаго возмездія ея врагамъ непримиримымъ.

Увѣряющъ, что многіе знатные Россіане, въ искреннихъ разговорахъ съ Ляхами, изъявляли желаніе видѣть на престолѣ Московскомъ юнаго Сигизмундова сына, Владислава, вмѣстѣ обманщиковъ и бродягъ, безразсудно покровительствуемыхъ Королемъ и Вельможами Панами; нѣкоторые даже прибавляли, что самъ Шуйскій желаетъ уступить ему Царство³²⁸. Искренно ли, и дѣйствительно ли такъ объяснялся Россіане, неизвѣстно; но Король вѣрилъ, и въ надеждѣ пріобрѣсти Россію для сына или для себя, уже не доброхотствовалъ Лжедмитрію. Друзья Королевскіе предложили Сейму объявить войну Царю Василію, за убіеніе мѣрвыхъ Ляховъ въ Москвѣ и за долговременную безчестную неволю Пословъ Республики, Оленицкаго и Гостѣвскаго; доказывали, что Россія не только виновна, но и слаба; что война съ нею не только справедлива, но и выгодна; говорили: »Шуйскій зоветъ Шведовъ, и если ихъ вспо-

можемъ утвердить власть свою, то Г. 1609. чего добраго жданъ Республикѣ отъ союза двухъ враговъ ея? Еще хуже, если Шведы овладѣютъ Москвою; не лучше, если они, упомянутая бѣдсвѣіями, покорятся и Султану или Тапшарамъ³²⁹. Должно предупредить опасность, и легко: 3000 Ляховъ въ 1605 году дали бродягъ Московское Царство; нынѣ дружины вольничьи угрожаютъ Шуйскому плѣномъ: неужели боимся сопротивленія? Были однакожъ Сенаторы благоразумные, которые не восхищались мыслию о завоеваніи Москвы и думали, что Республика едва ли не виновнѣе Россіи, дозволить *первому* Лжедмитрію, вопреки миру, стоявшему въ Галиціи и въ Липвѣ на Годунова, и не мешая Ляхамъ участвовать въ злодѣйствахъ *второго*; что Польша, бывъ еще недавно жертвою междоусобія, не должна легкомысленно начинать войны съ Государствомъ обширнымъ и многочисленнымъ; что въ семь случаевъ надлежитъ имѣть чепыре войска: два противъ Шуйскаго и мнимаго Димитрія, два противъ Шведовъ и собиравшихъ иланжниковъ; что такія ополченія безъ плгоспныхъ налоговъ невозможны, а налоги опасны. Имъ оповѣстиво-

Г. вали: «богатая Россія будетъ наша» — и
 1609. Сеймъ исполнилъ желаніе Короля: не взи-
 рая на перемиріе, вновь заключенное въ
 Москвѣ³³⁰, одобрилъ войну съ Россією,
 безъ всякаго сношенія съ Лжедимириемъ,
 къ горести Мнишка, который, пріѣхавъ
 въ опечество, уже не могъ ничего сдѣ-
 лать для своего зятя и долженъ былъ
 удалиться отъ Двора, гдѣ только сожа-
 лѣли объ немъ, и не безъ презрѣнія.

Сигизмундъ казался новымъ Бапориємъ,
 съ необыкновенною ревностію готовясь
 къ походу; собиралъ войско, не имѣя де-
 негъ для жалованья, но имѣя болѣе обѣ-
 щаній³³¹, въ надеждѣ, что кончитъ войну
 одною угрозою³³², и что Россія изнурен-
 ная встрѣтитъ его не съ мечемъ, а съ
 вѣнцемъ Мономаховымъ, какъ спасителя.
 Узнавъ толки злословія, которое припи-
 сывало ему намѣреніе завоевать Москву
 и силами ея подавить вольность въ Рес-
 публикѣ — то есть, сдѣлавъ обоимъ Го-
 сударствъ Самодержцемъ — Король окру-
 жнымъ письмомъ удостовѣрилъ Сенапо-
 ровъ въ нелѣпости сихъ разглашеній,
 клялся не мыслить о личныхъ выгодахъ,
 и дѣйствовать единственно для блага
 Республики³³³; выѣхалъ изъ Кракова въ
 Іюнь мѣсяцъ къ войску, и еще не зналъ,

куда вести оное: въ землю ли Сѣверскую, г.
 гдѣ царствовало беззаконіе подъ именемъ
 Димитрія, или къ Смоленску, гдѣ еще
 царствовали законъ и Василій, или пря-
 мо къ Москвѣ, чтобы испребить Лже-
 димитрія, отвлечь отъ него и Ляховъ
 и Россіянъ, а послѣ испребить и Шуй-
 скаго, какъ совѣтовалъ умный Геймманъ
 Жолтѣвскій³³⁴? Сигизмундъ колебался, мед-
 лилъ — и наконецъ пошелъ къ Смолен-
 ску: ибо Канцлеръ Левъ Сапѣга и Панъ
 Гостѣвскій увѣрили Короля, что сей го-
 родъ желаетъ ему сдаться, желая изба-
 виться отъ ненавистной власни Само-
 званца. Но въ Смоленскѣ начальствовали
 доблѣй Шейнъ!

Границы Россіи были отперсты, со-
 общенія прерваны, войны разсыяны, го-
 рода и селенія въ пеплѣ или въ бунѣ, сѣи и
 сердца въ ужасѣ или въ ожесточеніи, пере-
 Правительство въ безсиліи, Царь въ оса-
 дѣ и среди измѣнниковъ... Но когда Си-
 гизмундъ, согласно съ пользою своей Дер-
 жавы, шелъ къ намъ за легкою добычею
 власнолюбія, въ то время бѣдствія Рос-
 сіи, достигнувъ крайности, уже являли
 признаки оборота и возможность спасе-
 нія, раждая надежду, что Богъ не оста-
 вляетъ Государства, гдѣ многіе или не

многіе граждане еще любятъ отечество и добродѣтель.

ГЛАВА III.

Продолженіе Василіева царствованія.

Князь Пожарскій. Доблесть Ипжляго Новгорода. Возстаніе и другіхъ городовъ Низовыхъ. Везстаніе Сѣверной Россіи. Крамолы въ Москвѣ. Голодъ. Бѣспіе о Князѣ Михаилѣ и его подвиги. Приспуги Лжедимитрія къ Москвѣ. Побѣда Царскаго войска. Три Самозванца. Нѣкоторыя удачи Лжедимитріевы. Новый мятежъ въ Москвѣ. Слобода Александровская. Побѣда надъ Сапѣгою. Любовь къ Князю Михаилу. Предлагаютъ вѣнецъ Герою. Разбой. Пожарскій. Осада Смоленска. Смятеніе Лжедимитріевыхъ Ляховъ. Распря между Сигизмундомъ и Конфедератами. Посольство Королевское въ Тушино. Переговоры съ Тушинскими измѣнниками. Бѣгство Лжедимитрія. Высокомѣріе Марини. Злодѣйства Самозванца въ Казугѣ. Волненіе въ Тушинѣ. Бѣгство Марини. Посольство Тушинское къ Королю. Измѣнники признаютъ Владислава Царемъ. Марина въ Казугѣ. Успѣхи Князя Михаила. Освобожденіе Лавры. Бѣгство Сапѣги. Оцущеніе Тушина. Дѣло Князя Михаила. Торжественное вспущеніе Героя въ Москву.

Г. 1608 — 1610.

Г. 1608
— 610. Первое счастливое дѣло сего времени было подъ Коломною, гдѣ Воеводы Цар-

скіе, Князь Прозоровскій и Сукинъ, раз- Г.
били Пана Хмѣлевскаго. Во второмъ дѣлѣ 1608.
оказалось мужество и счастіе юнаго, еще
пензѣвскаго Спрагига, коему Провидѣ- Князь
ніе гоповило благотворнѣйшую славу въ По-
мѣрѣ: славу Героя-спасителя отечества. скій
Князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій,
происходя оиъ Всеволода III и Князей
Стародубскихъ³³⁵, царедворецъ безчинов-
ный въ Борисово время и Спольшникъ при
Разспригѣ, опасностями Россіи вызван-
ный на оеатръ кровопролитія, долженъ
былъ вторично защититъ Коломну отъ
нападенія Липвы и нашихъ измѣнниковъ,
шедшихъ изъ Владиміра. Пожарскій не
хотѣлъ ждаты ихъ: встрѣтилъ въ селѣ
Высоцкомѣ, въ тридцати верстахъ отъ
Коломны, и на упренней зарѣ незапнымъ,
сильнымъ ударомъ изумилъ непріятеля;
взялъ множество плѣнниковъ, запасовъ и
богатую казну³³⁶; одержалъ побѣду съ ма-
лымъ урономъ, явивъ не только смѣ-
лость, но и рѣдкое искусство, въ пред-
вѣснѣе своего великаго назначенія.

Тогда же и въ иныхъ мѣстахъ Судьба
начинала благопріятствовашъ Царю. Мл-
шежники, Мордва, Черемисы и Лжедими-
тріевы шайки, Ляхи, Россіяне, съ Воево-
дою Княземъ Вяземскимъ осаждали Ниж-

Г. ній Новгородъ: вѣрные жители обрели
 1608 себя на смерть; простились съ женами,
 Доб- дѣтьми, и единодушною вылазкою раз-
 лесь били осаждающихъ на-голову: взяли Вя-
 Ниж- земскаго и немедленно повѣсили какъ
 няго измѣнника. Такъ добрые Нижегородцы
 города воспрянули къ подвигамъ, коимъ надле-
 жало увѣнчаться ихъ безсмертною, свя-
 пою, для самыхъ отдаленныхъ вѣковъ
 утѣшительною славою въ нашей Исто-
 ріи. Они не удовольствовались своимъ
 избавленіемъ, только временнымъ: свѣ-
 давъ, что Бояринъ Федоръ Шереметевъ,
 въ исполненіе Василіева указа, оставилъ
 наконецъ Аспраханъ, идетъ къ Казани,
 вездѣ смиряетъ бунтъ, вездѣ бьетъ и
 гонитъ шайки мятежниковъ, Нижегород-
 цы выступили въ поле, взяли Балахну
 и съ ея жителей присягу въ вѣрности
 къ Василію³³⁷; обратили къ закону и дру-
 гіе Низовые города, воспламеняя въ нихъ
 ревность добродѣтельную. Возстали и
 Воз- жители Юрьевца, Гороховца, Луха, Реш-
 спаніе дру- мы, Холул, и подъ начальствомъ Сошни-
 гихъ горо- ка Краснаго, мѣщанъ Кувшинникова, На-
 довь гавицына, Денгина и кресѣяннина Лаши
 Низо- разбили непріятеля въ Лухъ и въ селѣ
 выхъ Дуниловѣ: Ляхи и наши измѣнники съ
 Воеводою Федоромъ Плещеевымъ, спо-

движникомъ Лисовскаго, бѣжали въ Су- Г.
 1608. даль. Побѣдители взяли многихъ недо-
 стойныхъ Дворянъ, отправили какъ плѣн-
 никовъ въ Нижній Новгородъ, и разорили
 ихъ дома.

Москва осажденная не знала о сихъ
 важныхъ происшествіяхъ, но знала о дру-
 гихъ, еще важнѣйшихъ. Не перля наде-
 жды усовѣститъ измѣнниковъ, Василій
 писалъ къ жителямъ городовъ Сѣвер-
 ныхъ³³⁸, Галича, Ярославля, Коспромы, Воз-
 Вологды, Устюга. «Несчастные! кому вы ста-
 »рабски цѣловали крестъ и служили? Зло- ние
 »дѣю и злодѣямъ, бродягъ и Ляхамъ! Уже Сѣ-
 »видите ихъ дѣла, и еще гнуснѣйшія уви- вер-
 »дите! Когда своимъ малодушіемъ преда- ной
 »дите имъ Государство и Церковь; когда Рос-
 »падетъ Москва, а съ нею и святое опе- сив.
 »чество и святая Вѣра: то будете оп-
 »вѣществовать уже не намъ, а Богу...
 »естъ Богъ мстителъ! Въ случаѣ же рас-
 »каянія и новой вѣрной службы, обѣщаемъ
 »вамъ, чего у васъ нѣтъ и на умѣ: мило-
 »сти, льготу, торговлю, безпошлинную
 »на многія дѣла.» Сія письма, доставляе-
 мыя усердными слугами гражданамъ оболь-
 щеннымъ, имѣли дѣйствіе; всего же силь-
 нѣе дѣйствовали наглость Ляховъ и не-
 истовство Россійскихъ клеветовъ Само-

Г. 1608. званца, которые, губя враговъ, не падали и друзей. Присяга Лжедимирию не спасала отъ грабежа; а народъ, лишась чести, тѣмъ болѣе стоялъ за имѣніе. Земледѣльцы первые ополчились на грабителей; встрѣчали Ляховъ уже не съ хлѣбомъ и солью, а при звукѣ набата, съ дрекольемъ, копьями, сѣкирами и ножами; убивали, топтали въ рѣкахъ и кричали: «вы опустошили наши житницы и хлѣвы: теперь питайтесь рыбою»³³⁹! Примуру земледѣльцевъ слѣдовали и города, отъ Романова до Перми: свергали съ себя иго злодѣйства, изгоняли чиновниковъ Лжедимириевыхъ³⁴⁰. Люди слабые раскаялись; люди твердые ободрились, и между ними два человека прославились особенною ревностію: знаменитый господинъ, Пепръ Строгановъ, и Нѣмецъ Греческаго Исповѣданія, богатый владѣлецъ Данилъ Эйлофъ. Первый не только удержалъ Сольвыгодскую, гдѣ находились его богатыя заведенія, въ неизмѣнномъ подданствѣ Царю, но и другіе города, Пермскіе и Казанскіе, жертвуя своимъ достояніемъ для ополченія гражданъ и крестьянъ³⁴¹; втораго именуютъ главнымъ виновникомъ сего возстанія, которое сопровождало станъ Тушинскій и Сапѣгинъ, за-

мѣшало Царство злодѣйское, отвлекло Г. 1608. значную часть силъ непріятельскихъ отъ Москвы и Лавры³⁴². Паны Тишкѣвичъ и Лисовскій выступили съ полками умиряющъ мятежъ, сожгли предмѣстіе Ярославля, Юрьевецъ, Кинешму: Зборовскій и Князь Григорій Шаховскій Спарицу³⁴³. Жители проповивались мужественно въ городахъ; дѣлали въ селеніяхъ остроги, въ лѣсахъ засѣки; не имѣли только единодушія, ни устройствъ. Измѣнники и Ляхи побили ихъ нѣсколько тысячъ въ шестидесяти верстахъ отъ Ярославля, въ селеніи Даниловскомъ³⁴⁴, и пылалъ злобою, все жгли и губили: женъ, дѣтей старцевъ — и тѣмъ усиливали взаимное остервененіе. Вѣрныя Россіане также не знали ни жалости, ни человѣчества въ мести, одерживая иногда верхъ въ сшибкахъ, убивали плѣнныхъ; казнили Воеводъ Самозванцевыхъ, Засломскаго, Нащокина и Пана Мампіаса; Нѣмца Шмита, Ярославскаго жителя, сварили въ котлѣ, за то, что онъ, выѣхавъ къ памошнымъ гражданамъ для переговоровъ, дерзнулъ склонять ихъ къ новой измѣнѣ³⁴⁵. Бѣдствія сего края, душегубство, пожары еще умножились, но уже знаменовали великодушное сопротивленіе злодѣйству, и

Г. 1608. вѣспи о счастливой перемѣнѣ, сквозь пла-
мя и кровь, доходили до Москвы. Уже
Василій писалъ благодарныя грамоты къ
добрымъ Сѣвернымъ Россіянамъ; посы-
лалъ къ нимъ чиновниковъ для образова-
нія войска; велѣлъ ихъ дружинамъ ийти
въ Ярославль, открывъ сообщеніе съ го-
родами Низовыми и съ Бояриномъ Ѳеодо-
ромъ Шереметевымъ³⁴⁶; наконецъ спѣ-
шилъ къ столицѣ.

Кра- Но столица была всепрѣмъ козней и
мо- мятежей. Тамъ, гдѣ опасались не измѣны,
въ Мо- а доносовъ на измѣну³⁴⁷ — гдѣ спраши-
сквѣ. лись мести Ляховъ и Самозванца болѣе,
нежели Царя и закона — гдѣ власть вер-
ховная, ужасалась явнаго и тайнаго мно-
жества злодѣевъ, умысленнымъ послабле-
ніемъ хотѣла, казалось, только продлить
пѣнь бытія своего и на часъ удалить
гибель — тамъ надлежало дивиться не
смятенію, а призраку тишины и спо-
койствія, когда Государство едва суще-
ствовало и Москва видѣла себя среди
Россіи въ уединеніи, будучи опрѣзана,
угрожаема всѣми бѣдствіями долговре-
менной осады, безъ надежды на избавле-
ніе, безъ довѣренности къ Правитель-
ству, безъ любви къ Царю: ибо Москви-
тяне, нѣкогда усердные къ Болрину Шуй-

скому, уже не любили въ немъ Вѣнце- Г. 1608.
носца, приписывая государственнымъ зло-
получіямъ его неразумію или несчастію³⁴⁸:
обвиненіе равно важное въ глазахъ наро-
да! Еще какал-то невидимая сила, законъ,
совѣсть, нерѣшимельность, разномысліе,
хранили Василія. Желали перемѣны; но
кому опдѣлать вѣнецъ? въ тайныхъ прѣ-
ніяхъ не соглашались. Самозванцемъ во-
обще гнушались; Ляховъ вообще ненави-
дѣли, и никто изъ Вельможъ не имѣлъ
ни столько достоинствъ, ни столько
клеветовъ, чтобы обѣщать себѣ Дер-
жавство. Дни текли, и Василій еще си-
дѣлъ на тронѣ, измѣрля взорами глубину
бѣдны предъ собою, мысля о средствахъ
спасенія, но готовый и погибнуть безъ
малодушія. Уже блеснулъ лучъ надежды:
оружіе Царское снова имѣло успѣхъ³⁴⁹;
Лавра стояла непоколебимо; Воспокъ и
Сѣверъ Россіи ополчились за Москву, —
и въ сіе время крамольники дерзнули
явно, рѣшительно возстать на Царя,
боясь ли упустить время? боясь ли, что-
бы счастливая перемѣна обстоятельствъ
не утвердила Василіева Державства?

Извѣстными начальниками кова были
царедворецъ Князь Романъ Гагаринъ³⁵⁰,
Воевода Григорій Сунбуловъ (прощенный

Г. 1608. измѣнникъ) и Дворянинъ Тимофеей Грязной: значнѣйшіе, вѣроятно, скрывались за ними до времени. 17 Февраля³⁵¹ вдругъ сдѣлалась пререва: заговорщики звали гражданъ на Лобное мѣсто; силою привели туда и Папріарха Ермогена; звали и всѣхъ Думныхъ Бояръ, торжественно предлагая имъ свести Василія съ Царства, и доказывая, что онъ избранъ не Россіею, а только своими угодниками³⁵², обманомъ и насиліемъ; что сіе беззаконіе произвело всѣ распри и мятежи, междоусобіе и Самозванцевъ³⁵³; что Шуйскій и не Царь и не умѣетъ быть Царемъ, имѣя болѣе тщеславія, нежели разума и способностей, нужныхъ для успокоенія Державы въ такомъ волненіи. Не стыдились и клеветы грубой: обвиняли Василія даже въ нечестности и распущенствѣ. Они умолчали о преемникѣ Шуйскаго и мнимомъ Димитріи; не сказали, гдѣ взять Царя новаго, лучшаго, и тѣмъ затруднили для себя удачу. Не многіе изъ гражданъ и воиновъ соединились съ ними; другіе, подумавъ, оповѣстествовали имъ хладнокровно: «Мы всѣ были свидѣтелями Василіева избранія, добровольнаго, общаго; всѣ мы, и вы съ нами, присягали ему какъ Государю закону.

Г. 1608. «Пороковъ его не вѣдаемъ. И кто далъ вамъ право располаганія Царствомъ безъ^{1608.} «Чиновъ Государственныхъ?» Ермогенъ, презирая угрозы, заклиналъ народъ не участвовать въ злодѣйствѣ, и возвратился въ Кремль. Сипклитъ также оспался вѣрнымъ, и только одинъ мужъ Думный, старый измѣнникъ, Князь Василій Голицынъ — вѣроятно, тайный благопріятель сего кова — выѣхалъ къ мятежникамъ на Красную площадь; всѣ иные Бояре, съ негодованіемъ выслушавъ предложеніе свергнуть Царя и быть участниками беззаконнаго Вѣча, съ дружинами усердными окружили Шуйскаго³⁵⁴. Не взирая на то, мятежники вломились въ Кремль; но были побѣждены безъ оружія. Въ часъ опасный, Василій снова явился себя неустрашимымъ: смѣло вышелъ къ ихъ сонму; *сталъ иль въ лице* и сказалъ голосомъ твердымъ: «Чего хотите? Если «убить меня, то я предъ вами, и не боюсь смерти; но свергнуть меня съ Царства не можете безъ Думы Земской. Да «соберутся Великіе Бояре и Чины Государственные, и въ моемъ присутствіи «да рѣшатъ судьбу отечества и мою «собственную: ихъ судъ будетъ для меня закономъ, но не воля крамольниковъ!»

Г. Дерзость злодѣйства обратилась въ ужасъ: 1608. Гагаринъ, Сунбуловъ, Грязной, и съ ними 300 человекъ бѣжали; а вся Москва какъ бы снова избрала Шуйскаго въ Государя: столь живо было усердіе къ нему, столь сильно дѣйствіе оказаннаго имъ мужества!

Къ несчастію, торжество закона и великодушія было недолговременно. Малешники ушли въ Тушину, для того ли, что доброжелательствовали Самозванцу, или единственно для своего личнаго спасенія, какъ въ мѣсто безопаснѣйшее для злодѣевъ? Ихъ бѣгствомъ Москва не очистилась отъ крамолы. Мужъ знаменитый, Воевода Василій Бушурлинъ, донесъ Царю, что Бояринъ и Дворецкій, Крюкъ-Колычевъ, есть измѣнникъ и тайно сносился съ Лжедмитріемъ. Измѣны тогда не удивляли: Колычевъ, бывъ вѣренъ, могъ сдѣлаться предателемъ, подобно Юрію Трубецкому³⁵⁵ и столь многимъ другимъ, но могъ быть и нагло оклеветанъ врагами личными. Его судили, пытали и казнили на Лобномъ мѣстѣ. Пытали и всѣхъ мнимыхъ участниковъ новаго кова, и наполняли ими темницы, обѣщая невиннымъ, спокойнымъ гражданамъ утвердить ихъ безопасность искорененіемъ малешниковъ.

Но зло инаго рода уже начинало свирѣпствовать въ столицѣ. Лишаемая подвозовъ, она истощила свои запасы; имѣла сообщеніе съ одною Коломною, и того лишилась: ибо рапъ Лжедмитріева вопрично осадила сей городъ³⁵⁶. Предвидѣвъ недостатокъ, алчные корыстолюбцы скупили весь хлѣбъ въ Москвѣ и въ окрестностяхъ, и ежедневно возвышали его цѣну, такъ, что четверть ржи стоила наконецъ семь рублей³⁵⁷, къ ужасу людей бѣдныхъ. Тщешно Василій желалъ умѣришь дороговизну неслыханную, успавлялъ цѣну справедливую и запрещалъ безбожную; купцы не слушались: скрывали свое изобиліе и продавали тайно, кому и какъ хотѣли. Тщешно Царь и Патриархъ надѣялись разбудить совѣсть и жалость въ людяхъ: призывали Вельможъ, купцевъ, богачей въ храмъ Успенія, и предъ олтаремъ Всевышняго заклинали быть чловѣколюбивыми: не торговать жизнію Христіанъ и спустить цѣну хлѣба; не скупать его въ большомъ количествѣ и шѣмъ не опшимаъ у бѣдныхъ³⁵⁸. Лицемеры съ слезами увѣряли, что у нихъ нѣтъ запасовъ, и безсовѣстно обманывали, думая единственно о своей выгодѣ, какъ и во время дороговизны 1603 года.

Томъ XII.

Г. 1608. Народъ впадалъ въ отчаяніе. Кричали на улицахъ: «Мы гибнемъ опѣ Царя злосчастнаго; опѣ него кровопролитіе и голодъ!» Люди, увѣренные въ обманъ мнимаго Димитрія, уходили къ нему единственно для того, чтобы не умереть въ Москвѣ безъ пищи³⁵⁹; другіе толпами врывались въ Кремль и вопили предъ дворцемъ: «Долго ли намъ сидѣть въ осадѣ и ждатель голодной смерти?» Они требовали избавленія, побѣды и хлѣба — или Царя счастливѣйшаго! Василій не скрывался опѣ народа: выходилъ къ нему съ лицомъ спокойнымъ, увѣщаль и грозилъ; смирялъ дерзость спраждающихъ, но только на время. Радѣя о бѣдныхъ, онъ убѣдилъ Троицкаго Келаря Аврамія отворить для нихъ Московскія житницы его Обищели: цѣна хлѣба вдругъ упала опѣ семи до двухъ рублей³⁶⁰. Сихъ запасовъ не могло спать на-долго; но вопль умолкъ въ столицѣ, и счастливая вѣсть ободрила Москву.

Князь Гагаринъ, первый изъ мясешниковъ, ушедшихъ къ Самозванцу, не смотря на крамольство, имѣлъ душу: увидѣлъ, узналъ Лжедимитрія, и явился къ Царю съ раскаяніемъ³⁶¹; принесъ ему свою Мяс. вишнюю голову; сказалъ, что лучше хо-

четъ умереть на плахѣ, нежели служить Г. бродягѣ гнусному — и былъ помилованъ 1608. Василіемъ: выведенный къ народу, Гагаринъ именемъ Божиимъ заклиналъ его не прельщаться Діавольскимъ обманомъ, не вѣрить злодѣю Тушинскому, орудію Ляховъ, желающихъ единственно гибели Россіи и святой Церкви. Сии убѣжденія произвели дѣйствіе, и еще несравненно болѣе, когда Гагаринъ объявилъ Москвитянамъ, что станъ Тушинскій въ силѣ — Князь Митрофановъ; что Лжедимитрій и Ляхи ханѣ свѣдали о соединеніи Шведовъ съ Россіей — и его по-нами; что Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій ведетъ ихъ къ столицѣ и побѣждаетъ. Удивленіе радости измѣнило лица печальныя: все славилъ Бога; многіе успыдились своего намѣренія бѣжать въ Тушино; укрѣпились въ вѣрности — и съ того дня уже никто не уходилъ къ Самозванцу.

Гагаринъ сказалъ истину о тревогѣ злодѣевъ Тушинскихъ. Опишемъ начало подвиговъ знаменитаго юноши, копорый въ бѣдственные времена родился счастливымъ, и коему надлежало бы только жить, чтобы спасти Царя, ознаменованнаго Судьбою для злополучія. Мы видѣли, какъ Михаилъ Шуйскій, во время вели-

Г. чайшей опасности, съ гореспію удалился
1608. отъ войска, чіобы искасть защитниковъ
Россіи внѣ Россіи³⁶²: прибывъ въ Новго-
родъ, гдѣ начальствовали Бояринъ Князь
Андрей Куракинъ и царедворецъ Тапи-
щевъ³⁶³, онъ немедленно доставилъ Коро-
лю Шведскому грамоту Василю; писалъ
къ нему и самъ, писалъ и къ его Воево-
дамъ, Финляндскому и Ливонскому, Ар-
виду Вильдману и Графу Мансфельду³⁶⁴,
требуя вспоможенія и представляя имъ,
что Ляхи воцареніемъ Лжедимирія хо-
тятъ обратишь силы Россіи на Шве-
цію, для шоржества Лапинской Вѣры,
будучи побуждаемы къ тому Папою, Іе-
зуитами и Королемъ Испанскимъ. Ничто
не было еспественіе союза между Швед-
скимъ и Россійскимъ Вѣщеносцами, ис-
крепными друзьями опъ ихъ общей не-
нависти къ Ляхамъ. Надлежало единствен-
но удостовѣрить Карла, что Шведы еще
найдутъ и могутъ утвердить Василя
на пресполѣ: для чего Князь Михайлъ,
слѣдуя своему наказу и внушенію Поля-
ники, писалъ отъ Карла ужасныя обспоя-
тельствва Россіи; говорилъ только о часп-
ныхъ въ ней мятежахъ, объ измѣнѣ пы-
сачъ осьми или десяти Россіянъ, кото-
рые вмѣстѣ съ пятью или шестью пы-

сячами Ляховъ злодѣйспвуютъ близъ Мо- г.
сквы³⁶⁵. Требовалось не мало времени для 1608.
объясненій. Секретарь Мансфельдовъ ви-
дѣлся съ Княземъ Михайломъ въ Новго-
родѣ, а Воевода Головинъ, шуринъ Ско-
пина, поѣхалъ въ Выборгъ, гдѣ знатные
чиновники Шведскіе ждали его, чіобы
условиться въ мѣрахъ вспоможенія. Ме-
жду тѣмъ Князь Михайлъ, желая спасти
Москву и Царя не одною рукою инопле-
менниковъ, мыслилъ ополчить всю Сѣве-
розападную Россію, и грамотою убѣди-
тельною звалъ къ себѣ Псковичанъ, хва-
ля ихъ древною доблестью; но Пскови-
чане, уже хвалясь злодѣйспвомъ³⁶⁶, оп-
вѣспивовали ему угрозою — и самые Ново-
городцы оказывали расположеніе столь
подозрительное, что Князь Михайлъ рѣ-
шился искасть усердія или безопасности
въ иномъ мѣстѣ; вышелъ изъ Новгорода
съ Тапищевымъ, Дьякомъ Теленевымъ
и малочисленною дружиною вѣрныхъ, и
спребовалъ убѣжища въ Иванъгородѣ: тамъ
ихъ не приняли, ни въ Оршкѣ, гдѣ Вое-
вода, предатель, Бояринъ Михайло Сал-
тыковъ, считая Лжедимирія побѣдите-
лемъ, уже именовалъ себя его Намѣстни-
комъ³⁶⁷. Въ то время, когда Михайлъ,
оставленный и нѣкоторыми изъ робкихъ

Г. 1608. спутниковъ, при устьѣ Невы думалъ въ печали, что дѣлашъ? явились Послы отъ Новгорода съ моленіемъ, чтобы онъ возвратился къ Святой Софіи. Митрополитъ Исидоръ и достойные Россіане одержали шамъ верхъ надъ беззаконіемъ, и вспрѣтили Князя Михаила какъ утѣшителъ, въ лицѣ его привѣлспвуя опечесство и вѣрность; искренно клялися умереть за Царя Василія, какъ предки ихъ умирали за Ярослава Великаго, и свѣдавъ, что Воевода Лжедимитріевъ, Керносицкій, съ Ляхами и Россіянами идетъ отъ Тушина къ берегамъ Ильменя, гоповились выступить въ поле. Древній Новгородъ, казалось, воскресъ съ своимъ великодушіемъ: къ несчастію, ревность достохвальная имѣла дѣйствіе злоредное.

Тапищевъ, извѣстный мужесствомъ, вызвался вести передовой отрядъ къ Бронницамъ; но Князю Михаилу донесли, что сей царедворецъ лукавый замышляетъ предательство. Извѣтъ былъ важенъ, а Князь Шуйскій молодъ и пылокъ: онъ созвалъ воиновъ и гражданъ, объявилъ имъ доносъ, и хотѣлъ съ ними поржесивно судить, уличить или оправдать виноватаго. Въмѣсто суда, народъ въ изступленіи ярости умерщвилъ Тапищева, не

давъ ему сказать ни единого слова, къ горести Михаила, увидѣшаго поздно, что народъ, въ кипѣніи спрасей, можетъ бытъ скорѣе палачемъ, нежели судіею³⁶⁸. Тапищева, едва ли виноватаго, схоронили съ честію въ Обишели Св. Антонія, и многіе Дворяне, вѣроятно устращенные его судьбою, бѣжали изъ города, даже къ непріятелю, копорый шелъ впередъ невозбранно, занялъ Хутынский и другіе окрестные монастыри, жегъ, грабилъ — и вдругъ скрылся, услышавъ отъ плѣнниковъ, что сильное войско вспуило въ село Грузино и спѣшило на помощь къ Новгороду. Плѣнники обманули непріятеля: мнимое войско состояло единственно изъ тысячи обласанныхъ жипшелей, ополченныхъ Дворянами Горихвостовымъ и Рязановымъ въ Тихвинъ и за Онегою³⁶⁹. Сін добрые Россіане, будучи въ шесть разъ слабѣе Керносицкаго³⁷⁰, имѣли счастье безъ кровопролитія избавить Новгородъ, гдѣ Князь Михаилъ съ неперпѣніемъ ждалъ вѣстей отъ Головина.

Вѣсти были благопріятны. Король Шведскій словомъ и дѣломъ доказалъ свою искренность. Еще Генералы его, Бое и Вильдманъ, не успѣли заключить договора съ Головинымъ и Дьякомъ Зиновье-

Г. 1609. вымъ, а войско Королевское уже сполло подъ знаменами Финляндіи. Съ обѣихъ споронъ не хошѣли прашить времени, и 28 Февраля подписали въ Выборгъ слѣдующія условія³⁷¹: 1) Мирный договоръ 1595 года возобновляется между Россією и Швецією на вѣки вѣковъ. 2) Первой не вступаться въ Ливонію. 3) Карлъ даеши Василию 2000 конныхъ и 3000 пѣшихъ ратниковъ, а Василій 100,000 ефимковъ въ мѣсяцъ на ихъ жалованье³⁷². 4) «Сіе войско въ полномъ распоряженіи Князя Михаила Шуйскаго; должно занимать города единспивенно именемъ Царскимъ, и не можетъ выводитьъ плѣнниковъ изъ Россіи, кромѣ Ляховъ. 5) Съѣстные припасы будутъ ему доставляемы по цѣнѣ умѣренной³⁷³. 6) Царь взаимно обязывается помогать Королю войскомъ на Сигизмунда въ Ливоніи, куда открытъ путь Шведамъ изъ Финляндіи чрезъ Россійскія владѣнія. 7) Ни та, ни другая Держава безъ общаго согласія не вольна мириться съ Сигизмундомъ. 8) Царь, въ знакъ признательности, уступаетъ Швеціи Кексгольмъ въ вѣчное владѣніе, но тайно до времени³⁷⁴: ибо сія уступка можетъ произвести сильное неудовольствие между Россіянами. 9) Князь Ми-

хайлъ Шуйскій дарить Шведскому войску 5000 рублей не въ счетъ опредѣленнаго жалованья. — Сія грамота будетъ утверждена въ Новгородѣ имъ Княземъ Шуйскимъ, Воеводою, Бояриномъ и Ближними Пріятелями Царскимъ, а въ Москвѣ самимъ Царемъ.» Г. 1609.

26 Марта⁵⁷⁵ уже вступилъ въ Россію Полководецъ Шведскій, Іаковъ Делагарди, сынъ Понпусовъ, юный, двадцати-семи-лѣтній витязъ, ученикъ и сподвижникъ славнаго Морица Нассавскаго въ долговременномъ, кровопролитномъ бореніи за свободу Голландской Республики. На границѣ встрѣтилъ союзниковъ Воевода Одоуровъ, посланный Княземъ Михаиломъ, и 2300 Россіянъ, которые въ первый разъ увидѣли себя подъ одними знаменами съ Шведами и наемниками ихъ, Французами, Англичанами, Шотландцами, Нѣмцами и Нидерландцами. Сіи 5000 развоземцевъ, большею частію людей безъ опечества и нравственности, исполненныхъ любви не къ ратной чеспи, а къ низкой корысти, шли спасать преемника Монарховъ, ославленныхъ въ Европѣ и въ Азіи несмѣтными ихъ силами! Союзникамъ указали станъ близъ Новагорода, куда звали

Г. Делагарди и Генераловъ его для свиданія
1609. съ Княземъ Шуйскимъ...

Тамъ сии два Полководца, оба юные, привѣтствовали другъ друга съ ласкою, съ уваженіемъ взаимнымъ. »Князь Михаилъ« — пишетъ современный Шведскій Историкъ³⁷⁶ — »имѣлъ 23 года отъ рожденія, прекрасную душу, умъ не по лѣтамъ зрѣлый, наружность, осанку пріятную, искусство въ бипвахъ и въ обхожденіи съ иноземнымъ войскомъ. Делагарди сказалъ ему, что Королю извѣстны всѣ ухищренія Ляховъ; что онъ прислалъ ранъ и готовилъ еще сильнѣйшую для вспоможенія Россіи, желая »благоденствія Царю и народу ея, а врагамъ ихъ желая гибели. Князь Михаилъ, кланяясь, опустилъ руку до земли; изъявляя благодарность; увѣряя, что Россія усердна къ Царю и волнуема только малымъ числомъ измѣнниковъ, коихъ легко одолѣшь единодушнымъ дѣйствіемъ союзниковъ. Разсуждали, какъ дѣйствовать и съ чего начать. Делагарди преобовалъ впередъ жалованья войску: Князь Шуйскій обѣщалъ немедленно выдать »8000 рублей, 5000 деньгами и 3000 соболями; утвердилъ (4 Апрѣля) Выборг-

скій договоръ, и самъ проводилъ Делагарди до воротъ крѣпости.«
Г. 1609.

Грязи и разливіе рѣкъ мѣшали походу. Шведскій Военачальникъ хотѣлъ ждать просухи, и для безопаснаго сообщенія съ Ливонією и Финляндією, занялся прежде всего осадой Копорья, Иванягорода и Ямы, гдѣ царствовалъ измѣна: Князь Михаилъ имѣлъ другую мысль. Еще до прибытія Шведовъ, Воевода Осипинъ ходилъ изъ Новагорода съ Дѣтьми Боярскими и Козаками къ мятежному Пскову, разбилъ тамошнихъ злодѣевъ въ полѣ и надѣялся взять городъ³⁷⁷; но Скопинъ велѣлъ ему возвратиться, чтобы не тратить времени въ предпріятіяхъ частныхъ, и склонилъ Делагарди немедленно идти къ Москвѣ. Воевода Чулковъ и Шведскій Генералъ Эвершъ Горнъ вступили въ Русу, гнали измѣнниковъ и Ляховъ до уѣзда Торопецкаго, одержали (25 Апрѣля) побѣду надъ Керносицкимъ въ селѣ Каменкахъ, взяли 9 пушекъ, знамена и плѣнниковъ³⁷⁸. Порховъ, Торопецъ сдалися мирно — и Торжекъ другому Воеводѣ, Чоглокову. Узнавъ, что Панъ Зборовскій и Князь Григорій Шаховскій³⁷⁹ съ тремя тысячами измѣнниковъ и Ляховъ идутъ изъ Твери на Чоглокова, Князь Михаилъ опъ-

Г. 1609. рядилъ суда Головина и Горна: имѣя не болѣе двухъ тысячъ воиновъ, они сразились съ непріятелемъ; Чоглоковъ сдѣлалъ вылазку, и Зборовскій, послѣ дѣла кровопролитнаго, отступилъ къ Твери.

Самъ Князь Михаилъ, опивъ молебень въ Софійскомъ храмѣ, исполненномъ древнихъ знаменитыхъ воспоминаній, вывелъ (10 Мая) главную рать. Новгородъ, нѣкогда Великій, споль многолюдный и воинственный, далъ ему все, что могъ: тысячи двѣ подвижниковъ неопытныхъ³⁸⁰! Но войско Россійское усилилось въ Торжкѣ (24 Юня) новыми дружинами: Князь Боряшинскій, Воевода усердный и мужественный, привелъ суда 3000 дѣшей Боларскихъ и земледѣльцевъ изъ Смоленскихъ Уѣздовъ, смиривъ на пути Дорогобужъ и Вязьму³⁸¹. Союзники сѣпили къ Твери: тамъ засѣли Зборовскій и Керносицкій, бывъ подкрѣплены Тушинскимъ войскомъ. Ляхи и Россійскіе измѣнники вышли изъ города и сразились мужественно, во время сильнаго дождя, который препяшествовалъ дѣйствию пальбы: непріятель, ударивъ съ копьями на лѣвое крыло Шведовъ, обратилъ Французовъ въ бѣгство; Нѣмцы, Финляндцы, Россіане также дали пылъ, — и хотя правое крыло, гдѣ на-

чалъствовалъ Делагарди, имѣло выгоду и Г. 1609. вѣтснело Ляховъ въ городъ; хотя самъ Воевода Зборовскій раненный едва спасся онъ плѣна: но союзники отступили. Дождь лилъ цѣлыя суепки. Въ слѣдующую ночь, когда Ляхи безпечно спали въ Осипрогѣ, Князь Михаилъ тихо приближлся, началъ и взялъ его безъ урона: восходящее солнце освѣтило тамъ Царскія хоругви и кучи непріятельскихъ шѣлъ³⁸². Юный Полководецъ Россійскій обнялъ Делагарди съ живѣйшимъ чувствомъ признательности за мужество Шведовъ³⁸³, которые хотѣли вломиться и въ городъ, гдѣ остальные измѣнники и Ляхи заключились; но Князь Михаилъ, жалѣя людей, велѣлъ прекратить свѣчу кровопролитную и ненужную: ибо угадывалъ, что непріятель, уже слабый, или мирно сдастся на договоръ или бѣжитъ. Черезъ нѣсколько часовъ дѣйствительно Ляхи и клеверпы ихъ ушли изъ Твери, до половины сожженной и наполненной шрупами³⁸⁴. Такимъ образомъ Князь Михаилъ въ два мѣсяца очистилъ все мѣста отъ Новгородскихъ до Московскихъ предѣловъ; думалъ скоро освободить и Москву, надѣясь на ужасъ непріятелей и содѣйствіе войска Царскаго. До-

Г. 1609. селъ онъ могъ бытъ доволенъ Шведами. Карлъ IX писалъ къ нашему Духовенству, Боярамъ, Дворянамъ и купцамъ³⁸⁵, что онъ готовъ всеми силами дѣйствовать для защиты ихъ древней *Греческой вѣры, вольности и льготы*, — для испребленія Польской сволочи и бродягъ, жалуемыхъ ею въ Цари съ умысломъ изгубить значнѣйшіе роды, цвѣтъ и славу нашего опечества³⁸⁶. Делагарди уклонялся отъ всякаго сношенія съ Ляхами, и въ оповѣтъ на дружескую, лукавую грамоту Зборовскаго, писанную изъ Твери (11 Іюня) къ Шведскимъ Генераламъ о правахъ мнимаго Димитрія, сказалъ: «мое дѣло воевать, а не разсуждать съ вами о Димитріяхъ»³⁸⁷. Тщепно и лазупчики Зборовскаго спарались возмущить союзное войско: ихъ ловили и казнили. Но чего не произвело обольщеніе, то произвела буйность. Оставивъ Тверь и Шведовъ позади себя, Князь Михаилъ шелъ къ сполницъ и свѣдалъ въ Городнѣ, что союзники идуть не за нимъ, а назадъ къ Новгороду! Сія неожиданная измѣна была слѣдствіемъ мяшежа. Выступивъ изъ Твери, Финляндцы первые объявили своему Генералу, что не хотятъ вступить въ глубину Россіи на вѣрную гибель; что

имъ не выдано полного жалованья; что Г. 1609. вѣроломство Московскаго народа всемъ извѣстно; что жены и дѣти ихъ безъ защиты дома³⁸⁸. Французы, Нѣмцы, наконецъ и Шведы также взволновались; не слушались Генераловъ; бросили знамена. Делагарди обнажилъ мечъ, грозилъ — и долженъ былъ уступить мяшежникамъ, чтобы не оспаться Военачальникомъ безъ войска: онъ самъ повелъ ихъ къ Шведской границѣ³⁸⁹, для прикрытія бунта, жалуясь, что Россіяне не исполняютъ договора: не сдаютъ Кексгольма и не платятъ обѣщанныхъ денегъ. Изумленный Князь Михаилъ спѣшилъ удержавъ союзниковъ пужныхъ, хотя и ненадежныхъ, и послалъ къ нимъ Одоурова съ убѣжденіемъ не измѣнять чести, не срамитъ имени Шведскаго, не выдавать друзей, въ то время, когда непріятель, болѣе раздраженный, нежели ослабленный, готовился къ рѣшительному дѣлу. Сіи представленія и серебро, врученное наемникамъ корыстолюбивымъ, ихъ усовѣстили: Генералъ Зоме съ частію пѣхоты и конницы возвратился къ Князю Михаилу наканунѣ величайшей для него опасности и славы³⁹⁰. Здѣсь подвиги юнаго Героя уже связываются съ про-

Г. испешивіями знаменишой Троицкой оса-
1609. ды.

Еще Сапѣга споялъ подѣ Лаврою⁵⁹¹: разсылалъ опряды, занималъ или жегъ города, обуздывалъ или каралъ жишелей, мѣшалъ сообщенію Москвы съ Востокомъ и Сѣверомъ Россіи, и подкрѣплялъ Зборовскаго, чѣобы опразить Шведовъ. Между тѣмъ слухъ о движеніяхъ Скопина и Шереметева уже достигъ Лавры⁵⁹²: защитники ея ждали слѣдствій, надѣялись, и вдругъ увидѣли необычайное волненіе въ непріятельскомъ станѣ: Зборовскій прибѣжалъ туда съ остаткомъ разсѣянаго войска⁵⁹³ и съ вѣстію, что Тверь уже взята союзниками; прибѣжали и многіе измѣнники, Дворяне, Дѣшні Боярскіе, которые измѣною хотѣли единственно избавить свои помѣстья отъ грабежа, не думая служить Царику Тушинскому, и до того времени жили въ нихъ спокойно, но не дерзнули ждать Князя Михаила⁵⁹⁴. Всѣ опряды возвратились къ Сапѣгѣ: Лжедмитрій усилилъ его и частію Тушинской раши, велѣвъ ему итти противъ Скопина и Шведовъ. Ляхи, какъ обыкновенно, готовились къ бѣгству шумными играми, пили, веселились, и дали знать Троицкому Воеводѣ Долгорукому,

что они торжествуютъ побѣды; что 1.
Шведы истреблены, а Скопинъ и Шере- 1609.
метевъ сдались. Ихъ не слушали. Тогда подѣхали къ станамъ два человека, нѣкогда знаменитые на степени мужей государственныхъ: Бояринъ Салышковъ (изгнанный изъ Орѣшка успѣхами Князя Михаила) и Думный Дѣлкъ Грамопинъ⁵⁹⁵: оба увѣрили, что междоусобная война уже прекратилась въ Россіи; что Москва встрѣчаетъ Димитрія, и Шуйскій съ Синклипомъ въ его рукахъ. Клеветы ихъ, Дворяне измѣнники, утверждали тоже, прибавляя: »Не мы ли были съ Шереметевымъ, а теперь служимъ Димитрію? Кого еще ждетъ? Все у ногъ Юаннова сына — и если одни будете проптивившись, то немедленно увидите здѣсь «Царя гнѣвнаго со всѣмъ Липовскимъ войскомъ, Скопинымъ и Шереметевымъ, «для казни вашего послушанія.» Имъ отвѣтствовали единогласно, люди умные и простые (какъ говоритъ Лѣтописецъ): »Всевышній съ нами, и никого не боимся. Хотите ли, чѣобы мы вамъ вѣрили? «скажете, что Князь Михаилъ подѣ Тверію тѣлами Липовскими и вашими сравнялъ Волгу съ берегами и напипалъ звѣрей плошодныхъ: не усомнимся и вос-

Г. 1609. »хвалимъ Бога! Ложь не побѣда: идите
»съ мечемъ на мечъ, и Господь разсудитъ
»виновнаго съ правымъ!« Такъ еще мужа-
лись сѣи Герои вѣрности, числомъ уже
не болѣе двухъ сотъ⁵⁹⁶! Сапѣга не могъ
медлить, однакожь дозволилъ Зборовско-
му съ его дружинами еще прислупить
къ спѣнамъ Обишели, копорую сей гор-
дый Ляхъ, шутя надъ нимъ и Лисов-
скимъ, уподоблялъ *лукну и гнѣзду во-
ронъ*⁵⁹⁷. Зборовскій прислупилъ ночью,
спрѣлалъ, убилъ одну женщину на спѣ-
нѣ, и ничего болѣе не сдѣлавъ, удалился.
Вѣроятно, что непріятель хопѣлъ въ
сію ночь не взять, а только успрашивать
Лавру для своей безопасности: Сапѣга
спѣшилъ къ берегамъ Волги, ввѣривъ
облежаніе монастыря и храненіе спана
Козакамъ, Россійскимъ измѣнникамъ и не
многимъ Ляхамъ.

Не зная, что дѣлается въ Москвѣ,
но зная, что вся Россія полуночная, опъ
Углича до Бѣлаго моря и Перми, уже
снова вѣрна Царю, Князь Михаилъ, испол-
ненный надежды, но шѣмъ болѣе оспо-
рожный, послалъ, для вѣстей къ сплюи-
цѣ, чиновника Безобразова⁵⁹⁸, а самъ, не
дерзая итти впередъ съ малыми силами,
двинулся влѣво по теченію Волги, къ мо-

настырю Колязину, для удобнаго сооб- Г. 1609.
щенія съ Ярославлемъ, богатымъ и мно-
голюднымъ. Туда прибылъ къ нему Цар-
скій Дворянинъ Волуевъ, умерщвитель
Опреньева⁵⁹⁹, сказывалъ, что Москва цѣла
и Василий еще державствуетъ. Царь пи-
салъ къ Михаилу: »Слышимъ о твоемъ
»великомъ радѣніи, и славимъ Бога. Когда
»ужасомъ или побѣдою избавишь Госу-
»дарство, то какой хвалы сподобишься
»опъ насъ и добрыхъ Россіянъ! какого
»веселія исполнишь сердца ихъ! Имя швое
»и дѣло будутъ памятны во вѣки вѣ-
»ковъ не только въ нашей, но и во всѣхъ
»Державахъ окресныхъ. А мы на тебя
»надежны, какъ на свою душу«⁴⁰⁰. — За
вѣстію радостною слѣдовала другая: Са-
пѣга, Зборовскій, Лисовскій и Лжедими-
тріевъ Ашаманъ Заруцкій находились уже
близъ Колязина, въ селѣ Пироговъ⁴⁰¹. Имѣя
едва ли тысячъ десять собиравшихъ
воиновъ и не болѣе тысячи Шведовъ,
приведенныхъ къ нему Генераломъ Зоме⁴⁰²,
Князь Михаилъ рѣшился однакожь вспрѣ-
шить непріятеля, хотя и гораздо силь-
нѣйшаго. Передовыя рати сошлись на
попкихъ берегахъ Жабны: чиновники Го-
ловинъ, Боряпинскій, Волуевъ и Жереб-
цовъ опличились мужесшвомъ; впопнали

Г. 1609. непріятеля въ болоша, и дали время Князю Михаилу изготовиться, занявъ мѣста выгодныя, распорядить движенія. Сапѣга напалъ спремительно, съ громкимъ воплемъ: Россіяне и Шведы стояли твердо, и сами нападали, гдѣ слабѣлъ непріятель. Пальба и сѣча продолжались нѣсколько часовъ. На закатѣ солнца вѣрныя Россіяне, призывая имя Св. Макарія Колязинскаго, двинулись впередъ шакъ дружно и сильно, что упомянутые Ляхи не могли удержать мѣста битвы; ихъ шѣснили до Рябова монастыря, и Князь Михаилъ вступилъ въ Колязинъ съ пѣнниками и профелами⁴⁰⁵, не хваляся побѣдою, но хваля единодушную доблесть своихъ и Шведовъ, въ надеждѣ на успѣхи будущіе и важнѣйшіе. Онъ не гналъ Ляховъ и не мѣшалъ имъ возврапиться къ поспыдной для нихъ осадѣ Троицкой, гостовая бытъ избавишелемъ и Лавры в Москвы — и Россіи, если бы Небо оставило ей сего Героя-юношу!

Тамъ, на берегу Волги, въ пустынныхъ келіяхъ Св. Макарія, Князь Михаилъ, оглашаемый церковнымъ пѣніемъ Инокъ и звукомъ трубъ воинскихъ, какъ Геній опечесшва, неусыпно бодрствовалъ день и ночь для спасенія Царства; сно-

сился съ городами сѣверными, принималъ Г. 1609. отъ нихъ дары, казну и воиновъ⁴⁰⁴; поручилъ Генералу Зоме устройство дружинъ, образованіе людей неопытныхъ въ рашномъ дѣлѣ, и неперпѣливо ждалъ всѣхъ Шведовъ для дальнѣйшихъ предпріятій. Но Делагарди, увлеченный новымъ бунтомъ войска, оплпшъ шелъ къ границѣ⁴⁰⁵. Послы Скопина настигли его въ Крестцахъ; заплашили ему 6000 рублей деньгами, 5000 рублей соболями⁴⁰⁶, и Князь Михаилъ взялъ на себя, безъ ушверженія Царскаго, отдавъ Кексгольмъ Шведамъ. Въ сихъ переговорахъ миновало недѣль шесть: Делагарди пошелъ наконецъ къ Колязину, гдѣ Князь Михаилъ, непревостимый измѣнниками и Ляхами, усиливался ежедневно.

Видя предъ собою Москву неодолимую, вокругъ себѣ города уже непріятельскіе, пепелища, лѣса, пустыни, въ коихъ изгнанные жипели, воспламененные злобою, сперегли, испребляли Ляховъ малочисленныхъ въ ихъ разъѣздахъ — будучи съ Сѣвера угрожаемъ Княземъ Михаиломъ, съ Востока Шереметевымъ, Лжедимишрій еще мыслилъ однимъ ударомъ кончить войну; взявъ силою, чего долго и щепишно ждалъ отъ измѣны и голода: взявъ

Г. Москву вмѣстѣ съ Царемъ и Царствомъ.
1609. Въ сей надеждѣ утвердилъ его Панъ Бобовскій, которъй, прибывъ къ нему тогда изъ Ливны съ дружиною удалцевъ, винилъ Рожинскаго въ слабости духа, увѣряя, что Москва спасается единственно бездѣйствіемъ Тушинскаго войска и неминуемо падеть отъ перваго дружнаго

При- ступы Лже- дими- трія къ Мо- сквѣ. приступу. Лжедимитрій далъ ему нѣсколь- ко полковъ: хваляся напередъ дѣломъ слав- нымъ, Бобовскій устремился къ городу; но Царскіе Воеводы не допустили его и до предмѣстія: вышли, напали, разбили — и Москва поразсѣяла свою первую блестящую побѣду; а скоро и вторую, еще важнѣйшую, надъ всею Тушинскою силою⁴⁰⁷. Самъ Лжедимитрій, Гетманъ Рожинскій, Апаманъ Заруцкій, всѣ знаш- ные измѣнники и Бояре вели дружины на приступъ (въ день Троицы), и хотѣли сжечь Деревянный городъ; но Василій успѣлъ выслать войско съ Княземъ Дми- тріемъ Шуйскимъ. Непріятель быстрымъ движеніемъ вломился въ средину Царскихъ полковъ, смялъ конницу и замѣшалъ пѣ- хошу: шухъ съ одной стороны Воевода Князь Иванъ Куракинъ, съ другой Князь Андрей Голицынъ и Борисъ Лыковъ, уже извѣстные достоинствами ратными⁴⁰⁸,

напали на измѣнниковъ и Ляховъ. Зачался Г. бой, въ коемъ, по увѣренію Лыпописца,^{1609. По- бѣда Цар- скаго вой- ска.} Московскіе воины превзошли себя въ бле- стящемъ мужествѣ, сражаясь, какъ еще не сражались до того съ Тушинскими зло- дѣями; одолѣли, гнали ихъ до Ходынки и взяли 700 плѣнниковъ. Ужасъ непріа- тели былъ такъ великъ, что бѣглецы не удержались бы и въ Тушинѣ, если бы побѣдители, слишкомъ умѣренные, не остановились на Ходынкѣ. Однимъ сло- вомъ, Москвитяне сами дивились своей храбрости, вселившей въ нихъ счастли- выми вѣстями о возстаніи Сѣверной Рос- сіи, объ успѣхахъ Князя Михаила и вой- ска Низоваго, коего чиновникъ, Дворя- нинъ Соловой, прибылъ тогда къ Царю съ донесеніемъ Шереметева⁴⁰⁹. Сей Бол- ринъ вездѣ испреблялъ непріятеля и власъ Лжедимитрія, отъ Казани до Нижняго Новгорода; близъ Юрьевца по- билъ на голову Лисовскаго, опряженного Сапѣгою для усмиренія Коспромской обла- сти⁴¹⁰; мирно вступилъ въ Муромъ, и взявъ Касимовъ, освободилъ тамъ мно- гихъ вѣрныхъ Россіянъ, заключенныхъ измѣнниками. Довольный его службою, но не довольный медленностію, Царь послалъ къ нему Князя Прозоровскаго съ мило-

Г. спивымъ словомъ и съ указомъ спѣшитъ
1609. къ Москвѣ¹¹. — Въ то же время древняя
столица Боголюбскаго обратилась къ за-
кону: жители Владиміра снова присягну-
ли Царю — всѣ, кромѣ Воеводы Вельями-
нова, ревностнаго слуги Лжедимитріева.
Народъ велѣлъ ему исповѣдаться въ цер-
кви, вывелъ его на площадь, объявилъ
врагомъ Государства, убилъ камнемъ,
и съ живѣйшимъ усердіемъ принялъ Вое-
воду Царскихъ⁴¹².

Уже безъ легкомыслія можно было
предаваться надеждѣ. Царство обмана па-
дало: царство закона возстановлялось.
Образовались полки вѣрныхъ — стреми-
лись къ одной цѣли, къ Москвѣ, почти
освобожденной двумя важными успѣхами
собственнаго оружія. Народъ опомнился,
и радостными кликами привѣщивалъ
знамена любезнаго опечесства и Святой
Вѣры. Ждали только соединенія силъ,
чтобы дружно наступить на гнѣздо зло-
дѣйства, споль долго ужасное Тушино...
и вдругъ едва не впали въ новое оп-
чашаніе!

Какъ измѣнники и Ляхи въ явномъ
омраченіи ума давали Князю Михаилу спо-
койно готовить имъ гибель, такъ вой-
ско Московское, худо вѣря своимъ побѣ-

дамъ, дало отдохнуть Самозванцу разби- Г.
тому. Онъ усилился новыми полками 1609.
Козаковъ, вышедшихъ изъ Астрахани съ
премя мнимыми Царевичами: Августомъ,
Осиновикомъ и Лавромъ; первый называл- Три
ся сыномъ, второй и третій внуками Само-
Иоанна Грознаго⁴¹³. »Злодѣи рабскаго пле- зван-
мени« — говоритъ Лѣтописецъ — »хо-
лоди, крестіане, считая Россію при-
»вольемъ наглыхъ обманщиковъ, являлись
»одинъ за другимъ подъ именемъ Царе-
»вичей, даже небывалыхъ, и надѣялись
»властвовать въ ней, какъ союзники и
»ближніе Тушинскаго злодѣя«⁴¹⁴. Но сами
Козаки, ошибившись опъ вѣрнаго Сарашова
Воеводою Замяшинею Сабуровымъ, съ доса-
ды умертвили Осиновика на берегу Волги:
Августа и Лавра велѣлъ повѣсиль Лжеди-
митрій на Московской дорогѣ, чтобы ихъ
казнію засвидѣтельствовать свое небраш-
ство съ ними. Въ опасностяхъ, не теряя
дерзости — еще имѣя тысячъ шестиде-
сятъ или болѣе сподвижниковъ — еще вла-
ствуя надъ значною частію Россіи южной
и западной, опъ Тушина до Астрахани⁴¹⁵, Нѣко-
предѣловъ Крымскихъ и Липовскихъ — торья
Самозванецъ превозжилъ нападеніями сло- удачи
боды Московскія⁴¹⁶, перехватывалъ обозы Лже-
на дорогахъ, пѣснилъ Коломну. Воевода три-
вы.

1608. Г. его, Ляхъ Млоцкій, побилъ Разанцевъ, хотѣвшихъ освободить сей городъ, имъ осажденный; а Лисовскій, всегда храбрый, не всегда счастливый, загладилъ свои неудачи важнымъ успѣхомъ. Винимый Царемъ въ медленности, Шереметевъ сѣвши изъ Владиміра къ Суздалю, еще непріятельскому, и спалъ на равнинахъ, гдѣ Лисовскій ударомъ конницы смялъ всю его многочисленную, худо устроенную пѣхоту. Легло не малое число Низовыхъ жителей въ битвѣ кровопролитной и безпорядочной⁴¹; съ остальными Шереметевъ бѣжалъ къ Владиміру. Москва узнала о томъ и смутилась. Народъ уже не хотѣлъ вѣрить и побѣдамъ Князя Михаила. Въ сіе время голодъ снова усилился. Жители Авраміевы истощились⁴¹⁸, и четверть хлѣба опять возвысилась цѣною опъ двухъ до семи рублей. Чернь бунтовала; съ шумомъ шпіремилась въ Кремль; осаждала дворецъ; кричала: «хлѣба! хлѣба! или да здравствуетъ»⁴¹⁹ «Тушинскій!»... Но въ часъ величайшаго волненія явился Безобразовъ съ дружиною⁴¹⁹: сквозь разѣзды непріятельскіе онъ благополучно достигъ Москвы, и вручилъ Царю письмо опъ Князя Михаила; а Царь велѣлъ читать оное всенародно,

Новый млетже въ Москвѣ.

при звукѣ колоколовъ и пѣніи благодар-
ственнаго молебна во всѣхъ церквахъ. 1609. Князь Михаилъ писалъ, что Богъ ему помогаетъ. Исчезло опчаяніе, сомнѣнія и мятежъ. Надежда на скорое избавленіе уменьшила и дороговизну съ голодомъ. Новыя вѣсти еще болѣе обрадовали Москву.

Ожидая Дслагарди, Князь Михаилъ хотѣлъ выгнать непріятеля изъ Переславля-Залѣскаго, чтобы безпрепятственно соединиться съ Шереметевымъ и Низовыми областями. Головинъ, Волуевъ и Зоме (1 Сентября) ночью взяли сей городъ, убивъ 500 человекъ и плѣнивъ 150 шляхтичей Санѣгиной рати⁴²⁰. 16 Сентября пришелъ наконецъ и Дслагарди. Казна, доставленная Скопину усердіемъ городовъ, дала ему средство удовлетворить вполне корыстолюбію Шведовъ: имъ заплапили 15,000 рублей мѣхами, и тѣмъ оживили ихъ ревность⁴²¹. Полководцы, оба юные и пылкіе духомъ, служили примѣромъ искренняго брагства для воиновъ. 26 Сентября Князь Михаилъ и Дслагарди двинулись впередъ; оставили въ Переславль сильную дружину и шли далѣе на Югъ; встрѣпили, гнали малочисленныхъ Ляховъ, и заняли Александровскую Слободу, прославленную Іоанномъ. Тамъ все еще ескал.

Слобода Александровская.

г. еще напоминало его время: дворецъ, пять
1609. богатыхъ храмовъ⁴²², численныя пруды, глубокіе рвы и высокія сѣны, гдѣ Грозный искалъ безопаснаго убѣжища отъ Россіи и совѣсти. Мѣсто ужасовъ обратилось въ мѣсто надежды и спасенія. Тамъ Михаилъ остановился; велѣлъ немедленно дѣлать новыя деревянныя укрѣпленія, высылать разъѣзды на дороги, открылъ сообщеніе съ Москвою и ежедневно писалъ къ Царю, чтобы условиться съ нимъ въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Москва ожива изобиліемъ⁴²³. Уже съ прехъ споронъ взяли къ ней запасы: изъ Переяслава, Владиміра и Коломны: ибо Ляхъ Млоцкій, свѣдавъ о вступленіи союзниковъ въ Александровскую Слободу, удалился къ Серпухову⁴²⁴. Уже Князь Михаилъ имѣлъ 18,000 воиновъ кромѣ Шведовъ; но зная, что къ нему идутъ новыя дружины изъ городовъ сѣверныхъ, хотѣлъ до времени только отражать непріятеля.

Между тѣмъ изнуренная Лавра, все еще осаждаемая Сапѣгою, простирала руки къ избавителю. Горсть ея неупоминныхъ воителей еще уменьшилась въ новыхъ дѣлахъ кровопролитныхъ⁴²⁵, хотя и счастливыхъ. Узнавъ о Колязинской по-

бѣдѣ, они пооржествовали се дерзкими г. вылазками, били измѣнниковъ и Ляховъ,
1609. опшнимали у нихъ запасы и сипада. Князь Михаилъ далъ чиновнику Жеребцову 900 воиновъ, и велѣлъ силою или хитростію проникнуть въ Лавру: Жеребцовъ обмануль непріятеля, и, къ радости ея защипниковъ, безъ боя соединился съ ними.

Тогда, сопровождаемый близостію Князя Михаила и Шведовъ, Сапѣга (18 Октября) съ 4000 Ляховъ вышелъ изъ Троицкаго сипана, чтобы узнать ихъ силу; встрѣтилъ передовую дружину Россіянъ въ селѣ Коринскомъ и гналъ ее до укрѣпленій Слободы⁴²⁶. Тутъ было жаркое дѣло. Начали Шведы, кончили Россіяне: Сапѣга успунилъ, если не мужеству, то ^{бѣда} числу превосходному — и возвратился къ ^{падѣ} своей безконечной осадѣ, какъ бы все еще ^{Сапѣ-гою.} надѣясь взять Лавру! Но онъ самъ находился уже едва не въ осадѣ: разъѣзды, высылаемые Княземъ Михаиломъ изъ Слободы, Шереметевымъ изъ Владиміра и Царемъ изъ Москвы, прерывали сообщенія измѣнниковъ и Ляховъ между Лаврою и Тушинымъ; не пускали къ нимъ ни гонцевъ, ни хлѣба, портили дороги, дѣлали засѣки⁴²⁷. Къ счастью Князя Михаила, главные Вожди Польскіе, Гепманъ

Г. 1609. Рожинскій и Сапѣга, оба гордые, властолюбивые, не могли быть единомышленниками: видя его опасное нашествіе, съѣхались для совѣта и разпались въ жаркой ссорѣ, чтобы дѣйствовать независимо другъ отъ друга: Гелпманъ усакалъ назадъ въ Тушино, а Сапѣга возобновилъ бесполезныя приступы къ Лавръ⁴²³, почти въ глазахъ Князя Михаила, коего войско умножалось.

Уже Слобода Александровская какъ бы представляла Россію и заимѣвала Москву своею важностію. Туда стремились взоры и сердца сыновъ опечесства; туда и воины, толпами и порознь, конные и пѣшіе, не многіе въ доспѣхахъ, всѣ съ мечемъ или копіемъ и съ ревностію. Новыя дружины изъ Ярославля⁴²⁹, Болринъ Шереметевъ изъ Владиміра съ Низовою рашію, Князя Иванъ Куракинъ и Лыковъ изъ Москвы съ полками Царскими присоединились къ Князю Михаилу. Ждали и сильнѣйшаго вспоможенія отъ Карла IX: Делагарди писалъ къ нему, что должно побѣдить Сигизмунда не въ Ливоніи, а въ Россіи⁴³⁰. Все благопріятствовало юному Герою: довѣренность Царя и союзниковъ, усердіе и единомышленіе своихъ, смѣленіе и раздоръ непріятелей.

Наконецъ Россіи не видѣли, чего уже давно не видали: умъ, мужество, добродѣтель и счастье въ одномъ лицѣ; видѣли мужа великаго въ прекрасномъ юношѣ, и славили его съ любовію, которая столько долго была жаждою, потребностію удовлетворяемою ихъ сердца, и нашла предметъ столько чистый. Но сія любовь, способствуя успѣху великаго дѣла, избавленію опечесства, имѣла и несчастное слѣдствіе.

Князь Михаилъ служилъ Царю и Царству по закону и совѣсти, безъ всякихъ намѣреній властолюбія, въ невинной, смиренной душѣ едва ли плѣнялся и славою: не такъ мыслили за него другіе, уже съ бѣдственнымъ обычаемъ къ перемѣнамъ, низверженіямъ и беззаконіямъ. Многимъ казалось, что если Богъ возстановитъ Россію, то она въ награду за свои великодушныя усилія должна имѣть Царя лучшаго, не Василія, который предалъ Государство разбойникамъ, сравнялъ Москву съ Тушинымъ, и едва, на главѣ слабой, удерживаетъ вѣнецъ, срываемый съ него буйною чернію⁴³¹; а мысль о новомъ Царѣ была мыслию о Князѣ Михаилѣ — и человекъ, сильный духомъ, дерзнулъ всенародно изъяснить оную. Тотъ, кто

Г.
1609.
Лю-
бовь
къ
Кня-
зю
Ми-
хаилу.

г. 1609. господспвомъ ума своего рѣшилъ судьбу
перваго бунта, способствовалъ успѣхамъ
и гибели опаснаго Болопникова⁴⁵², измѣ-
нилъ Василию и загладилъ измѣну важны-
ми услугами, — не только не приспалъ
ко впорому Лжедимитрію, но и не далъ
ему Рязани — Думный Дворянинъ Ляпу-
новъ вдругъ, и порожественно, именемъ
Пред-лагав-
ягошъ
въ-
пецъ
Ге-
рою. Россіи, предложилъ Царство Скопину, на-
зывая его въ льстивомъ письмѣ единымъ
достоиннымъ вѣнца, а Василиа осыпая уко-
ризнами⁴⁵³. Сію грамоту вручили Князю
Михаилу Послы Рязанскіе: не дочитавъ,
онъ изодралъ ее, велѣлъ схватить ихъ,
какъ мясешниковъ и представилъ Царю.
Послы упали на колѣна, обливались сле-
зами, винили одного Ляпунова, клялися
въ вѣрности къ Василию. Еще болѣе ми-
лосердый, нежели спрогій, Князь Михаилъ
дозволилъ имъ мирно возвратиться въ
Рязань, надѣясь, можетъ быть, образу-
мишь ея дерзкаго Воеводу и сохранишь
въ немъ знаменишаго слугу для отече-
ства. Онъ сохранилъ Ляпунова, но не
спасъ себя онъ клеветы: сказали Васи-
лію, что Скопинъ съ удивительнымъ ве-
ликодушіемъ милуетъ злодѣевъ, которые
предлагають ему измѣну и Царство. По-
дозрѣніе гибельное уязвило Василиево серд-

це; но еще имѣли нужду въ Героѣ, и зло- г. 1609.
ба таилась.

Еще, не взирая на близость спасенія,
Москва тревожилась нѣкопорыми удача-
ми и дерзостію непріятеля. Млоцкій въ
пабѣгахъ своихъ изъ Серпухова грабилъ
обозы между Коломною и сполницею. Тамъ Раз-
же явились многочисленныя толпы раз-
бойниковъ съ Апаманомъ Салковымъ, Ха-
пунскимъ крестьяниномъ; присоеди-
нились къ Млоцкому и побили Воеводу, Кня-
зя Липвинова - Мосальскаго, высланнаго
Царемъ очистить Коломенскую дорогу;
а на Слободской злодѣйствовалъ измѣн-
никъ Князь Пётръ Урусовъ съ шайками
Ташаръ Юртовскихъ⁴⁵⁴. Цѣна хлѣба сно-
ва возвысилась въ Москвѣ; открылась да-
же и нечаянная измѣна. Царскій Апаманъ
Гороховый, будучи съ Козаками и Дѣшъ-
ми Болрскими въ Красномъ селѣ на спра-
жѣ, ночью впустилъ въ него отрядъ Лже-
димитріевъ: вѣрные Дѣши Болрскіе имѣ-
ли время спастись, а Козаки передались
къ Самозванцу, выжгли Красное село и
бѣжали въ Тушино. Въ другую ночь та-
кіе же измѣнники подвели непріятеля,
выше Неглинной, къ Деревянному Городу
и зажгли сѣтны; но Москвитяне, опбивъ
злодѣевъ, ушущили огонь. — Между шѣмъ

Г. разбойникъ Салковъ, въ пятнадцать вер-
 1609. стахъ опъ столицы, одержалъ верхъ
 надъ Воеводою Московскимъ, Сукинымъ,
 и занялъ Владимірскую дорогу. Надлежало
 избрать лучшаго Спрагига, чптобы одо-
 лѣть сего втораго Хлопка⁴⁵⁶: выступилъ
 Князь Дмитрій Пожарскій, уже знамени-
 тый, — встрѣпилъ на берегахъ Пехорки
 и совершенно истребилъ его злую шай-
 ку; осталось только прицать человекъ,
 которые, вмѣстѣ съ ихъ Апаманомъ,
 дерзнули явиться въ Москвѣ съ повин-
 ною! Другіе опряды Царскіе прогнали
 Млоцкаго къ Можайску. — Изъ Слободы
 Князя Лыковъ и Борляпинскій, съ Рос-
 сіянами и Шведами, ходили къ Суздаю
 и думали взять его незапно, въ шемную
 ночь: тамъ бодрствовалъ Лисовскій и
 встрѣпилъ ихъ неуспрашимо: они укло-
 нились опъ биввы⁴⁵⁶.

Осада Въ то время, когда Князь Михаилъ,
 Смоленска умножалъ, образуя войско, и щипомъ сво-
 имъ уже прикрывая вмѣстѣ и Лавру и
 столицу, гошовился дѣйствовать насту-
 пательно — когда Москва, долго оплу-
 ченная опъ Россіи, снова соединялась съ
 нею, какъ глава съ шѣломъ, видя вокругъ
 себя уже не многіе города подъ знамени-
 ми Лжедимитрія — въ то время новый

непріятель, не съ шайками бродягъ и Г.
 разбойниковъ, но съ войскомъ спройнымъ, 1609.
 съ предводителями искусными, съ сила-
 ми цѣлой, знаменистой Державы, находил-
 ся въ пѣдрахъ Россіи и дѣлалъ, чпто ему
 угодно, какъ бы не возбуждая ни малѣй-
 шаго вниманія ни въ Москвѣ, ни въ спа-
 нѣ Александровскомъ!.... Обращаемся къ
 Сигизмунду⁴⁵⁷. Василій не противился его
 вступленію въ наше Княжество Смолен-
 ское, ибо не имѣлъ силъ противившся:
 оказалось, чпто сіе вѣроломное нападеніе
 было для Василія лучшимъ средствомъ
 избавившся опъ врага опаснѣйшаго и бли-
 жайшаго.

Вѣря слухамъ, чпто жипели Смолен-
 ска неперпѣливо ждуть Сигизмунда какъ
 избавителя, онъ (въ Септябрѣ мѣсяцѣ)
 подступилъ къ сей древней столицѣ Кня-
 жества Мономахова съ двѣнадцатію ты-
 сячами опборныхъ всадниковъ, пѣхотою
 Нѣмецкою, Липовскими Тапарами и де-
 сятію тысячами Козаковъ Запорож-
 скихъ⁴⁵⁸; расположился спаномъ на бере-
 гу Двѣпра, между монастырями Троиц-
 кимъ, Спасскимъ, Борисоглѣбскимъ⁴⁵⁹, и
 послалъ Универсалъ или манифестъ къ
 гражданамъ, объявляя, чпто Богъ казнить
 Россію за Годунова и другихъ власполюб-

г. 1609. цевъ, которые беззаконно въ ней царствовали и царствуютъ, воспалая междоусобіе, и призывая иноплеменниковъ перзашъ ея нѣдра; что Шведы хотѣшъ овладѣти Московскимъ Государствомъ, истребити Вѣру православную и дасть намъ свою ложную; что многіе Россіане пайными письмами убѣждали его (Сигизмунда), Вѣнценосца истинно Христіанскаго, брата и союзника ихъ Царей законныхъ, спасти отечество и Церковь; что онъ, движимый любовію, единспвенно снисходя къ такому слезному моленію, идетъ съ войскомъ и съ помощію Богоматери избавитъ Россію отъ всѣхъ непріятелей; что жители Смоленска, въ знакъ душевной радости, должны вспрѣшати его съ хлѣбомъ и солью⁴⁴⁰. За мирное подданство Сигизмундъ обѣщалъ имъ новыя права и милости; за упрямство грозилъ огнемъ и мечемъ. На сію пышную грамоту отвѣсцовали словесно Воеводы, Болринъ Шеинъ и Князь Горчаковъ, Архіепископъ Сергій, люди служивые и народъ: «мы въ храмъ Богоматери ядали обѣщъ не измѣняшъ Государю нашему, Василію Іоанновичу, а тебѣ, Лиховскому Королю, и пивомъ Панамъ не яраболѣсцовашъ во вѣки⁴⁴¹. Пославъ Си-

гизмундову грамоту въ Москву, они писали къ Царю: «Не оставь сиропъ пивонихъ въ крайности. Людей раннихъ у насъ мало. Жители уѣздные не хотѣли къ намъ присоединиться: ибо Король обманываетъ ихъ вольностію; но мы будемъ спояти усердно.» Воеводы совѣтовались съ Дворянами и гражданами; выжгли посады и слободы; заключились въ крѣпости и выдержали осаду, если не знаменитѣйшую Псковской или Троицкой, то еще долговременнѣйшую и равно блистательную въ лѣтописяхъ нашей воинской славы.

Видя, что Смоленскъ надобно взять не краснорѣчіемъ, а силою, Король велѣлъ громить стѣны пушками; но ядра или не достигали вершины косогора, гдѣ стоитъ крѣпость, или безвредно падали къ подножію ея высокихъ, твердыхъ башенъ, воздвигнутыхъ Годуновымъ; а пальба осажденныхъ, гораздо дѣйствительнѣйшал, выгнала Ляховъ изъ Монастыря Спасскаго. Зная, вѣроятно, что въ крѣпости болѣе женъ и дѣтей, нежели воиновъ, Сигизмундъ рѣшился на приступъ: 23 Сентября, за два часа до свѣта, Ляхи подкрались къ стѣнѣ, и разбили пепардою Аврамовскія воропа, но

г. не могли вломиться въ крѣпость⁴⁴². 26
1609. Сентября, также ночью, взяли острогъ
Пятницкаго Конца; а въ слѣдующую
ночь всѣми силами приступили къ Боль-
шимъ ворошамъ: шутъ было дѣло кро-
вопролитное, счастливое для осажден-
ныхъ, и непріятель, вездѣ отбитый, съ
того времени уже не выходилъ изъ спа-
на; только спрѣлалъ день и ночь въ го-
родъ, напрасно желая проломить стѣну,
и велъ подкопы безполезные: ибо Россія-
не, имѣя *слухи*⁴⁴³ или ходы въ глубинѣ
земли, всегда узнавали мѣсто сей пайной
работы, сами дѣлали подкопы и взрыва-
ли непріятельскіе съ людьми на воздухъ⁴⁴⁴.
Историки Польскіе ошдають справедли-
вость мужеству и разуму Шеина, также
и блестящей смѣлости его сподвижни-
ковъ, сказывая, что однажды, среди бѣ-
лаго дня, шесть воиновъ Смоленскихъ
приплыли въ лодкѣ къ стану Маршала
Дорогоспайскаго, схватили знамя Липов-
ское и возвратились съ нимъ въ крѣ-
пость. — Наступала зима. Сигизмундъ,
управствомъ подобный Баторію, хотѣлъ
непремѣнно завоевать Смоленскъ, терялъ
время и людей въ праздной осадѣ, и ду-
мая свергнуть Шуйскаго, губилъ Само-
званца!

Вѣсть о вступленіи Сигизмундовомъ г.
въ Россію сопровождала не столько Мо-
ску, сколько Тушино, гдѣ скоро узнали, <sup>1609. Смл-
тенив</sup>
что шайки Запорожцевъ, служа Королю, <sup>Лже-
дими-
тріе-
выхъ</sup>
беруть города его именемъ, и что Пу-
тивль, Черниговъ, Брянскъ, вмѣстѣ съ <sup>Ля-
ховъ</sup>
иными областями Сѣверскими, волею или
неволею ему покорились, измѣнивъ Лже-
димитрію⁴⁴⁵. »Чего хочетъ Сигизмундъ?«
говорили Тушинскіе и Сапѣгины Ляхи
съ негодованіемъ: »лишить насъ славы и
»возмездія за труды; взять даромъ, что
»мы въ два года пріобрѣли своею кровію
»и побѣдами! Сѣверская земля естъ наша
»собственность: изъ ся доходовъ Дими-
»трій обѣщаль платитъ намъ жалованье —
»и кто же въ ней теперь властвуетъ?
»новые пришельцы, богатѣя грабежемъ;
»а мы оспаемся въ бѣдности, съ одиѣми
»ранами!« Такъ говорили чиновники и Дво-
ряне: Воеводы же главные негодовали еще
сильнѣе; лишаясь надежды раздѣлить съ
Лжедимитріемъ всѣ богатства Державы
Россійской, и привыкнувъ видѣть въ немъ
не властителя, а клеветника, не могли
спокойно воображать себя подъ знамени-
ми Республики наравнѣ съ другими Вое-
водами Королевскими⁴⁴⁶. Сапѣга колебался:
Рожинскій дѣйствовалъ, и заключилъ съ

Г. своими товарищами новый союз⁴⁴⁷: они
 1608. клялися умереть или воцарить Лжеди-
 митрія, назвались Конфедератами, и по-
 слали сказать Сигизмунду: «Если сила и
 Рас- »беззаконіе гоповы искишитъ изъ на-
 при »шихъ рукъ dospoяніе меча и геройства,
 между »то не признаемъ ни Короля Королемъ,
 Сигиз- »ни опечеснва опечеснвомъ, ни брагнѣвъ
 мун- »брагнѣями⁴⁴⁸! Рожинскій писалъ къ сво-
 домъ »ему Монарху: «Ваше Величество все зна-
 иКон- »ли, и единственно намъ предоспавляли
 феде- »кончить войну за Димитрія, еще болѣе
 раша- »для Республики, нежели для насъ выгод-
 ми. »ную; но вдругъ, неожиданно, вы являе-
 »шесь съ полками, отнимаєте у него зе-
 »млю Сѣверскую, волнуете, смущаете
 »Россіянъ, усиливаете Шуйскаго и вре-
 »дите дѣлу, уже почти совершенному на-
 »ми!... Сія земля нашею кровію увлаже-
 »на, нашею славою блистаетъ. Въ сихъ
 »могилахъ, опѣ Днѣпра до Волги, лежатъ
 »кости моихъ храбрыхъ сподвижниковъ....
 »Уступимъ ли другому Россію? Скорѣе
 »всѣ мы, остальныя, положимъ также
 »свои головы... и врагъ Димитрія, кпо
 »бы онъ ни былъ, есть нашъ непріятель! Гет-
 »ману Жолкѣвскому говорили Послы
 »Конфедератовъ: «Издревле выпязи Рес-
 »публики, рожденные въ нѣдрахъ злѣшой

»свободы, любили искапъ воинской славы Г.
 »въ земляхъ чуждыхъ: такъ и мы своимъ 1609.
 »мечемъ, истиннымъ. Марсовымъ раломъ,
 »воздгльвали землю Московскую, чтобы
 »пожсать на ней гестъ и корысть. Сколь
 »же гореспно намъ видѣнь противниковъ
 »въ сдиноземцахъ и брагнѣяхъ! Въ сей
 »горесни проспираемъ руки къ пѣбѣ,
 »Геншману опечеснвеннаго воинства, на-
 »шему учителю въ дѣлахъ славы! Изъясни
 »Сенашу, блюспиптелю законовъ и сво-
 »боды, чего мы пребуемъ справедливо:
 »да удержишь Сигизмунда.«... Тупъ Па-
 »ны и Дворяне Королевскіе воплемъ него-
 »дованія прервали дерзкую рѣчь; велѣли
 »Посламъ удалиться, лзвипельно издѣва-
 »лись надъ ними; спрашивали въ насмѣшку
 »о здоровь ихъ Государя Димитрія, о
 »впоромъ бракосочетаніи Царицы Маріи⁴⁴⁹
 — и дали имъ, опѣ имени Сигизмундова,
 »слѣдующій опвѣтъ насбменный: «Вамъ
 »надлежало не посылать къ Королю, а
 »ждать его Посольства: тогда вы узнали
 »бы, для чего онъ вспунилъ въ Россію.
 »Опечеснво наше конечно славится рѣд-
 »кою свободою; но и свобода имѣетъ за-
 »коны, безъ коихъ Государство спотытъ
 »не можетъ. Законъ Республики не дозво-
 »ляетъ воеванъ и Королю безъ согласія

Г. 1609. »Чиновъ Государственныхъ; а вы, люди
»частные, своевольнымъ нападеніемъ раз-
»дражаеши опаснѣйшаго изъ враговъ ея:
»вами озлобленный, Шуйскій мститъ ей
»Крымцами и Шведами. Легко призвать,
»спрудно удалить опасность. Хвалитесь
»побѣдами; но вы еще среди непріятелей
»сильныхъ... Идите и скажите своимъ
»клеветамъ, что искаете славы и коры-
»сти беззаконіемъ, мятежничаете и нагло
»оскорбляете Верховную Власть есмы дѣ-
»ло не гражданъ свободныхъ, а людей ди-
»кихъ и хищныхъ«⁴⁵⁰.

Однимъ словомъ, казалось, что не под-
данные съ Государемъ и Государствомъ,
а двѣ особенныя Державы находящаяся въ
жаркомъ прѣлн между собою и грозяще
другъ другу войною! Изъясняясь съ нѣ-
копорою швердосцію, Сигизмундъ не ду-
малъ однакожь быть спрогимъ для усми-
ренія крамольниковъ, ибо имѣлъ въ нихъ
нужду и надѣялся вѣрнѣе обольститъ,
нежели устращивъ ихъ: развѣдывалъ,
что дѣлается въ Лжедимитріевомъ спа-
нѣ; узналъ о несогласіи Сапѣги и Зборов-
скаго съ Рожинскимъ, о явномъ презрѣ-
ніи умныхъ Ляховъ къ Самозванцу, о же-
ланіи многихъ изъ нихъ, вопреки кля-
твенно утвержденному союзу между ними,

дѣйствовать заодно съ Королевскимъ вой- Г.
скомъ, — и торжественно назначилъ (въ 1609.
Декабрь 1609) Пословъ въ Тушино: Па- По-
новъ Спадницкаго, Князя Збараскаго, Ти- соль-
шкѣвича, съ дружиною знатною⁴⁵¹. Онъ Коро-
предписалъ имъ, что говорить воинамъ лев-
и начальникамъ, гласно и тайно; далъ гра- въ Ту-
моту къ Царю Василию, доказывая въ ней шино.
справедливость своего нападенія⁴⁵², но
изъявляя и готовность къ миру на усло-
віяхъ выгодныхъ для Республики; далъ
еще особенную грамоту къ Патриарху,
Духовенству, Синклишу, Дворянству и
гражданству Московскому, въ коей, уже
снимая съ себя личину, вызывался пре-
крашивать ихъ жалостныя бѣдствія, если
они съ благодарнымъ сердцемъ прибѣг-
нутъ къ его Государственной власти, и Коро-
левскимъ словомъ увѣрлялъ въ цѣлости
нашего богослуженія и всѣхъ успавовъ
священныхъ⁴⁵³. Въ такомъ же смыслѣ
писалъ Сигизмундъ и къ Россіянамъ, слу-
жащимъ мнимому Димитрію; а къ Само-
званцу писали только Сенапоры, назы-
вая его въ титулѣ *Яснѣйшимъ Княземъ*,
и прося оказать Посламъ достойную
честь изъ уваженія къ Республикѣ, не
сказывая, за чѣмъ они ѣдутъ въ спанѣ
Тушинскій.

Г. 1609. Уже Конфедераты, лишаясь надежды взять Москву, болѣе и болѣе опасаясь Князя Михаила и спрашась недостатка въ хлѣбѣ, опинаемомъ у нихъ разѣздами Воеводъ Царскихъ⁴⁵⁴, умѣрили свою гордость; ждали сихъ Пословъ неперпѣливо и встрѣтили пышно. Любопытный Самозванецъ, вмѣстѣ съ Мариною, смотрѣлъ изъ окна на ихъ торжественный въѣздъ въ Тушино, едва ли угадывая, что они везутъ ему гибели! Рожинскій совѣтовалъ имъ представиться Лжедимитрію: Спадницкій и Збарскій отвѣчали, что имѣють дѣло единственно до войска — и, послѣ великолѣпнаго пира, созвали всѣхъ Ляховъ слушать наказъ Королевскій. Среди обширной равнины Послы сидѣли въ креслахъ: Воеводы, чиновники, Дворане стояли въ глубокомъ молчаніи. Сигизмундъ объявлялъ, что извлекая мечъ на Шуйскаго за многія непріятельскія дѣйствія Россіянъ⁴⁵⁵, спасаетъ нѣмъ Конфедератовъ, уже малочисленныхъ, изнуренныхъ долговременною войною и ипснихъ соединенными силами Москвитянъ и Шведовъ; ждетъ добрыхъ сыновъ опечеснѣвъ подъ свои хоругви, забываетъ вину дерзкихъ, общаетъ всѣмъ жалованье и награды⁴⁵⁶. Выслушавъ рѣчь Посоль-

скую, многіе изъявили готовность исполнить волю Сигизмунда; другіе желали, чтобы онъ, взявъ Смоленскъ и Сѣверскую землю опѣ Димипріа, мирно возвратился въ опечеснѣво, а войско Республики присоединилъ къ Конфедератамъ для завоеванія всего Царства Московскаго. »Согласно ли съ достоинствомъ Короля« — возражали Послы — »имѣнъ владѣнную грамоту на Россійскія земли опѣ того, кому большая часть Россіи даенъ имя »обманщика⁴⁵⁷ и благоразумно ли проливать за него драгоценную кровь Ляховъ?« Конфедераты требовали по крайней мѣрѣ двухъ миліоновъ злотыхъ; требовали еще, чтобы Сигизмундъ назначилъ пристойное содержаніе для мнимаго Димипрія и жены его. »Вспомните« — опѣивспивовали имъ — »что у насъ нѣтъ Печорскихъ рудниковъ. Удовольствуйтесь нѣмъ жалованьемъ обыкновеннымъ; когда же Богъ покоритъ Сигизмунду великую Державу Московскую, тогда и прежняя ваша служба не останется безъ возмездія, хотя вы служили не Государю, не Республикѣ, а человѣку спороннему, »безъ ихъ вѣдома и согласія.« О будущей долѣ Самозванца Послы не сказали ни

Г. 1609.

г. слова. Вожди и воины просили времени
1609. для размышленія.

Что жъ дѣлалъ Самозванецъ, еще окруженный множесствомъ знатныхъ Россіянъ, еще Глава войска и спана? Какъ бы ничего не зная, сидѣлъ въ высокихъ хоромахъ Тушинскихъ, и ждалъ спокойно рѣшенія судьбы своей отъ людей, которые назывались его слугами; упоенный сновидѣніемъ величія, боялся пробужденія и смыкалъ глаза подъ ударомъ смертоноснымъ. Уже давно перпѣлъ онъ наглость Ляховъ и презрѣніе Россіянъ, не смѣя бытъ възыскашельнымъ или строгимъ: такъ Гепиманъ вспылчивый, въ присутствіи Лжедимитрія, изломалъ палку объ его любимца, Князя Вишневецкаго⁴⁵⁸, и заставилъ Царика бѣжать отъ страха вонъ изъ комнапы; а Тишкѣвичъ въ глаза называлъ Самозванца обманщикомъ. Многіе Россіяне, долго лицемѣривъ и честивъ бродягу, уже явно гнушались имъ, досаждали ему невниманіемъ, словами грубыми, и думали между собою, какъ избытъ вмѣстѣ и Шуйскаго и Лжедимитрія. Сіе спокойствіе злодѣя, въ роковой часъ оставленнаго умомъ и смѣлостію, способствовало успѣху Пословъ Сигизмундовыхъ.

Они пригласили къ себѣ знатнѣйшихъ г.
Россіянъ Лжедимитріева спана, и вру- 1609.
чивъ имъ грамоту Сигизмундову, изъяс-
няли, что хотя Король вступилъ въ Рос-
сію съ оружіемъ, но единственно для ея Пере-
мира и благоденствія, желая утишить Ту-
бунтъ, истребить безсмыднаго Самозван-
ца, низвергнуть тирана вѣроломнаго (Шуй-
скаго), освободить народъ, утвердить измѣн-
Вѣру и Церковь. «Сіи люди» — пишутъ
Историкъ Польскій⁴⁵⁹ — «угнетенные дол-
говременнымъ злосчастіемъ, не могли
найти словъ для выраженія своей бла-
годарности: печальныя лица ихъ освѣ-
тились радостію; они плакали отъ уми-
ленія, читали другъ другу письмо Ко-
ролевское, цѣловали, прижимали къ серд-
цу начертаніе его руки, восклицая: не
«можемъ имѣть Государя лугаго!»...
Такъ замыселъ Сигизмундовъ на вѣнецъ
Мономаховъ былъ торжественно объяв-
ленъ и торжественно одобренъ Россія-
нами; но какими? Сошмомъ измѣнниковъ:
Бояриномъ Михайломъ Салтыковымъ, Кня-
земъ Василиемъ Рубцомъ-Мосальскимъ и
клеврешами ихъ, вѣроломцами опынны-
ми, которые, нарушивъ при присяги⁴⁶⁰,
и нарушая четвертую, не усомнились
предать иноплеменнику и Лжедимитрію

Г. и Россію, чтобы спастись отъ мести
1609. Шуйскаго, раннимъ усердіемъ снискавъ
благоволеніе Короля и подъ стѣною новаго
царствующаго Дома вкусишь счастливое
забвеніе своихъ беззаконій! Въ сей думѣ
крамольниковъ присутствовалъ, какъ пи-
шущъ, и мужъ добродѣтельный, плѣнникъ
Филаретъ⁴⁶⁷, ея небольшой и безгласный
участникъ.

Увѣренные въ согласіи Тушинскихъ
Россіянъ имѣть Царемъ Сигизмунда, По-
слы въ тоже время готовы были всту-
пить въ сношеніе и съ Василіемъ, какъ
законнымъ Монархомъ: доставили ему
грамоту Королевскую и, вѣроятно, пред-
ложили бы миръ на условіи возвращенія
Лишь Смоленскъ или землю Сѣверскую:
чѣмъ могло бы удовольствоваться вла-
столюбие Сигизмундово, если бы Россіане
не захотѣли имѣнныя своему Венценос-
цу. Но Василій, перехвативъ возмущен-
ныя письма Королевскія къ Духовен-
ству, Боярамъ и гражданамъ столицы,
не отвѣчалъ Сигизмунду, въ знакъ пре-
зрѣнія: обнародовалъ только его вѣро-
ломство и козни⁴⁶⁸, чтобы исполнить
негодованія сердца Россіянъ. Москва была
спокойна; а въ Тушинѣ всыхнуль мятежъ.

Давъ Конфедератамъ время на размы-

шленіе, Послы Сигизмундовы уже тайно Г.
склонили Князя Рожинскаго и главныхъ 1609.
Воеводъ присоединиться къ Королю. Не
хотѣли вдругъ оставить Самозванца,
боясь, чтобы многочисленная сволочь Ту-
шинская не передалась къ Василію⁴⁶³:
условились до времени терпѣть въ спа-
нѣ мнимое господство Лжедимитріево
для утѣшенія Москвы, а дѣйствовать
по волѣ Сигизмунда, имѣя главною цѣ-
лю низвергнувъ Шуйскаго. Но ослѣпле-
ніе и спокойствіе бродяги уже исчезли:
угадывая или свѣдавъ замышляемую из-
мѣну, онъ призвалъ Рожинскаго и съ ви-
домъ гордымъ спросилъ, что дѣлаютъ
въ Тушинѣ Вельможи Сигизмундовы, и
для чего къ нему не являются? Гешманъ
непрезвѣстный забылъ лицемѣріе: отвѣчалъ
бранью, и даже поднялъ руку⁴⁶⁴. Самозва-
нецъ въ ужасѣ бѣжалъ къ Маринѣ; ки-
нулся къ ея ногамъ; сказалъ ей: »Гешманъ
»выдаетъ меня Королю; я долженъ спа-
»саться: прощай« — и ночью (29 Декабря),
надѣвъ крестьянское платье, съ шумомъ
своимъ, Петромъ Кошелевымъ, въ навозъ-
ныхъ саняхъ уѣхалъ искать новаго вѣзда Быв-
для злодѣйства: ибо царство злодѣя еще Лже-
не кончилось! димитрія.

На разсвѣтъ узнали въ Тушинскомъ
Томъ XII.

Г. 1609. спанѣ, что мнимый Димитрій пропалъ: всѣ изумились. Многіе думали, что онъ убитъ и брошенъ въ рѣку⁴⁶⁵. Сдѣлалось ужасное смятеніе: ибо знапная часть войска еще усердствовала Самозванцу, любя въ немъ ашамана разбойниковъ⁴⁶⁶. Толпы съ яростнымъ крикомъ приступили къ Гепману, требуя своего Димитрія, и въ тоже время грабя обозъ сего бѣглеца, серебряные и золотые сосуды, имъ оставленные. Гепманъ и другіе начальники едва могли смирить мятежниковъ, утѣривъ ихъ, что Самозванецъ, не убитый, не изгнанный, добровольно скрылся въ чувствѣ малодушнаго страха, и что не бунтомъ, а твердостью и единодушіемъ должно имъ выйти изъ положенія весьма опаснаго. Не менѣе волновались и Россійскіе измѣнники, лишенные Главы: одни бѣжали въ слѣдъ за Самозванцемъ, другіе въ Москву⁴⁶⁷; знапнѣйшіе прислали къ Конфедератамъ, и вмѣстѣ съ ними отправили Посольство къ Сигизмунду.

Между тѣмъ Марина, оставленная мужемъ и Дворомъ, не измѣняла высокомерію и твердости въ злосчастіи; видя себя въ станѣ подъ спорогимъ надзоромъ и какъ бы плѣнницею ненавистнаго ей

Гепмана, упрекала Ляховъ и Россіянъ предательствомъ; хотѣла жить или умереть Царицею; опившись своего дядѣ, Пану Спадницкому, который убѣждалъ ее прибѣгнуть къ Сигизмундовой милости и назвалъ въ письмѣ только дочерью Сендомирскаго Воеводы, а не Государынею Московскою: »Благодарю за добрыя желанія и совѣты; но правосудіе Всевышняго не дастъ злодѣю моему, Шуйскому, насладиться плодомъ вѣроломства. Кому Богъ единожды даетъ величіе, тотъ уже никогда не лишается сего блеска, подобно солнцу, всегда лучезарному, хотя и затмѣваемому на часъ облаками«⁴⁶⁸. Она писала къ Королю: »Счастіе меня оставило, но не лишило права Власпительскаго, утвержденнаго моимъ Царскимъ вѣнчаніемъ и двукратною присягою Россіянъ;« желала ему успѣха въ войнѣ, не уступая вѣнца Мономахова — ждала случая дѣйствовать, и воспользовалась первымъ⁴⁶⁹.

Скоро свѣдали, гдѣ Лжедимитрій: онъ уѣхалъ въ Калугу; спалъ близъ города въ монастырѣ, и велѣлъ Инокамъ объявить ей жителямъ, что Король Сигизмундъ требовалъ отъ него земли Сѣверской, желая обратиться въ Лапшинство,

Г. 1610.

Г. 1610. но получивъ отказъ, склонилъ Геммана и все Тушинское войско къ измѣнѣ; что его (Самозванца) хотѣли схватить или умертвить; что онъ удалился къ нимъ, достойнымъ гражданамъ знаменитой Калуги, надѣясь съ ними и съ другими вѣрными ему городами изгнать Шуйскаго изъ Москвы и Ляховъ изъ Россіи, или погибнушъ славно за цѣлость Государства и за святость Вѣры⁴⁷⁰. Духъ буйности жилъ въ Калугѣ, гдѣ оставались еще многіе изъ сподвижниковъ Атамана Болошеникова: они съ усердіемъ вступили злодѣй, какъ Государя законнаго, ввели въ лучший домъ, надѣлили всѣмъ нужнымъ, богатыми одеждами, конями. Прибѣжали изъ Тушина нѣкоторые ближніе чиновники Самозванцевъ; пришелъ главный крамольникъ⁴⁷¹, Князь Григорій Шаховскій, съ полками Козаковъ изъ Царева-Займища, гдѣ онъ наблюдалъ движенія Сигизмундовой рапи⁴⁷². Составились дружины пѣлохранишелей и воиновъ, Дворъ и Правительство, достойное Лжецаря, коего первымъ указомъ въ семъ новомъ вершѣ злодѣйства было употребленіе Ляховъ и Нѣмцевъ за непріятельскія дѣянія Сигизмунда и Шведовъ⁴⁷³: ихъ убивали, вмѣстѣ съ вѣрными Царю Россіи-

Зло-
дѣй-
ства
Само-
званца
въ Ка-
лугѣ.

нами, во всѣхъ городахъ, еще подвластныхъ Самозванцу: Тулѣ, Перемышлѣ, Козельскѣ; грабили купцевъ иноземныхъ на пути изъ Липвы къ Тушину. Въ Калугѣ ушопили бывшаго Воеводу ея, Ляха Скопницкаго, подозрѣваемаго Лжедимитріемъ въ измѣнѣ⁴⁷⁴. Тамъ же исперзали и добраго Окольниковскаго, Ивана Ивановича Годунова, какъ усерднаго слугу Василіева. Взявъ его въ плѣнъ⁴⁷⁵, свергнули съ башни, и еще живаго кинули въ рѣку; онъ ухватился за лодку: злодѣй Михайло Бушурлинъ отсекъ ему руку, и сей мученикъ вѣрности упонулъ въ глазахъ опчальной жены своей, сестры Филаретовой. Бывъ допущенъ въ нѣкоторой зависимости отъ Геммана и другихъ знатныхъ клеветниковъ, Самозванецъ уже могъ дѣйствовать свободно, звѣрствовать до безумія, хваляся особенно ненавистію ко всему не-Русскому, и говорилъ, что когда будетъ Царемъ на Москвѣ, то не оставитъ въ живыхъ ни единого иноплеменика, ни груднаго младенца, ни зародыша въ утробѣ матери⁴⁷⁶! И кровію Ляховъ обогранный, тогда же искалъ въ нихъ еще усердія къ его злодѣйству!

Г.
1610.

Въ Тушинскомъ станѣ читали тайныя грамоты Лжедимитріевы⁴⁷⁷: Само-

Г. 1610. званецъ писалъ, что возвратится къ своимъ добрымъ сподвижникамъ съ богатою казною, если они дадутъ ему новую кляпшу въ вѣрности и накажутъ главныхъ виновниковъ измѣны. Прибыли и шайные Послы его, Ляхъ Казимирскій и Глазунъ-Плещеевъ⁴⁷⁸: они внушали Ляхамъ и Козакамъ, что одинъ Димитрій можетъ обогатить ихъ, имѣя еще владѣнія обширныя и миллионы гоповые. Люди, сколько нибудь благоразумные, не слушали⁴⁷⁹; но бродяги, грабители снова взволновались, и еще болѣе, когда Марина, пользуясь смятеніемъ, явилась между войнами съ распрепанными волосами, съ лицомъ блѣднымъ, съ глубокою горестію и слезами; не упрекала, но прогала, видомъ и словами; убѣждала не оставлять Димитрія, исполненнаго къ нимъ любви и благодарности: не лишать себя праведнаго возмездія за труды, для него понесенные, — не обольщаться Королевскою милостію, ничѣмъ незаслуженною и слѣдственно ненадежною; ходила изъ спавки въ спавку; cadaго изъ чиновниковъ называла именемъ, ласково привѣтствовала, молила соединиться съ ея мужемъ⁴⁸⁰. Все было въ движеніи: стремились видѣть и слушать прелестную женщину, красно-

Вол-
непіс
въ Ту-
шинѣ

рѣчивую отъ живыхъ чувствъ и разительныхъ обстоятельствъ судьбы ея. Г. 1610. Говорили: »Послы Королевскіе насъ обманули и разлучили съ Димитріемъ! Гдѣ шопъ, за кого мы умирали? Отъ кого будемъ требовать награды?» Еще Гетманъ и Воеводы нашли средство обуздать Ляховъ; но Донцы сѣли на коней и выпустили полками изъ Тушина къ Калугѣ. Гетманъ съ своими лапниками наспигъ ихъ, изрубилъ болѣе тысячи⁴⁸¹ и заставилъ побѣжденныхъ возвратиться.

Спокойствіе было кратковременно. Не имѣвъ совершеннаго успѣха въ намѣреніи возбудовать Тушинскій сѣпанъ, и боясь мести Гетмана, Марина, въ одеждѣ воина, съ лукомъ и шудомъ за плечами, ночью, въ прескучій морозъ ускакала¹¹ верхомъ къ мужу, провождаемая только Февр. Бл-
слугою и служанкою⁴⁸². Поутру нашли ство
въ ея комнатахъ слѣдующее письмо къ Ма-
войску: »Безъ друзей и ближнихъ, одна
»съ своею горестію, я должна спасать -
»себя отъ наглости моихъ мнимыхъ за-
»щитниковъ. Въ упоеніи шумныхъ пи-
»ровъ, клеветники гнусные равняютъ
»меня съ женами презрительными, умы-
»шляютъ измѣну и ковы. Сохрани Боже,
»чтобы кто нибудь дерзнулъ шорговать

Г. 1610. »мною и выдашь меня челоѣку, которо-
 му ни я, ни мое Царство не подвластны!
 »Упѣсенная и гонимая, свидѣтельствую-
 юсь Всевышнимъ, что не престану блю-
 »сти своей чести и славы, и бывъ Вла-
 »стительницею народовъ, уже никогда
 »не соглашусь возвратиться въ званіе
 »Польской Дворянки. Надѣясь, что храброе
 »воинство не забудетъ присяги, моей бла-
 »годарности и наградъ ему обѣщанныхъ,
 »удаляюсь«⁴⁸³. Сіе письмо читали всена-
 родно въ Тушинѣ благопріятели Марины
 и произвели желаемое дѣйствіе: новый
 мяшежъ, еще сильнѣйшій прежнихъ. Неи-
 сповые, съ обнаженными саблями окру-
 живъ спанку Гетмана, вопили: »Злодѣй!
 »Ты выгналъ злосчастную Марину швоею
 »буйностію, въ чаду высокоумія и пьян-
 »ства! Ты, вѣроломецъ, подкупленный Ко-
 »ролемъ, чтобы обманомъ вырвать изъ
 »нашихъ рукъ казну Московскую! Возвра-
 »ти намъ Димитрія, или умри, измѣн-
 »никъ!« Спрѣляли изъ пистолетовъ; хо-
 »пѣли дѣйствительно убить Рожинска-
 го, выбрали инаго начальника⁴⁸⁴ и не-
 медленно ишли къ Самозванцу; но снова
 одумались, примирились съ неуспраши-
 мымъ Гетманомъ и дали ему слово ждашь
 опѣша Королевскаго. »Ни за что не ру-

»чаюсь« — писалъ Рожинскій къ Сигиз- Г. 1610.
 мунду — »если Ваше Величество не бла-
 »говолите удовлетворить желаніямъ вой-
 »ска и Бояръ Московскихъ, съ нами сое-
 »диненныхъ«⁴⁸⁵.

Сіи желанія или требованія были объ- По-
 явлены Королю Послами Россіянъ и Ля- соль-
 ховъ Тушинскихъ. Въ числѣ сорока-двухъ спиво
 первыхъ находились Михайло Салпыковъ Ту-
 и сынъ его, Иванъ, Князья Рубецъ-Мосаль- шин-
 скій и Юрій Хворостининъ, Левъ Пле- ское
 щевъ, Молчановъ (потѣ самый⁴⁸⁶, кото- къКо-
 рый въ Галиціи выдавалъ себя за Дими- ролю.
 трія), Дѣяки Грамошинъ, Андроновъ, Чи-
 черинъ, Апраксинъ и многіе Дворяне. Си-
 гизмундъ принялъ ихъ (31 Генваря) съ
 великою пышностію, сидя на престолѣ,
 въ кругу Сенапоровъ и знатныхъ Пановъ.
 Съовласый измѣнникъ Салпыковъ гово-
 рилъ длинную рѣчь о бѣдствіяхъ Россіи,
 о довѣренности ея къ Королю, и замол-
 чалъ ошъ усталости. Сынъ его и Дѣякъ
 Грамошинъ продолжали: одинъ исчислилъ
 всѣхъ нашихъ Государей ошъ Рюрика до
 Іоанна и Θεодора; другой молилъ Сигиз-
 мунда бышь заступникомъ нашего право-
 славія и шѣмъ снискашь милость Все-
 вышняго. Наконецъ Бояринъ Салпыковъ
 предложилъ вѣнецъ Мономаховъ — не Си-

1610 Г. гизмунду, но юному Королевичу Владиславу⁴⁸⁷; а Грамопинъ заключилъ изображеніемъ выгодъ, безопасности, благоденствія обѣихъ Державъ, которыя со временемъ будутъ единою подъ скиптромъ Владислава. Липовскій Канцлеръ, Левъ Сапѣга, оповѣствовалъ, что Сигизмундъ благодаритъ за оказываемую ему честь и довѣренность, соглашается быть покровителемъ Россійской Державы и Церкви, и назначитъ Сенаторовъ для переговоровъ о дѣлѣ столь важномъ.

Переговоры начались немедленно, и Послы измѣнниковъ Тушинскихъ сказали Сенаторамъ: «Съ того времени, какъ смертію Іоаннова наслѣдника извелся Державное племя Рюриково, мы всегда желали имѣть одного Вънценосца съ вами: въ чемъ можемъ удостовѣрить васъ сей Думный Бояринъ, Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, зная всѣ тайны государственныхныя. Препятствіемъ были грозное властвование Борисово, успѣхи Лжедмитрія, незаконное воцареніе Шуйскаго и явленіе втораго Самозванца, къ которому мы прислали, не вѣря ему, но опъ ненависти къ Василію, и только до времени. Обрадованные вступленіемъ Короля въ Россію, мы тайно снеслись съ

1610 людьми знатнѣйшими въ Москвѣ, свѣдали ихъ единомысліе съ нами и давно приобѣгнули бы къ Сигизмунду, если бы Ляхи Лжедмитріевы пому не пропавились. Нынѣ же, когда Вожди и войско готовы повиноваться законному Монарху, объявившему намъ чистоту своихъ намѣреній, — нынѣ смѣло убѣждаемъ Его Величество дать намъ сына въ Цари: ибо ему самому, Государю иной великой Державы, не лѣзя оставитъ ее, ни управляетъ Московскою чрезъ Намѣстника. Вся Россія встрѣтитъ Царя вожделѣннаго съ радостию; города и крѣпости вошворятъ врага; Патриархъ и Духовенство благословятъ его усердно. Только да не медлитъ Сигизмундъ; да идетъ прямо къ Москвѣ и подкрѣпитъ войско, угрожаемое превосходными силами Скопина и Шведовъ. Мы впереди: укажемъ ему путь и средства взять столицу; сами свергнемъ, истребимъ Шуйскаго, какъ жертву, уже давно обреченную на гибель. Тогда и Смоленскъ, осаждаемый съ такимъ усиліемъ тягостнымъ, доселѣ бесполезнымъ — тогда и все Государство послѣдуетъ нашему примѣру.» Но, боясь ли, какъ пишутъ, вѣрить судьбу шестнадцатилѣтняго Королевича

Г. народу ославленному спротивоспїю и
1610. мѣпежами⁴⁸⁸, или опѣ личнаго власпо-
любія не расположенный уступитъ Мо-
сковское Царство даже и сыну, Сигиз-
мундъ изъяснился двусмысленно. Сенашо-
ры его опѣвѣствовали измѣнникамъ, что
если Всевышній благословитъ доброе же-
ланіе Россїанъ; если грозныя шчи, вися-
щія надъ ихъ Державою, удаляшся, и пи-
хїе дни въ ней снова возсіюють; если, въ
мирѣ и согласїи, Духовенство, Вельможи,
войско, граждане всѣ единодушно захо-
пятъ Владислава въ Цари: то Сигизмундъ
конечно удовлетворитъ ихъ общей волѣ
— и готовъ итти къ Москвѣ, какъ ско-
ро Тушинская рать къ нему присоеди-
нится.

Въ дальнѣйшихъ объясненїяхъ Послы
требовали, чтобы Владиславъ принялъ
нашу Вѣру: имъ сказали, что Вѣра есть
дѣло совѣсти и не терпитъ насилїя;
что можно внушать и склонять, а не
вѣлѣть. «Сїи люди» — говоритъ Польскій
Историкъ⁴⁸⁹ — «мало заботились о пра-
вахъ и вольностяхъ государственныхъ:
»пвердили единственно о Церкви, мона-
»стыряхъ, обрѣдахъ; только ими доро-
»жили, какъ главнымъ, существеннымъ
»предметомъ, необходимымъ для ихъ мира

»душевнаго и счастїя.» Именемъ Королев- Г.
скимъ Сенаторы письменно утвердили 1610.
неурикосновенность всѣхъ нашихъ свя-
щенныхъ успавовъ и согласились, что-
бы Королевичъ, если Богъ дастъ ему Го-
сударство Московское, былъ вѣнчанъ Па-
триархомъ; обизались также соблюсти
цѣлость Россїи, ея законы и достояніе
людей чистыхъ⁴⁹⁰; а Послы клялися Из-
ославить Шуйскаго и Самозванца, вѣрно
служить Государю Владиславу, и доколѣ при-
онъ еще не царствуетъ, служить опцу<sup>мѣн-
ники</sup>
его⁴⁹¹. Въ то же время Король писалъ къ Вла-
диславу, что Москва въ смутѣ, и
Князь Михаилъ въ раздорѣ съ Василиемъ;
чѣмъ должно пользоваться обспоишель-
ствами, расширить владѣнія Республики
и завоевать часть Россїи или всю Рос-
сію⁴⁹²! Не могли Салтыковъ и клевреты
его быть слѣпыми: они видѣли, что Ко-
роль готовитъ Царство себѣ, а не Вла-
диславу; знали, что и Владиславъ не могъ
ни въ какомъ случаѣ принять нашего
Закона: но ужасаясь близкаго шоржества
Василіева, какъ своей гибели, и давно по-
грязнувъ въ злодѣйствахъ, не усомнились
предать отечество изъ рукъ низкаго Са-
мозванца въ руки Выщеносца иновѣрнаго;
предлагали условїя единственно для осла-

Г. 1610. пленія другихъ Россіянъ, и лицемѣрно восхваляясь мнимою готовностію Сигизмунда исполнить всѣ ихъ желанія, громкогласно благодарили его и плакали отъ радости⁴⁹³. Пировали, обѣдали у Короля, Гешмана Жолкѣвскаго и Льва Сапѣги. Сидя на возвышенномъ мѣстѣ, Король пилъ за здравіе Пословъ: они пили за здравіе Царя Владислава. Написали грамоты къ Воеводамъ городовъ окрестныхъ, славя великодушіе Сигизмунда, убѣждал ихъ присягнуть Королевичу, соединиться съ братьями Ляхами, и нѣкоторыхъ обольстили: Ржевъ и Зубцовъ поддалися Царю новому, мнимому⁴⁹⁴. Но знаменитый Шейнъ, уже пять мѣсяцевъ осаждаемый въ Смоленскѣ, къ его славы и бѣдствію Королевскаго войска, употребляемаго трудами, биввами и морозами, не обольстился: вызванный изъ крѣпости измѣнниками для свиданія, слушалъ ихъ съ презрѣніемъ, и возвратился вѣрнымъ, непоколебимымъ.

Довольный Тушинскими Россіянами, Сигизмундъ тѣмъ менѣе былъ доволенъ Тушинскими Ляхами, коихъ Послы снова требовали милліоновъ, и хотѣли, чтобы онъ, взявъ Московское Государство, далъ Маринѣ Новгородъ и Псковъ, а му-

жу ея Княжество особенное⁴⁹⁵. Опасаясь Г. 1610. раздражить людей буйныхъ и лишиться ихъ важнаго, необходимаго содѣйствія, Король обѣщалъ уступить имъ доходы земли Сѣверской и Рязанской, милостиво надѣлилъ Марину и Лжедимитрія, если они смирятся, и немедленно прислать въ Тушино Вельможу Попоцкаго съ деньгами и съ войскомъ, чтобы испребить или прогнать Князя Михаила, спѣснить Москву и низвергнуть Шуйскаго. Но сей отвѣтъ не успокоилъ Конфедератовъ: не вѣрили обѣщаніямъ; ждали денегъ — а Сигизмундъ медлилъ, и морилъ людей подъ стѣнами Смоленска; не присылалъ ни серебра, ни войска къ малпешникамъ: ибо его любимецъ, Попоцкій, къ досадѣ Гешмана Жолкѣвскаго, распоряжая осадой, не хотѣлъ двинуться съ мѣста, чтобы отсутствіемъ не ушрашину выгодъ временщика.

Всѣши Калужскія еще болѣе взволновали Конфедератовъ: тамъ Лжедимитрій снова усиливался и царствовалъ; тамъ явилась и жена его, славимая какъ героиня. Выѣхавъ изъ Тушина, она сбилась съ дороги⁴⁹⁶, и попала въ Дмитровъ, занятый войскомъ Сапѣги, который совѣтовалъ ей удалиться къ опцу. »Царица Мо-

Г. 1610. »сковская« — сказала Марина — »не будешь жалкою изгнанницею въ домъ родимельскомъ« — и взявъ у Сапѣги Немецкую дружину для безопасности, при-
 Мари-скакала къ мужу, который встрѣтилъ
 на въ Калуге ее торжественно вмѣстѣ съ народомъ,
 въ восхищеннымъ ея красотою въ убран-
 сивѣ юнаго вишня⁴⁹⁷. Калуга веселилась
 и пиновала; хвалилась призракомъ Двора,
 многолюдствомъ, изобиліемъ, покоемъ, —
 а Тушинскіе Ляхи терпѣли голодъ и хо-
 лодъ, сидѣли въ своихъ укрѣпленіяхъ, какъ
 въ осадѣ, или, толпами выѣзжая на гра-
 бежъ, встрѣчали пули и сабли Царскихъ
 или Михайловыхъ опрядовъ. Кричали,
 что вмѣстѣ съ Димитріемъ оставило
 ихъ и счастье; что въ Тушинѣ бѣдность
 и смерть, въ Калугѣ честь и богатство;
 не слушали новыхъ Пословъ Королев-
 скихъ⁴⁹⁸, прибывшихъ къ нимъ только
 съ ласковыми словами; кляли измѣну сво-
 ихъ Предводищелей и козни Сигизмундо-
 вы; хотѣли грабить спанъ и съ сею до-
 бычею итти къ Самозванцу. Но Геп-
 манъ, въ послѣдній разъ, обуздалъ буй-
 ность спрахомъ.

Уже Князь Михаилъ дѣйствовалъ. Вой-
 ско его умножилось, образовалось. При-
 шло еще 3000 Шведовъ изъ Выборга и

Нарвы⁴⁹⁹. Готовились итти прямо на г.
 Сапѣгу и Рожинскаго, но хотѣли озабо-
 тить ихъ и съ другой стороны: послали^{1610.}
 Воеводъ Хованскаго, Боряпинскаго и Гор-<sup>Усѣ-
Кня-
зя Мл-
ханза.</sup>
 на⁵⁰⁰, занять южную часть Тверской и
 сѣверную Смоленской области, чтобы
 препятствовать сообщенію Конфедера-
 товъ съ Сигизмундомъ. Между тѣмъ чи-
 новникъ Волуевъ съ пятью спами ратни-
 ковъ долженъ былъ осмотрѣть въблизи
 укрѣпленія Сапѣгины. Онъ сдѣлалъ болѣе:
 ночью (Генваря 4) вступилъ въ Лавру,
 взялъ тамъ дружину Жеребцова⁵⁰¹, упрямъ
 напалъ на Ляховъ и возвратился къ Кня-
 зю Михаилу съ толпою плѣнниковъ и съ
 вѣстію о слабости непріятеля. Войско
 ревностно желало битвы, надѣясь пора-
 зить Сапѣгу и Гепмана отдѣльно. Но
 дерзость перваго уже исчезла: будучи въ
 несогласіи съ Рожинскимъ, оставивъ Же-
 димитрія и еще не приставъ къ Королю,
 едва ли имѣя шесть тысячъ сподвижни-
 ковъ⁵⁰², изнуренныхъ болѣзнями и труда-
 ми, Сапѣга увидѣлъ поздно, что не время
 мыслить о завоеваніи монастыря, а вре-
 мя спасаться: снялъ осаду (12 Генваря)
 и бѣжалъ къ Дмишрову. Иноки и воины
 Лавры не вѣрили глазамъ своимъ, смотря
 на сіе бѣгство врага, столь долго упор-

Г. наго⁵⁰³! Оглядѣли безмолвный спанъ измѣн-
 1610. никовъ и Ляховъ; нашли тамъ множе-
 ство запасовъ и даже не мало вещей дра-
 гоцѣнныхъ; думали, что Сапѣга возвра-
 тились — и чрезъ восемь дней послали
 Оско-божде-нако-не-це-рь Ла-вры Инока Макарія со Святою во-
 дою въ Москву, объявить Царю, что
 Лавра спасена Богомъ и Княземъ Михай-
 ломъ, бывъ 16 мѣсяцевъ въ плѣнномъ oble-
 жаніи. Уже сія не только святошество,
 но и славою рѣдкою — любовію къ отече-
 ству и Вѣрѣ преодолевъ искусство и
 число непріятеля, нужду и лзвѣ — обра-
 пивъ свои башни и спѣны, дебри и хол-
 мы въ памятники доблести безсмертной
 — Лавра увѣнчала сей подвигъ новымъ
 государственнымъ благодѣніемъ. Россія-
 не требовали тогда единственно оружія
 и хлѣба, чтобы сражаться; но союзники
 ихъ, Шведы, требовали денегъ: Иноки
 Троицкіе, встрѣтивъ Князя Михаила и
 войско его съ любовію, отдали ему все,
 что еще имѣли въ житницахъ, а Шве-
 дамъ нѣсколько тысячъ рублей изъ казны
 монастырской⁵⁰⁴. — Глубина снѣговъ за-
 трудняла воинскія дѣйствія: Князь Иванъ
 Куракинъ съ Россіянами и Шведами высту-
 пилъ на лыжахъ изъ Лавры къ Дмитрову⁵⁰⁵,
 и подъ снѣгами его увидѣлъ Сапѣгу. Нача-

лось кровопролитное дѣло, въ коемъ Рос- г.
 сіяне блестящимъ мужествомъ заслужили 1610.
 громкую хвалу Шведовъ, судей непри-
 страстныхъ; побѣдили, взяли знамена,
 пушки, городъ Дмитровъ, и гнали непріа-
 теля легкими опрядами къ Клину, ни-
 гдѣ не находя ни жилищей, ни хлѣба въ гн.
 снѣгахъ мѣстахъ опустошенныхъ войною и
 разбоями. Предавъ Ляховъ Тушинскихъ
 судьбѣ ихъ, Сапѣга шелъ день и ночь къ Ка-
 лужскимъ и Смоленскимъ границамъ, чтобы
 присоединиться къ Королю или Лжедими-
 трию, смотря по обстоятельствамъ⁵⁰⁶.

До сего времени Сапѣга былъ щепотомъ
 для Тушина, стоя между имъ и Слобо-
 дою Александровскою: свѣдавъ о бѣгствѣ
 его — свѣдавъ тогда же, что Воеводы,
 опряженные Княземъ Михаиломъ⁵⁰⁷, за-
 няли Спарицу, Ржевъ и приступаютъ
 къ Бѣлому — Конфедераты не хотѣли
 медлить ни часу въ спанѣ, угрожаемомъ
 вблизи и вдали Царскими войсками; но
 смиренные ужасомъ, изъяснили покорность
 Гепману: онъ вывелъ ихъ съ распущен-
 ными знаменами, при звукѣ пиробъ и подъ
 дымомъ пылающаго, имъ зажженнаго спа-
 на, чтобы идти къ Королю. Измѣнники,
 клеветы Салтыкова, соединились съ Ла-
 хами; гнуснѣйшіе изъ нихъ ушли къ Са-

Г. мозванцу; менѣ виновные въ Москву и
 1610. въ другіе города⁵⁰⁸, надѣясь на милосер-
 діе Васи́ліево или свою неизвѣстность, —
 и чрезъ нѣсколько часовъ оспался толь-
 ко пепель въ уединенномъ Тушинѣ, ко-
 Опу- шорое 18 мѣсяцевъ кипѣло шумнымъ мно-
 сипи- шие Ту- голюдствомъ, величалось именемъ Цар-
 шина. ства и боролось съ Москвою! Жарко пре-
 слѣдуемый дружинами Князя Михаила,
 изгнанный изъ крѣпкихъ спѣвъ Юсифов-
 ской Обители и разби́тый въ полѣ му-
 жественнымъ Волуевымъ (который въ
 семь дѣлъ⁵⁰⁹ освободилъ знаменитаго плѣн-
 ника, Филарета) Рожинскій, Князь пле-
 мени Гедиминова, еще юный лѣтами, отъ
 изнуренія силъ и горести кончилъ бур-
 ную жизнь въ Волоколамскѣ, жалуясь на
 измѣну счастья, безуміе втораго Лже-
 димитрія, крамольный духъ сподвижни-
 ковъ и медленность Сигизмундову: Пол-
 ководецъ искусный, какъ увѣряютъ его
 единоземцы⁵¹⁰, или только смѣлый наѣзд-
 никъ и грабитель, какъ свидѣтельству-
 ютъ наши лѣтописи. Смерть начальни-
 ка рушила составъ войска: оно разсѣя-
 лось; толпы бѣжали къ Сигизмунду, тол-
 пы къ Лжедимитрію и Сапѣгѣ, который
 сталъ на берегахъ Угры, въ мѣстахъ
 еще изобильныхъ хлѣбомъ⁵¹¹, и предла-

галъ своему Государю условія для вѣрной Г.
 ему службы, сносился и съ Калугою. — 1610.
 Такъ исчезло главное, страшное ополче-
 ніе удалцевъ и разбойниковъ чужезем-
 ныхъ, измѣнниковъ и злодѣевъ Россій-
 скихъ, бывъ на шагъ отъ своей цѣли,
 гибели нашего отечества, и вдругъ оспа-
 новлено великодушнымъ усиленіемъ добрыхъ
 Россіянъ, и вдругъ уничтожено дѣйствіа-
 ми грубой Поляшки Сигизмундовой!..
 Одинъ Лисовскій, съ измѣнникомъ, Ата-
 маномъ Просовецкимъ, съ шайками Коза-
 ковъ и вольницы, держался еще нѣсколь-
 ко времени въ Суздаль, но весною ушелъ⁵¹²
 опшуда въ мяшежный Псковъ, разгра-
 бивъ на пусти монастырь Колязинскій,
 гдѣ честный Воевода, Давидъ Жеребцовъ,
 палъ въ битвѣ. Наконецъ вся внутрен-
 ность Государства успокоилась.

Такъ успѣлъ Герой-юноша въ своемъ Дѣлѣ
 дѣлъ великомъ! За 5 мѣсяцевъ предъ тѣмъ<sup>Кля-
 заМи-</sup> оставивъ Царя почти безъ Царства, вой-
 ско въ оцѣпенѣніи ужаса, среди враговъ
 и предапелей — находивъ вездѣ отчая-
 ніе или зложелательство, но умѣвъ про-
 нунуть, ожививъ сердца добродѣтельной
 ревностію, собрать на краю Государства
 новое войско отечественное, благовремен-
 но призвать иноземное, возстановить цѣ-

Г. 1610. лость Россіи отъ Запада до Востока, раз-
стѣпъ сонмы непріятелей многочислен-
ныхъ и взявъ одною угрозою крѣпкіе,
годовыя ихъ станы — Князь Михайлъ
двинулся изъ Лавры, имъ освобожденной,
къ столицѣ, имъ же спасенной, чтобы
вкусить сладость добродѣтели, увѣчан-
ной славою.

Россіяне и Шведы, одни съ веселіемъ,
другіе съ гордостію, шли какъ братья,
Воеводы и воины, на торжество рѣдкое
въ лѣтописяхъ міра. Царь велѣлъ знат-
нѣйшымъ чиновникамъ встрѣтить Князя
Михаила: народъ предупредилъ чиновни-
ковъ⁵¹⁵; спѣснилъ дорогу Троицкую; под-
винулъ ему хлѣбъ и соль, билъ челомъ за
спасеніе Государства Московскаго, давалъ
Маріи *отца отечества*; благодарилъ и спо-
движника его, Делагарди. Василій также
благодарилъ обоихъ, съ слезами на гла-
захъ, съ видомъ искренняго умиленія. Ка-
залось, что одно чувство всѣхъ одуше-
вляло, отъ Царя до послѣдняго гражда-
нина. Москва, бывъ еще не давно столи-
цею безъ Государства, окруженная не-
пріятельскими владѣніями, смятенная
внутренними крамолами, терзаемая го-
лодомъ, и ввечеру не зная, кого ушрен-
нее солнце освѣтитъ въ ней на престо-

лъ, законнаго ли Вѣщеносца Россійскаго Г. 1610.
или бродягу, клеветца разбойниковъ ино-
земныхъ — Москва снова возвышала гла-
ву надъ обширнымъ Царствомъ, прости-
рая руку къ Ильменю и къ Енисею, къ
морю Бѣлому и Каспійскому, — опираясь
въ стѣнахъ своихъ на легіоны побѣдонос-
ные, и наслаждался спокойствіемъ, сла-
вою, изобиліемъ; видѣла въ Князѣ Михаи-
лѣ виновника сей разительной переменѣ
и не щадила ни его смиренія, ни его без-
опасности⁵¹⁶: гдѣ онъ являлся, вездѣ тор-
жествовалъ и слышалъ клики живѣйшей
къ нему любви, естественной, справедли-
вой, но опасной: ибо зависть, уже не око-
ванная страхомъ, гошшила жало на зна-
менитаго подвижника Россіи, и раздра-
жая симъ народнымъ воспоргомъ, тѣмъ
болѣе кипѣла ядомъ, въ слѣпой злобѣ не
предвидя, что будетъ сама его жертвою!

Еще не спаслось, а только спасалось
опечество — и Князь Михайлъ, среди
свѣтлыхъ пировъ столицы не упоенный
ни честію, ни славою, требовалъ указа
Царскаго довершить великое дѣло: испре-
бить Лжедимитрія въ Калугѣ, изгнать
Сигизмунда изъ Россіи, очистишь южные
предѣлы ея, успокоить Государство на-
вѣки, имѣя все для успѣха несомнитель-

Г. 1610. наго: войско, доблесть, счастье или милость Небесную. Но судьба Шуйскаго пропивилась шакому концу благословенному: не въ его бѣдспивенное царшвованіе опечесство наше должно было возродиться для величія!

ГЛАВА IV.

Низверженіе Василя и междо- царствіе.

Наушники. Копчина Скопина-Шуйскаго. Горестъ народная. Князь Дмитрій Шуйскій Военачальникомъ. Буйтъ Ляпунова. Битва подъ Клущинымъ. Делагарди опсупаешъ къ Новугороду. Поляки занимають Цареву-Займище. Отпачаліе столицы. Новыіе успѣхи Самозванца. Твердость Пожарскаго. Ропотъ народный. Василій лишенъ престола. Тщепыя увѣщанія Паптріарха. Постриженіе Василя и супруги его. Совѣтъ Князя Мстиславскаго. Переговоры съ Жолкъвскимъ. Условія. Присяга Владиславу. Намзреніе Сигизмунда. Бѣсство Самозванца въ Казугу. Подишника Жолкъвскаго. Посольство къ Королю. Вступленіе Поляковъ въ Москву. Дѣйсвія Пословъ Московскихъ. Отъѣздъ Жолкъвскаго. Шуйскій преданъ Полякамъ. Неудачныіе приступы къ Смоленску. Самовласпіе Сигизмунда. Нетерпѣніе народа. Неприятельскія дѣйсвія Делагарди. Злодѣйсвіа Лисовскаго. Измѣна Казани. Смерть Самозванца. Новый обманъ. Начальники возстанія народнаго. Грамоты Смоленъ и Москвитянъ. Слабость Московской Думы. Ссоры съ Поляками. Составъ ополченія за Россію. Кровопролипіе въ столицѣ. Пожаръ Москвы. Прибытіе Струса. Подвиги Пожарскаго. Неистовсвіа Поляковъ въ Москвѣ. Заключеніе Ергомена.

Г. 1610 — 1611.

Въ то время, когда всякой часть былъ Г. 1610.
дорогъ, члобы совершенно избавить Рос-

Томъ XII.

Г. сію опть всѣхъ непріятелей, смятенныхъ
1610. ужасомъ, ослабленныхъ раздѣленіемъ —
когда всѣ друзья отечества изъясляли
Князю Михаилу живѣйшую ревность⁵¹⁵,
а Князь Михаилъ живѣйшее нетерпѣніе
Царю иппи въ поле — минуло около
мѣсяца въ бездѣйствіи для отечества,
но въ дѣятельныхъ проискахъ злобы
личной.

Робкіе въ бѣдствіяхъ, надменные въ
успѣхахъ, низкіе душою, пренебрежавъ за
себя болѣе нежели за отечество, и мы-
сля, что все пруднѣйшее уже сдѣлано, —
что оспальное легко и не превышаетъ
силы ихъ собственнаго ума или муже-
ства, ближніе царедворцы въ тайныхъ
Науш- думахъ немедленно начали внушать Васи-
пчан. лію, сколь юный Князь Михаилъ для не-
го опасенъ⁵¹⁶, любимый Россією до чрез-
мѣрности, явно уважаемый болѣе Царя
и явно въ Цари готовимый единомы-
сліемъ народа и войска. Слavia Героя, мно-
гіе Дворяне и граждане дѣйствительно
говорили нескромно, что спаситель Рос-
сіи долженъ и властвовать надъ нею⁵¹⁷;
многіе нескромно уподобляли Василія Са-
улу, а Михаила Давиду. Общее усердіе къ
знаменитому юношѣ питалось и суевѣ-
ріемъ: какіе-то гадали предсказывали

что въ Россіи будетъ Вѣнценосецъ, име- Г.
нѣмъ *Михаилъ*, назначенный Судьбою уми- 1619.
рить Государство: «чрезъ два года бла-
»годатное воцареніе Филаретова сына
«оправдало гадапелей,» пишетъ Исто-
рикъ чужеземный⁵¹⁸; но Россіяне отно-
сили мнимое пророчество къ Скопину, и
видѣли въ немъ если не совмѣстника, то
преемника дяди его, къ особенной досадѣ
любимаго Василіева брата, Дмитрія Шуй-
скаго, который мыслилъ, вѣроятно, пра-
вомъ наслѣдія уловить Державство: ибо
шестидесятилѣтній Царь не имѣлъ дѣ-
тей, кромѣ новорожденной дочери, Ана-
стасіи⁵¹⁹. Князь Дмитрій, духомъ сла-
бый⁵²⁰, сердцемъ жестокой, былъ первымъ
наушникомъ и первымъ клеветникомъ:
не довольствуясь истиною, чини народъ
желаетъ царства Михаилу, онъ сказалъ
Василію, что Михаилъ въ заговоръ съ на-
родомъ, хочетъ похитить верховную
власть и дѣйствуетъ уже какъ Царь,
отдавъ Шведамъ Кексгольмъ безъ указа
Государева⁵²¹. Еще Василій ужасался или
стыдился неблагодарности: велѣлъ умолк-
нуть брату, — даже выгналъ его съ гнѣ-
вомъ; ежедневно привѣщивалъ, чествовалъ
Героя — но медлил снова вѣрить ему
войско! Узнавъ о навіахъ, Князь Ми-

Г. 1610. хайль спѣшилъ изъясниться съ Царемъ; говорилъ спокойно о своей невинности, свидѣтельствуюсь въ помянутое числою совѣстію, службою вѣрною, а всего болѣе окомъ Всевышняго; говорилъ свободно и смѣло о безуміи зависши преждевременной, когда еще всякая остановка въ войнѣ, всякое охлажденіе, несогласіе и знушеніе личныхъ спрасней могутъ быть гибельны для отечества. Василій слушалъ не безъ внутреннего смущенія⁵²²: ибо собственное сердце его уже волновалось зависшію и безпокойствомъ: онъ не имѣлъ счастья вѣрить добродѣтели! Но успокоилъ Михаила ласкою; велѣлъ ему и Думнымъ Боярамъ условишься съ Генераломъ Делагарди о будущихъ воинскихъ дѣйствіяхъ; утвердилъ договоръ Выборгскій и Колязинскій; обѣщалъ немедленно заплащивъ весь долгъ Шведамъ.

Между тѣмъ умный Делагарди въ частыхъ свиданіяхъ съ ближними царедворцами замѣтилъ ихъ худое расположеніе къ Князю Михаилу и предостерегалъ его какъ друга⁵²³: Дворъ казался ему опаснѣе ратнаго поля для героя. Оба нетерпѣливо желали ипши къ Смоленску и неохотно участвовали въ пиряхъ Московскихъ. 23 Апрѣля Князь Дмитрій Шуй-

скій давалъ обѣдъ Скопину⁵²⁴. Бесѣдовали Г. 1610. дружественно и весело. Жена Дмитриева, Княгиня Екашерина — дочь того, кто жилъ смертоубійствами: Малюпы Скуратова — явилась съ ласкою и чашею предъ гостемъ знаменитымъ: Михаилъ выпилъ чашу... и былъ принесенъ въ домъ, исходя кровію, безпрестанно лившеюся изъ носа; успѣлъ только исполнить долгъ Христіанина и предалъ свою душу Богу, вмѣстѣ съ судьбою отечества!... Москва въ ужасѣ онѣмѣла.

Коп-
чина
Ско-
пина
Шуй-
скаго.

Сію позанную смерть юноши, цвѣтущаго здравіемъ, приписали яду⁵²⁵, и народъ, въ первомъ движеніи, съ вошемъ ярости устремился къ дому Князя Дмитрія Шуйскаго: дружина Царская защитила и домъ и хозяина. Увѣряли народъ въ естественномъ концѣ сей жизни драгоценной, но не могли увѣрить. Видѣли или угадывали злорадство и винили оное въ злодѣйствѣ безъ доказательствъ: ибо одна скоропостижность, а не родъ Михайловой смерти (напомнившей Борису), утверждала подозрѣніе, бѣдственное для Василія и его ближнихъ.

Не находя словъ для изображенія общей скорби, Лѣтописцы говорятъ един-
ственно, что Москва оплакивала Князя

Го-
рестъ
народ-
на.

г. 1610. Михаила столь же неуспѣшно, какъ Царя Θεодора Іоанновича: любивъ Θεодора за добродушіе и теряя въ немъ послѣдняго изъ наслѣдственныхъ Вѣнценосцевъ Рюрикава племени, она спрашивалась неизвѣстности въ будущемъ жребіи Государства; а кончина Михайлова, столь неожиданная, казалась ей явнымъ дѣйствіемъ гнѣва Небеснаго⁵²⁶: думали, что Богъ осуждаетъ Россію на вѣрную гибель, среди преждевременнаго поржесства вдругъ лишивъ ее защитника, который *одинъ* вселялъ надежду и бодрость въ души, *одинъ* могъ спасти Государство, снова ввергаемое въ пучину мятежей безъ кормчаго! Россія имѣла Государя, но Россіяне плакали какъ сироты, безъ любви и довѣренности къ Василию, омраченному въ ихъ глазахъ и несчастнымъ царствованиемъ и мыслию, что Князь Михаилъ сдѣлался жертвою его тайной вражды. Самъ Василій лилъ горькія слезы о Герое: ихъ считали припворствомъ, и взоры подданныхъ убѣгали Царя, въ то время, когда онъ, знаменуя общественную и свою благодарность, оказывалъ необыкновенную честь усопшему: опѣввали, хоронили его великолѣпно, какъ бы Державнаго; дали ему могилу пышную, гдѣ лежатъ наши

Вѣнценосцы: въ Архангельскомъ Соборѣ; г. 1610. тамъ, въ придѣлѣ Іоанна Крестоплечнаго⁵²⁷, 1610. стоитъ уединенно гробница сего юноши, единственнаго добродѣтели и любовію народною въ вѣкъ ужасный! Отъ древнихъ до новѣйшихъ временъ Россіи никто изъ подданныхъ не заслуживалъ ни такой любви въ жизни, ни такой горести и чести въ могилѣ!... Именуя Михаила Ахилломъ и Гектиоромъ Россійскимъ, Лѣтописцы не менѣ славятъ въ немъ и *милость* безпримѣрную, *уважительность*, смиреніе Ангельское, прибавляя, что огорчаніе и презираніе людей было мукою для его нѣжнаго сердца⁵²⁸. Въ двадцать три года жизни успѣвъ стяжать (доля рѣдкая!) лучезарное безсмертіе, онъ скончался рано не для себя, а только для опечесства, которое желало ему вѣнца, ибо желало быть счастливымъ!

Все перемѣнилось — и завистники Скопина, думавъ, что Россія уже можетъ безъ него обойтись, скоро увидѣли противное. Союзъ между Царемъ и Царствомъ, возстановленный Михаиломъ, рушился, и злополучіе Василюва, какъ бы одолѣнное на время Михайловымъ счастьемъ, снова явилось во всемъ ужасѣ надъ Государствомъ и Государемъ.

Г. Надлежало избрать Военачальника: из-
 1610. брали того, кто уже давно былъ нелю-
 Князь бимъ, а въ сіе время ненавидимъ: Князя
 Дми- Дмитрія Шуйскаго. Россіи не вышли въ
 трий Шуй. поле съ уныніемъ и безъ ревности: Шве-
 ской Вое- ды ждали обѣщанныхъ денегъ. Не имѣя
 на- гошоваго серебра, Василій требовалъ его
 чаль- опъ Инокъ Лавры; но Иноки говорили,
 ни- что они, давъ Борису 15,000, Разстригъ
 комъ. 30,000, самому Василю 20,000 рублей,
 оспальною казною едва могутъ испра-
 вить стѣны и башни свои, поврежден-
 ные непріятельскою стрѣльбою⁵²⁹. Царь
 силою взялъ у нихъ и деньги и множе-
 ство церковныхъ сосудовъ, золотыхъ
 и серебряныхъ, для сплавки. Иноки ро-
 пщали: народъ изъяслялъ негодованіе,
 уподобляя такое дѣло святошашеству.
 Одни Шведы, изъяснивъ участіе въ народ-
 ной скорби о Михаилѣ⁵³⁰, ими такъ
 же любимомъ, казались утѣшенными и
 довольными, получивъ жалованье — и Де-
 лагарди выступилъ въ слѣдъ за Княземъ
 Дмитриемъ къ Можайску, чтобы освободи-
 ть Смоленскъ. Ждали еще новыхъ союз-
 никовъ, не бывавшихъ подъ хоругвями Хри-
 стианскими: Крымскихъ Царевичей съ
 толпами разбойниковъ, чтобы примкнуть
 къ нимъ нѣсколько дружинъ Московскихъ

и вести ихъ къ Калугѣ для испребленія г.
 Самозванца. Не думали о стыдѣ имѣть 1610.
 нужду въ такихъ сподвижникахъ! Доволь-
 но было силъ: не доставало только чело-
 вѣка, коего въ бѣдствіяхъ государствен-
 ныхъ и милліоны людей не замѣняютъ....
 Орошая слезами, искренними или при-
 творными, плѣло Михаила, Василій погре-
 балъ съ нимъ свое Державство, и два ра-
 за спасенный опъ близкой гибели⁵³¹, уже
 не спасся въ претій!

Первая спрашная вѣсть пришла въ Бунтъ
 Москву изъ Рязани, гдѣ Ляпуновъ, явный Ляпу-
 злодѣй Царя, сильный духомъ болѣе, не- нова.
 жели знашностию сана, не обольстивъ
 Михаила властолюбіемъ беззаконнымъ,
 и предвидя неминуемую для себя опалу
 въ случаѣ рѣшительнаго торжества Ва-
 силиева, именемъ Героя вѣрности дерзнулъ
 на бунтъ и междоусобіе. Что Москва по-
 дозрѣвала, то Ляпуновъ объявилъ всена-
 родно за истину несомнительную: Дми-
 трія Шуйскаго и самаго Василя убійца-
 ми, оправителями Скопина; звалъ мсти-
 телей, и нашелъ усердныхъ: ибо горест-
 ная любовь къ усопшему Михаилу пред-
 спавляла и бунтъ за него въ видѣ по-
 движа славнаго! Княжесство Рязанское оп-
 ложилось опъ Москвы и Василя⁵³², все,

г. кромѣ Зарайска: тамъ явился племянникъ
1610. Ляпунова съ грамотою отъ дяди; но тамъ
воеводствовалъ Князь Дмитрій Михайло-
вичъ Пожарскій. Заслуживая будущую
свою знаменитость и храбростію и до-
бродѣтелию, Князь Дмитрій выгналъ гон-
ца крамолы, прислалъ мятежную грамо-
ту въ Москву и требовалъ вспоможенія:
Царь отрядилъ къ нему чиновника Глѣ-
бова съ дружиною, и Зарайскъ остался
вѣрнымъ. Но въ тоже время Стрѣльцы
Московскіе, посланные къ Шацку (гдѣ
явился Воевода Лжедмитріевъ, Князь Чер-
касскій, и разбилъ Царскаго Воеводу, Кня-
зя Липвинова) были остановлены на пу-
ти Ляпуновымъ и передались къ нему
добровольно⁵⁵⁵. Чего хотѣлъ сей мятеж-
никъ? Свергнуть Василія, избавить Рос-
сію отъ Лжедмитрія, отъ Ляховъ, и
быть Государемъ ея, какъ утверждаетъ
одинъ Историкъ⁵⁵⁴; другіе пишутъ въ-
ропатіе, что Ляпуновъ желалъ един-
ственно гибели Шуйскихъ, имѣя тайныя
сношенія съ знатнѣйшимъ крамольни-
комъ, Бояриномъ Княземъ Василенъ Го-
лицынымъ въ Москвѣ, и даже съ Само-
званцемъ въ Калугѣ, но не долго: онъ
презрѣлъ бродягу, какъ орудіе срамное,
видя и безъ того легкое исполненіе же-

лаемаго имъ и многими иными врагами г.
Царя несчастнаго. 1610.

Бунтъ Ляпунова встревожилъ Москву:
другія вѣсти были еще ужаснѣе. Князь
Дмитрій Шуйскій и Делагарди шли къ
Смоленску, а Ляхи къ нимъ на встрѣчу.
Доселѣ опасливый, нерѣшительный, Си-
гизмундъ вдругъ оказалъ смѣлость, узнавъ,
что Россія лишилась своего Героя, и въ-
рря нашимъ измѣнникамъ, Самтыкову съ
клеврепами, что сія кончина есть паде-
ніе Василія, ненавистнаго Москвѣ и вой-
ску. Еще Сигизмундъ не хотѣлъ оспа-
вить Смоленска; но давъ Гепману Жол-
кѣвскому 2000 всадниковъ и 1000 пѣхоп-
ныхъ воиновъ, велѣлъ ему съ сею гор-
стію людей искасть непріятеля и славы
въ полѣ⁵⁵⁵. Гепманъ двинулся сперва къ
Бѣлому, пѣсному Хованскимъ и Гор-
номъ⁵⁵⁶: имѣя 6500 Россіянъ и Шведовъ,
они уклонились отъ битвы и спѣшили
присоединиться къ Дмитрію Шуйскому,
который споялъ въ Можайскѣ, отдѣливъ
6000 дѣшей Боярскихъ съ Княземъ Елец-
кимъ и Волуевымъ въ Царево-Займище,
чтобы тамъ укрѣпиться и служить щип-
комъ для главной рапи. Будучи въ де-
сятеро сильнѣе непріятеля, Шуйскій хо-
тѣлъ уподобиться Скопину осторожно-

Г. 1610. спію: медливъ и прапилъ время. Тѣмъ быспрѣ дѣйствовалъ Гепманъ: соединился съ оспашками Тушинскаго войска, приведеннаго къ нему Зборовскимъ, и (13 Іюня) подспунилъ къ Займищу⁵⁵⁷; имѣлъ тамъ выгоду въ битвѣ съ Россіянами, но не взялъ укрѣплений — и свѣдалъ, что Шуйскій и Делагарди идушъ опѣ Можайска на помощь къ Елецкому и Волуеву. Сподвижники Гепмана смупились: онъ убѣждалъ ихъ въ необходимости кончить войну однимъ смѣлымъ ударомъ; говорилъ о чести и доблести, а ждалъ успѣха опѣ измѣны: ибо клевершы Салпыкова окружали, вели его, — сносились съ своими единомышленниками въ Царскомъ войскѣ, знали общее уныніе, негодованіе, и ручались Жолтѣвскому за побѣду; ручались и бѣглецы Шведскіе, Нѣмцы, Французы, Шотландцы⁵⁵⁸, являясь къ нему толпами, и сказывала, что всѣ ихъ поварищи, недовольные Шуйскимъ, готовы передаться къ Ляхамъ. Шведы дѣйспившешно, едва вышедши изъ Москвы, начали снова требовашъ жалованья и бунтовашъ: Князь Дмипрій далъ имъ еще 10,000 рублей, но не могъ удовольспвовашъ, ни самъ Делагарди смиришъ сихъ мятежныхъ корысполубцевъ: они

шли не-хоща, и грозили, казалось, болѣе Г. 1610. союзникамъ, нежели врагамъ. Такія обспольспствва изъясняющъ для насъ удивительное дѣло Жолтѣвскаго, еще болѣе проникательнаго, нежели смѣлаго.

Оспавивъ малочисленную пѣхоту въ обозѣ у Займища, Гепманъ ввечеру (23 Іюня) съ десятию тысячами всадниковъ и съ легкими пушками выступилъ на вспрѣчу къ Шуйскому, столь тихо, что Елецкій и Волуевъ не замѣтили сего движенія и сидѣли спокойно въ укрѣпленіяхъ, воображая всю рапѣ непріательскую предъ собою; а Гепманъ, принужденный ишли верспѣ двадцать медленно, ночью, узкою, худою дорогою, на разсвѣтѣ увидѣлъ, близъ села Клушина, между полями и лѣсомъ, плешнями и двумя деревеньками, обширный спанѣ тридцати тысячъ Россіанъ и пяти тысячъ Шведовъ, ни мало неготовыхъ къ бою, безпечныхъ, сонныхъ. Онъ еще ждалъ успалыхъ дружинъ и пушекъ; зажегъ плешни, и шрескомъ огня, пламенемъ, дымомъ пробудилъ спящихъ. Изумленные незапнымъ явленіемъ Ляховъ, Шуйскій и Делагарди спѣшили успроить войско: конницу впереди, пѣхоту за нею, въ куспарникъ, — Россіанъ и Шведовъ особенно. Гепманъ съ шруб-

Битъ
подъ
Клу-
ши-
нымъ
Іюня
24.

Г. 1610. нымъ звукомъ ударилъ вмѣстѣ на тѣхъ и другихъ: конница Московская дрогнула; но подкрѣпленная новымъ войскомъ, спѣснила непріятеля въ своихъ густыхъ толпахъ, такъ, что Жолтѣвскій, споя на холмѣ, едва могъ видѣть хоругвь Республики въ облакахъ пыли и дыма⁵³⁹. Шведы удержали стремленіе Ляховъ сильнымъ залпомъ. Гепманъ пушилъ въ дѣло запасныя дружины; спѣрлялъ изъ всѣхъ пушекъ въ Шведовъ; напалъ на Россіянъ съ боку — и побѣдилъ. Конница наша, обративъ тылъ, смѣшала пѣхоту; Шведы опиступили къ лѣсу; Французы, Нѣмцы, Англичане, Шотландцы передались къ Ляхамъ. Сдѣлалось неописанное смятеніе. Все бѣжало безъ памяти: спогнало тысячу. Князя Шуйскій, Андрей Голицынъ и Мезецкій зашли-было въ спанѣ съ пѣхотою и пушками; но узнавъ вѣроломство союзниковъ, также бѣжали въ лѣсъ, усыпал дорогу разными вещами драгоценными, чтобы прелестію добычи оспановить непріятеля. Делгарди — въ искренней горести, какъ пишуть⁶⁴⁰ — ни угрозами, ни моленіемъ не удержавъ своихъ опѣ безчестной измѣны, вступилъ въ переговоры: далъ слово Гепману не помогать Василю, и захвативъ казну

Шуйскаго, 5450 рублей деньгами и мѣ- г. ховъ на 7000 рублей⁶⁴¹, съ Генераломъ 1610. Горномъ и четырьмя сшами Шведовъ уда- Дела- лися къ Новугороду, жадуясь на мало- гарди оп- душіе Россіянъ столько же, какъ и напасѣ спут- мяпежій духъ Англичанъ и Французовъ, кѣ. Но- письменно обѣщая Царю новое вспоможе- руду- ніе опѣ Короля Шведскаго, а Королю легкое завоеваніе сѣверо-западной Россіи для Швеціи!

Но стыдъ союзниковъ уменьшался спыдомъ Россіянъ, которые, въ бѣдственномъ ослѣпленіи, жертвовали нелюбви къ Царю любовію къ опечеспву, не хотѣли мужествовать за мнимаго убійцу Михайлова, думая, кажется, что побѣда Ляховъ губить только несчастнаго Василя, и гнуснымъ бѣгствомъ опѣ врага слабого предали ему Россію. Безъ сомнѣнія оказавъ умъ необыкновенный, Гепманъ хвалился числомъ своихъ и непріятелей, скромно уступалъ всю честь героизму сподвижниковъ, и всего искреннѣе славилъ ревность Тушинскихъ измѣнниковъ, сына и друзей Михайла Салтыкова, которые находились въ сей битвѣ, дѣйствуя тайно, чрезъ лазутчиковъ, на Царское войско. Не многіе легли въ дѣлѣ: одинъ знатный Князь Яковъ Боряпин-

Г. 1610. скій палъ сражаясь; Воевода Бупурлинь опдался въ плѣнъ. Гораздо болѣе кололи, сѣкли и топтали Россіянъ въ погонѣ. 11 пушекъ, нѣсколько знаменъ, бархатная хоругвь Князя Дмитрія Шуйскаго, его кареша, шлемъ, мечъ и булава, также не мало богашества, суконъ, соболей, посланных Царемъ для Шведовъ, были профеями и добычею Ляховъ. Несчастный Князь Дмитрій скакалъ не оглядываясь, увязилъ коня въ болотѣ, пѣшій достигъ Можайска, и сказавъ гражданамъ, что все погибло, съ сею вѣстію спѣшилъ къ Державному брату въ столицу⁵⁴².

Дѣяпелый Гетманъ въ ночь же день возвратился къ Займишу, гдѣ Россіяне, ночью, были пробуждены шумомъ и кликомъ: Ляхи громогласно извѣщали ихъ о слѣдствіяхъ Клушинской битвы. Князь Елецкій и Волуевъ не хотѣли вѣрить: Гетманъ на разсвѣтѣ показалъ имъ Царскія знамена и плѣнниковъ, требуя, чтобы они мирно сдались, не Ляхамъ, а новому Царю своему, Владиславу, будто бы уже избранному знамною частью Россіи⁵⁴³. Елецкій и Волуевъ убѣждали Гетмана идти къ Москвѣ и начать съ нею переговоры: имъ оповѣщивовали: «когда вы сдаться, то и Мо-

сква будетъ наша.» Волуевъ, болѣе Елец- Г. 1610. каго власпвуя надъ умами сподвижниковъ, рѣшилъ ихъ недоумѣніе: присягнувъ Владиславу, на условіяхъ, заключенныхъ Михайломъ Салтыковымъ и клевершами Царевыми⁵⁴⁴; другіе также присягнули, и вмѣстѣ съ Ляхами, уже братьями, пошли къ столицѣ... Смѣлый въ битвахъ, Жолѣвскій извѣщавъ смѣлость и въ важномъ дѣлѣ государственномъ: онъ безъ указа Королевскаго желалъ воцарить юнаго Владислава, по удословленію измѣнниковъ Тушинскихъ и собственному, что цѣль инаго, лучшаго, надежнѣйшаго способа кончить сію войну съ истинною славою и выгодною для Республики⁵⁴⁵! Гетманъ мирно занялъ Можайскъ и другія мѣста окрестныя именемъ Королевича, вездѣ гоня предъ собою разсѣянные остатки полковъ Шуйскаго.

Въ одно время столица узнала о семъ бѣдствіи и чинила воззваніе Жолѣвскаго къ ея жителямъ, распространенное въ ней дѣяпелыми единомышленниками Салтыкова. «Виною всѣхъ вашихъ золъ» — писалъ Гетманъ — «естъ Шуйскій: отъ него Царство въ крови и въ пеплѣ. Для одного ли челоука гибнутъ миллионы?

Г. 1610. »Спасеніе предъ вами: побѣдоносное войско Королевское и новый Царь благодатный: да здравствуетъ Владиславъ⁵⁴⁶! Еще Василій, не измѣняясь духомъ, вѣрный швердоси въ злосчастіи, писалъ указы, чтобы изъ всѣхъ городовъ спѣшили къ нему послѣдніе люди воинскіе, и въ послѣдній разъ, для спасенія Царства⁵⁴⁷; ободрялъ Москвитянъ, давалъ деньги Спрѣльцамъ⁵⁴⁸; хотѣлъ писать къ Гепману, назначилъ гонца, но опмѣвилъ, чтобы не унизились бесполезно, въ такихъ обстоятельствевахъ, когда не переговорами, а битвами надлежало списися. Города не выслали въ Москву ни одного воина⁵⁴⁹: Рязанскій мятежникъ Ляпуновъ не велѣлъ имъ слушаться Царя, вмѣстѣ съ Княземъ Василіемъ Голицынымъ крамольснвуа и въ сполницѣ, волнуемой опчаяніемъ.... Грозы внѣшнія еще умножились: явился и Ажедимирій въ полѣ, съ безстыднымъ Сапѣгою, который за нѣсколько тысячъ рублей⁵⁵⁰, доставленныхъ ему изъ Калуги, снова обязался служить злодѣю. Они надѣялись предупредить Гепмана и взять Москву, думая, что она въ смятеніи ужаса скорѣе сдастся дерзкому бродягѣ, нежели Ляхамъ. Сей подлый непріятель еще ка-

Оп-
чаліе
сто-
лицы.

зался опасѣйшимъ Царю: свѣдавъ, что союзники, вызванные имъ изъ гнѣзда раз-
боевъ, сыновья Хана, уже близъ Серпухова, Василій опрядилъ шуда знашныхъ мужей, Князя Воропынскаго, Лыкова и чиновника Измайлова съ дружиною Дѣтей Боярскихъ и съ пушками, чтобы весни ихъ пропивъ Самозванца⁵⁵¹; но Крымцы, вспрѣпивъ его въ Боровскомъ Узвѣдѣ, послѣ дѣла кровопролитнаго, ушли назадъ въ степи, а Воропынскій и Лыковъ едва спаслися бѣгствомъ въ Москву. Все кончилось для Василіа! Снова шор-Ножеснвовалъ Самозванецъ; снова обратились къ нему измѣнники и счастье. Са-
нѣгины Ляхи осадили крѣпкій монастырь Пафнутіевъ, гдѣ начальснвовали вѣрный ца.
Князь Михайло Волконскій и два предателя: первый сражался какъ Герой; но младшіе чиновники, Змѣевъ и Челищевъ, выпустили непріятеля. Волконскій палъ въ сѣчѣ надъ гробомъ Св. Пафнутія (оспавивъ для вѣковъ память⁵⁵² своей доблести въ гербѣ Боровска), а Ляхи наполнили ограду и церковь прупами Иноковъ, Спрѣльцевъ и жителей монастырскихъ. Коломна, дополѣ непоколебимая въ вѣрности, вдругъ измѣнила, возмущенная Сопникомъ Бобынинымъ. Не слушая до-

Г. 1610.

вые
устѣ-
хи Са-
мо-
зван-
ца.

г. 1610. браго Епископа Іосифа, народъ кричалъ, что Василію уже не бысть Царемъ, и что лучше служить Димитрію, нежели Сигизмунду. Воеводы Коломенскіе, Бояре Князь Туренинъ и Долгорукій, въ ужасъ сами присягнули обманщику: также и Воевода Коширскій, Князь Ромодановскій, вмѣстѣ съ гражданами. Едва уцѣлѣлъ и Зарайскъ, спасенный твердостью Князя Пожарскаго: видя бунтъ жителей и не спрашась ни угрозъ, ни смерти, онъ съ усердною дружиною выгналъ ихъ изъ крѣпости и возстановилъ пишину договоромъ, заключеннымъ съ ними, оспавшись вѣрными Василію, если Василій оспавнется Царемъ, или служить Царю новому, кого избересть Россія. Въ семъ случаѣ ревностнымъ сподвижникомъ Князя Димитрія былъ достойный Протоіерей Никольскій⁵⁵³. Но усмиреніе Зарайска не отвратило гибельнаго мятежа въ столицѣ.

Ажедимипрій спѣшилъ къ Москвѣ и расположился станомъ въ селѣ Коломенскомъ⁵⁵⁴, памяшномъ первою славою юнаго Князя Михаила, коего уже не имѣло опечесство для надежды! Что могъ предпріять Царь злосчастный, побѣжденный Гепманомъ и Самозванцемъ, угрожаемый

Лапуновымъ и крамолагоу, малодушіемъ и зломыслиемъ, безъ войска и любви народной? Рожденный не въ вѣкъ Кашиновъ и Брушовъ, онъ могъ предаться только въ волю Божию: такъ и сдѣлалъ, спокойно ожидалъ своего жребія, и еще держась рукою за кормило государственное, хотя уже и бесполезное въ часъ гибели; еще давалъ повелѣнія, не внимаемые, не исполняемые, будучи уже болѣе зрителемъ, нежели дѣйствователемъ съ того времени, какъ узнали въ Москвѣ о бунтѣ или неповиновеніи городовъ, видѣли подъ ея сѣтнами знамена Ажедимипріевы и ежедневно ждали Сигизмундовыхъ съ Гепманомъ. Дворецъ опустѣлъ: улицы и площади кипѣли народомъ; всѣ спрашивали другъ у друга, что дѣлается, и что дѣлать? Ненавистники Василіевы уже громгласно требовали его сверженія; кричали: »Онъ сѣлъ на престолъ безъ вѣдома земли Русской⁵⁵⁵: для того земля раздѣлилась; для того ллется кровь Христіанская. Братья Василіевы ядомъ умерщвили своего племянника, а нашего опѣца-защитника. Не хотимъ Царя Василія! Ни Самозванца, ни Ляховъ! прибавляли многіе, благородѣйшіе духомъ, слѣдуя внушенію Лапунова Рязанскаго, брата его

Г. Захаріи и Князя Васи́лія Голицына⁵⁵⁶. Они
1610. превозмогли числомъ и значимостію едино-
мышленниковъ; гнушались Лжедими́тріемъ,
думали усовѣспити его клеветниковъ, что-
бы усилились ихъ союзомъ, и предложи-
ли имъ свиданіе. Еще люди чиновные
окружали злодѣя Тушинскаго: Князья
Сицкій и Засѣкинъ, Дворяне Нагой, Су-
буловъ, Плещеевъ, Дьякъ Третьяковъ и
другіе. Съѣхались въ полѣ, у Даниловска-
го монастыря⁵⁵⁷, какъ братья; мирно
разсуждали о чрезвычайныхъ обстоятель-
ствахъ Государства и вѣрнѣйшихъ сред-
ствахъ спасенія; наконецъ взаимно дали
клятву, Москвитяне ославивъ Васи́лія,
измѣнники предать имъ Лжедими́трія,
избрать вмѣстѣ новаго Царя и выгнать
Лиховъ. Сей договоръ объявили синолицъ
братъ Ляпунова и Дворянинъ Хомушовъ,
выѣхавъ съ сонмомъ единомышленниковъ
на Лобное мѣсто, гдѣ, кромѣ черни, на-
ходилось и множество людей сановныхъ,
лучшихъ гражданъ, гостей и купцовъ:
всѣ громкимъ кликомъ изъявили радость⁵⁵⁸;
всѣ казались увѣренными, что новый
Царь необходимъ для Россіи. Но тутъ
не было ни значащаго Духовенства, ни
Синклита: пошли въ Кремль, взяли Па-
триарха, Бояръ; вывели ихъ къ Серпу-

ховскимъ ворогамъ, за Москвою-рѣкою, Г.
и въ виду непріятельскаго спана — ука- 1610.
зывая на разѣзды Лжедими́тріевой ко-
ницы и на Смоленскую дорогу, гдѣ вся-
кое облако пыли грозило явленіемъ Гет-
мана — предложили имъ избавить Рос-
сію отъ стыда и гибели, избавить Рос-
сію отъ Шуйскаго; соблюдали умѣрен-
ность въ рѣчахъ: укоряли Васи́лія толь-
ко несчастіемъ⁵⁵⁹. Говорили, что »земля
»Сверская и всѣ бывшіе слуги Лжеди-
»ми́тріевы немедленно возвращаясь подъ
»стѣнь опечеснѣва, какъ скоро не будетъ
»Шуйскаго, для нихъ ненавистнаго и
»спрашнаго; что Государство безсильно
»только отъ раздѣленія силъ: соединитъ-
»ся, усмирится . . . и враги исчезнутъ!
Раздался одинъ голосъ въ пользу закона
и Царя здосчаснаго: Ергоменовъ; съ жа-
ромъ и твердостію Патриархъ изъяснялъ
народу, что нѣтъ спасенія, гдѣ нѣтъ
благословенія свыше; что измѣна Царю
есть злодѣйство, всегда казнимое Богомъ,
и не избавитъ, а еще глубже погрузитъ
Россію въ бездну ужасовъ⁵⁶⁰. Весьма не
многіе Болре, и весьма не твердо, стоя-
ли за Шуйскаго; самые его искренніе и
ближніе уклонились, видя рѣшительную
общую волю; самъ Патриархъ съ горе-

г. 1610. спію удалийся, чіпобы не быць свідѣ-
пелемъ дѣла мяшежнаго, и сія пародная
Дума единодушно, единогласно пригово-
рила: »1) *бить челомъ* Василию, да оспа-
»витъ Царство и да возметъ себѣ въ
»удѣлъ Нижний-Новгородъ⁵⁶¹; 2) уже ни-
»когда не возвращать ему пресіюла, но
»блюсти жизнь его, Царицы, братьевъ
»Василіевыхъ; 3) цѣловать крестъ всѣмъ
»міромъ въ неизмѣнной вѣрности къ Цер-
»кви и Государству для испребленія ихъ
»злodeвѣвъ, Ляховъ и Лжедимириіа; 4) всею
»землею выбрать въ Цари, кого Богъ
»дасъ; а между шѣмъ управлять ею
»Боярамъ, Князю Мспиславскому съ по-
»варищами, коихъ власть и судъ будущъ
»священны; 5) въ сей Думѣ верховной не
»сидѣть Шуйскимъ, ни Князю Дмитрію,
»ни Князю Ивану; 6) всѣмъ забыть вра-
»жду личную, месть и злобу; всѣмъ по-
»мнить только Бога и Россію«⁵⁶². Въ дѣй-
ствіи незаконномъ еще блиспалъ при-
зракъ великодушія: щадили Царя свергае-
маго и хотѣли умереть за ошечество,
за честь и независимость.

Послали къ Василию, еще Вѣнценосцу,
знатнаго Боярина, его свояка, Князя Ива-
на Воробынскаго, съ главными крамоль-
никами, Захарією Ляпуновымъ и другими,

объявить ему приговоръ Думы. Дотолѣ г. 1610.
тихий Кремлевскій дворецъ наполнился
людьми и шумомъ: ибо въ слѣдъ за По-
слами спремилось многесиво дерзкихъ
мяшежниковъ и любопытныхъ. Василій
ожидалъ ихъ безъ пренета, воспоминалъ,
могешъ быть, невольно о такомъ же
спремленіи шумныхъ сонмовъ, подѣ его
собственнымъ предводительствомъ, къ
сему же дворцу, въ день Разстригиной
гибели!... Захарія Ляпуновъ, увидѣвъ
Царя, сказать: »Василій Іоанновичъ! ты
»не умѣлъ царствовать: оидай же вѣнецъ
»и скипетръ«⁵⁶³. Шуйскій опвѣствовалъ:
»какъ смѣешь!«... и вынулъ ножъ изъ-за
пояса. Наглый Ляпуновъ, великанъ ро-
стомъ, силы необычайной, грозилъ ему
своею шажкою рукою... Другіе хотѣли
сладкорѣчіемъ убѣдить Царя къ повино-
венію волѣ Божіей и народной. Василій
опвергнулъ всѣ предложенія, готовый
умереть, по Вѣнценосцемъ, и волю мя-
шежниковъ, испровергающихъ законъ, не
признавая народною. Онъ уступилъ поль-
ко насилію, и былъ, вмѣстѣ съ юлою
супругою, перевезенъ изъ палатъ Кре-
млевскихъ въ старый домъ свой, гдѣ ждалъ
участіи Борисова семейства⁵⁶⁴, зная, что
шагъ съ пресіюла есшъ шагъ къ могилѣ.

Томъ XII.

Г. 1610. Въ столицѣ господствовало смятеніе, и скоро еще умножилось, когда народъ свѣдалъ, что Тушинскіе измѣнники обманули Московскихъ. Ляпуновъ и клеветы его немедленно объявили первымъ, въ новомъ свиданіи съ нимъ у монастыря Даниловакаго⁵⁶⁵, что Шуйскій сведенъ съ престола, и что Москва, въ слѣдствіе договора, ждетъ отъ нихъ связнаго Лжедимирія, для казни. Тушинцы отвѣщивали: «Хвалимъ ваше дѣло. Вы свергнули Царя беззаконнаго; служите же истинному: да здравствуетъ сынъ Іоанновъ! Если вы клятвопреступники, то мы вѣрны въ обѣдахъ. Умремъ за Димирія»⁵⁶⁶. Достойно осмѣянные злодѣи, Москвитяне изумились. Симъ часомъ думалъ еще воспользоваться Ермогенъ: вышелъ къ народу, молилъ, заклиналъ снова возвести Василія на Царство; но убѣжденіямъ добраго Патріарха не внимали: спрашивали мести Василіевой, и шѣмъ скорѣе хотѣли себя успокоить.

Тщетныя увѣщанія Патріарха.

Всѣми оставленный, многимъ ненавистный или противный, не многимъ жалкій, Царь сидѣлъ подѣ спражею въ своемъ Боярскомъ домѣ, гдѣ, за четыре года предѣ шѣмъ, въ ночномъ совѣтѣ знаменитѣйшихъ Россіянъ, имъ собран-

ныхъ и движимыхъ⁵⁶⁷, рѣшилась гибель Г. Отрепьева. Тамъ, въ слѣдующее утро,^{1610. 18 Іюля.} явились Захарія Ляпуновъ, Князь Пешрь^{18 Іюля.} ла. Засѣки⁵⁶⁸, нѣсколько сановниковъ съ Чудовскими Иноками и Священниками, съ полною людей вооруженныхъ, и велѣли Шуйскому готовиться къ посприженію, еще гушался новымъ царевѣйствомъ и счиная келію надежнымъ преддверіемъ гроба. «Нѣтъ!» сказалъ Василій съ твердостію: «никогда не буду Монахомъ» — и на угрозы отвѣщивалъ видомъ презрѣнія; но смотря на многихъ извѣстныхъ ему Москвитянъ, съ умиленіемъ говорилъ имъ: «Вы нѣкогда любили меня.... и за что возненавидѣли? за казнь ли «Отрепьева и клеветниковъ его? Я хотѣлъ «добра вамъ и Россіи; наказывалъ единственно злодѣевъ — и кого не миловалъ»⁵⁶⁹. Воля Ляпунова и другихъ неистовыхъ заглушилъ рѣчь трогательную. Чинали Помолитвы посприженія, совершали обрядъ^{сприженіе} священный, и не слышали уже ни единого слова отъ Василія: онъ безмолвствовалъ, и вмѣсто его произносилъ спраш-^{Василій и супруги его.} ные обѣты монашества Князь Туренинъ⁵⁷⁰. Поспригали и несчастную Царицу, Марію, также безмолвную въ обѣдахъ, но краснорѣчивую въ изъясненіи любви къ су-

Г. 1610. пругу: она рвалась къ нему, сипенала, называла его своимъ *Государемъ милымъ*, Царемъ великимъ народа недоспойнаго⁵⁷¹, ея супругомъ законнымъ и въ рясъ Инокка. Ихъ разлучили силою: опшвели Василія въ монастырь Чудовскій, Марію въ Ивановскій; двухъ братьевъ Василіевыхъ заключили въ ихъ домахъ. Никто не проптивился насилію безбожному, кромъ Ермогена: онъ поржесивенно молился за Шуйскаго въ храмахъ, какъ за Помазанника Божія, Царя Россіи, хопя и невольника; поржесивенно клялъ бунтъ и признавалъ Инокомъ не Василія, а Кнзя Гуренина, копорый вмѣсто его связалъ себя обѣщаніи Монашества⁵⁷². Уваженіе къ сану и лицу Первосвященника давало смѣлосіе Ермогену, но бесполезную.

Такъ Москва поступила съ Вѣнценосцемъ, копорый хопѣлъ снисканъ ея и Россіи любовь подчиненіемъ своей воли закону, бережливосію государшвенною, безприсрасіемъ въ наградахъ⁵⁷³, умѣренносію въ наказаніяхъ, терпимосію общественной свободы, ревносію къ гражданскому образованію — копорый не изумлялся въ самыхъ чрезвычайныхъ бѣдствіяхъ, оказывалъ неуспрашимосіе въ бунтахъ, готовносіе умереть вѣрнымъ

достоинству Монаршему, и не былъ ни- Г. 1610. когда снопъ знаменитъ, снопъ достоинъ преспіюла, какъ свергаемый съ онаго пзмѣною: влекомый въ келію поклою злодѣевъ, несчастный Шуйскій являлся одинъ истинно великодушнымъ въ мятежной столицѣ. . . . Но удивительная судьба его ни въ униженіи, ни въ славѣ, еще не совершилась!

Доселѣ властвовала безпрекословно спорона Ляпуновыхъ и Голицына, рѣшительныхъ противниковъ и Шуйскаго и Самозванца и Ляховъ: она хопѣла своего Царя — и въ семъ смыслѣ Дума писала опѣ имени Синклита, людей Приказныхъ и воинскихъ, Снольниковъ, Сирличихъ, Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, гостей и купцевъ, ко всемъ областнымъ Воеводамъ и жинелямъ, что Шуйскій, *виавъ челобитью земли Русской, оставилъ Государство и міръ*⁵⁷⁴ для спасенія отечества; что Москва цѣловала крестъ не подававшись ни Сигизмунду, ни злодѣю Тушинскому; что все Россіи должны возстанъ, усприминься къ столицѣ, сокрушивъ браговъ и выбравъ всюю землею Самодержца вожделѣннаго. Въ семъ же смыслѣ опшвѣсивовали Бояре и Гешману Жолѣвскому, копорый, узнавъ въ Можайскѣ о Ва-

Г. 1610. силіевоѣ низверженіи, объявилъ имъ гра-
мою, что идеѣ защитишь ихъ въ
бѣдствіяхъ. »Не требуемъ твоей защи-
ты,« писали они: »не приближайся, или
»вспрѣшимъ тебя какъ непріятеля«⁵⁷⁵.
Но Дума Болрская, присвоивъ себѣ вер-
ховную власть, не могла утвердить ее
въ слабыхъ рукахъ своихъ, ни упишишь
всеобщей тревоги, ни обуздать мятеж-
ной черни. Самозванецъ грозилъ Москвѣ
нападеніемъ, Гепманъ къ ней приближал-
ся, народъ вольничалъ, холода не слуша-
лись господъ, и многіе люди чиновные,
страшась быть жертвою безначалія и
бунта, уходили изъ столицы, даже въ
сѣнанъ къ Лжедимирию⁵⁷⁶, единственно
для безопасности личной. Въ сихъ обсто-
пелствахъ ужасныхъ спору на Лапуно-
выхъ и Голицына превозмогла другая, ме-
нѣе благопріятная для народной гордо-
сти, хоща и менѣе лукавая: ибо ея гла-
вою былъ Князь Ѳеодоръ Мстиславскій,
извѣстный добродушіемъ и вѣрностію,
чуждый властолюбія и козней⁵⁷⁷.

Въ то время, когда Москва, безъ Ца-
ря, безъ устройства, всего болѣе опасалась
злѣдѣя Тушинскаго и собственныхъ
злѣдѣевъ, готовыхъ душегубствовать и
грабиль въ спѣнахъ ея — когда опече-

ство смятенное не видало между своими Г. 1610.
ни одного челоѣка, столь знаменитого
родомъ и дѣлами, чшобы оно могло воз-
ложиль на него вѣнецъ единодушно, съ
любовію и надеждою — когда измѣны и
предательства въ глазахъ народа унизи-
ли самыхъ первыхъ Вельможъ, и два не-
счастныя избранія доказали, сколь тру-
дно бывшему подданному державствовать
въ Россіи и бороться съ завистию: то-
гда мысль искашь Государя внѣ отече-
ства, какъ древніе Новгородцы искали
Князей въ землѣ Варяжской, могла есте-
ственно предпавилься уму и добрыхъ
гражданъ. Мстиславскій, одушевленный Со-
числымъ усердіемъ — вѣроятно послѣ Кня-
тайныхъ совѣщаній съ людьми важнѣй-
шими — торжественно объявилъ Бол-
рамъ, Духовенству, всѣмъ Чинамъ и гра-
жданамъ, что для спасенія Царства дол-
жно вручить скипетръ.... Владиславу⁵⁷⁸.
Кто могъ самъ и не хощѣлъ быть Вен-
цеслѣмъ⁵⁷⁹, того мнѣніе и гласъ...
силу; имѣли оную и домогательства еди-
номышленниковъ Салтыкова, особенно Во-
луева, и наконецъ явныя выгоды сего из-
бранія. Жолѣвскій, грозный побѣдитель,
дѣлался намъ усерднымъ другомъ, чшобы
избавиль Москву отъ злѣдѣевъ: онъ пи-

Со-
числь
Кня-
зл
Мсти-
слав-
скаго.

Г. саль о томъ (31 Іюля) къ Думѣ Бояр-
1610. ской⁵⁸⁰, вмѣстѣ съ Иваномъ Салпыко-
вымъ и Волуевымъ, которые сообщили
ей договоръ Тушинскихъ Пословъ съ Си-
гизмундомъ и новѣйшій, заключенный
Гетманомъ въ Царевѣ-Займищѣ⁵⁸¹ для
цѣлости Вѣры и Государства. Надѣя-
лись, что Король паче всего честию ви-
дѣль сына Монархомъ великой Державы
и дозволилъ ему перемѣнить Законъ, или
Владиславъ юный, еще не швердый въ
Догматахъ Латинства, легко склонился
къ нашимъ и вопреки оному, когда сядетъ
на престолъ Московскій, увидитъ
необходимость единовѣрія для крѣпкаго
союза между Царемъ и народомъ, возму-
жаешь въ обычаяхъ Православія и будучи
уважаемъ, какъ Выцесонецъ знаменитаго
Державнаго племени, будетъ любимъ какъ
истинный Россіянинъ духомъ. Еще бла-
городная гордость спрашила уничтоже-
нія взявъ невольно Властиителя оныхъ Ля-
ховъ, молилъ ихъ о спасеніи Россіи и
пѣлъ оказать ея постыдную слабость.
Еще Духовенство спрашилось за Вѣру,
и Патриархъ убѣждалъ Бояръ не жертво-
вать Церковію никакимъ выгодамъ госу-
дарственнымъ⁵⁸²: уже не имѣя средства
возвратить вѣнецъ Шуйскому, онъ пред-

лагалъ имъ въ Цари или Князя Василія Г.
Голицына или юнаго Михаила, сына Фи- 1610.
ларенцова⁵⁸³, внука первой супруги Іоан-
новой. Духовенство благопріимствовало
Голицыну, народъ Михаилу, любезному
для него памятію Анастасіи, добродѣте-
лю оному и даже презоименишествомъ съ
усопшимъ Героемъ Россіи... Такъ Ерма-
генъ безсмертный предвѣстилъ ей волю
Небесъ! Но время еще не наступило —
и Гетманъ уже стоялъ подъ Москвою,
на Свирунѣ⁵⁸⁴, противъ Коломенскаго и
Лжедимитрія: ни Голицынъ, крамольникъ
въ Синодѣ и бѣглець на полѣ рани-
номъ⁵⁸⁵, ни юноша, пипомецъ келій,
едва извѣстный свѣту, не обѣщали спа-
сенія Москвѣ, извѣвъ штенной двумя не-
пріятелями, внутри волнуемой мяте-
жемъ; каждый часъ былъ дорогъ — и
большинство голосовъ въ Думѣ, на са-
момъ Лобномъ мѣстѣ, рѣшило: «принять
«совѣтъ Мещиславскаго!»

Немедленно послали къ Гетману спро- Пере-
силь, другъ ли онъ Москвѣ или непріа- гово-
тель⁵⁸⁶? «Желаю не крови вашей, а блага Жол- ры съ
«Россіи,» отвѣчалъ Жолѣвскій: «предла- Жол-
гаю вамъ Державство Владислава и ги- кѣв-
«бель Самозванца.» Дали взаимно амана- скимъ
шовъ; вступили въ переговоры, на дѣ-

Г. вичьемъ полѣ, въ шашрѣ, гдѣ Бояре,
1610. Князя Мстиславскій, Василій Голицынъ
и Шереметевъ, Окольнічій Князь Мезец-
кій и Дьяки Думные, Телепневъ и Лугов-
скій, съ честію вспрѣли Гепмана⁵⁸⁷,
объявляя, что Россія готова признать
Владислава Царемъ, но съ условіями не-
обходимыми для ея достоинства и спо-
койствія. Дьякъ Телепневъ, развернувъ
свитокъ, прочиталъ сіи условія, столь
важныя, что Гепманъ ни въ какомъ слу-
чаѣ не могъ бы принять ихъ безъ рѣши-
тельнаго согласія Королевскаго: Король
же не только медлилъ дать ему наказъ,
но и не отвѣщивалъ ни слова на всѣ
его донесенія послѣ Клушинскаго дѣла,
заботясь единственно о взятіи Смолен-
ска и съ гордостію являя Гепмановы
профои, знамена и плѣнниковъ, Шенну
непреклонному! Жолкѣвскій, равно смѣ-
лый и благоразумный, скрывъ отъ Болръ
свое затрудненіе, спокойно разсуждалъ
съ ними о каждой статьѣ предлагаемаго
договора: отвергалъ и соглашался Коро-
левскимъ именемъ. Выслушавъ первое тре-
бованіе, чтобы *Владиславъ крестился въ*
нашу Вѣру, онъ далъ имъ надежду, но
устранилъ обязательство, говоря: «да
будетъ Королевичъ Царемъ, и тогда, вни-

мая гласу совѣсти и пользы государ- Г.
ства, можетъ добровольно испол- 1610.
нить желаніе Россіи»⁵⁸⁸. Устранилъ, до
особеннаго Сигизмундова разрѣшенія, и дру-
гія статьи: 1) Владиславу не сноситься
съ Папою о Законѣ⁵⁸⁹; 2) утвердить въ
Россіи смертную казнь для всякаго, кто
оставитъ Греческую Вѣру для Латин-
ской; 3) не имѣть при себѣ болѣе пяти-
сотъ Ляховъ; 4) соблюсти всѣ пункты
Царскія (слѣдственно Государя Киевска-
го и Ливонскаго) и жениться на Россіян-
кѣ; но все прочее, какъ согласное съ до-
говоромъ Салтыкова и Волуева, было
одобрено Жолкѣвскимъ, хотя и не вдругъ:
ибо онъ съ умысломъ замедлялъ перего-
воры, тщетно ожидая высшей оны Кор-
оля; наконецъ уже не могъ медлить,
опасаясь неперенѣнія Россіанъ и своихъ
Ляховъ, готовыхъ къ бунту за невыдачу
имъ жалованья⁵⁹⁰, — и 17 Августа под-
писалъ слѣдующія достопамятныя усло-
вія:

1) Святейшему Патриарху, всему Ду- Усло-
ховенству и Синодальному, Дворянамъ и Дья- вѣл.
камъ Думнымъ, Снобникамъ, Дворянамъ,
Спирячимъ, Жильцамъ и Городскимъ
Дворянамъ, Головамъ Стрѣлецкимъ, При-
казнымъ людямъ, Дѣламъ Болрскимъ,

Г. 1610. «госпямъ и купцамъ, Спрѣльцамъ, Коза-
«камъ, пушкарямъ и всѣхъ чиновъ слу-
«живымъ и *Жилецкимъ* людямъ Москов-
«скаго Государства бить челомъ Вели-
«кому Государю Сигизмунду, да пожалуетъ
«имъ сына своего, Владислава, въ Цари,
«коего всѣ Россіяне единодушно желаютъ,
«цѣлуи святой крестъ съ обыномъ слу-
«жить вѣрно ему и попомениву его, какъ
«они служили прежнимъ Великимъ Госу-
«дарямъ Московскимъ.

«2) Королевичу Владиславу вѣнчаться
«Царскимъ вѣнцемъ и діадимою опъ Свя-
«тѣйшаго Патріарха и Духовенства Гре-
«ческой Церкви, какъ издревле вѣнчались
«Самодержцы Россійскіе.

«3) Владиславу Царю блюсти и чинить
«святыя храмы, иконы и мощи цѣлебныя,
«Патріарха и все Духовенство; не опни-
«мать имѣнія и доходовъ у церквей и мо-
«настырей; въ Духовныя и Священныя
«скія дѣла не вступаться.

«4) Не быть въ Россіи ни Латин-
«скимъ, ни другихъ неповѣданий коспе-
«ламъ и молебнымъ храмамъ⁵⁹¹; не скло-
«нить никого въ Римскую, ни въ другія
«Вѣры, и Жидамъ не вѣзжати для тор-
«говли въ Московское Государство.

«5) Не перемѣнять древнихъ обычаевъ.

Г. 1610. «Бояре и всѣ чиновники, воинскіе и зем-
«скіе, будутъ, какъ и всегда, одни Рос-
«сіане; а Польскимъ и Ливонскимъ лю-
«дямъ не имѣть ни мѣстъ, ни чиновъ:
«которые же изъ нихъ останутся при Го-
«сударѣ, имъ же не данъ денеж-
«ное жалованье или помѣстья, не спѣняя
«чести Московскихъ, Болгарскихъ и Княже-
«скихъ родовъ честно новыхъ выходцевъ
«иноземныхъ.

«6) Жалованье, помѣстья и вотчины
«Россіанъ неприкосновенны. Если же нѣ-
«которые надѣлены сверхъ достоинства,
«а другіе обижены, то совѣтоваться Го-
«сударю съ Боярами, и сдѣлать, что уло-
«житъ вмѣстѣ.

«7) Основаніемъ *гражданскаго правосу-
«дія быть Судебнику, коего нужное испра-
«вление и дополненіе зависитъ отъ Госуда-
«ря, Думы Боярской и Земской*⁵⁹².

«8) Уличенныхъ государственныхъ и
«гражданскихъ преступниковъ казнить
«единственно по осужденію Царя съ Бол-
«рами и людьми Думными; имѣніе же
«казненныхъ наследуютъ ихъ невинныя
«жены, дѣти и родственники. Безъ сего
«порочнаго суда Боярскаго никто
«не лишается ни жизни, ни свободы, ни
«чести.

г. 1610. »9) Кто умретъ бездѣтенъ, того имѣ-
ніе отдавать ближнимъ его или кому
онъ прикажетъ⁵⁹³; а въ случаѣ недоумѣ-
нія, рѣшить такіа дѣла Государю съ
Боярами.

»10) Доходы государственные оста-
ются прежніе; а *новыхъ налоговъ не вво-
дитъ Государю безъ согласія Бояръ*⁵⁹⁴, и
съ ихъ же согласія даны льготы обла-
стямъ, помѣстьямъ и вощинамъ разо-
решнымъ въ сіи времена смутныя.

»11) Земледѣльцамъ не переходить ни
въ Липву, ни въ Россію отъ господина къ
господину, и всѣмъ крѣпостнымъ людямъ
быть навсегда такими.

»12) Великому Государю Сигизмунду,
Польшѣ и Липвѣ утвердить съ Вели-
кимъ Государемъ Владиславомъ и съ Рос-
сіею миръ и любовь на вѣки и сношать
другъ за друга прошивъ всѣхъ непріа-
телей.

»13) Ни изъ Россіи въ Липву и Польшу,
ни изъ Липвы и Польши въ Россію
не переводить жителей.

»14) Торговля между обоими Государ-
ствами быть свободною.

»15) Королю уже не приступать къ
Смоленску и немедленно вывести войско
изъ всѣхъ городовъ Россійскихъ; а пла-

»печь изъ Московской казны за убытки г.
ни на жалованье рани Лишовской и Польш- 1610.
ской будить уславленъ въ договоръ осо-
бенномъ.

»16) Всѣхъ плѣнныхъ освободить безъ
выкупа, всѣ обиды и насилія предать
вѣчному забвенію.

»17) Генману отвести Сапѣгу и дру-
гихъ Ляховъ отъ Лжедимирія, вмѣстѣ
съ Боярами взять мѣры для его истре-
бленія, идти къ Можайску, какъ скоро
уже не будетъ сего злодѣя, и тамъ
ждать указа Королевскаго.

»18) Между тѣмъ сношать ему съ вой-
скомъ у Дѣвичьяго монастыря⁵⁹⁵ и не
пускать никого изъ своихъ людей въ
Москву, для пужныхъ покупокъ, безъ до-
зволенія Бояръ и безъ письменнаго вида.

»19) Дочери Воеводы Сендомирскаго,
Маринѣ, ѣхать въ Польшу и не имено-
ваться Государынею Московскою.

»20) Оправиться Великимъ Посламъ
Россійскимъ къ Государю Сигизмунду и
бить челомъ, да крестятся Государь
Владиславъ въ Віру Греческую, и да бу-
дутъ приняты всѣ иныя условія, оста-
вленные Генманомъ на разрѣшеніе Его
Королевскаго Величества⁵⁹⁶.

И такъ Россіяне, бывъ недовольны

Г. собишвеннымъ желаніемъ Царя Василія 1610. умирить Самодержавіе⁵⁹⁷, въ чепыре года перемѣнили мысли и хопѣли еще болѣе оградити верховную власшь, удѣля чашь ея не только Боярамъ, въ правосудіи и въ налогахъ, но и Земской Думѣ въ гражданскомъ законодательствѣ⁵⁹⁸. Они боялись не Самодержавія вообще (какъ увидимъ въ Исторіи 1613 года), но Самодержавія въ рукахъ иноплеменнаго, еще иновѣрнаго Монарха, избираемаго въ крайности, невольно и безъ любви, — и для того предписали ему условія согласныя съ выгодами Боярскаго власшолобія и съ видами хитраго Жолкѣвскаго, кошо-рый, любя вольность, не хопѣлъ пріучить наследника Сигизмундова, будущаго Монарха Польскаго, къ безиредѣльной власни въ Россіи.

Утвердивъ договорную грамоту подписями и печатями — съ одной стороны Жолкѣвскій и всѣ его чиновники, а съ другой Бояре — звали народъ къ присягѣ. Среди Дѣвичьяго поля, въ сѣни двухъ шатровъ великолѣпныхъ, стояли два олшаря, богато украшенные; вокруг олшарей Духовенство, Папріархъ, Священники, съ иконами и крестами, за Духовенствомъ Бояре и сановники, въ оде-

При-
сяга
Вла-
дисла-
ву.

ждахъ блестящихъ серебромъ и золотомъ; Г. 1610. далѣе безчисленное множество людей, ряды конницы и пѣхоты, съ распущенными знаменами, Ляхи и Россіяне. Все было тихо и чинно. Гешманъ, съ своими Воеводами, вступилъ въ шатеръ, приближился къ олшарю, положилъ на него руку и далъ кляпву въ вѣрномъ соблюденіи условій, за Короля и Королевича, Республику Польскую и Великое Княжество Литовское, за себя и войско. Тутъ два Архіерея, обратясь къ Боярамъ и чиновникамъ, сказали громогласно: »Волею Святейшаго Папріарха, Ермогена, призываетъ васъ къ исполненію торжественнаго обряда: цѣлуйте крестъ, вы, мужи »Думные, всѣ Чины и народъ, въ вѣрности къ Царю и Великому Князю Владиславу Сигизмундовичу, нынѣ благополучно избранному, да будетъ Россія, со всѣми »ея жипелями и достояніемъ, его наследственною Державою!« Раздался звукъ ли-павръ и бубновъ, громъ пушечный и кликъ народный: »Многія лѣта Государю »Владиславу! да царствуетъ съ побѣдою, »миромъ и счастьемъ!« Тогда началась присяга: Бояре и сановники, Дворянство и купечество, воины и граждане, числомъ не менѣе шрехъ сотъ тысячъ, какъ увѣ-

Г. 1610. ряютъ⁵⁹⁹, цѣловали крестъ съ видомъ усердія и благоговѣнія. Тогда измѣнники прежніе, Иванъ Салтыковъ, Волуевъ и клеветы ихъ, ревностные участники и главные пособники договора⁶⁰⁰, обнялись съ Москвитянами, уже какъ съ братьями въ общей измѣнѣ Василю и въ общемъ подданствѣ Владиславу!... Гонцы опъ Думы Боярской спѣшили во всѣ города, объявивъ имъ новаго Царя, конецъ смятеніямъ и бѣдствіямъ; а Гепманъ великолѣпнымъ пиромъ въ станѣ угостилъ знатнѣйшихъ Россіянъ, и каждого изъ нихъ одарилъ щедро, раздавъ имъ всю добычу Клушинской битвы, коней Азіатскихъ, богатныя чаши, сабли, и не оставивъ ничего драгоценнаго ни у себя, ни у своихъ чиновниковъ, въ надеждѣ на сокровища Московскія. Первый Вельможа, Князь Мстиславскій, опплатилъ ему такимъ же роскошнымъ пиромъ и такими же дарами богатыми.

Однимъ словомъ, умный Гепманъ достигъ цѣли — и Владиславъ, хотя только Москвою избранный, безъ вѣдома другихъ городовъ, и слѣдственно незаконно, подобно Шуйскому, остался бы, какъ вѣроятно, Царемъ Россіи и перемѣнилъ бы ея судьбу ослабленіемъ Самодержавія —

перемѣнилъ бы тѣмъ, можетъ быть, и Г. судьбу Европы на многіе вѣки, если бы 1610. отецъ его имѣлъ умъ Жолѣвскаго!

Но еще крестъ и Евангеліе лежали на олтаряхъ Дѣвичьяго поля, когда вручили Гепману грамоту Сигизмундову, привезенную Ѳеодоромъ Андроновымъ, Печатникомъ и Думнымъ Дьякомъ⁶⁰¹, усерднымъ слугою Ляховъ, измѣнникомъ Государства и Православія: Сигизмундъ писалъ къ Гепману, чтобы онъ занялъ Москву именемъ Королевскимъ, а не Владиславовымъ; о томъ же писалъ къ нему и съ другимъ, знатнѣйшимъ Посломъ, Гостѣвскимъ. Гепманъ изумился. Торжественно заключить и безстыдно нарушить условія; вмѣсто юноши безпорочнаго и любезнаго, представить Россіи въ Вѣщеносцы спараго, коварнаго врага ея, виновника или пипапеля нашихъ мятежей⁶⁰², извѣснаго ревнишеля Лапинской Вѣры и братства Іезуитскаго; дѣйствовать одною силою съ войскомъ малочисленнымъ противъ цѣлаго народа, ожесточеннаго бѣдствіями, озлобленнаго Ляхами, казалось Гепману болѣе, нежели дерзостію — казалось безуміемъ. Онъ рѣшился исполнить договоръ, упайшь волю Королевскую опъ Россіи и своихъ

г. сподвижниковъ, сдѣлать пребуемое те-
1610. снію и благомъ Республики, вопреки Си-
гизмунду и въ надеждѣ склонить его къ
лучшей Полипикѣ.

Согласно съ договоромъ, надлежало пре-
жде всего отвлечь Ляховъ отъ Самозван-
ца. Сей злодѣй думалъ ослѣпить Жолкѣв-
скаго разными льстивыми увѣреніями:
клялся Царскимъ словомъ выдать Королю
300,000 злотыхъ, и въ печеніе деся-
ти лѣтъ ежегодно плащать Республикѣ
столько же, а Королевичу 100,000 — за-
воевать Ливонію для Польши и Швецію
для Сигизмунда — не стоятъ и за Сѣ-
верскую землю, когда будетъ Царемъ⁶⁰³;
но Жолкѣвскій, извѣстивъ Сапѣгу, что
Россія есть уже Царство Владислава, убѣ-
ждалъ его присоединиться къ войску Рес-
публики, а бродягу унасить къ ногамъ Ко-
ролевскимъ, обѣщая ему за такое смире-
ніе Гродно или Самборъ въ удѣлъ. Послы
Гепмановы нашли Лжедимитрія въ Оби-
тели Угрѣшской⁶⁰⁴, гдѣ жила Марина:
выслушавъ ихъ предложеніе, онъ сказалъ:
»хочу лучше жить въ избѣ крестьянской,
»нежели милостію Сигизмундовою!« Тутъ
Марина вбѣжала въ горницу; пылая гнѣ-
вомъ, злословила, поносила Короля, и съ
насмѣшкою примолвила: »теперь слушай-

»те мое предложеніе: пусть Сигизмундъ г.
уступитъ Царю Димитрію Краковъ и 1610.
»возмездіе опъ него, въ знакъ милости,
»Варшаву«⁶⁰⁵! Ляхи также гордились и не
слушали Гепмана, который, видя необ-
ходимость употребить силу, вмѣстѣ съ
Княземъ Мспиславскимъ и пятнадцатью
тысячами Москвитянъ, выпушилъ про-
тивъ своихъ мятежныхъ единоплемен-
цевъ. Уже начиналось и кровопролитіе⁶⁰⁶; но
малочисленное и худое войско Лжедими-
тріево не могло обѣщать себѣ побѣды:
Сапѣга выѣхалъ изъ рядовъ, снялъ шапку
предъ Жолкѣвскимъ, далъ ему руку въ
знакъ братства — и чрезъ нѣсколько ча-
совъ все умирилось. Ляхи и Россіане
оснавили Лжедимитрія: первые объявили
себя до времени слугами Республики; по-
сѣдніе цѣловали крестъ Владиславу, и
между ими Бояре Князя Туренинъ и Дол-
горукий, Воеводы Коломенскіе⁶⁰⁷; а Само-
званецъ и Марина ночью (26 Августа)^{ство}
ускакали верхомъ въ Калугу, съ Ашаман-^{Самоз-}
номъ Заруцкимъ, съ шайкою Козаковъ,^{зван-}
Татаръ и Россіянъ многихъ.^{ца въ}
^{Калу-}
^{гу.}

Гепманъ дѣйствовалъ усердно: Бояре
усердно и прѣмодушно. Началось непре-
кословно царствованіе Владислава въ Мо-
сквѣ и въ другихъ городахъ: въ Коломнѣ,

г. Туль, Рязани, Твери, Владиміръ, Яросла-
 1610. вль⁶⁰⁸ и далѣе. Молились въ храмахъ за
 Государя новаго; всѣ указы писались, всѣ
 суды производились его именемъ; спѣши-
 ли изобразить оное на медаляхъ и моне-
 тахъ⁶⁰⁹. Многіе радовались искренно, алкая
 пишины послѣ такихъ мятежей бур-
 ныхъ. Многіе — и въ ихъ числѣ Папрі-
 архъ — скрывали горесѣнь, не ожидая ни-
 чего добраго отъ Ляховъ. Всего болѣе
 торжествовали старые измѣнники Ту-
 шинскіе, первые имѣвъ мысль о Влади-
 славѣ⁶¹⁰: Михайло Салтыковъ, Князь Ру-
 бець-Мосальскій и Ѳедоръ Мещерскій,
 Дворяне Кологривовъ, Василій Юрьевъ,
 Молчановъ, бывъ дополь у Сигизмунда,
 явились въ столицѣ съ видомъ лицемѣр-
 наго умиленія, какъ бы великодушные
 изгнанники и спрдадльцы за любовь къ
 отечеству, имъ возвращаемому, мило-
 стію Божіею, ихъ невинностію и добро-
 дѣтелию. Они цѣлою толпою пришли въ
 храмъ Успенія и требовали благослове-
 нія отъ Ермогена, котораго, вѣлѣвъ уда-
 литься одному Молчанову, мнимому ере-
 стику и чародѣю⁶¹¹, сказалъ другимъ: «бла-
 гословляю васъ, если вы дѣйствительно
 «хотите добра Государству; но если вы
 «Ляхи душою, лукавствуете и замышляе-

«не гибель Православія, по клянусь васъ г.
 «именемъ Церкви»⁶¹². Обливался слезами, 1610.
 Михайло Салтыковъ увѣрялъ, что Госу-
 дарство и Православіе спасены на вѣки —
 увѣрилъ, можетъ быть, непритворно,
 желая, чего желала столица вмѣстѣ съ
 значною частію Россіи: Владиславова
 царствованія на заключенныхъ условіяхъ.
 Самъ Гепманъ не имѣлъ иной мысли,
 ежедневными письмами убѣждая Сигиз-
 мунда не разрушать дѣла, счастливо со-
 вершеннаго добрымъ Геніемъ Республики,
 а Болръ Московскихъ плѣня изображе-
 ніемъ злаго вѣка Россіи подъ державою
 Выценосца юнаго, любезнаго, готоваго
 внимать ихъ мудрымъ наставленіямъ и
 быть сильнымъ единственно силою за-
 кона⁶¹³. Жолѣвскій не хотѣлъ явно вла-
 стствовать надъ Думою, довольствуясь<sup>Поли-
 тика
Жолѣв-
скаго.</sup>
 единственно внушеніями и совѣтами. Такъ онъ доказывалъ сѣ необходимость
 изгладить въ сердцахъ память минувша-
 го общимъ примиреніемъ, забыть вину
 клеветниковъ Самозванца, оставить имъ
 чины и дать всѣ выгоды Россіянь без-
 порочныхъ. Бояре не согласились, отвѣт-
 ствуя: «возможно ли слугамъ обманщика
 «равняться съ нами?»... и сдѣлали не
 благоразулино, какъ мыслилъ Жолѣвскій:

Г. 1610. ибо многіе изъ сихъ людей, оскорбленные презрѣніемъ, снова ушли къ Самозванцу въ Калугу. Но Гепманъ умѣлъ выслать изъ Москвы двухъ челоѣкъ, опасаясь ихъ знаменитости и тайнаго неудовольствія: Князя Василя Голицына, одобреннаго Духовенствомъ искашеля Державы, и Филарета, коего сыну желали вѣнца народъ и лучшіе граждане⁶¹⁴: оба, какъ устроилъ Гепманъ, должны были, въ качествѣ Великихъ Пословъ, ѣхать къ Сигизмунду, чтобы вручить ему хартію Владислава избранія, а Владиславу ушваръ Царскую, — пребыть ихъ согласія на сдѣланный договора, нерѣшенныя Гепманомъ, и между тѣмъ служить Королю аманатами: оповѣстивовать своего головою за вѣрность Россіянъ⁶¹⁵! Товарищами Филарета и Голицына были Окольничій Князь Мезецкій, Думный Дворянинъ Сукинъ, Дьяки Луговскій и Сыдавинъ-Васильевъ, Архимандринъ Новоспасскій Евфимій, Келарь Лавры Аврамій, Угрѣшскій Игуменъ Иона и Вознесенскій Протоіерей Кирилль⁶¹⁶. Оспѣвъ молебень съ колѣнопреклоненіемъ въ Соборѣ Успенскомъ, давъ Посламъ благословеніе на путь и грамоту къ юному Владиславу о величій и православіи Россіи⁶¹⁷, Ермогенъ

Посольство къ Королю.

заклиналъ ихъ не измѣнять Церкви, не плѣняясь *мірскою лестію* — и ревностный Филаретъ съ жаромъ произнесъ обѣтъ умереть вѣрнымъ. Сіе важное, великолѣпное Посольство, сопровождаемое множествомъ людей чиновныхъ и пѣтьюстами воинскихъ, выѣхало 11 Сентября изъ Москвы.... а чрезъ десять дней Ляхи были уже въ стѣнахъ Кремлевскихъ!

Такимъ образомъ случилось первое нарушеніе договора, по коему надлежало Гепману отступить къ Можайску⁶¹. Упопребили лукавство. Опасаясь непостоянства Россіянъ, и желая скорѣе имѣть все въ рукахъ своихъ, Гепманъ склонилъ не только Михайла Салтыкова съ Тушинскими измѣнниками, но и Мстиславскаго, и другихъ Бояръ лекоумныхъ, хопя и чесныхъ, *требовать* вступленія Ляховъ въ Москву для усмиренія мятежной черни, будио бы готовой призвать Лжедмитрія⁶¹⁹. Не слушали ни Патриарха, ни Вельможъ благоразумнѣйшихъ, еще ревностныхъ къ государственной независимости. Впустили иноземцевъ ночью; Вступили имъ свернуть знамена, ийти безмолвно въ тишинѣ пустыхъ улицъ⁶²⁰, — и жили на разсвѣтъ увидѣли себя какъ плѣнники между воинами Королев-

Г. 1610.

Вступленіе Поляковъ въ Москву.

г. 1610. скими; изумились, негодовали, однакожь успокоились, вѣря торжественному объявленію Думы, что Ляхи будутъ у нихъ не господствовать, а служить: хранишь жизнь и досполніе Владиславовыхъ подданныхъ. Сіи мнимые хранители заняли всѣ укрѣпленія, башни, вороши въ Кремлѣ, Кипавъ и Бѣломъ городѣ; овладѣли пушками и снарядами, расположились въ палатахъ Царскихъ и въ лучшихъ домахъ цѣлыми дружинами для безопасности. По крайней мѣрѣ не дерзали своевольствовать, ни грабить, ни оскорблять жителей; избрали чиновниковъ, для доставленія запасовъ войску, и судей для разбора всякихъ жалобъ. Гепманъ властвовалъ, но только указами Думы; изъявлялъ снисходительность къ народу, честилъ Болръ и Духовенство. Дворецъ Кремлевскій, гдѣ пили и веселились сонмы иноплеменныхъ рабниковъ, уподоблялся шумной гостиницѣ; Кремлевскій домъ Борисовъ, запавшій Жолкѣвскимъ, представлялъ благолѣпіе истиннаго дворца, ежечасно наполняясь, какъ въ Θεодорово время⁶²¹, знаменѣйшими Россіянами, которые искали тамъ совѣща въ дѣлахъ опеченства и милостей личныхъ: такъ Гепманъ имѣемъ Царя Владислава далъ первому Болрину,

Князю Мстиславскому, не хотѣвшему г. 1610. быть Вѣнценосцемъ, санъ *Конишаго* и *Слуги*⁶²². Утративъ честь, хвалились иншиною, даромъ умнаго Жолкѣвскаго! Довольные пѣмъ, что онъ не выпустилъ Сапѣги съ шайками разбойниковъ въ столицу, выдавъ ему изъ Царской казны 10,000 злотыхъ и склонивъ его идти на зиму въ Стверскую землю⁶²³, Россіяне спокойно видѣли несчастнаго Василя въ рукахъ Ляховъ: вопреки намѣренію Болръ удалили сего невольнаго Пюка въ Соловки, Гепманъ послалъ его съ Липовскими Приснавами въ Юсифовскую Обитель, чтобы имѣть въ немъ залогъ на всякій случай. Россіяне снесли также избраніе Ляха Гостѣвскаго въ Предводители осмнадцати тысячъ Московскихъ Спрѣльцевъ, которые со временъ Разстриги, едва не спасеннаго ими⁶²⁴, уже чувствовали свою силу и могли быть опасны для иноплеменниковъ: Гостѣвскій списалъ ихъ любовь ласкою, щедростію и пирами. »Упорствовалъ въ зложелательствѣ къ намъ» — пишущъ Ляхи⁶²⁵ — »только восьмидесяти-лѣтній Папіріархъ, болсъ Государя иновѣрнаго; но и его, уже хладное, загрубѣлое сердце смягчалось привѣтливостію и любезными обхожденіемъ

Г. 1610. »Гешмана, въ частыхъ съ нимъ бесѣдахъ
»всегда хвалившаго Греческую Вѣру, такъ,
»что и Патріархъ казался наконецъ
»искреннимъ ему другомъ.« Ермогенъ былъ
другомъ единственно опечесива, и въ
глубокой старости еще пылалъ духомъ,
какъ увидимъ скоро!

Утвердивъ спокойствіе въ Москвѣ, и
занявъ опрѣдамъ всѣ города Смоленской
дороги для безопаснаго сношенія съ Ко-
ролемъ, Гешманъ ждалъ неперпѣливо въ-
сшей изъ его шана; ждалъ согласія ду-
ши слабой на дѣло смѣлое, великое — и
рѣшительно увѣрялъ Бояръ въ немедлен-
номъ прибытіи къ нимъ Владислава.
Но судьба, благословенная для Россіи, вле-
кла ее къ другому назначенію, готова ей
новыя искушенія и новыя имена для без-
смертія!

Какъ несчастный Царь Василій съ
своими братьями завидовалъ Князю Ми-
хаилу Шуйскому, такъ Сигизмундъ съ
своими Панами завидовалъ Гешману, хопя
слава обоихъ великихъ мужей была сла-
вою ихъ опечесива и Государя: ослѣпле-
ніе спрасшей, удивительное для разума,
и тѣмъ не менѣе обыкновенное въ дѣй-
ствіяхъ человѣческихъ! Недоброжелатели
Гешмановы, Попоцкіе и друзья ихъ, го-

ворили Королю: »Не успѣхи случайные, Г.
»но правила твердыя, внушаемая зрѣлою 1610.
»мудростію, должны быть намъ руко-
»водствомъ въ дѣлѣ столь важномъ. Из-
»влекая мечъ, пы, Государь, объявилъ,
»что думаешь единственно о благѣ Рес-
»публики: теперь, имѣя случай распро-
»спранить ея владѣнія, можешь ли упу-
»стить его только для чести видѣть
»сына на пресполѣ Московскомъ? Отдашь
»ли пятнадцати-лѣтняго юношу, безъ
»совѣтниковъ и блюстителей, въ руки
»людей, упоенныхъ духомъ мятежа и кра-
»молы? Чпо опвѣспивуешь за ихъ вѣр-
»ность и безопасность сего престола,
»обліяннаго кровію? Не скажутъ ли на-
»родъ пивой, ревнишель свободы, чпо
»пы плѣняешься властію Самодержавною?
»Если же Царство Россійское споль за-
»видно, то, взявъ Смоленскъ, иди въ Мо-
»скву, и собственною рукою, какъ побѣ-
»дитель, возьми ея державу«⁶²⁶! Хопя раз-
судительные Вельможи, Левъ Сапѣга и
другіе, умоляли Короля немедленно при-
нять договоръ Гешмановъ, немедленно
отпустить Владислава въ Москву, дашь
ему Жолкѣвскаго въ пашавники и легіонъ
Поляковъ въ блюстители, обогатить
казну Республики казною Царскою, удо-

Г. 1610. влєпворить ею вѣмъ требованіямъ войска, — наконецъ утвердиль вѣчный союзъ Липвы съ Россією; но Король слѣдовалъ мнѣнію первыхъ совѣтниковъ: хотѣлъ самъ быть Царемъ или завоевателемъ Россіи — и въ семъ расположеніи ждалъ Пословъ Московскихъ, Филарета и Голицына, коихъ личное избраніе — по еснѣ, удаленіе — должно было содѣйствовать видамъ хитраго Гепмана⁶²⁷, но обратилось единственно во славу ихъ великодушной твердости, безъ пользы для Липвы, безъ пользы и для Россіи, кромѣ чести имѣть такихъ мужей государственныхъ!

Между другихъ вѣря Гепману, или Сигизмунду, они еще съ дороги извѣстили Думу, что вопреки условіямъ Ляхи грабиль въ Уѣздахъ Осиашкова, Ржева и Зубцова; что Сигизмундъ велитъ Дворянамъ Россійскимъ присягать ему и Владиславу вмѣстѣ⁶²⁸, обѣщая имъ за то жалованье и земли. 7 Октября Послы увидѣли Смоленскъ и станъ Королевскій, куда ихъ не впустили: указали имъ мѣсто на пустомъ берегу Днѣпра, гдѣ они расположились въ шатрахъ, терпѣть ненастье, холодъ и голодъ... Тѣ, которые предлагали Царство Владиславу, требо-

вали пищи отъ Сигизмунда, жалуются на Г. 1610. бѣдность, слѣдствіе долговременныхъ опустошеній и мнѣжій въ Россіи; а Вельможи Липовскіе отвѣчали: «Король здѣсь на войнѣ, и самъ терпитъ нужду»⁶²⁹! Представленные Сигизмунду (12 Октября), Голицынъ, Мезецкій и Дьяки, — одинъ за другимъ, какъ обыкновенно — торжественными рѣчами изъяснили вину своего Посольства, и сказали, что Шуйскій добровольно оставилъ Царство, именемъ Россіи били челомъ о Владиславѣ. Вместе Короля, гордо спѣвъспивовалъ Канцлеръ Сантъга: «Всебѣчный Богъ боговъ назначилъ степени для Монарховъ и подданныхъ. Кто дерзаетъ возноситься выше своего званія, того Онъ казнитъ и низвергаетъ: казнилъ Годунова и низвергнулъ Шуйскаго, Вънценосцевъ рожденныхъ слугами!... Вы узнаете волю Королевскую.» И чрезъ нѣсколько дней объявили имъ сію волю!

Какъ ни важны были сдѣланныя договора, уступленные Жолкѣвскимъ; хотя Патриархъ и Бояре въ наказъ, данномъ Посламъ, велѣли имъ неопуступно «требовать и молить слезно, чтобы Королевичъ» — находившійся тогда въ Литвѣ — «принялъ Греческую Вѣру отъ Филарета

Дѣйствія
По-
словъ
Мо-
сков-
скихъ.

Г. 1610. »и Смоленскаго Епископа, ѣхалъ въ Мо-
 »скову уже православный, и пѣмъ отвѣра-
 »шилъ соблазнъ, нестерпимый и въ Поль-
 »шѣ, гдѣ Государи должны были всегда
 »одной Вѣры съ народомъ«⁶³⁰: по царство-
 »ваніе Владислава зависѣло единственно
 »отъ согласія Королевскаго на спашьи
 »утвержденныя Гепманомъ: ибо Россіяне
 »цѣловали крестъ первому безъ всякой ого-
 »ворки, довольствуясь надеждою склонили
 »его къ своему Закону уже въ Царскомъ
 »санѣ. Главнымъ дѣломъ для Пословъ бы-
 »ло возвратиться въ Москву съ Влади-
 »славомъ, дать отца сиротамъ«⁶³¹, жизнь,
 »душу соспаву государевенному, полу-
 »мертвому безъ Государа... И что же?
 »Вельможи Королевскіе объявили имъ въ
 »самомъ началѣ переговоровъ, что Влади-
 »славъ малолѣтний не можетъ устроитъ
 »Царства смятеннаго; что Сигизмундъ
 »долженъ прежде утишить оное и занять
 »Смоленскъ, будто бы преклонный къ Лже-
 »димитрію«⁶³². Послы отвѣчали: »Короле-
 »вичъ молодъ, но Богъ устроитъ Держа-
 »ву разумомъ его и счастьемъ, нашимъ
 »радѣніемъ и вашими совѣтами, Вельможи
 »Думные. Смоленскъ не имѣетъ нужды
 »въ войнахъ иноземныхъ: оказавъ столько
 »вѣрности во времена самыя бѣдствен-

ныя, сколько доблести въ защитѣ про- Г.
 »павъ васъ, измѣнилъ ли чести нынѣ, 1610.
 »чтобы служить бродягъ? Ручаемся вамъ
 »душали за Боярина Шеина и гражданъ:
 »они искренно, вмѣстѣ съ Россією, при-
 »сягнути Владиславу«⁶³³. Для чего же и
 »не Сигизмунду? возразили Паны: Государи
 »суть земные Боги, и воля ихъ священна.
 »Вы оскорбляете Короля своимъ недовере-
 »ніемъ, дерзая раздѣлять отца съ сыномъ:
 »Смоленскъ долженъ присягнуть или обоимъ.
 »Филаретъ и Голицынъ изумились. »Мы
 »избрали Владислава, а не Сигизмунда,«
 »сказали они: »и вы, избравъ Шведскаго
 »Принца въ Короли, не цѣловали креста
 »родителю его, Іоанну.« Сравненіе нелѣпое!
 »воскликнули Паны: Іоаннъ не спасалъ на-
 »шей Республики, какъ Сигизмундъ спа-
 »саетъ Россію: ибо, взявъ Смоленскъ, древ-
 »нюю собственность Литвы, пойдетъ съ
 »войскамъ къ Калугѣ, чтобы истребить
 »Лжедимитрія и тѣмъ успокоитъ Москву,
 »гдѣ еще не все жители усердствуютъ Ко-
 »ролевицѣ, — гдѣ много людей зломыслен-
 »ныхъ и мятежныхъ. »Нѣтъ надобности
 »Сигизмунду« — говорилъ Послы — »и для
 »великаго Монарха униженіемъ ипши са-
 »мому пропавъ злодѣя Калужскаго: пусть
 »великъ только Жолѣвскому соединитъ-

г. 1610. «ся съ Россiянами, чтобы общими силами
«истребить его, какъ уславлено въ до-
«говорѣ! Походъ Королевскій внутрь Го-
«сударства разореннаго еще умножилъ бы
«зло. Ты, Левъ Сапѣга, бывалъ въ Россiи;
«зналъ ея богатство, многолюдство, цвѣ-
«тущіе города и селенія: нынѣ осталась
«единственно пѣнь ихъ, пепелища, обго-
«рѣлыя стѣны; жилища и жилища, отведе-
«ны плѣнниками въ Ливву, разбѣжались
«въ чужія земли.... А кто виною? ваши
«грабители еще болѣе, нежели Самозван-
«цы: да удалятся же на вѣки, и Россiя
«будетъ, что была, — по крайней мѣрѣ
«въ теченіе времени. Гнусный Лжедими-
«трій и безъ вашего содѣйствія исчез-
«нетъ. Упорнѣйшіе изъ клеветниковъ Ту-
«шинскихъ и чужіе города, обольщенные
«именемъ Димитрія, возвратились подъ
«знамя отечества, какъ скоро услышали
«о новомъ Царѣ законномъ. Вы говорите
«о Московскихъ мятежникахъ: ихъ не
«знаемъ, видѣвъ собственными глазами,
«что все, *отъ мала до велика*, и шамъ и
«въ другихъ городахъ цѣловали крестъ
«Владиславу съ живѣйшею радостію. Нѣтъ,
«Синклитъ и народъ немедленно казнили
«бы первого, кто дерзнулъ бы измѣнить
«святому обѣщу вѣрности. Однимъ сло-

вомъ, исполните только договоръ, утвер- г. 1610.
«жденный клятвою Гетмана отъ имени
«Короля и Республики. Дѣло было конче-
«но, къ обоюдному удовольствію: не вы-
«мыслили новаго, чтобы *нашедши не*
«*потерять и не каяться*⁶³⁴. Въ случаѣ въ-
«роломства, какія опікуются бѣдствія!
«Вы знаете, что Государство Москов-
«ское обширно: еще не все разрушено, не
«все пало; сѣнь Новгородъ Великій, мно-
«гочисленная земля Поморская и Низовая⁶³⁵;
«сѣнь Царство Казанское, Астраханское
«и Сибирское! Не снесутъ обмана, и воз-
«станутъ.... Господь да спасетъ и васъ
«и насъ отъ слѣдствій ужасныхъ!»

Послы вѣдали Дѣлку читають Гетма-
новы условія: Паны не хотѣли слушать⁶³⁶;
но вдругъ какъ бы одумались, и ссылаясь
на сей договоръ⁶³⁷, требовали милліоновъ
въ уплату жалованья Королевскому и да-
же Сапѣгину войску.... «За толи,» спро-
силъ Голицынъ, «что Сапѣга, клеветъ
«низкаго злодѣя, обнажилъ наши церкви,
«иконы, гробы Священныхъ, и пилъ кровъ
«Христіанъ? Да и войско Королевское что
«сдѣлало и дѣлаетъ въ Россiи? губитъ
«людей и достояніе; какое право на мзду
«и благодарность? Но когда успокоился
«Держава, тогда Царь Владиславъ, Па-

г. 1610. »пріархъ, Бояре и Чины Государствен-
ные условяшся съ Сигизмундомъ о воз-
награжденіи вашихъ убытковъ. Договоръ
»помнимъ; хотѣли напомнить его вамъ,
»и спрашиваемъ: даетъ ли Король сына
»на престолъ Московскій?«... *Жауется*,
сказали наконецъ Паны (Октябръ 23).
Тутъ Филаретъ, Голицынъ, Мезецкій,
вспали и поклонились до земли, изъясняя
радость, слава мудрость Сигизмундову и
счастливое царствованіе Владислава; а
Левъ Сапѣга, въ опѣтъ на спашьи, не-
рѣшенные Гешманомъ, объявилъ Корольс-
скимъ именемъ: 1) что въ *крещеніи* и же-
нидбѣ Владислава *воленъ Богъ и Влади-*
*славъ*⁶³⁸; 2) что онъ не будетъ сносить-
ся о Вѣрѣ съ Папою; 3) что смертная
казнь для опметниковъ Греческаго испо-
вѣданія въ Россіи⁶³⁹ утверждается; 4) что
о числѣ Ляховъ, коимъ бытъ при особѣ
Царя, Послы могутъ условишся съ нимъ
самимъ; 5) что всѣ иныя желанія и тре-
бованія Россіянъ предлагаются Сейму въ
Варшавѣ, гдѣ, *съ его согласіа*, Король дастъ
имъ сына въ Цари, но *прежде занявъ Слю-*
ленскъ, истребивъ Лжедимитріа и совер-
шенно умиривъ Россію.... Тутъ исчезла
радость Пословъ! Паны изъясняли имъ,
что если бы Сигизмундъ, не сдѣлавъ ни-

чего, выступилъ изъ Россіи, по вольные г.
Ляхи и Козаки, числомъ не менѣе осьми- 1610.
десяти тысячъ въ ся предѣлахъ⁶⁴⁰, сое-
динились бы съ Лжедимитріемъ; что Ко-
роль хочетъ Смоленска не для себя, а
для Владислава: ибо оставитъ ему все
въ наслѣдство, и Литву и Польшу; что
Смоленскіе граждане должны присягнуть
Королю единственно изъ чести! Но Фи-
ларетъ и Голицынъ, видя намѣреніе Си-
гизмунда только мантишь Россію Влади-
славомъ и взять ее себѣ въ добычу, или
раздробить, выразили негодованіе столь
сильно, что гитвыные Паны уже не хотѣ-
ли говорить съ ними, воскликнувъ: »ко-
»нецъ терпѣнію и Смоленску! На васъ бу-
»детъ его пемель и кровь жителей!«

О семъ худомъ успѣхѣ Посольства свѣ-
дали въ Москвѣ съ равною горестію и
Бояре благонамѣренные и Гешманъ че-
столюбивый, который, все еще увѣряя
ихъ въ непремѣнномъ исполненіи своего
договора, рѣшился употребить крайнее
средство: оставитъ Москву, только имъ
ушишаемую, и лично объяснитъ съ Ко-
ролемъ. Сами Россіяне удерживали, закли-
нали его не предавать столицы опасно-
стямъ безначалія и мятеежей. Пожавъ ру-
ку у Князя Мстиславскаго, онъ сказалъ

Г. ему: «ѣду довершишь мое дѣло и покой-
1610. »спивіе Россіи;» а Ляхамъ: «я далъ слово
»Боярамъ, что вы будете вести себя
»примѣрно для вашей собственной без-
»опасности; поручаю вамъ Царство Вла-
»дислава, честь и славу Республики.»
Преемникомъ его, то есть, истиннымъ
градоначальникомъ Москвы, надлежало
быть Ляху Гостѣскому, съ усердною по-
мощію Михайла Салныкова и Дьяка Фе-
дора Андропова, названнаго Государствен-
нымъ Казначеемъ⁶⁴¹. Успроивъ все для

Опш- храненія пишицы, Жолкѣвскій съѣхъ въ
ѣздъ колесницу и тихо ѣхалъ Москвою, про-
Жол- вождаемый Синклипомъ и толпами жи-
кѣв- цевъ. Улицы и кровли домовъ были на-
скаго. полнены людьми. Вездѣ раздавались гром-
кіе клики: желали ему счастливаго пути

и скорого возвращенія! Сіе торжество
Шуй- Гепманово ознаменовалось дѣломъ без-
скій пре- славнѣйшимъ для Боярской Думы: она
данъ Поля- выдала бывшаго Царя своего иноплемен-
камъ. нику! Жолкѣвскій взялъ съ собою двухъ
братъевъ Василѣвыхъ — и народъ Мо-
сковскій любопытно смотрѣлъ, какъ ихъ
везли въ особенныхъ колесницахъ предъ
Гепманомъ! Женѣ Князя Дмитрія Шуй-
скаго дозволили ѣхать съ мужемъ⁶⁴²; а
несчастную Царицу удалили въ Суздаль-

скую Дѣвичью Обитель. Гепманъ захватилъ г.
въ Іосифовъ монастырь, взялъ тамъ са- 1610.
мого Василия и въ мірской, Лишовской
одеждѣ, какъ узника, повезъ къ Сигиз-
мунду! «О время ещѣ и безчувствія!»
восклицаетъ современникъ: «Мы забыли
»Бога! Какой отвѣтъ дадимъ Ему и лю-
»дямъ? Что скажемъ чужимъ Государ-
»ствамъ себѣ въ оправданіе, самовольно
»опидавъ Царство и Царя въ плѣнъ ино-
»вѣрнымъ? Не многіе злодѣйствовали; но
»мы видѣли и шерстили, не имѣвъ вели-
»кодушія умереть за добродѣтель»⁶⁴³. Такъ
лучшіе Россіане скорбѣли внутренно, и
въ искреннемъ негодованіи готовились,
еще не зная и не думая, къ возстанію
опичалшому: часъ приближался!

Гепмана встрѣтили пышно, Воеводы
Королевскіе и Сенапоры; говорили ему
рѣчи и славили его какъ Героя. Жолкѣв-
скій, вмѣстѣ съ профессіи, представилъ
Сигизмунду и своего Державнаго плѣнни-
ка, въ богатой одеждѣ⁶⁴⁴. Всѣ взоры сосре-
доточились на Василія, безмолвнаго и непо-
движнаго. Хотѣли, чтобы онъ поклонил-
ся Королю: *Царь Московскій*, опивѣтство-
валъ Василій, *не кланяется Королямъ.*
Судьбами Всевышняго я плѣнникъ, но
взять не вашими руками: выданъ вамъ

Г. *моими подданными измѣнниками*⁶⁴⁵. »Его
1610. »твердость, величіе, разумъ заслужили
»удивленіе Ляховъ,« говоритъ Лѣтопи-
сецъ: »и Василій, лишенный вѣнца, сдѣ-
»лался честію Россіи.« Онъ еще имѣлъ
нужду въ сей твердости, чтобы вели-
кодушно сносить неволю, и тѣмъ запла-
тить послѣдній долгъ отечеству, въ удо-
стовереніе, что оно могло безъ стыда
именовать его четыре года своимъ Вѣн-
ценосцемъ!... Изъявивъ Гешману благо-
дарность за мнимую славу имѣть тако-
го плѣнника и за мнимое *возвѣщеніе* Москвы,
Король не хотѣлъ однакожь утвердить
его договора. Напрасно Жолкѣвскій дока-
зывалъ, грозилъ: доказывалъ, что воцѣ-
реніемъ Королевича Московская и Поль-
ская Держава будутъ навѣки единою къ
ихъ обоюдному счастью, и что никогда
первая не признаетъ Сигизмунда Царемъ;
грозилъ новою, жестокою, необозримою
въ бѣдствіяхъ войною. Считая Гешмана
пристрастнымъ къ своему дѣлу и жад-
нымъ къ личной славѣ, Сигизмундъ не
вѣрилъ ему; подтвердилъ, что занятіе Смо-
ленска необходимо для блага Республики
и для его Королевской чести; наконецъ
велѣлъ самому Жолкѣвскому склонять

Пословъ Московскихъ къ уступчивости и
миролюбивой. 1610.

Съ опчаяніемъ въ сердцѣ Гешманъ
долженъ былъ исполнить Королевскую
волю; но, властвуя надъ собою, въ пере-
говорахъ съ Филаретомъ и Голицынымъ
казался убѣжденнымъ въ ея справедливо-
сти, и пребывалъ отъ нихъ Смоленска
единственно въ залогъ временный, для
безопаснаго сообщенія войска Сигизмун-
дова съ Липовою. »Вы боялись« — сказалъ
онъ — »впустишь насъ и въ Москву; а
»впустивъ, радовались! Не упорствуйте,
»или договоръ, заключенный мною съ ва-
»ми, споль благонамѣренный, споль бла-
»гословенный для обѣихъ Державъ, уни-
»чижится неминуемо. Король думаетъ,
»что не взявъ Смоленска есть для него
»безчестіе; возьметъ силою, и сполько изъ-
»уваженія къ моему ходапайству медлитъ:
»сѣкира лежитъ у корня!« Не хотѣли
дать времени Посламъ описатьъ съ Мо-
сковю, говоря: »не Москва указываетъ
»Королю, а Король Москвѣ«⁶⁴⁶; пребывали
неукоснительнаго рѣшенія. Въ сихъ об-
стоятельстввахъ Филаретъ и Князь Го-
лицынъ совѣщались съ чиновниками и
Дворянами Посольскими; желали знать
мнѣніе и *Смоленскихъ* Дѣтей Боярскихъ,

г. 1610. которые прѣѣхали съ ними, усердно служивъ Шуйскому до его низверженія. Всѣ оповѣстествовали: »Не вводите въ Смоленскъ ни единого Ляха. Если Король »дерзнетъ лить кровь, то она будетъ »на немъ, въроломномъ; имъ, не нами свя- »щенный договоръ рушится.« Дѣти Болгарскіе примолвили: »Наши матери и жены »въ Смоленскѣ: пустьъ памъ гибнутъ; но »города вѣрнаго не отдавайте Ляхамъ. И »знайте, что вы не можете опадать его: »защитники Смоленскіе не послушаются »васъ, какъ измѣнниковъ«⁶⁴⁷. Съ твердостью отказавъ Панама, Филаретъ и Голыцынъ еще слезно заклинали ихъ не испровергать дѣла Гейсманова и бытъ навѣки братьями Россіянъ; но тщетно! 21 Ноября Ляхи, новымъ подкопомъ взорвавъ Грановитую башню и часть городской стѣны, съ Нѣмцами и Козаками устремились къ Смоленской крѣпости; приступали три раза и были славно отражены Шеиномъ, въ глазахъ Сигизмунда, Гейсмана и нашихъ Пословъ!... Еще переговоры длились, хотя и бесполезно. Послы Россійскіе жили въ тѣсномъ заключеніи: имъ не дозволили писать въ Смоленскъ; мѣшали сношеніямъ ихъ съ Москвою и съ другими городами, такъ,

Неудачные приступы къ Смоленску.

что они долгое время не имѣли никакихъ вѣстей, никакихъ предписаній отъ Думы Болгарской⁶⁴⁸, слыша единственно отъ Пановъ, что Шведы воюютъ Россію, и Самозванецъ усиливается въ Калугѣ, ожидая къ себѣ Крымцевъ и Турковъ въ сподвижники; что Король Датскій готовился взять Архангельскъ; что всѣ возстаютъ, всѣ идутъ на Россію; что она гибнетъ, и можетъ быть спасена только великодушнымъ Сигизмундомъ.

Россія дѣйствительно гибла, и могла бытъ спасена только Богомъ и собственною добродѣтелию! Столица, безъ осады, безъ приступа взятая иноплемениками, казалась нечувствительною къ своему уничтоженію и спыду. Болгары сидѣли въ Думѣ и писали указы, но слушаясь Голышова, который, уже зная Сигизмундову волю отвергнуть договоръ Гейсмановъ, и предвидя слѣдствія, употреблялъ всѣ нужныя мѣры для своей безопасности: высылалъ Спрѣльцевъ изъ Москвы, чинобы уменьшить въ ней число людей рабныхъ; велѣлъ испребить все рогаки на улицахъ⁶⁴⁹; запрещалъ жителямъ носить оружіе, толпиться на площадяхъ, выходить ночью изъ домовъ,

1610.

Г. и вездѣ усилилъ спражу⁶⁵⁰. Выгнали Дворянъ и богатѣйшихъ купцевъ изъ Кишиня и Бѣлаго города за валъ Деревлянинаго, чтобы въ ихъ домахъ помѣстить Пѣльцевъ и Ляховъ. Однакожъ благоразумныя предписанія Гешмановы исполнялись спорого: не касались ни чести, ни собственности жителей, ни святыни церквей; наглость унимали и наказывали безъ милосердія. Одинъ Лихъ выстрѣлилъ въ икону Богоматери, другой обезчестилъ дѣвицу: ихъ судили, и перваго сожгли, а втораго высѣкли кнутомъ⁶⁵¹. Еще пищина царствовала, и Москвитяне пировали съ Ляхами, скрывая взаимное опасеніе и непріязнь, называясь братьями *и пося камень за пазухою*, какъ говоритъ Историкъ-очевидецъ⁶⁵². Лихи не вѣрили шериѣнїю Россіянъ, а Россіане доброму намѣренію Ляховъ, видя ихъ незаконное господство въ столицѣ, удобное только немногимъ знатнымъ крамольникамъ: Салтыкову, Рубцу-Мосальскому и другимъ Тушинскимъ злодѣямъ, которые хопя и предлагали иноплеменику условія благовидныя для нашей свободы, но вмѣсто Владислава готовы были опадать Россію и Сигизмунду безъ всякихъ условій, чтобы подъ его державою спастись отъ пра-

ведной казни. Сильные мечемъ Ляховъ, Г. они законодательствовали въ робкой Думѣ, утверждая Князя Мстиславскаго и другихъ Боярѣ слабыхъ въ надеждѣ, что Сигизмундъ дастъ имъ сына въ Цари, не взирая на свою медленность и требованія несправедливыя. Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Дума знала, что ~~они~~ Послы живутъ у Короля въ неволѣ; знала о прислупѣ Ляховъ къ Смоленску, и все еще ждала Владислава⁶⁵³! Долго молчавъ, Король написалъ къ ней, что онъ не предастъ Россіи въ жертву злодѣю Калужскому и гнуснымъ его сообщникамъ⁶⁵⁴: долженъ искоренить ихъ, смирить мятежный Смоленскъ — и тогда возвратится въ Липву, чтобы на Сеймѣ, въ присутствіи нашихъ Пословъ, утвердить договоръ Московскій. Между тѣмъ Король ^{Самотъ} ~~отъ~~ ^{собственнаго имени} давалъ указы Думѣ о вознагражденіи Боярѣ и сановниковъ, ^{власіе} ~~Сигизмунда~~ къ нему усердныхъ: Салтыковыхъ, Мосальскаго, Хвороспинина, Мещерскаго, Долгорукаго, Молчанова, Печатника Грамошина и другихъ, разоренныхъ Шуйскимъ⁶⁵⁵; жаловалъ чины и мѣста, земли и деньги; однимъ словомъ, уже дѣйствовалъ какъ Властелинъ Россіи, не имѣя ни тѣни права, — и Дума уважала его

Г. 1610. волю, какъ будто бы нераздѣльную съ волею Царя малолѣтняго⁶⁵⁶! И люди знатные ѣздили изъ Москвы въ станъ Королевскій, просить милостей, равно незаконныхъ и срамныхъ⁶⁵⁷!... Уже народъ, менѣе Думы перпѣливый, изъяслялъ досаду, не видя Владислава, и Бояре, опасаясь мятежа, заклинали Сигизмунда удовлетворить сему неперпѣнію безъ оплагательства и безъ Сейма: о Владиславѣ не было слуха, а Король заботился единственно о взятіи Смоленска!

Въ такомъ положеніи могла ли столица съ ея мнимымъ Правительствомъ быть главою и душою Государства? Все волновалось въ неустройствѣ, безъ связи въ частяхъ цѣлаго, безъ единства въ движеніяхъ. Областные жители, присягнувъ Королевичу, съ неудовольствіемъ слышали о господствѣ Лиховъ въ столицѣ, съ негодованіемъ видѣли ихъ чиновниковъ, разосланныхъ Гешманомъ и Гостѣвскимъ для собранія дани на жалованье Королевскому войску⁶⁵⁸. Вездѣ кричали: »Мы при-» сягали Владиславу, а не Гешману и не » Гостѣвскому!« Жалобы еще удвоились отъ неисповѣства Лиховъ, которые вели себя благоразумно въ одной Москвѣ: презирал договоръ, они не только не выходили изъ

Не-
тер-
пѣніе
наро-
да.

нашихъ городовъ, не только самоволь- Г. 1610.
ствовали въ нихъ и грабили, но и жгли, мучили, убивали Россіянъ⁶⁵⁹. Гдѣ нѣтъ защиты отъ Правительства, тамъ нѣтъ къ нему и повиновенія. Новгородцы за-творили ворота, и долго не хотѣли впус-пустить Болрина Ивана Салтыкова, из-вѣстнаго друга Гешманова, присланнаго къ нимъ Думою съ дружинами Спирѣльцевъ, чѣмъ бы выгнать Шведовъ изъ сѣ-верной Россіи: ибо союзникъ Делагарди, послѣ несчастной Клушинской битвы не-опуступая къ Финляндскимъ границамъ, <sup>прі-
те-
ль-
скія
дѣй-
ствія</sup> уже дѣйствовалъ какъ непріятель; занявъ Ладогу, осадилъ Кексгольмъ, и съ горестію воиновъ мыслить омиать Царство у Вла-<sup>Дела-
гарди.</sup>дислава, самъ собою, безъ вѣдома Карло-ва, поржественно предлагая одного изъ Шведскихъ Принцевъ намъ въ Государи⁶⁶⁰. Давъ клятву Новгородцамъ не вводить къ нимъ ни одного Ляха, Салтыковъ убѣ-дилъ ихъ, какъ подданныхъ Владиславо-выхъ, содѣйствовать ему въ изгнаніи Шведовъ и въ усмиреніи мятежниковъ: вышѣняялъ первыхъ изъ Ладоги, но не могъ выгнать изъ Россіи, — ни смиритъ Зло-<sup>дѣй-
ства</sup> Пскова, гдѣ еще царствовало имя Лжеди-<sup>Лисов-
скаго.</sup>мипрія, и гдѣ злодѣйствовалъ Лисовскій⁶⁶¹, Ли-шоргуя добычею разбоевъ и свяшопаш-

Г. 1610. сша, пируя съ жителями какъ съ бра-
шьями и грабя ихъ какъ непріятель⁶⁶²
Великія Луки, занятыя его сподвижни-
комъ, измѣнникомъ Просовецкимъ, Яма,
Иваньгородъ, Копорье, Орѣшекъ также
упорствовали въ вѣрности къ Самозван-
цу, оцъ ненависти къ Ляхамъ. Сія нена-
висть произвела тогда еще новую, рази-
тельную измѣну. Знамениная именемъ
Измѣ-на Ка-запц. Царства, Казань, въ счастливѣйшіе дни
Тушинскаго злодѣя бывъ вѣрною Москвѣ⁶⁶³,
вдругъ пристала къ нему, уже почти
всѣмъ отверженному и презрѣнному! Ел
чернь и граждане, свѣдавъ о вступленіи
Гешмана въ столицу, возмутились; объя-
вили, что лучше хотѣтъ служить Ка-
лужскому Царику, нежели зловѣрной Ли-
швѣ, и цѣловали крестъ Лжедимитрію,
слѣдуя внушенію лазутчиковъ и слугъ
его, которые были имъ тогда посланы
въ Астрахань и находились въ Казани⁶⁶⁴.
Воевода, славный любимецъ Іоанновъ, Бѣль-
скій, уговаривалъ народъ не присягать
ни Владиславу, ни Лжедимитрію, а *буду-
щему* Вѣнценосцу Московскому, безъ име-
ни; спыдаль, заклиналъ — и былъ жер-
пвою яростной черни, подстрекаемой
Дьякомъ Шульгинымъ: Бѣльскаго схвати-
ли, кинули съ высокой башни и распер-

зали — того, кто служилъ шести Ца- Г. 1610.
рямъ, не служа ни отечеству, ни добро-
дѣтели; лукавствовалъ, измѣнялъ.... и
погибъ въ лучшей часъ своей государ-
ственной жизни, какъ спрадалецъ за до-
стоинство народа Россійскаго⁶⁶⁵! Другой
Воевода Казанскій, Болринъ Морозовъ, и
люди чиновные не дерзнули противить-
ся ослѣпленнымъ гражданамъ, и вмѣстѣ
съ ними писали къ жителямъ сѣверныхъ
областей, что Москва сдѣлалась Липвою,
а Калуга столицей опечесства; что имя
Димитрія должно соединить всѣхъ истин-
ныхъ Россіянъ для возстановленія Госу-
дарства и Церкви⁶⁶⁶. Но Казанцы при-
сягнули уже тѣни!

Никѣмъ не превозимый въ Калугѣ и
до времени нужный Сигизмунду какъ пу-
галище для Москвы, Самозванецъ, имѣя
тысячъ пять Козаковъ, Татаръ и Рос-
сіянъ, еще грозилъ и Москвѣ и Сигизмун-
ду, мучилъ Ляховъ, захватываемыхъ его
шайками въ разбѣздахъ⁶⁶⁷, и говорилъ:
»Христіане мнѣ измѣнили: и такъ обра-
»щусь къ Магометанамъ; съ ними завоюю
»Россію, или не оставлю въ ней камня
»на камнѣ: доколѣ я живъ, ей не знать
»покоя.« Онъ думалъ, какъ пишущъ, уда-
лился въ Астрахань, призывалъ къ себѣ

Г. 1610. всѣхъ Донцевъ и Ногаевъ, основать памъ новую Державу и заключить брашскій союзъ съ Турками! Между тѣмъ веселился, безумствовалъ, и хваляся дружбою Магометанъ, по ласкалъ, по казнилъ ихъ, на свою гибель. Судьба его рѣшилась незапно. Ханъ или Царь Касимовскій, Уразъ-Магметъ, во время Лжедимирия бѣгства изъ Тушина не присталъ ни къ Ляхамъ, ни къ Россіянамъ, и съ новымъ усердіемъ явился къ нему въ Калугъ; но сынъ Ханскій донесъ, что отецъ его мыслитъ тайно уѣхать въ Москву, — и Лжедимирій, безъ всякаго изслѣдованія, велѣлъ палачамъ своимъ, Михайлу Бушурлину и Михневу, умертвить несчастнаго Уразъ-Магмета⁶⁶³ и кинулъ въ Оку; а Князя Ногайскаго, Петра Араслана Урусова, хотѣвшаго мстить сыну-клеветнику, посадилъ въ темницу. Черезъ нѣсколько дней освобожденный и снова ласкаемый Самозванцемъ, Арасланъ уже пылалъ злобою непримиримою; и выѣхавъ съ нимъ на охоту (Декабря 11), въ мѣстѣ уединенномъ прострѣлилъ его насквозь пулею, сказавъ: «я научу тебя шопить Хановъ» и сажая Мурзъ въ темницу, отсекъ ему голову, и съ Ногаями ушелъ въ Татариду, прославивъ себя злодѣйскимъ испре-

Смерт.
Самозванца.

бленіемъ злодѣя, который едва не овладѣлъ обширѣйшимъ Царствомъ въ мірѣ, Г. 1610. къ стыду Россіи не имѣвъ ничего, кромѣ подлой души и безумной дерзости.

Съ вѣстію о семъ убійствѣ прискакалъ въ Калугу шуръ Лжедимирія Кошелевъ, бывъ свидѣтелемъ онаго. Сдѣлалось страшное смятеніе. Ударили въ набатъ. Марина опчаянная, полунагая, ночью съ зажженнымъ факеломъ бѣгала изъ улицы въ улицу, пребуя мести⁶⁶⁹ — и къ утру не осталось ни единого Татарины живаго въ Калугѣ: ихъ всѣхъ, хоши и невинныхъ въ Араслановомъ дѣлѣ, безжалостно умертвили Козаки и граждане. Обезглавленный трупъ Лжедимирія съ честью предали землѣ въ Соборной церкви⁶⁷⁰, и Марина, въ опчаяніи не теряя ни ума, ни властолюбія, немедленно объявила себя беременною; немедленно и родила... сына, торжественно крещенаго и названнаго Царевичемъ Иоанномъ, къ живѣйшему удовольствію народа. Готовился новый обманъ; но Россіане чиновные, которые еще находились между послѣдними клеветами Самозванца: Князь Дмитрій Трубецкій, Черкасскій⁶⁷¹, Бушурлинъ, Микулинъ и другіе, уже не хотѣли служить ни срамной вдовѣ

Новый
обманъ.

Г. 1610. двухъ обманщиковъ, ни ея сыну, дѣйстви-
тельному или мнимому; цѣловали крестъ
Государю законному, шому, кто волею
Божіею и всенародною ушвердился на Мо-
сковскомъ престолѣ⁶⁷²; дали знамя о семъ
Думъ Боярской; овладѣли Калугою и взя-
ли Марину подъ супруж⁶⁷³.

Россія, казалось, ждала только сего
пронесенія, чтобы единодушнымъ дви-
женіемъ явить себя еще не мертвою для
чувствъ благородныхъ: любви къ отече-
ству и къ независимости государствен-
ной. Что можетъ народъ, въ крайности
уничтоженія, безъ вождей смѣлыхъ и рѣ-
шительныхъ? Два мужа, избранные Про-
видѣніемъ начать великое дѣло.... и
быть жертвою онаго, бодрствовали за
Россію: одинъ спарецъ вѣтхій, но ада-
мантъ Церкви и Государства — Папрі-
архъ Ермогенъ; другой, крѣпкій мышцею
и духомъ, стремительный на пути за-
кона и беззаконія — Ляпуновъ Рязанскій.
Первому надлежало увѣнчать свою добро-
дѣтель: второму примириться съ добро-
дѣтелию. Ляпуновъ враждовалъ, Ермогенъ
усердствовалъ несчастному Шуйскому:
новыя бѣдствія отечества согласили
ихъ. Оба, уступивъ силѣ, признали Вла-
дислава, но съ условіемъ — и не безмолв-

На-
чалъ-
ники
воз-
станіа
народ-
наго.

г. 1610. ствовали, когда, нарушая договоръ, Геп-
манъ овладѣлъ столицей. Сигизмундъ да-
валъ указы отъ своего имени и громилъ
Смоленскъ, а Ляхи злодѣйствовали въ
мнимомъ Владиславовомъ Царствѣ⁶⁷⁴. Ля-
пуновъ зналъ все, что дѣлалось въ Коро-
левскомъ спланѣ, гдѣ находился его братъ,
въ числѣ Дворянъ, съ Филаретомъ и Го-
лицынымъ. Сей человекъ дерзкій и лука-
вый — извѣстный Захарія, одинъ изъ
главныхъ виновниковъ Василіева низвер-
женія, въ личинѣ измѣнника пировалъ съ
Вельможными Панами, грубо смѣялся надъ
Послами, винилъ ихъ въ упрямствѣ⁶⁷⁵, но
обманывалъ Ляховъ: наблюдалъ, вывѣды-
валъ, и тайно сносился съ брашомъ, какъ
ревностный противникъ Владислава
царствованія⁶⁷⁶. Такъ и нѣкоторые изъ
Пословъ, свѣтскіе и духовные, лицемѣр-
но изъявляли доброжелательство къ Си-
гизмунду и были милостиво уволены имъ
въ Москву, обѣщая содѣйствовать въ ней
его видамъ: Думный Дворянинъ Сукинъ,
Дьякъ Васильевъ, Архимандритъ Евфимій
и Келарь Аврамій⁶⁷⁷; но возвратились един-
ственно для того, чтобы огласить въ
столицѣ и въ Россіи вѣроломство Геп-
маново или Сигизмундово. — Уже Ермо-
генъ въ искреннихъ бесѣдахъ съ людьми

Г. надежными, Ляпуновъ въ перепискѣ съ
1610. Духовенствомъ и чиновниками областей,
убѣждалъ ихъ не терпѣть насилія ино-
племенниковъ. Убѣжденія дѣйствовали,
негодованіе возраспало — и какъ скоро
услышали Москвитяне о смерти Лжеди-
митрія, спрашивали для ихъ воображе-
нія, то, радуясь и славя Бога⁶⁷³, вдругъ
заговорили смѣло о необходимости сое-
диниться душами и головами для изгна-
нія Ляховъ. Тщешно Сигизмундъ — уже
знавъ, вѣрояшно, о гибели Самозванца, и
лишась предлога оставаться въ Россіи,
будто бы для сего испреблелія — писалъ
(отъ 13 Декабря) къ Боярамъ, что «Вла-
диславъ скоро будетъ въ Москву, а вой-
ско. Королевское идетъ пропивъ Калуж-
скаго злодѣя»⁶⁷⁹: Россія уже не хотѣла
Владислава! Дума, въ своемъ опѣвѣ, бла-
годарила Сигизмунда за милость, требуя
однакожь скорости, и прибавляя, что
Россіяне уже не могутъ терпѣть сиро-
тства, *будучи стадою безъ пастыря или*
*великими зѣвремъ безъ главы*⁶⁸⁰; но Па-
триархъ, удостовѣренный въ единомы-
сліи добрыхъ гражданъ, объявилъ шор-
жесипвенно, что Владиславу не царство-
вать, *если не крестится въ нашу вѣру* и
не вышлетъ всѣхъ Ляховъ изъ Державы

Московской⁶⁸¹. Ермогенъ сказалъ: еполица Г.
и Государство повинорили. Уже не доволь- 1610.
ствовались рономомъ. Москва, подъ са-
блею Ляховъ, еще не двигалась, ожидая
часа; но въ предѣлахъ сосѣдственныхъ
блеснули мечи и коня: начали воору-
жаться. Городъ сносился съ городомъ;
писали и наказывали другъ къ другу сю-
весно, что пришло время спать за Вѣру
и Государство. Особенное дѣйствіе имѣ-
ли двѣ грамоты, всюду разосланныя изъ
Москвы: одна къ ея жителямъ отъ *Уезд-* Гра-
ныхъ Смоленъ, другая отъ Москвитянъ *Смо-*
къ всѣмъ Россіянамъ. Смолене писали: *лянь*
«Оболеценные Королемъ, мы ему не про- *и Мо-*
«ливались. Что же видимъ? гибель ду- *шанъ.*
«шевную и тѣлесную. Святыя церкви
«разорены; ближніе наши въ могилахъ или
«въ узахъ. Хопите ли такой же доли?
«Вы ждете Владислава, и служите Ля-
«хамъ, угождая извергамъ, Самыкову и
«Андронову; но Польша и Литва не усту-
«пятъ своего будущаго Вѣнценосца вамъ,
«ославленнымъ измѣнами»⁶⁸². Нѣтъ, Король
«и Сеймъ, долго думавъ, рѣшились взять
«Россію безъ условій, вывести ея луч-
«шихъ гражданъ и господствовать въ ней
«надъ развалинами. Возстаньте, доколѣ
«вы еще вмѣстѣ и не въ узахъ; подни-

Г. 1610. «миле и другія области, да спасутся души и Царство! Знаете, что дѣлается въ Смоленскѣ: тамъ горсть вѣрныхъ исповишъ неуклонно подъ щитою Богоматери и разишъ сонмы иноплеменниковъ!» Москвитяне писали къ братьямъ во всѣ города⁶⁸³: «Не слухомъ слышимъ, а глазами видимъ бѣдствіе неизглаголанное. Заклинаемъ васъ именемъ Судии живыхъ и мертвыхъ: возстаньте и къ намъ спѣшите! Здѣсь корень Царства, здѣсь знамя опечесства, здѣсь Богоматерь изображенная Евангелиемъ Лукою; здѣсь свѣпильники и хранители Церкви, Митрополиты Пётръ, Алексій, Иона! Извѣстны виновники ужаса, предатели студныя: къ счастью, ихъ мало; не многіе идушъ во слѣдъ Салтыкову и Андронову — а за насъ Богъ, и всѣ добрые съ нами, хотя и не явно до времени: Святейшій Патриархъ Ермогенъ, прямой учитель, прямой наставникъ, и всѣ Христіане истинные! Дадите ли насъ въ плѣнъ и въ Лаптево?» — Кромѣ Рязани, Владиміръ, Суздаль, Нижній, Романовъ, Ярославль, Кострома, Вологда ополчились усердно, для избавленія Москвы отъ Ляховъ, по мысли Ляпунова и благословенію Ермогена⁶⁸⁴.

Что же сдѣлало такъ называемое Патришество, Боярская Дума, сѣдавъ о семъ движеніи, признакъ души и жизни въ Государствѣ исперзанномъ?... Донесло Сигизмунду на Ляпунова, какъ на мятежника, требуя казни его брата и единомышленника, Захарін; велѣло Посламъ, Филарету и Голицыну, уважать Сигизмундову волю и ѣхать въ Липову къ Владиславу, если такъ будетъ угодно Королю; велѣло Шеину выпустить Ляховъ въ Смоленскъ; выслало даже войско съ Княземъ Иваномъ Куракинымъ для усмиренія мнимаго бунта въ Владиміръ⁶⁸⁵. Но Филаретъ и Голицынъ уже все знали и благопріятствовали великому начинанію Ляпунова; замѣтили, что грамота Боярская не скрѣплена Патриархомъ, и не хотѣли повиноваться⁶⁸⁶; дали тайно знать и Смоленскому Воеводѣ, чтобы онъ не исполнялъ указа Думы, — и доблій Шеинъ отвѣтствовалъ Королевскимъ Панамъ: «исполните прежде договоръ Геммановъ;» дилъ время въ сношеніяхъ съ ними, и ждалъ избавленія, готовый и на славную гибель. Съ другой стороны войско союзныхъ городовъ близъ Владиміра встрѣтило и разбило Куракина⁶⁸⁷. Сильно же доусобнымъ кровопролитіемъ рушилась

1610.
Слав-
бостъ
Мо-
сков-
ской
Думы

Г. 1610. государственная власть Думы, опшолъ признаваемая единственно невольною Москвою. Лпуновъ, оспановивъ всѣ доходы казенные и не велѣвъ пускать хлѣба въ столицу, всенародно объявилъ Вельможъ Синклипа богоотступниками, преданными *славъ міра и враждебному Западу, не пастырями, а губителями Христіанскаго стада*⁶⁸⁸. Таковы дѣйствительно были Салшыковъ и клеветы его; не инаковы Мстиславскій и другіе, единственно запутанные въ ихъ сѣпяхъ, единственно слабодушные, и съ любовію къ опечесству безъ умѣнія избрать для него лучшее въ обшпорьяхъ чрезвычайныхъ: спрашась народныхъ мяшежей болѣе, нежели государственнаго уничтоженія, они думали спасти Россію Владиславомъ, вѣрили Гешману, вѣрили Сигизмунду — не вѣрили только добродѣтели своего народа, и заслужили его презрѣніе, уступивъ добрую славу премо изъ мужей Думныхъ, Князьямъ Андрею Голицыну, Воробынскому и Засѣкину, копорые не шали своего единомыслія съ Ергономъ, обличали предашесство или заблужденіе другихъ Боярь, и были опданы подъ спражу въ видѣ крамольниковъ⁶⁸⁹.

Уже Москвитяне, слыша о ревностномъ возспаніи городовъ, перемѣнились въ обхожденіи съ Ляхами: бывъ долго смиренны, начали оказывать неуступчивость, сиропшивость, духъ враждебный и сварливый⁶⁹⁰, какъ было предъ гибелію Разсприги. Кричали на улицахъ: »мы поглупости выбрали Ляха въ Цари, однакожь не съ пѣмъ, чшобы иппи въ неволю къ Ляхамъ; время раздѣлаться съ ними«⁶⁹¹. Въ грубыхъ насмѣшкахъ давали имъ прозваніе *хохловъ*, а купцы за все требовали съ нихъ вдвос. Уже начинались ссоры и драки. Госѣвскій требовалъ своихъ благоразумія, терпѣнія и неусыпности. Они бодрствовали день и ночь, не снимая съ себя доспѣховъ, ни сѣделъ съ коней⁶⁹²; ежедневно, три и чештыре раза, били тревогу; имѣли вездѣ лазутчиковъ; осматривали на заспавахъ возы съ дровами, сѣномъ, хлѣбомъ, и находили въ нихъ иногда скрытое оружіе⁶⁹³. Высылали конныя дружины на дороги, перехватили тайное письмо изъ Москвы къ областнымъ жителямъ, и свѣдали, что они въ заговорѣ съ ними, и что Паптіархъ естъ Глава его; что Москвитяне надѣются не оставить ни одного Ляха живаго, какъ скоро увидятъ войско

Г. 1610.

Ссоры съ Поляками.

Г. 1610. избавишелей подъ своими спѣнами⁶⁹⁴. Не взирая на то, Госѣвскій еще не смѣлъ употребить средствъ жестокихъ, ни обезоружить Спрѣльцевъ и гражданъ, ни свергнуть Папріарха; довольствовался угрозами, сказавъ Ермогену, что святость сана не есть право быть возмущителемъ⁶⁹⁵. Болѣе наглоспи оказали злодѣи Россійскіе. Михайло Салтыковъ требовалъ, чтобы Ермогенъ не велѣлъ ополчаться Ляпунову. «Не велю» — отвѣтствовалъ Папріархъ — «если увижу крещеннаго Владислава въ Москвѣ и Ляховъ»выходящихъ изъ Россіи; велю, если не»будетъ того, и разрѣшаю всѣхъ отъ»данной Королевичу присяги«⁶⁹⁶. Салтыковъ въ бышесспивъ выхватилъ ножъ: Ермогенъ осынилъ сго крестнымъ знаменіемъ и сказалъ громогласно: «Сіе знаменіе противъ ножа швоего, да взыде»въѣчная клятва на главу измѣнника«⁶⁹⁷! и взглянувъ на печальнаго Мстиславскаго, примолвилъ тихо: «Твое начало: ты долженъ первый умереть за Вѣру и Государство; а если плѣнишься кознями Сапанинскими, то Богъ испребитъ ко»рень швой на землѣ живыхъ — и самъ умрешь какою смертію?» *Предсказаніе исполнилось*, говоритъ Лѣтописецъ⁶⁹⁸: ибо

Мстиславскій никакъ не хотѣлъ одобрить Г. 1610. народнаго возстанія, и писалъ отъ имени Синклипа грамоту за грамотою къ Королю, что обстоятельства ужасны и время дорого; что одна столица еще не измѣняетъ Владиславу, а Держава въ безначаліи готова раздѣлиться; что Иванъ-городъ и Псковъ, обольщенные Генераломъ Делагарди, желаютъ имѣть Царемъ Шведскаго Принца; что Аспраханъ и Казань, гдѣ господствуютъ злочестіе Магометово, умышляютъ предаться Шаху Аббасу; что области Низовыя, степныя, восточныя и сѣверныя до пустыни Сибирскихъ возмущены Ляпуновымъ; но что немедленное прибытіе Королевича еще можетъ все исправить, спасти Россію и честь Королевскую⁶⁹⁹. Измѣнники же, Салтыковъ и Андроновъ, звали въ Москву не Владислава, а самого «Короля съ войскомъ»⁷⁰⁰, отвѣтствуя ему за успѣхъ, то есть, за порабощеніе Россіи обманомъ и насиліемъ.

Но Сигизмундъ, вопреки настоянію Болръ и даже многихъ Польскихъ Сенаторовъ⁷⁰¹, вопреки собственному объѣту, не думалъ отправить сына въ Москву; не думалъ и самъ идти къ ней съ войскомъ, какъ предлагали ему наши измѣн-

Г. 1610. ники; сильно, упорно хотѣлъ одного: взять Смоленскъ — и ничего не дѣлалъ; писалъ только указы Синклипу уже вмѣстѣ опѣ себя и Владислава, именуя его однакожь не Царемъ, а просто Королевичемъ⁷⁰²; увѣрялъ Бояръ и всю Россію, что желаетъ ея мира и счастія, умиленный нашими бѣдствіями, и будучи ревностнымъ заступникомъ Греческаго Православія; желаетъ соединить ее съ Республикою узами любви и блага общаго, подъ нераздѣльнымъ Державствомъ своего рода⁷⁰³; что виною всего зла есть упрямство Шеина и Князя Василя Голицына, не хотящихъ ни Владислава, ни пнишины; что до усмиренія Смоленска не лѣзя предпріять ничего рѣшительнаго для успокоенія Государства. Между тѣмъ, какъ бы уже спокойно властвуя надъ Россією, Сигизмундъ непрестанно извѣщалъ Думу о своихъ милостяхъ: производилъ Дворянъ въ Спольники и Бояре, раздавалъ имѣнія, вершилъ дѣла шарыя, предписывалъ казнѣ плащить долги купцамъ иноземнымъ⁷⁰⁴ еще за Іоанна, въ то время, когда указы ея были ничтожны для Россіи; когда города одинъ за другимъ возспавали на Лаховъ; когда и жители Смоленской области сперегли,

испребляли ихъ въ разтѣдахъ, превоза г. 1610. нападеніями и въ спанѣ, откуда многіе Россіане, допоздъ служивъ Королю, уходили служить опечеспву: такъ Иванъ Никитичъ Салтыковъ, пожалованный въ Бояре Сигизмундомъ, мнимый доброхотъ его, мнимый противникъ Ермогена, Филарета и Голицына, съ цѣлою дружиною ушелъ къ Ляпунову⁷⁰⁵. Напрасно Гостевскій ждалъ вспоможенія опѣ Короля: видя необходимость дѣйствовать только собственными силами, онъ выслалъ шайки Днѣпровскихъ Козаковъ и Московскаго измѣнника, Исаю Сунбулова, воевать мѣста Рязанскіа. Ляпуновъ, имѣя еще мало рати, выгналъ толпы непріятельскія изъ Пронска, но чрезъ нѣсколько дней былъ осажденъ ими въ семь городѣ, и спасенъ Княземъ Дмитріемъ Пожарскимъ, уже ревностнымъ его сподвижникомъ: обративъ ихъ въ бѣгство, и скоро разбивъ на голову у Зарайска, доблій Князь Дмитрій избавилъ вмѣстѣ и Ляпунова опѣ плѣна и землю Рязанскую опѣ грабежа; блеснулъ новымъ лучемъ славы, и съ чистою душою приставъ къ великому дѣлу, далъ ему новую силу... Козаки бѣжали въ Украйну, предвидя несгodu злодѣйства, а Сунбуловъ въ Москву съ ху-

Г. дою вѣстію для измѣнниковъ и Ляховъ,
1611. успрашаемыхъ и возстаніемъ областей,
и ножами Москвитянъ. Но Госѣвскій хва-
лился презрѣніемъ къ Россіянамъ: надѣя-
лся управиться съ боязливою Москвою,
вопреки неблагоразумію Короля соблюсти
ее какъ важное завоеваніе для Республики
и съ малымъ числомъ удалыхъ воиновъ
побѣдиль многолюдную сволочь.

Со- Рать Ляпунова и другихъ обласпныхъ
спавъ опол- начальниковъ была дѣйствительно стран-
ченія ною смѣсю людей воинскихъ и мирныхъ
за Рос- гражданъ съ бродягами и хищниками, ко-
сно. ними въ сіи бѣдственныя времена кипѣла
Россія, и которые искали единственно
добычи подъ знаменами силы, законной
или незаконной: грабивъ прежде съ Ля-
хами, они шли тогда на Ляховъ, чѣобы
также грабить, и болѣе мѣшались, нежели
способствовали добру. Такъ Апаманъ Про-
совецкій, бывъ клеверстомъ и спавъ не-
пріятелемъ Лисовскаго, имѣвъ даже, близъ
Пскова, кровопролитную съ нимъ битву,
какъ разбойникъ съ разбойникомъ⁷⁰⁸, вдругъ
явился въ Суздаль какъ честный слуга
Россіи, привелъ къ Ляпунову тысячъ
шесть Козаковъ и сдѣлался однимъ изъ
главныхъ Воеводъ народного ополченія!
Всѣхъ звали въ союзъ, чѣобы только

умножить число людей. Приняли Князя Г.
Дмитрія Трубецкаго, Апамана Заруцкаго 1611.
и всю остальную дружину Тушинскую⁷⁰⁷:
ибо сіи, долго упорные мятежники, вдругъ
воспламенились усердіемъ къ государспвен-
ной чести, опшвергнули указъ Москов-
скихъ Бояръ, не давъ кляшвы въ вѣрно-
спи къ Владиславу, и выгнали изъ Ка-
луги Посла ихъ, Князя Никишу Трубецка-
го⁷⁰⁸. Звали и безспыднаго Самѣгу, копо-
рый, не хопѣвъ удалиться въ Сѣверскую
землю⁷⁰⁹, писалъ изъ Черемышля къ Ка-
лужанамъ, чѣо онъ служилъ не Королю,
не Королевичу, а вольности, — не слу-
шаетъ Бояръ, убѣждающихъ его ипши
на Ляпунова, и гошповъ споятъ за неза-
висимость Россіи⁷¹⁰. Чѣо надлежало жданъ
и въ святомъ предпріятіи опъ такою
несчастливаго сосшавъ? не единства, а раз-
дора и безпорядка. Но кѣо вѣрилъ ша-
инспвенной силѣ добра, могъ чаять успѣ-
ха благословеннаго, видя, сколь многіе и
сколь ревностно шли умирать за оше-
чеспво сирое⁷¹¹, кинувъ дома и семей-
спва. Раздоръ и безпорядокъ долженспво-
вали успупишь великодушію!

Около шрехъ мѣсяцевъ гошповились —
и наконецъ (въ Маршѣ) выступили къ
Москвѣ: Ляпуновъ изъ Рязани, Князь Дми-

1611. 1. трій Трубецкій изъ Калуги, Заруцкій изъ Тулы, Князь Липвиновъ - Мосальскій и Аршемій Измайловъ изъ Владиміра, Просовецкій изъ Суздаля, Князь Ѳеодоръ Волковскій изъ Коспромы, Иванъ Волинскій изъ Ярославля, Князь Козловскій изъ Романова, съ Дворянами, Дѣшми Боярскими, Спирѣльцами, гражда-нами, земледѣльцами, Татарами и Козаками⁷¹²; были на пути встрѣчаемы жи-телямъ съ хлѣбомъ и солью, иконами и крестами, съ усердными кликами и паль-бою; шли бодро, но тихо — и сія, вѣ-рояшно невольная, неминуемая по обстоя-тельствамъ медленность имѣла для Мо-сквы ужасное слѣдствіе.

Въ то время, когда ея граждане съ нетерпѣніемъ ждали избавителей, Бояре, исполняя волю Гостѣвскаго, въ послѣдній разъ заклинали Ермогена удалитъ бурю, спасти Россію отъ междоусобія и Мо-скву отъ крайняго бѣдствія: писашъ къ Ляпунову и сподвижникамъ его, чпобы они шли назадъ и распустили войско. *Ты далъ имъ оружіе въ руки, говорилъ Салтыковъ: ты можешь и смирить ихъ.* »Все смирился« — отвѣтствовалъ Па-тріархъ — »когда ты, измѣнникъ, съ своею »Липвою исчезнешь; но въ царствennomъ

г. 1610. »градѣ видя ваше злое господство, въ свя- »тыхъ храмахъ Кремлевскихъ оглашались »Машинскимъ пѣніемъ,« (ибо Ляхи въ домѣ Годунова устроили себѣ божницу) »благословляю достойныхъ Вожей Хрисціан-скихъ ушолить печаль опечесива и »Церкви.« Дерзнули наконецъ приславить воинскую спражу къ непреклонному Іерарху; не пускали къ нему ни мірянъ, ни Духовенства; обходились съ нимъ по же-стоко и безчинно, то съ уваженіемъ, опа-саясь народа⁷¹³. Въ Недѣлю Ваій велѣли или дозволили Ермогену священнодѣйство-вать и взяли мѣры для обузданія жите-лей, которые въ сей день обыкновенно спекались изъ всѣхъ частей города и ближнихъ селеній въ Кидай и Кремль, быть зрители великолѣпнаго обряда церковнаго⁷¹⁴. Ляхи и Нѣмцы, вѣхота и всадники, заняли Красную площадь съ обнаженными саблями, пушками и горящими фитилями. Но улицы были пусты! Паптріархъ вѣхалъ между уединенными ря-дами иновѣрныхъ воиновъ; узду его осла-ти держалъ, вмѣсто Царя, Князь Гунду-ровъ⁷¹⁵, за коимъ шло нѣсколько Бояръ и сановниковъ, унылыхъ, мрачныхъ ви-домъ. Граждане не выходили изъ домовъ, воображая, чпо Ляхи умышляютъ не-

г. 1611. зашлое кровопролитіе и будутъ спрѣ-
дѣль въ толпы народа безоружнаго⁷¹⁶.
День прошелъ мирно; также и слѣдую-
щій. Гостѣвскій, имѣя только 7000 вои-
новъ⁷¹⁷ противъ двухъ или трехъ сошъ
тысячъ жигелей, не хотѣлъ кровопро-
литія⁷¹⁸: ни Москвитяне. Первый, слыша,
что Ляпуновъ и Заруцкій уже не далеко,
мыслилъ идти къ нимъ на встрѣчу и
разбить ихъ отдѣльно⁷¹⁹; а Москвитяне,
готовые къ возстанію, откладывали его
до появленія избавителей⁷²⁰. Но взаимная
злорада вспыхнула, не давъ ни Гостѣвскому
высунуться изъ Москвы, ни Воеводамъ
Россійскимъ спасти ее. Кто началъ? не-
извѣстно⁷²¹; но въроятнѣе, Ляхи, съ до-
сатою терпѣвѣ насмѣшки, грубости жи-
гелей, и думая, что лучше управиться
съ ними заблаговременно, нежели поспѣ-
вшия себя между ихъ пайно-острыми
ножами и войскомъ городовъ союзныхъ⁷²²,
— наконецъ удовлетворяя своему алчно-
му корыстолюбію разграбленіемъ бога-
той столицы. Такъ началось и сверши-
лось ея бѣдствіе ужасное:

Кро- 19 Марта, во Вторникъ Спращной
вопро- недѣли, въ часъ Обѣдни, слышали въ Ки-
литіе въ сто-таѣ-городѣ тревогу, вопль и шумъ ору-
дцѣ. жія. Гостѣвскій прискакалъ изъ Кремля:

увидѣлъ кровопролитіе между Ляхами и г. 1611.
Россійцами, хотѣлъ остановить, не могъ,
и далъ волю первымъ, которые дѣйстви-
тели наступательно, рѣзали купцевъ и
грабили лавки⁷²³; вломились въ домъ къ
Боярину вѣрному, Князю Андрею Голи-
цыну, и безсловѣчно умертвили его. Жи-
тели Кіева искали спасенія въ Бѣломъ
городѣ и за Москвою-рѣкою: конные Ляхи
гнали, топтали, рубили ихъ; но въ Твер-
скихъ воротахъ были удержаны Спрѣль-
цами. Еще сильнѣйшая битва закипѣла
на Срѣтенкѣ: тамъ явился выпѣлъ зна-
менистый, опряженный ли впередъ Ля-
пуновымъ, или собственною ревностію
приведенный одушевить Москву: Князь
Дмитрій Пожарскій. Онъ кликнулъ доб-
рыхъ, устроилъ дружины, снялъ пушки
съ башенъ, и встрѣпилъ Ляховъ ядрами
и пулями, отбилъ и впопалъ въ Ки-
тай. Иванъ Бутурлинъ въ Яузскихъ во-
рогахъ и Колтовскій за Москвою-рѣкою
также спали противъ нихъ съ воинами
и пародомъ. Бились еще въ улицахъ Твер-
ской, Никитской и Чертольской, на Ар-
башѣ и Знаменкѣ⁷²⁴. Гостѣвскій подкрѣ-
плялъ своихъ; но число Россійцевъ несрав-
ненно болѣе умножалось: при звукѣ на-
бата старые и малые, вооруженные дре-

г. 1611. колемъ и попорами, бѣжали въ пылъ сѣчи; изъ оконъ и съ кровель разили неприятели камнями и чурбанами⁷²⁵; преграждали улицы столами, лавками, дровами: стрѣляли изъ-за нихъ и двигали сіе укрѣпленіе впередъ, гдѣ Ляхи опуступали. Уже Москвитяне вездѣ имѣли верхъ, когда приспѣлъ изъ Кремля съ Нѣмцами Капишанъ Маржеретъ⁷²⁶, вѣрный слуга Годунова и Разстриги, изгнанный Шуйскимъ и принятый Гетманомъ въ Королевскую службу: торгуя вѣрностію и жизнию, сей честный наемникъ ободрилъ Ляховъ неустрашимостію, и пѣкогда ливъ кровь свою за Россійанъ, жадно облизалъ ихъ кровію. Битва снова сдѣлалась упорною; многочиелство однакожъ преодолѣвало, и Москвитяне пѣснили неприятели къ Кремлю, его послѣдней оградѣ и надеждѣ. Тупѣ, въ часъ рѣшительный, слышали голосъ: «огня! огня!» и первый вспыхнулъ въ Бѣломъ городѣ домъ Михайла Салпыкова, зажженный собственною рукою хозяина⁷²⁷: гнусный измѣнникъ уже не могъ имѣть жилища въ сподлицѣ опечесства, имѣ преданнаго иноплеменику! Зажгли и въ другихъ мѣстахъ: сильный вѣсперъ раздувалъ пламя, въ лице Москвитянамъ, съ густымъ дымомъ,

несноснымъ жаромъ, въ улицахъ пѣсныхъ. г. 1611. Многіе кинулись тушить, спасать дома; битва ослабѣла, и ночь прекратила ее, къ счастію изнуреннаго неприятели, который удержался въ Кипаѣ-городѣ, опирался на Кремль. Тамъ все запыкло; но другія части Москвы представляли шумное смятеніе. Бѣлый-городъ пылалъ; на-По-башѣ гремѣлъ безъ умолку; жилили съ жаръ^{Мо-сквы.} воплемъ гасили огонь, или бѣгали, искали, кликали женъ и дѣшей, забытыхъ въ часы жаркаго боя. Послѣ такого дня, и предвидя такой же, никто не думалъ успокоиться.

Ляхи въ пустыхъ домахъ Кипаѣ-города, среди шруповъ, отдышали; а въ Кремлѣ, при свѣтѣ зарева, бодрствовали и разсуждали Вожди ихъ, что дѣлать? Тамъ еще находилось мнимое Правитель-ство Россійское съ знатнѣйшими сановниками, воинскими и гражданскими: ужасаясь мысли желать побѣды иноплеменикамъ, дымящимся кровію Москвитянъ, но малодушно боясь и мести своего народа, или не вѣря успѣху возстанія, Мстиславскій и другіе легкоумные Вельможи, упорные въ вѣрности къ Владиславу, были въ изумленіи и бездѣйствіи: пѣмъ ревностнѣе дѣйствовали измѣнники оже-

Г. сплоченные: прервавъ навѣки связь съ опечеснствомъ, заслуживъ его ненависть и 1611. клишву церковную, пылая адскою злобою и жаждою губительства, они сидѣли въ сей ночной Думѣ Ляховъ⁷²³ и совѣщивали имъ разрушить Москву для ихъ спасенія. Гостѣвскій принялъ совѣтъ — и въ слѣдующее утро 2000 Нѣмцевъ съ отрядомъ коннымъ вышли изъ Кремля и Кипая въ Бѣлый городъ и къ Москвѣ-рѣкѣ, зажгли въ разныхъ мѣстахъ дома, церкви, монастыри, и гнали народъ изъ улицы въ улицу не столько оружіемъ, сколько пламенемъ. Въ сей самый часъ прискакали къ спѣнамъ уже пылающаго Деревянаго города, опѣ Ляпунова Воевода Иванъ Плещеевъ, изъ Можайска Королевскій Полковникъ Спрусъ, каждый для вспоможенія своимъ, оба съ легкими дружинами, равными въ силахъ, не въ мужествѣ. Ляхи напали: Россіане обрали пылъ — и Вождь первыхъ, кликнувъ: «за мною, храбрые!» сквозь пылъ и прескъ деревянныхъ падающихъ спѣнъ винулся въ городъ, гдѣ жили, осыпаясь искрами и головнями, задыхаясь опѣ жара и дыма, уже не хотѣли сражаться за пепелище: бѣжали во всѣ стороны, на коняхъ и пѣшіе⁷²⁹, не съ богатствомъ, а только

Прибытие Спруса.

съ семействами. Нѣсколько сотъ тысячъ Г. 1610. людей вдругъ разсыпалось по дорогамъ къ Лаврѣ, Владиміру, Коломнѣ, Тулѣ; шли и безъ дорогъ, вязли въ снѣгу, еще глубоко; цѣпились опѣ сильнаго, холоднаго вѣтра⁷³⁰; смотрѣли на горящую Москву и воили, думая, что съ нею исчезаетъ и Россія! Нѣкоторые засѣли въ крѣпкой Симоновской Обители, ждали избавителей. Но оставленная народомъ и войскомъ въ жертву огню и Ляхамъ, Москва еще имѣла ратоборца: Князь Дмитрій Пожарскій еще стоялъ твердо въ облакахъ дыма, между Срѣтенскою и Мясницкою, въ укрѣпленіи, имъ сдѣланномъ; бился съ Ляхами, и долго не давалъ имъ жечь за каменною городскою стѣною; не берегъ себя опѣ пуль и мечей, изнемогъ опѣ ранъ и палъ на землю⁷³¹. Вѣрвые ему до конца не многіе сподвижники взяли и спасли будущаго спасителя Россіи: отвезли въ Лавру.... До самой ночи уже безпрепятственно губивъ огнемъ столицу, Ляхи съ гордостію побѣдителей возвратились въ Кипай и Кремль, любоваться зрѣлищемъ, ими произведеннымъ: бурнымъ пламеннымъ моремъ, которое, разливаясь вокругъ ихъ, обѣщало имъ безопасность, какъ они думали, не забоясь

Полки Пожарскаго.

Г. о дальнѣйшихъ, вѣковыхъ слѣдствіяхъ
1611 никакого дѣла, и презирая мечь Россіянъ!

Москва пустая горѣла двое сутокъ. Гдѣ угасалъ огонь, шамъ Ляхи, выѣзжая изъ Кипая, снова зажигали, въ Бѣломъ-городѣ, въ Деревянномъ и въ предметяхъ. Наконецъ вездѣ утнуло пламя, ибо все сдѣлалось пепломъ, среди коего возвышались только черныя стѣны, церкви и погребѣ каменные. Сія громада золы, въ окружности на двадцать верстъ или болѣе, курилась еще нѣсколько дней, такъ, что Ляхи въ Кипай и Кремль, дыша смрадомъ, жили какъ въ туманѣ — Поля-но ликовали: грабили казну Царскую: взяли всю утварь нашихъ древнихъ Вѣнцесцевъ, ихъ короны, жезлы, сосуды, одежды богатыхъ, чтобы послать къ Сигизмунду, или употребить вмѣсто денегъ на жалованье войску⁷⁵²; сносили добычу, найденную въ господномъ дворѣ, въ жилищахъ купцевъ и людей знатныхъ⁷⁵⁵; сдирали съ иконъ оклады; дѣлили на равныя части золото, серебро, жемчугъ, камни и шкани драгоценныя, съ презрѣніемъ кидала мѣдь, олово, холсты, сукна; рядились въ бархаты и штофы; пили изъ бочекъ Венгерское и Мальвазію. Изобиловали всѣмъ роскошнымъ, не имѣя

только нужнаго: хлѣба! Бражничали, играли въ зернь и въ карты, распустивовали, и пьяные рѣзали другъ друга⁷⁵⁴!... А Россіане, ихъ клеветы гнусныя или невольники малодушныя, праздновали въ Кремль Свѣтлое Воскресеніе и молились за Царя Владислава, съ Іерархомъ достойнымъ такой паствы: Игнатіемъ, угодникомъ Разспригинымъ, коего вывели изъ Чудовской Обители, гдѣ онъ пять лѣтъ жилъ опальнымъ Инокомъ, и снова назвали Патріархомъ, свергнувъ и заключивъ За-Ермогена на Кирилловскомъ подворьѣ⁷⁵⁵. Сей мужъ безсмертный, одинъ среди враговъ неистовыхъ и Россіянъ презрительныхъ — между памятниками нашей славы, въ оградѣ священной для вѣковъ могилами Димитрія Донскаго, Іоанна III, Михаила Шуйскаго — въ темной келліи сіялъ добродѣтелию какъ лучезарное свѣпило опечесства, готовое угаснуть, но уже воспламенивъ въ немъ жизнь и ревность къ великому дѣлу!

Г.
1611.

Ключеніе
Ермогена.

Г Л А В А V.

М Е Ж Д О Ц А Р С Т В І Е.

Слѣдствія сожженія Москвы. Поляки осаждены. Твердосѣ Ермогена. Избраніе главныхъ Военачальниковъ. Дѣйствія Сапѣги. Присутствіе къ Китаю-городу. Послы Московскіе опшправлены въ Липву. Взятіе Смоленска. Шуйскіе въ Варшавѣ. Умыселъ Заруцкаго и Марины. Уставная грамоша. Виды Ляпунова. Дѣла съ Шведами. Новгородъ взятъ Генераломъ Делагарди. Договоръ Шведовъ съ Новымъ городомъ. Мятежъ въ войскахъ Генерала Делагарди. Убіеніе Ляпунова. Послѣдствія. Состояніе Россіи

Г. 1611 — 1612.

Г. 1611. Слѣдствія сожженія Москвы. Въспоминаніе о бѣдствіи Москвы, распространявъ ужасъ, дала и новую силу народному движенію. Ревностныя Иноки Лавры, едва услышавъ, что дѣлается въ столицѣ⁷³⁶, послали къ ней всѣхъ рашенныхъ людей монастырскихъ, написали умилишельныя грамошы къ обласнымъ Воеводамъ и заклинали ихъ угасить ея дымащійся пепелъ кровію измѣнниковъ и Ляховъ⁷³⁷. Воеводы уже не медлили и шли впередъ, на каждомъ шагу вспрѣчая толпы бѣгущихъ Москвитянъ, копорые,

съ воплемъ о мести, примыкали къ войску, поручая женъ и дѣтей своихъ великодушію народа. 25 Марта Ляхи увидѣли, на Владимірской дорогѣ, легкій отрядъ Россіянъ, Козаковъ Атамана Просовецкаго; напали — и возвратились, хвалясь побѣдою⁷³⁸. Въ слѣдующій день пришелъ Ляпуновъ опѣ Коломны, Заруцкій опѣ Тулы; соединились съ другими Воеводами близъ Обители Угрѣшской, и 28 Марта двинулись къ пепелищу Московскому. Непріатель, встрѣпивъ ихъ за Яузскими воротами, скоро отступилъ къ Китаю и Кремлю, гдѣ Россіяне, числомъ не менѣе ста тысячъ⁷³⁹, но безъ устроинства и взаимной довѣренности, осадили шесть или семь тысячъ храбрецовъ иноземныхъ, исполненныхъ къ нимъ презрѣнія. Ляпуновъ спалъ на берегахъ Яузы, Князь Дмитрій Трубецкій съ Атаманомъ Заруцкимъ пропавъ Воронцовскаго поля, Ярославское и Костромское ополченіе у воротъ Покровскихъ, Измайловъ у Срѣтенскихъ, Князь Липвиновъ-Мосальскій у Тверскихъ, внутри обожженныхъ спѣтъ Бѣлаго города. Тутъ прибылъ къ войску Келарь Аврамій съ Свяшою водою опѣ Лавры, ожививъ сердца ревностію, укрѣпивъ мужествомъ⁷⁴⁰. Тутъ, на завоеванныхъ

Г. кучахъ пепла водрузивъ знамена, войны
1611. и Воеводы съ торжественными обрядами,
дали клятву не чинить ни Владислава
Царемъ, ни Бояръ Московскихъ Правите-
лями, служить Церкви и Государству до
избранія Государя новаго, не крамоль-
ствовать ни дѣломъ, ни словомъ, — блю-
сти законъ, тишину и братство, нена-
видѣть единственно враговъ опечесства,
злodeвъ, измѣнниковъ, и сражаться съ
ними усердно⁷⁴¹.

Битвы начались. Дѣлая вылазки, оса-
жденные дивились несмѣшности Россiянъ
и еще болѣе умнымъ распоряженiямъ ихъ
Вождей⁷⁴² — по есъ, Ляпунова, копо-
рый въ битвѣ 6 Апрѣля сѣжалъ имя
львообразнаго Спрашига⁷⁴³: его звучнымъ
голосомъ и примѣромъ одушевляемые, Рос-
сiяне кидались пѣшіе на всадниковъ, рѣ-
зались человекъ съ человекомъ, и вѣс-
нивъ непрiятеля въ крѣпость, ночью за-
няли берегъ Москвы-рѣки и Неглинной.
Ляхи щещно хотѣли выгнать ихъ оп-
туда; нападали конные и пѣшіе, имѣли
выгоды и невыгоды въ ежедневныхъ схвати-
кахъ, но видѣли уменьшеніе только сво-
ихъ: во многолюдствѣ осаждающихъ уронъ
былъ незамѣтенъ. Россiяне надѣялись на
время: Ляхи спрашивали времени, скуд-

ные людьми и хлѣбомъ. Гостѣвскій желалъ Г.
прекратить безполезныя вылазки, но сра- 1611.
жался иногда невольно, для спасенiя кор-
мовщиковъ, высылаемыхъ имъ тайно,
ночью, въ окрестныя деревни⁷⁴⁴; сражал-
ся и для того, чтобы имѣть пѣшни-
ковъ для размѣна. Извѣстивъ Короля о
сожженіи Москвы и приступѣ Россiянъ
къ сѣ пепелищу, онъ преbовалъ скорого
вспоможенiя, ободрялъ товарищей, совѣ-
товался съ гнуснымъ Салтыковымъ —
и еще испытывалъ силу души Ергогено-Твер-
вой. Къ спарцу вѣхому, изнуренному^{досто}
добровольнымъ постомъ и пѣснымъ за-Ерго-
геномъ. приходили наши измѣнники
и самъ Гостѣвскій съ увѣщанiями и съ
угрозами: хотѣли, чтобы онъ велѣлъ Ля-
пунову и сподвижникамъ его удалиться.
Опѣтивъ Ергогеновъ былъ пошъ же:
«пусти удалиться Ляхи!» Грозили ему
злую смертію: спарець указывалъ имъ
на небо, говоря: «боюся Единого, тамъ
живущаго»⁷⁴⁵! Невидимый для добрыхъ
Россiянъ, великій Іерархъ сообщался съ
ними молишвою; слышалъ звукъ битвъ
за свободу опечесства, и тайно, изъ глу-
бины сердца, пылающаго неугасимымъ
огнемъ добродѣтели, слалъ благословеніе
вѣрнымъ подвижникамъ!

Г. Къ несчастію, между сими подвижни-
1611. ками господствовало несогласіе: Воеводы
не слушались другъ друга, и рапины дѣй-
ствія безъ общей цѣли, единства и свя-
зи, не могли имѣть и важнаго успѣха⁷⁴⁶.

Из- Рвышлись торжественно избрать Началь-
браніе глав-ника; но, вмѣсто одного, выбрали трехъ:
ныхъ вѣрные Ляпунова, чиновные матежики
Вое- Тушинскіе Князя Дмитрія Трубецкаго,
ла- грабители - Козаки Атамана Заруцкаго,
чаль- чтобы такимъ зловѣщимъ выборомъ
ни- ушвердиль мнимый союзъ Россіянъ до-
ковъ. брыхъ съ измѣнниками и разбойниками,
коихъ находилось множество въ войскѣ.
Трубецкій, сверхъ знаиности, имѣлъ по
крайней мѣрѣ умъ Спрашига⁷⁴⁷ и нѣко-
торыя, еще благородныя свойства, усерд-
ствуя оказавъ себя достойнымъ высо-
каго сана: Заруцкій же, вмѣстѣ съ нимъ
выслуживъ Боярство въ Тушинѣ⁷⁴⁸, имѣлъ
одну смѣлую предприимчивость для удо-
влѣворенія своимъ гнуснымъ спрасіямъ,
не зная ничего святаго, ни Бога, ни оше-
чества. Сии рапины Тріумвиры сдѣлались
и государспвенными: ибо войско пред-
ставляло Роесію. Они писали указы въ
города, требуя запасовъ и денегъ еще
болѣе, нежели людей: гороба повинова-
лись, *многочествовали въ церквахъ бла-*

*госпрынми Князьми и Болрами*⁷⁴⁹, а въ Г.
своихъ донесеніяхъ били челомъ Синкли- 1611.
ту Великаго Россійскаго Государства, и
давали, что могли. Казань, спыдась сво-
его заблужденія⁷⁵⁰, снова присоединилась
къ отечеству, цѣловала крестъ бывъ
въ любви, въ единодушій со всею землею и
выслала дружины къ Москвѣ: области
Низовыя и Поморскія также⁷⁵¹. Пришли
и Смоленскіе Уѣздные Дворяне и дѣти
Боярскіе, бѣжавъ отъ Сигизмунда⁷⁵². Ляхи
гнались за ними, и многихъ изъ нихъ
умерщвили, какъ измѣнниковъ: остальные
шѣтъ ревностиже желали учаспвовать
въ народномъ подвигѣ Россіянъ⁷⁵³. При- Дѣй-
шелъ и Сапѣга съ своими шайками и за- стѣл
нялъ Поклонную гору, объявляя себя дру- Сапѣ-
гомъ Россіи. Ему не вѣрили; предложенія
его выслушали, но отвергнули⁷⁵⁴. Ата-
манъ разбойниковъ, осыпанный пепломъ
нашихъ городовъ, упученный нашею
кровію, хопѣлъ, какъ пишущъ, вѣнца Мо-
номахова: вѣрояише, что онъ хопѣлъ
милліоновъ, предлагая свои услуги. Не
обольстивъ Россіянъ, Сапѣга ударилъ на
часть ихъ спана противъ Лужниковъ;
отбиный, напалъ съ другой стороны,
близъ Тверскихъ ворошъ: не могъ одо-
лѣвъ многолюдства, и, по совѣшу Госѣв-

Г. скаго, взявъ опѣ него 1500 Ляховъ въ
 1611. сподвижники и Князя Григорія Ромо-
 новскаго въ пугеводинели, удался къ
 Переславию, чтобы грабить внутри Рос-
 сии и шревожить осаждающихъ. Въ слѣдъ
 за нимъ Ляпуновъ отрядилъ нѣсколько
 легкихъ дружинъ: Сапѣга разбилъ ихъ въ
 Александровской слободѣ, осадилъ Пере-
 славль, жегъ, злодѣйствовалъ, гдѣ хотѣлъ
 — и Россiяне Московскаго спана, видя
 за собою дымъ пылающихъ селеній, вдругъ
 слышали, въ Кипаѣ и Кремлѣ, необы-
 кновенный шумъ, громкія восклицанія,
 звонъ колоколовъ, спрѣльбу изъ пушекъ
 и ружей⁷⁵⁵: ждали вылазки, но узнали,
 что Ляхи только веселились и праздно-
 вали счастливую зѣнь о скоромъ при-
 бытіи къ нимъ Гепмана съ сильнымъ
 войскомъ — въспѣ еще несправедливую,
 копорая однакожь рѣшила Ляпунова и
 товарищей его не медлилъ. Они изгото-
 вились въ тишинѣ, и за часъ до разсвѣ-
 та (22 Маія) приступивъ къ Кипаю-го-
 роду⁷⁵⁶, взяли одну башню, гдѣ находи-
 лось 400 Ляховъ. Мѣсто было важно: Рос-
 сiяне могли опшуда громить пушками
 внутренность Кипая. Гостѣвскій избралъ
 смѣлыхъ, и вслѣлъ имъ, чего бы то ни
 стоило, вырвать сію башню изъ рукъ

При-
 ступъ
 къ Ки-
 пая-го-
 роду.

непріятеля: съ обнаженными саблями, Г.
 подъ карпечкою, Ляхи шли къ ней узкою^{1611.}
 стѣною, человекъ за человекомъ; кину-
 лись на пушки, рубили, выгнали Россiянъ,
 и мужественно отбили всѣ ихъ новыя
 приступы⁷⁵⁷. Въ другихъ мѣстахъ Ляпу-
 новъ, вездѣ первый, и Трубецкій имѣли
 болѣе успѣха: очисти́ли весь Бѣлый-го-
 родъ, взяли укрѣпленія на Козьмѣ боло-
 тѣ, башни Никитскую, Алексѣевскую,
 ворота Тресвяпскія, Чершольскія, Арбап-
 скія⁷⁵⁸, вездѣ послѣ жаркаго кровопроли-
 пія. Чрезъ пять дней сдался имъ и Дѣ-
 вичій монастырь съ двумя ропами Ля-
 ховъ и пашью спами Нѣмцевъ⁷⁵⁹. Въ по-
 же время Россiяне сдѣлали укрѣпленія за
 Москвою-рѣкою, спрѣляли изъ нихъ въ
 Кремль и препятствовали сношенію оса-
 жденныхъ съ Сигизмундомъ, опѣ коего
 Гостѣвскій, спѣсненый, изнуряемый, съ
 малымъ числомъ людей и безъ хлѣба,
 ждалъ избавленія.

Но Король все еще думалъ только о
 Смоленскѣ. Донесеніе Гостѣвскаго о сожже-
 нии Москвы и насупательномъ дѣйствіи
 многочисленнаго Россійскаго войска, по-
 лученное Сигизмундомъ⁷⁶⁰ вмѣстѣ съ про-
 фсями (или съ частію разграбленной Ля-
 хами ушвари и казны Царской), не пере-

Г. мѣнило его мыслей. Паны въ новой бѣсѣ-
1610. дѣ съ Филаретомъ и Голицынымъ (8 Апрѣ-
ля), жалѣя о несчастіи столицы, слѣд-
ствіи ея мятежнаго духа⁷⁶¹, спрашивали
ихъ мнѣнія о лучшемъ способѣ изгладить
зло. Съ слезами отвѣщивовалъ Минпро-
полишъ: »Уже не знаемъ! Вы легко могли
»предупредить сіе зло; исправилъ едва ли
»можете.« Послы соглашались однакожь
писатьъ къ Ермогену, Боярамъ и войску
объ унятіи кровопролитія, если Сигиз-
мундъ обѣжится немедленно выступить
изъ Россіи: чего онъ никакъ не хотѣлъ,
упорно пребуя Смоленска⁷⁶², и въ гнѣвъ
велѣлъ имъ наконецъ гошовипись къ ссыл-
кѣ въ Липву. »Ни ссылки, ни Липвы не
»боимся,« сказалъ умный Дьякъ Луговскій:
»но дѣлами насилія достигнете ли же-
»лаемаго?« Угроза совершилась: вопреки
всему священному для Государей и наро-
довъ, взяли Пословъ... еще мало: огра-
били ихъ какъ въ темномъ лѣсу или въ
вертепѣ разбойниковъ; оплдали воинамъ,
повезли въ ладіяхъ къ Кіеву; безчестили,
срамили мужей винимыхъ только въ до-
бродѣтели, въ ревности ко благу отече-
ства и къ исполненію государственныхъ
условій⁷⁶³!... Одинъ изъ Ляховъ
еще стыдился за Короля, Республику и

По-
слы
Мо-
сков-
скіе
оп-
пра-
влены
въ Ли-
пву.

самого себя: Жолкѣвскій. Сигизмундъ пред- Г.
лагалъ ему главное начальство въ Москвѣ 1611.
и въ Россіи. »Поздно!« отвѣщивовалъ
Гепманъ, и съ негодованіемъ удался въ
свои маестности⁷⁶⁴, мимо коихъ везли Фи-
ларета и Голицына: онъ прислалъ къ
нимъ, въ знакъ уваженія и ласки, спро-
ситъ о здоровьи. Знаменистые спирадалъ-
цы написали къ Жолкѣвскому: »Вспомни
»крестное цѣлованіе; вспомни душу! Въ
»чемъ клялся ты Московскому Государ-
»ству? и что дѣлаешься? Есть Богъ и
»вѣчное правосудіе!⁷⁶⁵

Не спрашась сего правосудія, Король
въ письмахъ къ Боярамъ Московскимъ хва-
лился своею милостію къ Россіи, благо-
дарилъ за ихъ вѣрность и непричастіе
къ бунту Ермогена и Ляпунова⁷⁶⁶, обѣ-
щалъ скорое усмиреніе всѣхъ мятежей,
а Гостѣвскому скорое избавленіе, позволяя
ему употреблять на жалованье войску не
только сокровища Царскія⁷⁶⁷, но и все
имѣніе богатыхъ Москвитянъ — и возобно-
вилъ приступы къ Смоленску⁷⁶⁸, снова не-
удачные. Шейнъ, воины его и граждане ока-
зывали болѣе, нежели храбрость: истин-
ное геройство, безбоязненность неизмѣн-
ную, хладнокровную, нечувствительность
къ ужасу и спраданію, рѣшительность

г. 1611. шептѣть до конца, умереть, а не сдать-
ся. Уже двадцать мѣсяцевъ продолжалась
осада: запасы, силы, все истощилось, кро-
мѣ великодушія; все сносили, безмолвно,
не жалуясь, въ тишинѣ и въ повинове-
ніи, львы для враговъ, агнцы для началь-
никовъ. Осталась едва пылая доля за-
щитниковъ, не столько отъ ядеръ, пулъ
и сабель непріятельскихъ, сколько отъ
прудовъ и болѣзней; смертоносная цын-
га, произведенная недостаткомъ въ соли
и въ укусахъ⁷⁶⁹, довершила бѣдствіе — но
еще сражались! Еще Ляхи имѣли нужду
въ злодѣйской измѣнѣ, чтобы овладѣть
городомъ: бѣглець Смоленскій, Андрей Де-
дишинъ⁷⁷⁰, указалъ имъ слабое мѣсто
крѣпости: новую стѣну, дѣланную въ
Взя-
тіе
Смо-
лен-
ска. осень на-скоро и не прочно. Сію стѣну
безпрестанною пальбою обрушили — и
въ полночь (3 Іюня) Ляхи вломились въ
крѣпость, шумъ и въ другихъ мѣстахъ,
оспаивенныхъ малочисленными Россіяна-
ми для защиты пролома. Бились долго
въ развалинахъ, на стѣнахъ, въ улицахъ,
при звукѣ всѣхъ колоколовъ и святомъ
пѣніи въ церквахъ, гдѣ жены и сироты
молились. Ляхи, вездѣ одолевая, стреми-
лись къ главному храму Богоматери, гдѣ
заперлись многіе изъ гражданъ и купцевъ

съ ихъ семействами, богатствомъ и по- г. 1611.
роховою казною. Уже не было спасенія:
Россіяне зажгли порохъ и взлетѣли на
воздухъ, съ дѣтьми, имѣніемъ — и сла-
вою! Отъ спрашнаго взрыва, грома и
преска непріятель оцѣпенѣлъ, забывъ на
время свою побѣду, и съ равнымъ ужа-
сомъ видя весь городъ въ огнѣ, въ копо-
рый жители бросали все, что имѣли дра-
гоценнаго, и сами съ женами бросались,
чтобы оставить непріятелю только пе-
нелъ, а любезному отечеству примѣръ
добродѣтели. На улицахъ и площадяхъ
лежали груды тѣлъ сожженныхъ. Смо-
ленскъ явился новымъ Сагуномъ⁷⁷¹, и
не Польша, но Россія могла торжество-
вать сей день, великій въ ея дѣлопи-
сяхъ⁷⁷².

Еще одинъ воинъ стоялъ на высокой
башнѣ съ мечемъ окровавленнымъ и про-
шивился Ляхамъ: доблій Шейнъ. Онъ хо-
тѣлъ смерти; но предъ нимъ плакали
жена, юная дочь, сынъ малолѣтній⁷⁷³:
пронутый ихъ слезами, Шейнъ объявилъ,
что сдастся Вождю Ляховъ — и сдался
Потоцкому. Вѣрить ли Лѣтописцу, что
сего Героя оковали цѣпами въ спанѣ Ко-
ролевскомъ и пытали, допытываясь о ка-
знѣ Смоленской, будто бы имъ сокры-

г. 1611. шой⁷⁷⁴? Король взялъ къ себѣ его сына; жену и дочь отдалъ Льву Сапѣгѣ; самого Шеина послалъ въ Литву узникомъ. — Пленниками были еще Архіепископъ Сергій, Воевода Князь Горчаковъ и 300 или 400 Дѣшей Боярскихъ⁷⁷⁵. Во время осады изгнано въ городѣ, какъ увѣряютъ, не менѣе семидесяти тысячъ людей; она до того сполна и Ляхамъ: едва третья доля Королевской раши осталась въ живыхъ, огнемъ лишенная добычи, а съ нею и ревности къ дальнѣйшимъ подвигамъ, пакъ, что слушая торжественное благодареніе Сигизмундово, за ея великое дѣло, и новые щедрые обѣты его, войны смѣялись, сполно разъ мнимые наградами и сполно разъ обманутые. Но Сигизмундъ восхищался своимъ блестящимъ успѣхомъ⁷⁷⁶; далъ Потоцкому грамоту на спарство Камецецкое, при днѣ угощалъ сподвижниковъ, велѣлъ изобразить на медаляхъ завоеваніе Смоленска, и съ гордою извѣстилъ о томъ Бояръ Московскихъ, которые оповѣщивали, что съшуя о гибели единокровныхъ братьевъ, радуясь его побѣдѣ надъ непослушными и славятъ Бога⁷⁷⁷!... Торжество еще разишельнѣйшее ожидало Сигизмунда, но уже не въ Россіи.

Историки Польскіе, строго осуждая г. 1611. его неблагоразуміе въ семъ случаѣ, пишутъ, что если бы онъ, взявъ Смоленскъ, немедленно устремился къ Москвѣ, то войско осаждающихъ, видя съ одной стороны наступленіе Короля, съ другой смѣлаго вицязя Сапѣгу, а предъ собою неодолимаго Госѣвскаго, разсѣялось бы въ ужасѣ какъ спадо овецъ; что Король вошелъ бы побѣдителемъ въ Москву, съ Думою Боярскою умирилъ бы Государство, или давъ ему Владислава, или присоединивъ оное къ Республикѣ, и возвратился бы въ Варшаву завоевателемъ не одного Смоленска, но цѣлой Державы Россійской⁷⁷⁸. Заключеніе едва ли справедливое: ибо тысячъ пять успалыхъ воиновъ, съ Королемъ мало уважаемымъ Ляхами и ненавидимымъ Россіианами, не сдѣлали бы, вѣроятно, болѣе того, что сдѣлалъ послѣ новый его Военачальникъ, какъ увидимъ: не премѣнило бы судьбы, назначенной Провидѣніемъ для Россіи!

Сей Военачальникъ, Гепманъ Литовскій, Ходкѣвичъ, знаменитый опытною и мужествомъ, дополь дѣйствовавъ съ успѣхомъ противъ Шведовъ, былъ вызванъ изъ Ливоніи, чтобы идти съ войскомъ къ Москвѣ, вмѣсто Сигизмунда,

г. кошорый неперпѣливо желалъ успокоить-
1610. ся на лаврахъ, и немедленно уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ Сенашъ и народъ съ веселіемъ привѣтствовали въ немъ Героя. Но блестящее торжество для него и Республики совершилось въ день достопамятный, когда Жолкѣвскій явился въ

Шуй-сполицѣ съ своимъ Державнымъ плѣнникомъ, несчастнымъ Шуйскимъ. Сіе зрѣ-
скіевъ
Вар-
шавѣ. лице, данное щеславіемъ щеславію, надмевало Ляховъ ошъ Монарха до послѣдняго шляхтича, и было, какъ они думали, несомнительнымъ знакомъ ихъ уже рѣшеннаго первенства надъ нами, концемъ долговременнаго боренія между двумя великими народами Славянскими. Упромъ (19 Октябрю), при несмѣнномъ стеченіи любопытныхъ, Гешманъ ѣхалъ Краковскимъ предмѣстіемъ ко дворцу, съ дружиною благородныхъ всадниковъ, съ Вельможами Коронными и Лишовскими, въ шестидесяти карешахъ¹⁷⁹; за ними, въ ошкрытой богашой колесницѣ, на шести бѣлыхъ аргамакахъ, Василій, въ парчевой одеждѣ и въ черной лисьей шапкѣ, съ двумя брапьями, Князьями Шуйскими, и съ Капишаномъ Гвардіи; далѣе Шениъ, Архіепископъ Сергій и другіе Смоленскіе плѣнники въ особенныхъ карешахъ¹⁸⁰. Ко-

роль ждалъ ихъ во дворцѣ, сидъ на шро-
нѣ, окруженный Сенаторами и чиновни-
ками, въ глубокой пишинѣ. Гешманъ
1610. ввелъ Царя-невольника и представилъ Сигизмунду. Лице Василія изображало печаль, безъ стыда и робости: онъ держалъ шапку въ рукѣ, и легкимъ накло-неніемъ головы привѣтствовалъ Сигизмунда. Всѣ взоры были устремлены на сверженнаго Монарха, съ живѣйшимъ любопытствомъ и наслажденіемъ: мысль о превращеніяхъ рока и жалость къ несчастію не мѣшала воспоргу Ляховъ. Продолжалось молчаніе: Василій также внимательно смотрѣлъ на лица Вельможъ Польскихъ, какъ бы искалъ знакомыхъ между ими, и нашелъ: опца Маринина, имъ спасеннаго ошъ ужасной смерти, и въ сію минушу счастливаго его бѣд-
спіемъ¹⁸¹!... Наконецъ Гешманъ прервалъ безмолвіе высокопарною рѣчью, не весьма искреннею и скромною: »дивился въ ней разительнымъ переменамъ въ судьбѣ Государствъ и счастью Сигизмунда; хвалилъ его мужество и швердоссть въ обшпопашельствахъ шрудныхъ; шславилъ завоеваніе Смоленска и Москвы; шказывалъ на Царя, преемника великихъ шСамодержцевъ, еще недавно ужасныхъ для

1. 1611. »Республики и всѣхъ Государей сосѣдственныхъ, даже Сулпана и почти цѣлаго міра; указывалъ и на Дмитрія Шуйскаго, Предводителя ста - осьмидесяти тысячъ воиновъ храбрыхъ; исчислялъ Царства, Княженія, области, народы и богатство, коими владѣли сіи плѣнники, всемо лишеныя умомъ Сигизмундовымъ, взятыя, повергаемыя къ ногамъ Королевскимъ... Тупъ (пишутъ Ляхи) Василій, кланаяся Сигизмунду, опустилъ правую руку до земли и приложилъ себѣ къ губамъ: Дмитрій Шуйскій ударилъ челомъ въ землю, а Князь Иванъ при ра-за, и заливался слезами. Гепманъ поручалъ ихъ Сигизмундову великодушію; до-казывалъ Испорію, что и самые зна-менинѣйшіе Вѣнценосцы не могутъ на-зваться счастливыми до конца своей жизни, и ходапайствовалъ за несчаст-ныхъ.»

Великодушіе Сигизмунда состояло въ обузданіи мстительныхъ друзей Воеводы Сендомирскаго, которые пылали непре-рѣннымъ сказать торжественно Василію, что онъ не Царь, а злодѣй, и недостойнъ милосердія, измѣнивъ Дмитрію, упивъ стогны Московскія кровію благородныхъ Ляховъ, обезчестивъ Пословъ Королев-

скихъ, вѣнчанную Марину, ея Вельмож-наго опца, и въ бѣдствіи, въ неволѣ дер-залъ бытъ гордымъ, упрямымъ⁷⁸², какъ бы въ посмѣяніе надъ судьбою:» упрекъ достохвальный для Царя злополучнаго и несогласный съ извѣстіемъ о мнимомъ униженіи его предъ Королемъ⁷⁸³! — На-сыпавъ глаза и сердце зрѣлищемъ лест-нымъ для народнаго самолюбія, послали Василія въ Гостинскій замокъ, близъ Варшавы, гдѣ онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (12 Сентября 1612) кончилъ жизнь бѣд-ственную, но не безславную; гдѣ умерли и его братья, менѣе пвердые въ уничи-женіи и въ неволѣ⁷⁸⁴. Чтобы увѣковѣ-чить свое торжество, Сигизмундъ воз-двигнулъ мраморный памятникъ надъ мо-гилою Василія и Князя Дмитрія въ Варшавѣ, въ предмѣстіи Краковскомъ, въ но-вой часовнѣ у церкви Креста Господня, съ слѣдующею надписью: »Во славу Царя Царей, одержавъ побѣду въ Клушинѣ, за-нявъ Москву, возвративъ Смоленскъ Рес-публикѣ, плѣнивъ Великаго Князя Мо-сковскаго, Василія, съ братомъ его, Кня-земъ Дмитріемъ, Главнымъ Воеводою Рос-сійскимъ, Король Сигизмундъ, по ихъ смерти, велѣлъ здѣсь честно схоронить тѣла ихъ, не забывая общей судьбы че-

Г.
1611.

Г. словѣческой, и въ доказательство, что
1611. во дни его царствованія не лишались
погребенія и враги, Вѣщеносцы безза-
конныя⁷³⁵! — Во времена лучшія для
Россіи, въ государствование Михаила, Поль-
ша должна была опдасть ей кости Шуй-
скихъ; во времена еще славнѣйшія, въ го-
сударствованіе Петра Великаго, опдала
сему ревностному заступнику Августа II
и другой памятникъ нашей незгоды: кар-
тину взятія Смоленска и Василіева по-
зора въ неволѣ, писанную искуснымъ ху-
дожникомъ Долабеллою⁷³⁶. Рукою могу-
щества спершы знаменія слабости!

Еще имѣя нѣкоторый спыдъ, Король
не явилъ Филарета, Голицына и Мезец-
каго въ видѣ плѣнниковъ въ Варшавѣ:
ихъ, вмѣстѣ съ Шейнымъ, помили въ
неволѣ девять лѣтъ, славныхъ особенно
для Филаретовой добродѣтели: ибо не
только Липовскіе единовѣрцы наши, но
и Вельможи Польскіе, дивясь его швердо-
сти, разуму, великодушію, оказывали
искреннее къ нему уваженіе. Онъ дожилъ,
къ счастію, до свободы; дожилъ и зна-
менистый Шейнъ, къ несчастію своему
и къ горести Россіи⁷³⁷!...

Между тѣмъ, не взирая на паденіе
Смоленска, на торжествъ Сигизмундово

и важныя приготовленія Гетмана Ходкѣ- Г.
вича, Воеводы Московскаго спана имѣли 1611.
бы время и способъ одолѣть упорную за-
щиту Гостѣвскаго, если бы они дѣйство-
вали съ единодушною ревностію; но съ
Ляпуновымъ и Трубецкимъ сидѣлъ въ со-
вѣтѣ, начальствовалъ въ битвахъ, дѣлилъ
власть государственную и воинскую...
злодѣй, коего умыселъ гнусный уже не умы-
блъ тайною. Атаманъ Заруцкій, силь- селъ
ный числомъ и дерзостію своихъ Коза- Заруц-
ковъ-разбойниковъ, алчный, ненасытный каго
въ любосплжаніи, пользуясь смутными рпы.
обстоятельствами, не только хващаль
все, что могъ, цѣлые города и волости
себѣ въ добычу⁷³⁸ — не только давалъ
Козакамъ опустошашъ селенія, жить гра-
бежемъ, какъ бы въ землѣ непріятель-
ской, и плавалъ съ ними въ изобиліи, ко-
гда другіе воины едва не умирали съ го-
лodu въ спанѣ: но мыслилъ схватить и
Царство! Марипа была въ рукахъ его:
пщешно писавъ изъ Калуги жалобныя
грамоты къ Сапѣгѣ⁷³⁹, чтобы онъ спасъ
ея честь и жизнь ошъ свирѣпыхъ Рос-
сіянъ, сія безсмыдная кинулась въ объ-
птія Козака, съ условіемъ чтобы Заруц-
кій возвелъ на престолъ Лжедимитріева
сына-младенца и, въ качествѣ Правителя,

г. властвовалъ съ нею! Что нелѣпое и без-
 1611. умное могло казаться тогда несбыточ-
 нымъ въ Россіи? Лицемерно приставъ
 къ Трубецкому и Ляпунову — взявъ подъ
 надзоръ Марину, переведенную въ Колом-
 ну — имѣя дружелюбныя сношенія и съ
 Гостѣвскимъ⁷⁹⁰, обманывая Россіянь и Ля-
 ховъ, Заруцкій умножалъ свои шайки пре-
 лестію добычи, искалъ единомышленни-
 ковъ, въ пользу Лжецаревича Іоанна, ме-
 жду людьми чиновными, и находилъ⁷⁹¹,
 но еще не довольно для успѣха вѣроят-
 наго. Ковъ огласился — и Ляпуновъ пред-
 пріялъ, одинъ, безъ слабаго Трубецкаго,
 если не вдругъ обличить злодѣя въ Апа-
 манъ многочисленныхъ шаекъ, то обуздавъ
 его беззаконія, копорыя давали ему силу.

Ляпуновъ сдѣлалъ, что всѣ Дворяне,
 Дѣти Боярскіе, люди служивые написали
 челобитную къ Тріумвирамъ о собраніи
 Думы Земской, шребуя ушавовъ для бла-
 гоушстройства и казни для преступни-
 ковъ⁷⁹². Къ досадѣ Заруцкаго и даже Тру-
 бецкаго, сія Дума сославилась изъ Вы-
 борныхъ войска, чшобы дѣйствовать име-
 немъ опечесства и Чиновъ Государствен-
 ныхъ, хопя и безъ знашнаго Духовенства,
 безъ мужей Синклипа. Она ушвердила
 власть Тріумвировъ⁷⁹³, но предписала имъ

правила; ушавила: »1) Взять помѣстья г.
 у людей сильныхъ, копорыя завладѣли^{1611.}
 ими въ мятежныя времена безъ земскаго^{устан.}
 приговора, раздать скуднымъ Дѣтямъ^{грамо-}
 Боярскимъ или употребить доходы оныхъ
 на содержаніе войска; взять также все
 данное именемъ Владислава или Сигиз-
 мунда, *сверхъ старыхъ окладовъ*, Боярамъ
 и Дворцанъ, оставшимся въ Москвѣ съ
 Липвою; взять помѣстья у всѣхъ ху-
 дыхъ Россіянь, ископавшихъ въ годину
 чрезвычайныхъ опасностей ѣхавъ на
 службу опечесства или самовольно уѣз-
 жающихъ изъ Московскаго сипана; взять
 въ казну всѣ доходы пипейные и па-
 моженные, беззаконно присвоенные себѣ
 и копорыи *Воеводами* (вѣроятно За-
 руцкимъ). »2) Снова учредить Вѣдомство
 Помѣстное, Казенное и Дворцовое для
 сборовъ хлѣбныхъ и денежныхъ. 3) Ура-
 внять, землями и жалованьемъ, всѣхъ
 саповниковъ безъ разбора, гдѣ кто *слу-*
жилъ: въ Москвѣ ли, въ Тушинѣ или въ
 Калугѣ, смопря по ихъ достоинству и
 чину. 4) Не касаться имѣнія добрыхъ
 Россіянь, убитыхъ или плѣненныхъ Ли-
 пвою, но отдавать его ихъ семействамъ
 или соблюсти до возвращенія плѣнни-
 ковъ; не касаться также имѣнія церквей,

Г. 1611. «монастырей и Патриаршаго; не касашь-
ся ничего, данного Царемъ Василиемъ въ
«награду сподвижникамъ Князя Михаила
«Скопина - Шуйскаго и другимъ воинамъ
«за вѣрную службу. 5) Назначишь жало-
«ванье и доходы сановникамъ и Дѣтямъ
«Боярскимъ, коихъ помѣстья заняты или
«опущены Липвою, и копорые сполнѣ
«нынѣ со всею землею противъ измѣнни-
«ковъ и враговъ. 6) Для посылокъ въ го-
«рода упоиреблять единственно Дворянъ
«раненныхъ и неспособныхъ къ бою, а
«всѣмъ здоровымъ возвратишься къ зна-
«менамъ. 7) Кто нынѣ умреть за опе-
«чество, или будетъ изувѣченъ въ би-
«твахъ, тѣхъ имена да внесуся въ Роз-
«рядныя Книги, вмѣстѣ съ неложнымъ
«описаніемъ всѣхъ дѣлъ знаменитыхъ, на
«память вѣкамъ. 8) Атаманамъ и Коза-
«камъ спрого запретишь всякіе разбѣды
«и насилія; а для кормовъ посылашь шоль-
«ко Дворянъ добрыхъ съ Дѣтьми Боярски-
«ми. Кто же изъ людей воинскихъ дерз-
«неть грабить въ селеніяхъ и на доро-
«гахъ, тѣхъ казнишь безъ милосердія: для
«чего возстановишься спарый Московскій
«Приказъ Разбойный или Земскій. 9) Упра-
«вляешь войскомъ и землею шремъ избран-
«нымъ Власищеламъ, но не казнишь ни-

«кого смертію и не ссылатъ безъ торже- Г. 1611.
«ственного земскаго приговора, безъ суда и
«вины законной; кпо же убьешь человека
«самовольно, того лишишь жизни, какъ
«злодѣя. 10) А если избранные Власи-
«щели не будутъ радѣть вседушно о бла-
«гѣ земли и слѣдоваъ успавленнымъ
«здѣсь правиламъ, или Воеводы не будутъ
«слушаться ихъ безпрекословно: по мы
«вольны всею землею переѣнишь Власи-
«щелей и Воеводъ, и выбрать иныхъ,
«способныхъ къ бою и дѣлу земскому.»

Сію важную, уставную грамоту, озна-
менованную духомъ умѣренности, любви
къ общему государственному благу и
спнисхожденія къ несчастнымъ обстоя-
тельствамъ времени, подписали Триумви-
ры (Ляпуновъ вмѣсто Заруцкаго, вѣрояп-
но безграмотнаго), при Дѣяка, Окольні-
чій Артемій Измайловъ, Князь Иванъ
Голицынъ, Вельяминовъ, Иванъ Шереме-
шевъ и множество людей безчиновныхъ
опъ имени двадцати-пяти городовъ и вой-
ска²²⁴. Дали и старались исполнить за-
конъ; возстановили хотя шѣнь Прави-
тельства, бездушнаго въ Самодержавіи
безъ Самодержца. Но Ляпуновъ уже зани-
мался и главнымъ дѣломъ: вопросомъ, гдѣ
искашь лучшаго Царя для одушевленія

Г. Россіи? Уже, перемѣнивъ мысли¹⁹⁵, онъ
 1611. думалъ, подобно Мстиславскому и дру-
 Види Ляпу- гимъ, что сей *лучшій* Царь долженъ бытъ
 пова. пноземецъ Державнаго племени, безъ свл-
 зей наслѣдственныхъ и личныхъ, род-
 ственниковъ и клевреповъ, враговъ и
 завистниковъ между подданными. Недо-
 стпавало времени обозрѣть всѣ Державы
 Христіанскія, искалъ далеко, сноситься
 долго: ближайшее казалось и выгоднѣй-
 шимъ, общая намъ, вмѣсто вражды, миръ
 и союзъ. Ляхи насъ обманули: мы еще
 могли испытать Шведовъ, менѣе про-
 шивныхъ Россійскому народу. Неправиль-
 нъ Ляхамъ кипѣла во всѣхъ сердцахъ: не-
 правильнъ къ Шведамъ была только испори-
 ченнымъ воспоминаніемъ Новгородскимъ
 — и даже Новгородъ, какъ увѣряють,
 мыслить въ случаѣ крайности поддаться
 скорѣе Шведамъ, нежели Сигизмунду¹⁹⁶.
 Что предлагалъ Делагарди самъ собою,
 того уже ревностно хотѣлъ Карлъ IX:
 данъ намъ сына въ Цари; уполномочилъ
 Вождя своего для всѣхъ важныхъ догово-
 ровъ съ Россією, и писалъ къ ея Чинамъ
 Государственнымъ, что Сигизмундъ, бу-
 дучи орудіемъ Іезуитовъ или Папы, же-
 лаетъ властвовать надъ нсю единствен-
 но для искорененія Греческой Вѣры; что

Король Испанскій въ заговорѣ съ ними и Г.
 намѣренъ занять Архангельскъ или гавань 1611.
 Св. Николая; но что Россія въ нынѣшномъ
 союзѣ съ Швецією можетъ презирать и
 Ляховъ и Папу и Короля Испанскаго¹⁹⁷.
 Россія видѣла Шведовъ въ Клушинѣ! Мо-
 гла однакожъ извинять ихъ невѣрностію
 невѣрностію своихъ, и помнила, что они съ
 незабвеннымъ Княземъ Михаиломъ освободили
 Москву. Ляпуновъ рѣшился вступить въ
 переговоры съ Генераломъ Делагарди.

Желая утвердить вѣчную дружбу съ
 нами, Шведы въ сіе время продолжали дела
 безсовѣстную войну свою въ древнихъ Швед-
 областяхъ Новгородскихъ, и пыщепно дамы.
 хотѣвъ взять Орьшекъ¹⁹⁸, взяли нако-
 нецъ Кексгольмъ, гдѣ изъ трехъ тысячъ
 Россіянъ, испребленныхъ битвами и цын-
 гою, оставалось только сто человекъ,
 вышедшихъ свободно, съ имѣніемъ и зна-
 менами: ибо непріятель еще спрашивалъ
 ихъ опчальнѣя, свѣдавъ, что они готовы
 взорвать крѣпость и взлетѣть съ нею
 на воздухъ! Дикія скалы Корельскія про-
 славились великодушіемъ защитниковъ,
 достойныхъ сравненія съ Геролми Лавры
 и Смоленска! Къ сожалѣнію, Новгородцы
 не имѣли такого духа, и хваляся нена-
 вистію къ одному врагу, къ Ляхамъ, какъ

Г. бы безопасно видѣли завоеванія другаго: 1611. уже Делагарди стоялъ на берегахъ Волхова! Бояринъ Иванъ Салтыковъ, начальствуя въ Новгородѣ, внутренно благопріятствовалъ, можетъ быть, Сигизмунду⁷⁹⁹: по крайней мѣрѣ дѣйствовалъ усердно противъ Шведовъ; но его уже не было. Свѣдавъ, что онъ намѣренъ итти съ войскомъ къ Москвѣ, Новгородцы встревожились; не вѣрили сыну злодѣя и ревнишело Владиславова царствованія, опасаясь въ немъ гоповаго сподвижника Ляховъ; призвали Салтыкова изъ Ладожскаго сѣлана, удостовѣрили крестнымъ обѣщаніемъ въ личной безопасности — и посадили на колъ, возбужденные къ дѣлу споль гнусному злымъ Дьякомъ Самсоновымъ⁸⁰⁰! Издыхая въ мукахъ, злосчастный клялся въ своей невинности; говорилъ: «не знаю опца, знаю только опечество, «и буду вездѣ рѣзаться съ Ляхами»... Жертва беззаконія человѣческаго и правосудія Небеснаго: ибо сей юный, умный Бояринъ въ день Клушинской битвы усердіемъ другихъ измѣнниковъ способствовалъ порженію Ляховъ и сраму Россіянъ⁸⁰¹!... На мѣсто Салтыкова Ляпуновъ прислалъ Воеводу Бушурлина, а въ слѣдъ за нимъ и Князя Троекурова,

Думнаго Дворянина Собакина, Дьяка Ва- г. силева, чтобы немедленно условиться 1611. во всемъ съ Генераломъ Делагарди, который съ пятью тысячами воиновъ находился уже близъ Хушынской Обишели⁸⁰². Переговоры начались въ его спанѣ. «Судьба Россіи» — сказалъ ему Бушурлинъ — «не терпитъ Вѣщеносца опечественнаго: «два бѣдственныя избранія доказали, что «подданному нельзя быть у насъ Царемъ «благословеннымъ»⁸⁰³. Ляпуновъ хотѣлъ мира, союза съ Шведами и Принца ихъ, юнаго Филиппа, въ Государя; а Делагарди прежде всего хотѣлъ денегъ и крѣпостей въ залогъ нашей искренности: требовалъ Орѣшка, Ладоги, Ямы, Копорья, Ивангорода, Гдова⁸⁰⁴. «Лучше умереть на своей «землѣ, нежели искать спасенія такими «уступками,» отвѣщивали Россійскіе Сановники, и заключили только перемиріе, чтобы описаться съ Ляпуновымъ. Наученный обманомъ Сигизмунда, сей Властитель не думалъ дѣлаться Россіею съ Шведами; соглашался однакожь впустить ихъ въ Невскую крѣпость и выдать имъ нѣсколько тысячъ рублей изъ казны Новгородской, если они поспѣшатъ къ Москвѣ, чтобы вмѣстѣ съ вѣрными Россіянами очистишь ея престоль отъ шѣли

г. 1611. Владиславовой — для Филиппа. Все зависло опять Делагарди, какъ прежде опять Сигизмунда, — и Делагарди сдѣлалъ тоже, что Сигизмундъ: предпочелъ городъ Державъ!... Если бы онъ неукоснительно присоединился къ нашему войску подъ столицей, чтобы усилить Ляпунова, раздѣлилъ съ нимъ славу успѣха, истребилъ Гостѣвскаго и Сапѣгу, опразднилъ Ходкѣвича, возстановилъ Россію: то вѣнецъ Мономаховъ, испорченный изъ рукъ Липовскихъ, возвратился бы, вѣроятно, попомощи Варяжскому, и братъ Гуслава Адольфа или самъ Адольфъ, въ освобожденной Москвѣ законно избранный, закономъ утвержденный на престолъ Великою Думою Земскою, включилъ бы Россію въ систему Державъ, которыя, чрезъ нѣсколько лѣтъ, Вестфальскимъ миромъ основали равновѣсіе Европы до временъ новѣйшихъ!

Но Делагарди, снискавъ личную пріязнь Бушурлина, бывшаго Геммапова плѣнника и ревностнаго ненавистника Ляховъ, вздумалъ, по шайному совѣту сего легкомысленнаго Воеводы, какъ пишутъ⁸⁰⁵ — захвативъ древнюю столицу Рюрикову, чтобы возвративъ ее Московскому Царю-Шведу, или удержавъ какъ важное

приобрѣтеніе для Швеціи. Срокъ переми- г. 1611.
рія минулъ, и Делагарди, жалуюсь, что Новгородцы не даютъ ему денегъ, изъ-вляютъ расположеніе непріятельское, укрѣпляютъ, жгутъ деревянныя зданія близъ вала, ставятъ пушки на стѣнахъ и башняхъ⁸⁰⁶, приблизился къ Колмову монастырю, устроилъ войско для нападенія, тайно высматривалъ мѣста и дружелюбно угощалъ пословъ Ляпунова. Бушурлисъ съ нимъ не разлучался, празднуя въ его станѣ. Другіе Воеводы также безопасно пили въ Новгородѣ; не берегли ни стѣнъ, ни башенъ; жипели ссорились съ людьми рапными; купцы возили товары къ Шведамъ. Ночью съ 15 на 16^{Нов-} Июля⁸⁰⁷ Делагарди, объявивъ своимъ чи-^{городъ} новникамъ, что *враждебный* Новгородъ, ^{взлптъ} Гепе-^{ра-} *великій* именемъ, славный богатствомъ, ^{ломъ} не страшный силами, долженъ быть ихъ ^{Дела-} легкою добычею и важнымъ залогомъ, съ ^{гарди} помощію одного слуги измѣнника, Ивана Швала, незапно вломился въ западную часть города, въ Чудинцовскія ворота. Въ спали: обыватели и спража. Шведы рѣзали безоружныхъ. Скоро раздался вопль изъ конца въ конецъ, но не для бѣгвы: кидались опять ужаса въ рѣку, спасались въ крѣпость, бѣжали въ поле и въ лѣса⁸⁰⁸;

г. а Бушурлинъ Московскою дорогою съ
1611. Дѣпymi Боярскими и Спрѣльцами, имѣвъ
однакожь время выграбиль лавки и дома
знапѣйшихъ купцевъ. Сражалась шоль-
ко гореть людей подъ начальствомъ Го-
ловы Спрѣлецкаго, Василія Гаюпина,
Ашамана Шарова, Дьяковъ Голенищева и
Орлова; не хотѣла сдаться и легла на
мѣстѣ. Еще одинъ домъ на Торговой Спо-
ровѣ казался неодолимою твердынею:
Шведы приступали и не могли взять
его. Тамъ мужествовалъ Протоіерей Со-
фійскаго храма, Аммосъ, съ своими друзья-
ми, въ глазахъ Митрополиша Исидора,
который на спѣнахъ крѣпости пѣлъ мо-
лебны, и видя такую доблесть, издали
давалъ ему благословеніе крестомъ и ру-
кою, снявъ съ него какую-то еписимію
церковную. Шведы сожгли наконецъ и
домъ и хозяина, послѣдняго славнаго Но-
вгородца въ Исторіи⁸⁰⁹! Уже не находя
сопротивленія, они искали добычи; но
пламя объяло вдругъ нѣсколько улицъ, и
Воевода Болринъ Князь Никиша Одоев-
скій, будучи въ крѣпости съ Митропо-
лишомъ, немногими Дѣпymi Боярскими
и народомъ малодушнымъ, предложилъ
Генералу Делагарди мирныя условія. За-
ключили, 17 Іюля⁸¹⁰, слѣдующій договоръ

опъ имени Карла IX и Новгорода, съ въ- г.
дома Болръ и народа Московскаго, ушвер- 1611.
ждая всякую спашью крестнымъ цѣло- Дого-
ваніемъ за себя и потомство: воръ Шве-
домъ

1) Былъ вѣчному миру между обѣими съНо-
Державами, на основаніи Теузискаго⁸¹¹ до- горю-
говора. Мы, Новгородцы, отвергнувъ домъ.
Короля Сигизмунда и наслѣдниковъ его,
Литву и Ляховъ вѣроломныхъ, признаемъ
своимъ защитникомъ и покровителемъ Ко-
роля Шведскаго, съ тѣмъ, чтобы Россіи
и Швеціи вмѣстѣ противились сему врагу
общему, и не мириться одной безъ другой.

2) Да будетъ Царемъ и Великимъ Кня-
земъ Владимірскимъ и Московскимъ сынъ
Короля Шведскаго, Густавъ Адольфъ или
Филиппъ. Новгородъ цѣлуется ему крестъ
въ вѣрности, и до его прибытія обяза-
вается слушать военачальника Іакова Де-
лагарди во всемъ, что касается до чести
упомянутаго сына Королевскаго и до го-
сударственнаго, общаго блага; вмѣстѣ съ
нимъ, Іаковомъ, ушвердить въ вѣрности
къ Королевичу все города своего Княже-
ства, обороняя ихъ и не жалѣть для
того самой жизни. Мы, Исидоръ Митро-
полишъ, Воевода Князь Одоевскій и все
иные сановники, клянемся ему, Іакову,
быть искренними въ совѣтѣ и ревност-

Г. 1611. ными на дѣлѣ; немедленно сообщать все, что узнаемъ изъ Москвы и другихъ мѣстъ Россіи; безъ его вѣдома не замыслиать ничего важнаго, особенно вреднаго для Шведовъ, но предостерегать и хранить ихъ во всѣхъ случаяхъ; также объявить добросовѣстно всѣ приходы казенные, наличныя деньги и запасы, чѣмъ удовольствовать войско, снабдить крѣпости всѣмъ нужнымъ для ихъ безопасности и тѣмъ успѣшнѣе смирить непослушныхъ Королевичу и Великому Новгороду.

3) Взаимно и мы, Іаковъ Делагарди и всѣ Шведскіе сановники, клянемся, что если Княжество Новгородское и Государство Московское признають Короля Шведскаго и наслѣдниковъ его своими покровителями, заключивъ союзъ, пропавъ Ляховъ, на вышеозначенныхъ условіяхъ: то Король дастъ имъ сына своего, Густава или Филиппа, въ Цари, какъ скоро они единодушно, торжественнымъ посольствомъ, изъявятъ Его Величеству свое желаніе; а я, Делагарди, именемъ моего Государя обещаю Новгороду и Россіи, что ихъ древняя Греческая Вѣра и Богослуженіе останутся свободны и невредимы, храмы и монастыри цѣлы, Духовенство въ чести и въ уваженіи, имѣ-

ніе Святительское и Церковное неприкосновенно. Г. 1611.

4) Области Новгородскаго Княжества и другія, которыя захватятъ также имѣніи Государя моего покровителемъ, а сына его Царемъ, не будучи присоединены къ Швеціи, но останутся Россійскими, исключая Кексгольмъ съ Убдомъ; а что Россія должна за наемъ Шведскаго войска, о томъ Король, дасть ей сына въ Цари и смиривъ всѣ мятежи ея, съ Боярами и народомъ сдѣлаешь расчетъ и постановленіе особенное.

5) Безъ вѣдома и согласія Россійскаго Правительсва не вывозить въ Швецію ни денегъ, ни воинскихъ снарядовъ, и не сманивать Россіянъ въ Шведскую землю, но жить имъ спокойно на своихъ древнихъ правахъ, какъ было опъ времени Рюрика до Θεодора Іоанновича.

6) Въ судахъ, вмѣстѣ съ Россійскими сановниками, должно засѣдать такое же число и Шведскихъ для наблюденія общей справедливости. Преступниковъ, Шведовъ и Россіянъ, наказывать строго; не укрывать ни тѣхъ, ни другихъ, и въ силу Теузискаго договора, выдавать обидчиковъ испцамъ.

7) Бояре, чиновники, Дворянство и

Г. 1611. люди воинскіе сохраняютъ опчины, жалованье, помѣстья и права свои; могутъ заслужить и новыя, усердіемъ и вѣрностію.

8) Будутъ награждаемы и достойные Шведы, за ихъ службу въ Россію, имѣніемъ, жалованьемъ, землями, но единственно съ согласія Вельможъ Россійскихъ, и не касаясь собственности церковной, монастырской и частной.

9) Утверждается свобода торговли между обѣими Державами.

10) Козакамъ Дерпшскимъ, Ямскимъ и другимъ изъ Шведскихъ владѣній открытъ путь въ Россію и назадъ⁸¹², какъ было уставлено до Борисова царствованія.

11) Крѣпостные люди, или холопы, какъ издревле ведется, принадлежатъ Господамъ, и не могутъ искать вольности.

12) Пѣльники, Россійскіе и Шведскіе, освобождаются.

13) Сіи условія пверды и ненарушны какъ для Новгорода, такъ и для всей Московской Державы, если она признаетъ Государя Шведскаго покровителемъ, а Королевича Густава или Филиппа Царемъ. О всемъ дальнѣйшемъ, что будетъ нужно, Король условится съ Россією по воцареніи его сына.

14) Между шѣмъ, ожидая новыхъ по-

вѣдній отъ Государя моего, я, Делагар- г. 1611. ди, введу въ Новгородъ столько воиновъ, сколько нужно для его безопасности; оспальную же рать употреблю, или для смиренія непослушныхъ, или для защиты вѣрныхъ областныхъ жителей; а Княжествомъ Новгородскимъ, съ помощію Божією, Митрополиша Исидора, Воеводы Князя Одоевскаго и товарищей его, буду править радѣтельно и добросовѣстно, охраняя гражданъ, и строгостію удерживая воиновъ отъ всякаго насилія.

15) Жители обязаны Шведскому войску давать жалованье и припасы, чтобы оно шѣмъ ревностнѣе содѣйствовало общему благу.

16) Боярамъ и ратнымъ людямъ не дозволяется безъ моего вѣдома, ни выѣзжать, ни вывозить своего имѣнія изъ города⁸¹³.

17) Сіи взаимныя условія ненарушны для Новгорода, и въ такомъ случаѣ, если бы, сверхъ чаянія, Государство Московское не приняло оныхъ: въ удостовѣреніе чего мы, Воевода Іаковъ Делагарди, Полковники и Сотники Шведской рати, даемъ клятву, утвержденную нашими печатями и рукоприкладствомъ.

18) И мы, Исидоръ Митрополишъ съ Духовенствомъ, Бояре, Чиновники, купцы

Г. и всякого званія люди Новгородскіе, так-
же клянемся, въ вѣрномъ исполненіи до-
говора, нашему покровителю, Его Вели-
честву Карлу IX и сыну его, будущему
Государю нашему, хотя бы, сверхъ чая-
нія, Московское Царство и не приняло
сего договора.

О Вѣрь избираемаго не сказано ни
слова: Делагарди безъ сомнѣнія успокоилъ
Новгородцевъ, какъ Жолкѣвскій Москви-
танъ, единственно надеждою, что Коро-
левичъ исполнилъ ихъ желаніе и будетъ
сыномъ нашей Церкви. Въ крайности
обстоятельствъ молчала и ревность къ
Православію! Думали только спастись
отъ государственной гибели, хотя и съ
соблазномъ, хотя и съ опасностію для Вѣры.

Шведы, вступивъ въ крѣпость, на-
шли въ ней множество пушекъ⁸¹⁶, но ма-
ло воинскихъ и съѣстныхъ припасовъ и
только 500 рублей въ казѣ, такъ, что
Делагарди, мысливъ обогатиться несмыс-
лыми богатствами Новгородскими, дол-
женъ былъ претерпѣть денегъ отъ Коро-
ля: ибо войско его неперпѣливо хотѣло
жалованья, волновалось, бунтовало, и цѣ-
лыя дружины съ распущенными знаме-
нами бѣжали въ Финляндію⁸¹⁵.

Къ счастью Шведовъ, Новгородцы

Мл-
шежъ
въ вой-
скъ
Гене-
рала
Дела-
гарди.

оставались зрители ихъ мяшежа, и Г.
дали Генералу Делагарди время усмирить
его, вѣрно исполняя договоръ, утвержден-
ный и присягою всѣхъ Дворянъ, всѣхъ
людей рабныхъ, которые ушли съ Бу-
турлинымъ, но возвратились изъ Брон-
ницъ. Самъ же Бутурлинъ, если не измѣн-
никъ, то безумецъ, живъ нѣсколько дней
въ Бронницахъ, чѣмъ дождался паче
своихъ похищковъ изъ Новгорода, имъ
зловѣски ограбленнаго, спѣшилъ въ станъ
Московскій, вмѣстѣ съ Делагардіевымъ
чиновникомъ, Георгомъ Бромме, извѣстивъ
нашихъ Воеводъ, что Шведы, взявъ Нов-
городъ какъ непріатели, готовы какъ
друзья споясть за Россію проливъ Ляховъ.

Но станъ Московскій представлялся уже
уже не Россіею вооруженною, а мяшеж-
нымъ скопищемъ людей буйныхъ, между
которыми честъ и добродѣтель въ слезахъ
и въ опчаяніи укрывались! — Одинъ Рос-
сіянинъ былъ душою всего, и паче, каза-
лось, на гробъ опечесства. Врагамъ ино-
племеннымъ ненавистный, еще ненавист-
нѣйшій измѣнникамъ и злодѣямъ Россій-
скимъ, поимъ, на кого Ашаманъ разбой-
никовъ, въ личинѣ государственной Вла-
стности, извергъ Заруцкій, скрежещавъ
зубами — Ляпуновъ дѣйствовалъ подъ но-

Г.
1611.

Убѣ-
же
Ляпу-
нова.
По-
сѣд-
ствія.

Г. жами⁸¹⁶. Уважаемый, но мало любимый за свою гордость, онъ не имѣлъ, по крайней мѣрѣ, смиренія Михайлова; зналъ цѣну себѣ и другимъ; снисходилъ рѣдко, презиралъ явно; жилъ въ избѣ, какъ во дворцѣ недоступномъ, и самые знатные чиновники, самые раболѣпные уставляли въ ожиданіи его выхода, какъ бы Царскаго⁸¹⁷. Хищники, имъ унимаемые, пылали злобою и замыслили убійство, въ надеждѣ угодишь многимъ личнымъ неприязнямъ сего величаваго мужа. Первое покушеніе обратилось ему въ славу⁸¹⁸: 20 Козаковъ, кинутыхъ Воеводою Плещеевымъ въ рѣку за разбой близъ Угрюпской Обишели, были спасены ихъ поварями и приведены въ спанъ Московскій. Сдѣлался мятежъ: грабишеля, вступающаго за грабителей, требовали головы Ляпунова. Видя оспервененіе злыхъ и холодность добрыхъ, онъ въ порывѣ негодованія сѣлъ на коня и выѣхалъ на Рязанскую дорогу, чѣмъ бы удалиться отъ недоспойныхъ сподвижниковъ. Козаки догнали его у Симонова монастыря, но не дерзнули пронуть: напрошивъ много убѣждали оспашься съ ними. Онъ ночевалъ въ Никипскомъ укрѣпленіи, гдѣ въ слѣдующій день явилось все войско: кричало,

требовало, слезно молило имеемъ Россіи, г. чѣмъ бы ея главный поборникъ не жер- 1611. твовалъ ея своему гнѣву. Ляпуновъ смягчился, или одумался: занялъ прежнее мѣсто въ спанѣ и въ совѣтѣ, одолѣвъ враговъ, или только углубивъ ненависть къ себѣ въ ихъ сердцахъ. Мятежъ утихъ; возникъ гнусный ковъ, съ участіемъ и внѣшняго неприязнели. Имѣя тайную связь съ Апаманомъ-Тріумвиромъ, Гоевскій изъ Кремля подаль ему руку на гибель чело-вѣка, для обоихъ спрашнаго: вмѣстѣ умыслили и написали именемъ Ляпунова указъ къ городскимъ Воеводамъ о немедленномъ испребленіи всѣхъ Козаковъ въ одинъ день и часъ⁸¹⁹. Сію подложную, будто бы опяную у гонца бумагу представилъ товарищамъ Апаманъ Заварзинъ: рука и печать казались несомнительными. Звали Ляпунова на сходъ: онъ медлил; наконецъ увѣренный въ безопасности двумя чиновниками, Толстымъ и Помѣкин-нымъ, явился среди шумнаго сборища Козаковъ; выслушалъ обвиненія; увидѣлъ грамоту и печать; сказалъ: «писано не мною, а врагами Россіи;» свидѣтельствовался Богомъ; говорилъ съ твердо-стію; смыкалъ уста и буйныхъ; не ус-вѣспилъ единственно злодѣевъ: его убили,

Г. и только одинъ Россіянинъ, личный не-
1611. пріятель Ляпунова, Иванъ Ржевскій, спалъ
между нмъ и ножами: ибо любилъ опе-
чество; не хотѣлъ пережить такого
убійства, и великодушно пріять смерть
опъ изверговъ⁸²⁰: жертва единственная, но
драгоценная въ честь Герою своего време-
ни, Главъ возстанія, живошворцу государ-
ственному, коего великая пѣнь, уже при-
мирена съ закономъ, является лучезарно
въ преданіяхъ Исторіи, а пѣло, искаженно
злѣдьями, оспалось, можетъ бытъ, безъ
Христіанскаго погребенія, и служило пи-
щею вранамъ, въ упрекъ современникамъ
неблагодарнымъ, или малодушнымъ, и къ
жалости потомства!

Слѣдствія были ужасны. Не умѣвъ за-
щипить мужа силы, достойнаго Спра-
шига и Власпишелл, войско пришло въ
неописанное смилшеніе; надежда, довѣрен-
ность, мужество, устройтво исчезли.
Злѣдѣйство и Заруцкій поржествовали⁸²¹;
грабительство и смертоубійство возобно-
вились, не только въ селахъ, но и въ
спанѣ, гдѣ неистовые Козаки, расхищивъ
имѣніе Ляпунова и другихъ, умертвили
многихъ Дворянъ и Дѣшей Боярскихъ.
Многіе войны бѣжали изъ полковъ, думая
о жизни болѣе, нежели о чести, и вездѣ

распространили опчальніе; лучшіе, благо- Г.
роднѣйшіе искали смерти въ биввахъ съ 1611
Ляхами⁸²². . . Въ сіе время явился Сапѣга
опъ Переславля, а Госѣвскій сдѣлалъ вы-
лазку: напали дружно, и снова взяли все
опъ Алексѣевской башни до Тверскихъ
воротъ, весь Бѣлый городъ и всѣ укрѣ-
пленія за Москвою-рѣкою. Россіяне вездѣ
пропились слабо, уступивъ малочи-
сленному непріятелю и монастырь Дѣ-
вичій⁸²³. Сапѣга вошелъ въ Кремль съ по-
бѣдою и запасами. Хотя Россія еще ви-
дѣла знамена свои на пеплѣ столицы, но
чего могла ждать опъ войска, коего срам-
ными Главами оспавались Тушинскій Лже-
бояринъ и злѣдѣй, сообщникъ Марины,
вмѣстѣ съ измѣнниками, Атаманомъ Про-
совецкимъ и другими, не воинами, а раз-
бойниками и губителями?

И что была тогда Россія? Вся полу-Состо-
денная беззащитною жертвою грабитель-
лей Ногайскихъ и Крымскихъ: пепели-
щемъ кровавымъ, пустынею; вся юго-
западная, опъ Десны до Оки, въ рукахъ
Ляховъ, которые, по убіеніи Лжедими-
трія въ Калугѣ, взяли, разорили вѣрные
ему города: Орелъ, Болховъ, Бѣлевъ, Ка-
рачевъ, Алексинъ и другіе⁸²⁴; Аспраханъ,
гнѣздо мелкихъ Самозванцевъ⁸²⁵, какъ бы

Г. опдѣлилась отъ Россіи, и думала суще-
 1611. ствовать въ видѣ особеннаго Царства,
 не слушаясь ни Думы Боярской, ни Вое-
 водъ Московскаго спана; Шведы, схва-
 тивъ Новгородъ, убѣжденіями и силою
 присвоивали себѣ наши сѣверо-западные
 владѣнія, гдѣ господствовало безначаліе,
 — гдѣ явился еще новый, третій или
 четвертый Лжедимирий⁸²⁶, достойный
 предшественниковъ, чтобы прибавить
 новый спыдъ къ спыду Россіянъ совре-
 менныхъ и новыми гнусностями обременить
 Исторію, — и гдѣ еще держался
 Лисовскій съ своими злодѣйскими шай-
 ками. Высланный наконецъ жителями
 изъ Пскова и не впущенный въ крѣпкій
 Иванъгородъ, онъ взялъ Вороночь, Крас-
 ный, Заволочье; нападалъ на малочислен-
 ные опряды Шведовъ; грабилъ, гдѣ и
 кого могъ⁸²⁷. Тихвинъ, Ладога сдались Ге-
 нералу Делагарди на условіяхъ Новгород-
 скихъ⁸²⁸; Орѣшекъ не сдавался

.

6. I 70.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ XII ТОМУ

ИСТОРИИ

ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

(1) Димитрій Константиновичъ Суздальскій былъ Великимъ Княземъ съ 1359 по 1362 годъ: см. Т. IV, гл. XII, и Т. V, стр. 4. — Отъ него произошли по прямой линіи: 1. Вас. Дим. Кирдяпа; 2. Юр. Вас.; 3. Вас. Юр.; 4. Мих. Вас.; 5. Андр. Мих.; 6. Ив. Андр.; 7. Вас. Иоанновичъ. См. *Ядро Рос. Ист.* Хилкова, стр. 314. — О казни Андрея Шуйскаго Т. VIII, гл. I. — Кп. Ив. Андр. Шуйскій убитъ при Лодѣ. См. Т. IX, 251 и Розр. Кп. 482.

(2) См. *Русск. Достоп.* изд. Общ. Ист. и Древн. (I, 175), въ выпискѣ изъ Хронографа Кубасова.

(3) См. Т. XI, гл. IV.

(4) См. *Собран. Госуд. Грамотъ* Т. II, стр. 299, и *Ник. Лѣт.* 76.

(5) См. Покореніе Новгорода Иоанномъ III, въ Т. VI, гл. III, и *Ник. Лѣт.* 76.

(6) *Лѣтоп. о лятисжахъ* и сочинитель *Ядра Рос. Истории* говорятъ просто, что Василій далъ присягу, вопреки представленіямъ Бояръ и народа. Тапищевъ утверждаетъ, что сія присяга была предложена нѣкоторыми Вельможами, склонными къ Аристократіи. См. *Дополн. къ Дьял. Петра Великаго*, Т. I, стр. 300. Далѣе, на стр. 318, ссыла на Лѣтопись, изъ коей видно, что Князь В. В. Голицынъ и Ив. Сем. Куракинъ были первыми изъ желавшихъ ограничить власть Царскую.

(7) *Ник. Лѣт.* 76.

(8) *Ник. Лѣт.* 76, и *Собр. Госуд. Грам.* II, 300—308.

(9) См. въ *Собр. Гос. Грам.* II, 296: »Показаніе бывшихъ въ приближеніи у Гришки Отрепьева, Спасислава и Яна Бучинскихъ, по допросу имъ отъ Бояръ, о всѣхъ извѣстныхъ имъ злодѣйскихъ умыслахъ Самозванца противъ Россіи. 1606, въ Маѣ.»

См. тамъ же (II, 308) извѣстительную Грамоту Царя Василія Иоанновича, съ изъясненіями многихъ подробностей, писанную 2 Іюня 1606.

О записяхъ Лжедимирія, коими онъ обязывался уступить Маринѣ Новгородъ и Псковъ, а опцу ея Смоленскъ и Сѣверскую землю, см. сей Исторіи Т. XI, стр. 151 и 152.

(10) См. Рукопись, составленную при Патриархѣ Филаретѣ, и Журналъ Липовскихъ Пословъ (Dyaryusz).

По *Никон. Лѣтописи* (стр. 76.) Василія въпчалъ на Царство Казанскій Митрополитъ Ермогенъ, по Рукописи Филарета заслуживаетъ болѣе вѣроятія.

(11) См. *Rzeczy Polskich za Dymitra opisane*.

(12) Не видно, чѣмъ въ семь году былъ кто либо пожалованъ въ Бояре, или въ другіе знатные чины. См. *Послужн. Списокъ Бояръ, въ Древ. Рос. Вивлію*. XX, 77.

(13) См. Томъ XI, стр. 170, и въ семь XII Томъ, прим. 119.

(14) См. Т. X, глав. II.

(15) См. *Розрядн. Кн.* л. 986, *Rzeczy Polskich za Dymitra* и *Дѣла Польск.* No 26, л. 100.

(16) См. *Розряд.* л. 985, на обор.

(17) См. *Ник. Лѣт.* 77.

(18) См. *Rzeczy Polskich*.

(19) Маржеретъ пишетъ, что въ Москвѣ возникла между гражданами распря; что многіе жаловались на избраніе поваго Царя, бывшее безъ ихъ согласія; что по городу стали носиться слухи, будто Лжедимирій не погибъ. Нѣкоторые говорили, что послѣ избіенія Поляковъ, въ полночь, поприбаваны были именемъ Царя Димитрія три Турецкія лошади изъ малой дворцовой конюшни, и что никто не знаетъ, куда они отпеснены; но конюхъ, отпустившій ихъ, былъ, по приказанію Шуйскаго, подвергнутъ пыжжой пыжкѣ. Маржеретъ прибавляетъ, что въ разныхъ улицахъ города были подбрасываемы письма и записки, въ коихъ утверждали, что Димитрія видѣли и узнавали на пути изъ Москвы.

(20) Борисъ Годуновъ скончался 13 Апр. 1605 года;

Ееодоръ Борисовичъ убилъ 10 Іюня того же года, а Лжедимирій 17 Мая 1606. Въ столь короткое время Василій Шуйскій былъ уже четвертымъ Царемъ.

(21) Въ надгробн. надписи его въ Москов. Арханг. Соборѣ: «Лѣта 7121 (1612), Сент. въ 12 день... преставился... въ 60 лѣтъ живога.» См. ниже примѣч. 785. За 25 лѣтъ предъ симъ видѣли В. Шуйскаго дружкой Царя Іоанна на послѣдней свадьбѣ его (См. Т. IX), а въ 1581 г. онъ имѣлъ начальство надъ войскомъ на берегахъ Оки (см. тамъ же). Въ *Зерцалѣ Рос. Гос.* (Малыгина) сказано, что Василій родился въ 1547 г.

(22) См. *Чет. Мин.* Іюн. 3 дня.

(23) См. Рукопись Филаретову.

(24) Тамъ же. См. также *Собр. Гос. Грам. II*, 316.

(25) См. Рукопись Филаретову. См. также *Ник. Лѣт.* 78.

(26) См. *Собр. Гос. Грам. II*, 312 (въ Царской извѣстительной Грамотѣ).

(27) См. Рукопись Филар., *Ник. Лѣт.* 79, и *Собр. Гос. Грам. II*, 313 (въ Царской извѣстительной Грамотѣ).

(28) См. *Ник. Лѣт.* 76.

(29) См. выше, примѣч. 10.

(30) См. *Розрядн. Кн.*

(31) Объ извѣщеніи Князя Острожскаго въ Кіевѣ см. Н. Бантыша-Каменскаго *Дипломатическое Собрание дѣлъ между Рос. и Пол. Государств.* Ч. I. Далѣе см. Журн. Пословъ Липовскихъ, и *Rzeczy Polskich*.

(32) См. *Собр. Гос. Грам. II*, 329 и 332.

Сочинитель *Rzeczy Polskich* говоритъ, что Марина перѣехала на квартиру Воеводы 2 Іюня, оставивъ во Дворцѣ все, что ей и свитѣ ея подарено было отъ Царя, и что въ слѣдующій день возвращены ей лишь нѣкоторыя вещи, почти порошніе сундуки, шкапулки, нѣсколько платья; все прочее задержано.

О высокомѣрномъ отзывѣ Марины см. Нѣмцевича

Dz. Pan. Zygm. III, гдѣ онъ ссылается на Чилин, и Dyaryusz 1607 г.

(33) См. Rzeczy Polskich и Бера.

(34) См. Dyaryusz. Также Нѣмцев. Dzieje Pan. Zygm. III.

(35) Сія рѣчь, представляемая здѣсь сокращенно, помѣщена и въ сочиненіи Rzeczy Polskich etc. — Послы говорили, что Лжедимитрій, рассказывая въ Польшѣ, какъ Богъ избавилъ его отъ смерти, увѣрялъ, будто Борисъ хитро и коварно лишилъ жизни и Царя Θεодора Іоанновича и даже сына его, роднаго своего племянника.

(36) См. тамъ же и въ Журналъ Посольства (Dyaryusz).

(37) См. Дѣла Польск. No 26. л. 145 на обор. О размыщеніи Поляковъ по городамъ см. Dyaryusz и Дипл. Собр. Баншыша-Каменскаго, стр. 387.

(38) См. Дѣла Польск. No 26, л. 182 и 307, также Дипл. Собр. Б. Каменскаго, стр. 388.

(39) См. Дѣла Польск. No 26, л. 42 на обор., и Палицына (стр. 58).

(40) См. Дѣла Крым. и Ногайскія. Имперекъ еще при Борисъ Годуновъ клятвою обязался, за себя и за потомство свое, служить Царямъ Россійскимъ. См. сей Исторіи Т. XI, стран. 91.

(41) См. Маржерета (стран. 148).—Во время смятенія, о коемъ говорится ниже, онъ находился неподалеку отъ Царя и былъ свидѣтелемъ его распоряженій. Сочинитель Rzeczy относитъ сіе происшествіе къ 25 Іюня, по Нов. Стилѣ (по Спарому 15-е) которос въ семь году было въ Воскресенье.

(42) См. Маржерета.

(43) См. Розрядн. Кн.

(44) См. Томъ XI, стр. 131 и слѣдующія.

(45) См. тамъ же, стран. 205.

(46) См. Сказаніе Авр. Палицына, стран. 29—85, Ник. Лѣт. 78, и Хронографъ, который купленъ покойнымъ Исторіографомъ у Столлера (какъ сказано

въ его записной книжкѣ), и который онъ означалъ симъ именемъ (л. 533).

(47) См. Т. XI, стр. 163, Никон. Лѣт. 80 и 85, Столлр. л. 533, Послужн. Списокъ чиновниковъ (Др. Рос. Вѣст. XX, 81); также Розрядн. Кн. и Бера.

(48) См. Бера.

(49) См. выписку изъ Посольства Князя Волконскаго въ Дѣлахъ Польск. No 26, л. 186, 187 на об., 197, на об., 213, 215, 253, 321 и 338.

(50) См. тамъ же, и Том. XI, стран. 226.

(51) Марж. 142. Онъ же рассказываетъ о трехъ лошадяхъ, требовавшихся изъ конюшни отъ имени Царя Димитрія (см. выше, прим. 19): говоритъ также, что трутъ, который почтили Лжедимитріевымъ, былъ, по увѣренію Француз. купца Бертрапа де Касанъ, съ бородою, а у Лжедимитрія бороды не было, и что, по словамъ Бучинскаго, въ то же время пропалъ безъ вѣсти одинъ молодой Дворянинъ, любившій Лжедимитрія, qui luy ressembloit fort, fors qu'il avoit un peu de barbe (стр. 145).

(52) См. Маржер. 144.

(53) Rzeczy Polskich 80.

(54) Авр. Палиц. 30.

(55) Собр. Гос. Грам. II, 318.

(56) См. Бера и Лѣтопись Львова.

(57) См. Бера.—Всѣ наши Лѣтописцы говорятъ, что Болошниковъ былъ холопъ Князя Андрея Теляшевскаго.

О томъ, что Князь Василій Мосальскій прислалъ къ спорогъ Лжедимитрія, тогда же извѣстно было Посламъ нашимъ въ Польшѣ. См. Дѣл. Пол. No 26, л. 288. Прежде же того, еще въ Августъ мѣсяцъ, Послы наши слышали отъ Присава своего, яко бы Князь Вас. Мосальскій пріѣхалъ въ Польшу къ Димитрію, у котораго онъ былъ «на Мосальскѣ Ближней Болринѣ и Дворецкой.» (Л. 186 на об.) Но это былъ другой: Князь Василій Рубецъ-Мо-

сальскій, о коемъ сказано около прим. 13, и ниже, въ пр. 119.

О Князѣ, Иванѣ Мосальскомъ, см. ниже, около прим. 115, о Михайлѣ Долгорукомъ, прим. 116.

(58) Объ отцѣ Воротынского, побѣдителя Хапа Крымскаго, см. Т. IX, 231 и далѣе, о Князѣ Юріи Трупецкомъ *Розрѣд.* 978.

(59) См. *Rzecz Polskich.* 86, и *Никон. Лѣт.* 80.

(60) Берѣ.

(61) *Столяр.* л. 533 на обор., и *Никон. Лѣт.* 81.

(62) Кобыркинскій въ *Hist. Vlad.* (стр. 434).

(63) См. Т. XI, стр. 211.

(64) *Никон. Лѣт.* 85, и *Столяр.* л. 533. — См. также *Розрѣд. Кн.* л. 984.

(65) См. *Ник. Лѣт.* 82, и Грамоту Минтр. Филарета къ Успенюж. Протоіерею отъ 30 Ноября 1606 (которой списокъ принадлежалъ покойному А. И. Ермолаеву).

(66) См. ту же Грам. Филарета.

(67) *Хроногр. Ключарева.*

(68) См. Грамоту, о коей выше, въ прим. 65.

(69) И Молчановъ и Князь Василій Мосальскій были убійцами юнаго Феодора Борисовича. См. Т. XI.

(70) См. Бера и Пешрѣя.

(71) См. Бера.

(72) Ксенія скончалась 30 Авг. 1622 г. См. *Ист. Рос. Кн. Щербатова*, Книгу XV, стр. 24, и *Истор. Рос. Герарх.* II, 68.

(73) Василій Шуйскій умеръ 12 Сентября 1612 года. См. ниже, въ примѣчаніяхъ къ V главѣ сего Тома.

(74) См. *Розр.* Кн. л. 997.

(75) Тамъ же, на об.

(76) *Никон. Лѣт.* 81, и *Латух. Ст. Кн.*

(77) См. упомянутую выше сего Грам. Филарета.

(78) См. ту же Грамоту, 30 Ноября.

(79) См. *Лат. Ст. Кн.*

(80) См. Грамоты Филарета, 29 и 30 Ноября.

(81) О прежней измѣнѣ ихъ см. выше, стр. 40, и Грам. Филар. отъ 30 Ноября.

(82) См. Бера, *Ник. Лѣт.* 82, *Столяр.* л. 534, и *Послужн. Списокъ Боярѣ* (*Др. Рос. Вивл.* XX, 83).

(83) См. Грам. Филар. отъ 30 Ноября.

(84) См. *Лат. Ст. Кн.*

(85) См. Бера.

(86) Такъ пишутъ современникъ Берѣ и Лѣтописцы *Никон.* и *Латух.*; но въ Грамотахъ Царя Василія и Минрополниа Филарета сказано, что Пестома Пашковъ взятъ въ плѣнъ.

(87) См. *Никон. Лѣт.*

(88) См. *Послужн. Списокъ* въ *Др. Рос. Вивл.* (XX, 81 и 82) — Тутъ же сказано о пожалованіи Начальника Смоленск. Полка Думнымъ Дворяниномъ.

(89) См. Грам. Филар. отъ 8 Дек.

(90) См. *Латух. Ст. Кн.*

(91) См. Бера.

(92) См. тамъ же.

(93) См. Т. XI, 278.

(94) См. *Ник. Лѣт.* 80, и *Хронографъ Столяр.* (л. 532 на об.).

(95) См. Бера. — По словамъ его, Лжепетръ привелъ въ Пупинѣ 10,000 человекъ.

(96) См. *Ник. Лѣт.* 85 и 86.

(97) См. *Дѣли Польск.* Но 26. л. 253 и 287, и *Ник. Лѣт.* 86.

(98) *Розрѣд. Кн.* л. 996, и Бера. Изъ *Розрѣдн. Книги* и *Лѣтописцевъ* видно, что послѣ бѣгства Болотникова и Беззубцева Царь Василій не самъ шелъ за ними, но отправилъ Воеводу, изъ коихъ первымъ былъ Князь Иванъ Ивановичъ Шуйскій.

Успеніе рѣки Угры въ 7 верстахъ отъ Калуги. См. *Больш. Чертсѣжъ*, стр. 130.

(99) *Столяр.* л. 534.

(100) *Столяр.* л. 535, и *Ник. Лѣт.* 82.

(101) О Хвороспиринѣ см. *Розр.* л. 986; также собственную его Грамоту, писанную изъ Астрахани

къ Нагайскому Князю Ишперку и Мурзамъ, кою оу пригашалъ ихъ дасть со всею Ордою присягу ливившемуся вновь Самозванцу (*Собр. Гос. Грам. II, 326*). — О Карповъ см. *Ник. Лѣт. 81*.

(102) О Годуновыхъ, назначенныхъ въ Воеводы въ Сибирь, см. Т. XI, 238.—Грамота Василіева въ Верхотурье отъ 5 Дек. 1606 (*Собр. Г. Грам. II, 318*) писана къ Спешану Годунову. — См. *Розряд. л. 986* на об.

(103) См. *Собр. Гос. Грам. II. 320*.

(104) *Ник. Лѣт. 79*.

(105) Тамъ же, 81, 83 и 84, и *Хронограф. Столяр. л. 535*.

(106) См. въ старинной рукописной книгѣ, принадлежавшей покойному А. П. Ермолаеву, главу 29, о посланіи Благочиннаго Гос. Царя и В. Кн. Вас. Ив. всея Руси въ Старицу по Іова, бывшаго Патріарха Московскаго, и како пришесть Іовъ Патріархъ въ Москву и прощеніе далъ всему Москвитинскому народу и прощальную грамоту въ крестномъ преступленіи.

(107) См. тамъ же Челобитную отъ имени Московскаго народа.

(108) См. тамъ же Прощальную Грамоту Іова.

(109) Тамъ же.

(110) Тамъ же.

(111) *Истор. Рос. Иерархія. Т. I, 41*.

(112) Осада была въ Генварь. См. *Розряд. Кн., Столяр. л. 534* на об., *Никон. Лѣт. 84*; также *Лаврух. Степ. Книгу*.

(113) *Столяр. л. 534* на об.

О Фидлеръ см. Бера и Пешрея (стр. 390).—Беръ присовокупляетъ: «послѣ сей спирашій и богоугодной присяги Фидлеръ не усомнился явиться къ Болотникову, и въ присутствіи окружавшихъ его людей сказалъ, что получилъ отъ Шуйскаго повелѣніе дать ему лѣтъ, и отдаешь его, на какое угодно употребленіе».

(114) *Ник. Лѣт. 84*.

(115) *Ник. Лѣт. 87*.

Артемій Измайловъ пожалованъ изъ Думныхъ Дворянъ Околичнымъ. См. *Розряд. л. 993*, и *Послужн. Списокъ Бояръ въ Др. Росс. Вѣдѣно. XX, 82*.

(116) См. *Геогр. Слов. Рос. Государства*, подъ словомъ *Серебряное*, Т. V, 916, и *Столяр. л. 535* на обор.

О Князѣ Мосальскомъ (Иванъ Даниловичъ) см. *Розряд. Кн. л. 977*.

(117) *Столяр. л. 536*.

(118) См. *Собр. Гос. Грам. (II, 326)* и выше, примѣч. 101. См. также *Ник. Лѣт. 81*. Упоминаемый въ немъ островъ Балчикъ или Батчикъ именуется и Болдинскимъ (см. *Геогр. Слов. Росс. Гос. Т. I. 329*) отъ *Болды*, протока или рукава Волги. См. *Больш. Чертежъ*, стр. 239.

(119) Сего К. Вас. Мосальскаго не должно смѣшивать съ другимъ Василіемъ Рубцомъ-Мосальскимъ, который былъ посланъ въ Корелу въ первые дни Василіева царствованія, и въ 1608 году еще находился тамъ. См. *Розр. Кн. л. 985* и 1004 на об.

(120) См. *Больш. Чертежъ*, стр. 178, и *Ник. Лѣт. 85*.

(121) См. Т. XI, 111.

(122) *Розряд. л. 992*.

(123) См. Бера, *Розряд. л. 992* на об., и *Ник. Лѣт. 86*.

(124) См. *Ник. Лѣт. 86*, *Столяр. л. 535*, и *Лаврух. Степ. Кн.*

(125) Сіе число въ *Лаврух. Ст. Кн.*

О Пѣмцахъ, измѣнившихъ Шуйскому, пишетъ Беръ: Начальникомъ ихъ былъ Лифляндецъ Гансбергеръ.

(126) *Rzeczy Polskich*.

(127) *Ник. Лѣт. 87*.

(128) *Розряд. л. 995* на об. — *Стол. л. 537*.

(129) См. Бера и *Rzeczy Polskich*.

(130) *Ник. Лѣт. 84* и 87.

(131) См. *Розр. л. 931* на об., въ Рукон. книгѣ, принадлежавшей покойному А. П. Ермолаеву, списокъ съ

Грамоты Митр. Филарета 12 Июня, *Ник. Лвт.* 87, *Лат. Ст. Ки.* и Бера.

(132) *Столяр.* л. 537 и на об.

(133) См. *Ник. Лвт.* и *Столяр.* л. 538 и 540.

О рѣкѣ Воронеѣ, впадающей въ Упу ниже Тулы, см. *Болви. Чертеж.* 180.

(154) *Стол.* л. 539 и 540, *Рукоп. Филарет.*, и *Ник. Лвт.* 89.

(135) *Ник. Лвт.* 91.

(136) Берѣ.

(137) Тамъ же.

(138) Аврам. Палиц. 51: «Нарекоша ложнаго Царя Димитрія отъ Сѣверскихъ градовъ, Попова сына, Машюшку Веревкина.»— См. также *Ланух. Ст. Ки.*

Кобѣржичскій въ Hist. Vlad. 320: «Certe Judaeum fuisse suspicionem movit inter fugientis à castris supellectilem repertum Thalmut, multique Hebraei codices et Syngraphae, Judaicis exaratae characteribus.»

Нарушевичъ (въ Hist. Chodk. T. I, ks. IV, not. 70) приводитъ слѣдующія слова, изъ письма Царя Мих. Фед. къ Морницѣ, Принцу Оранскому, помѣщенныя въ книгѣ Respublicae et Urbes. Lugd. Bat. 1650. pag. 581: «Сигизмундъ послалъ Жида, который назвался Димитріемъ Царевичемъ.»

Берѣ: «Получивъ письмо (отъ Болошеникова и Шаховскаго), друзья Сендомирскаго Воеводы приступаютъ къ дѣлу и находятъ для сего въ Слобѣ (?), что въ Бѣлоруссѣ, человека, родомъ Русскаго, жившаго учинилемъ у одного Священника и умѣвшаго хорошо читать и писать по-Русски и по-Польски: звали его Иваномъ. Сего хитраго юношу они назначили представлявши Димитрія.»

Петрей, 595: «Haben sie doch einen endlich in weiss Reussland in der Stad Socola, (Соколя, мѣстечко въ Витеб. Губерніи; см. *Слов. Географ.*), mit Namen Johannes, ein spitzfündigen und verschmitzten Kerl angetroffen, der zuvorn eine geraume Zeit Schuelmeister gevesen ist, und Reussisch fertig

lesen und schreiben kondte. Diesen nenneten sie Demetrium,» etc.

(139) *Ник. Лвт.* 117.

О своейсвахѣ его пишетъ Кобѣржичскій (стр. 321).

(140) Кобѣржичскій. См. выше, прим. 138.

(141) См. письмо Николая Харлескаго изъ Острожкова отъ 19 (ш. е. 9 по Ст. Спилью) Окт. 1607 года, найденное Нѣмцевичемъ въ Рукописи Луцкаго Прелата Осипскаго (Dz. Pan. Zygm. III, T. II, 304). Нѣмцевичъ думалъ что въ семъ письмѣ говорится о первомъ Лжедимитріи; но оно писано въ 1607 году, и въ немъ нѣсколько разъ упоминается о Царѣ Шуйскомъ и ни слова о Годуновѣ.

(142) Нѣмцевичъ въ Dz. Pan. Zygm. III, T. II, 327.

(143) См. Бера.

(144) См. *Ник. Лвт.* 89.

Если сіе случилось въ 7116 году, какъ говоритъ сей Лѣтописецъ, то не прежде 1 Сентября 1607 года: ибо годы отъ Сотворенія Мира считались съ сего числа. Но Берѣ, современникъ, утверждаетъ, что Самозванецъ отправился изъ Пушквы въ Стародубъ въ Яковлевъ день (по Лютеранскому Календарю 25 Іюля); а отъ Стародуба до Пушквы не болѣе 180 верстъ.

(145) См. Бера, Журналъ Машкѣвича и *Ник. Лвт.* 90.

(146) См. Бера.

(147) *Ник. Лвт.* 90.

См. также Нѣмцев. Dz. Pan. Zygm. III, II, 323.

(148) См. *Ник. Лвт.* 89.

(149) См. Бера, и *Ник. Лвт.* 90.

(150) О семъ письмѣ см. выше, прим. 141.

(151) «Sam Szuycki odstąpił z woyskiem swoim od Tuły, którą dobywał: wielki rozruch w jego woysku,» etc.

(152) *Стол.* л. 540 на об., *Ник. Лвт.* (стр. 91), и *Рукоп. Филар.*

(153) Беръ рассказываетъ пелтпую басню, будто одинъ старый Монахъ, волшебникъ (zauberscher Mönch), общалъ начальникамъ Тулы разрушить плотину, и пребыл за сіе сѣа рублей въ награду. Онъ раздѣлся, бросился въ воду и долго былъ невидимъ; наконецъ явился въ самомъ жалоспномъ положеніи, и объявилъ зрителямъ, что Шуйскій съ помощію 12.000 бѣсовъ запрудилъ рѣку; что половину ихъ ему удалось склонить на сторону осажденныхъ, по другая половина осталась непреклонною въ злобѣ, и онъ за свои щещины успѣя принужденъ былъ заплашить лютыми ранами.

(154) См. Бера. Тула, по словамъ его, сдалась въ день Симеона и Иуды, т. е. 28 Октября; по Уваров. и Столяр. Хронографіи въ Праздникъ Покрова. Но въ Грамотѣ Царя Василія опѣ 19 Октября, коей списокъ находился въ книгѣ, принадлежавшей Г. Ермолаеву, сказано: «Октября въ 10 день.»

(155) Онъ умеръ въ Боярскомъ санѣ въ 120 (1612) году. См. Списокъ Бояръ въ Др. Рос. Вивл. XX, 86.

(156) См. Бера, и Ник. Лѣт. 91.

(157) См. Ник. Лѣт. 92.

(158) Стол. л. 539 на об.

(159) Беръ: «Но тѣ Бояре и воины, которые стояли подъ Калугою, должны были остаться на службѣ.»

(160) См. Пасрле. — Беръ пишетъ, что Шуйскій ѣздилъ въ Троицкую Лавру въ осеннее, ненастное время, приносить Богу Сергею (dem Gott Sergio) благодареніе за побѣду надъ измѣнниками.

(161) Стол. л. 541. и Ник. Лѣт. 91.

(162) См. Бера и Пешрея.

(163) См. Ник. Лѣт. 95, Хрон. Стол. л. 551 на об. и Ружоп. Филар.

Въ Розряд. Книгахъ и въ Диплом. Собр. Бант. Каменскаго сказано, что Шуйскій женился 17 Генваря; что ими невѣсты его было Екатерина; но что въ Царицахъ дали ей имя Маріи.

(164) Псковск. Лѣтоп. л. 36 на об.

(165) О Законѣ 1593 года см. Т. X, 229, и прим. 347. — Въ 1601 г. онъ объявленъ былъ временнымъ. См. Т. XI, 92. См. тамъ же, на стран. 239, и Лжедмитріево постановленіе о крестьянахъ. Законъ Василія о крестьянахъ, подписанный 9 Марта, помѣщенъ въ дополнительныхъ Указахъ къ Судебнику, изданному 1786 г. (спр. 240).

Можетъ быть инымъ Чинпателямъ уже извѣстно, что нашъ покойный Исторіографъ худо вѣрилъ подлинности сего Акта, котораго нѣтъ ни въ одномъ изъ Государственныхъ Архивовъ, о коемъ не упоминаютъ современные Лѣтописцы и который изданъ въ свѣтъ (въ дополненіи къ Судебнику) Историкомъ Татищевымъ, не рѣдко дозволявшимъ себя изобрѣтать древнія преданія и рукописи. Собирая все сіи обстоятельство, въ самомъ дѣлѣ трудно удержаться отъ мысли о подлогѣ: ее оправдываютъ и странныя нѣкоторые разсужденія, помѣщенныхъ въ семь, будто бы Василіевомъ Законѣ, и самый слогъ онаго. Въ одномъ изъ манускриптовъ, бывшихъ въ нашихъ рукахъ, противъ словъ текста: (Шуйскій) подписордилъ Уложение Феодора Иоанновича, по сказанью, что оно составлено Годуновыми, вопреки мнѣнію Болръ старейшихъ, и произвело въ началѣ много зла, и пр. (См. стран. 80 сего XII Тома) Исторіографъ своею рукою прибавилъ на поляхъ: все сошлось для чего же не переписалъ?

(166) См. Уставъ Ратныхъ, Пушечныхъ и другихъ Дѣлъ, касающихся до Военской Науки, изд. подъ смотръніемъ Рубана. СПб. при Госуд. Воен. Коллегіи, 1777. — Въ сей книгѣ помѣщены 663 Спашни, выбранныя въ Царствованіе Василія Шуйскаго и Михаила Феодоровича, въ 1607 и 1621 г. изъ иностранныхъ военныхъ книгъ Описимовъ Михайловыхъ.

(167) Устав. Рат. I, 75.

(168) См. выше, описаніе смятенія во время шествія Василія въ церковь 15 Іюня. Маржеретъ (спр. 149).

(169) См. Бера. — Въ Rzeczy Polskich сказано, что Царь велѣлъ заковать въ желѣзы врачей Давида и Христофа. — См. о приглашеніи сихъ Докторовъ въ Россію, Т. X, прим. 461.

(170) См. выше, стран. 48, и Бера.

(171) См. выше, стран. 49, и Бера.

(172) Нѣмцевича Dz. Pan. Zygm. III, Т. II, стран. 323. Опочащенные пѣздники, служившіе подъ начальствомъ сего Лисовскаго, назывались и послѣ смерти его *Лисовскими*. Подъ симъ именемъ славилась они особенно въ 30-лѣтнюю войну, служа Императору. См. Квятковскаго Dzieje Nar. Pol. za Panowania Władysława IV, стр. 143.

Дл. Польш. Но 27: Послы говорятъ Болрамъ: «А Лисовскаго мы для того не написали, что онъ изъ земли Государя нашего *выгнанецъ*, и чести своей опущенъ, и въ которомъ городѣ нашемъ его поймають, и его память казнятъ.»

(173) *Ник. Лѣт.* 92.

(174) *Ник. Лѣт.* 93, и *Столяр.* л. 542 на об.

Беръ говоритъ, что въ сіе время находился въ Брянскѣ пѣлный Лифляндецъ Гансбергъ, начальствовавшій надъ сотнею Нѣмцевъ, и уже два раза переходившій на сторону Самозванца, но опять принятый Шуйскимъ и прощенный имъ.

(175) *Собр. Гос. Грам.* II, 327. — Сія Грамота писана 27 Генваря 1608.

(176) Беръ.

(177) См. Нѣмцевича, Кобѣржицкаго Hist. Vlad. 90, и Бера.

(178) См. *Розрѣд. Кн.* л. 1000.

(179) См. выше, около примѣч. 158, и *Столяр.* л. 542.

(180) Петрей, стран. 403.

(181) См. Т. XI, стран. 176.

(182) См. Авр. Палицына и *Хроногр. Ключарска*.

(183) Беръ пишетъ, что по причинѣ глубокихъ снѣговъ можно было нападать лишь на кормовщиковъ непришельскихъ.

(184) См. Шведскаго Историка Видекпиды, въ его Historia belli Sveco-Moscovitici decennalis, стран. 41.

(185) *Столяр.* л. 544, и *Ник. Лѣт.* 98.

(186) *Столяр.* л. 545, и *Ник. Лѣт.* 95.

(187) См. Бера и *Ник. Лѣт.* 96.

По словамъ Бера, первое сраженіе Лжедимитрія съ Царскимъ войскомъ было 23 Апрѣля, въ день Св. Георгія, а второе Апрѣля 24, въ Воскресенье.

(188) См. The Russian Impostor, 143. Далѣе см. *Ник. Лѣт.* 96, и *Столяр.* л. 545.

(189) См. Бера. Въ Москвѣ говорили, что Лжедимитрій по глазамъ узнаетъ виновнаго. Нѣкто изъ черни, услышавъ сіе, вскричалъ: «я погибъ, если онъ меня увидитъ: симъ пожемъ зарѣзать я пять чело-вѣкъ его Поляковъ.»

(190) *Ник. Лѣт.* 96, и *Столяр.* л. 545 на об.

(191) См. о немъ выше, стран. 37 и 38, гдѣ сказано о бѣгствѣ его изъ-подъ Кромѣ.

(192) *Ник. Лѣт.* 97.

(193) См. Бера и *Столяр.* л. 545 на об.

(194) Беръ, и за нимъ Петрей.

(195) См. Бера, Нѣмцев. Dz. Pan. Zygm. III. (II, 528) и Машковича.

(196) The Russ. Impost. 143.

(197) См. *Латух. Степ. Кн.*, *Ник. Лѣт.* 97, и *Филар. Рукон.*

(198) См. *Розр. Кн.*, *Столяр.* л. 546, и *Филар. Рукон.*

(199) См. *Розрѣд. Кн.* л. 1005.

(200) См. *Диплом. Собр. дѣлъ*, Баншыша-Каменскаго. Счита сихъ Пословъ состояла изъ 314 чело-вѣкъ.

(201) См. память же.

(202) См. Паерле. — Щербатовъ (Т. VII, 219) пишетъ, что Апрѣля 11 числа принесено къ Царю письмо на Греческомъ языкѣ отъ неизвѣстнаго чело-вѣка; опыты увѣдомляли его, что прибывшіе Послы не имѣютъ никакой власти и желаютъ только освободить Мнишка и другихъ Паповъ. Сіе обстоятельство за-

спрудило Царя въ дозволеніи Воеводъ Сендомирскому видѣться съ Послами. Щербатовъ ссылается на *Дѣла Польскія* 7116 (1608) г. хранящіяся въ Москов. Архивъ Иностр. Коллегіи, въ связи подъ No 1.

(203) *Ник. Лѣт.* 97.

(204) См. *Дѣл. Польск.* No 27.

(205) См. *Дѣл. Польск.* и *Диплом. Собр.* Б. Кам.

(206) См. Бера и Петрея. Сраженіе было 24 Іюня. См. также *Ник. Лѣт.* 98, и *Столяр.* л. 548.

(207) Сія любопытная Грамота, отъ Россійскихъ **Бояръ** въ Тушино къ Рожинскому и Товарищамъ его, послана 16 Авг. за печатію Князя Фед. Нв. Мстиславскаго. Списокъ ея находится въ одной древней рукописи, принадлежавшей покойному Графу Н. П. Румянцеву.

(208) Бера.

Сапѣга пріѣхалъ вѣроятно послѣ переговоровъ: ибо въ опытахъ объ немъ не упоминали. См. *Дѣл. Польск.* No 27.

(209) См. Бера, и Т. XI, прим. 592. См. о Сапѣгѣ также Нѣмцевича (*Dz. Rap. Zygm. III, II, 354*).

(210) *Ник. Лѣт.* 100.

(211) Тамъ же.

(212) *Стол.* л. 549, и *Ник. Лѣт.* 99.

(213) Тамъ же.

(214) См. Нѣмцевича *Dz. Rap. Zygm. III, Т. II, стран. 354*. Слова Сапѣги къ войнамъ находятся въ Берѣ. См. также *Столяр.* л. 548 на об., и *Ник. Лѣт.* 101.

(215) См. тамъ же, и Нѣмцев. *D. P. Z. III, Т. II, 335*.

(216) См. выше въ семь Томѣ, стр. 98.

(217) *Ник. Лѣт.* (стр. 100) говоритъ, что Лжедмитрій «посла напередъ, и повелѣ Сендомирску съ дочерью и Пословъ поворочити въ таборы К. Василья Масальскаго; той же К. Василей перепялъ въ Бѣльскомъ уездѣ,» и пр. Но въ письмѣ Лжедмитрія, посланномъ къ Сендомирскому Воеводѣ 22 Авг. 1608

г. не упоминается о Масальскомъ. См. *Собр. Гос. Грам.* II, 336.

(218) *Ник. Лѣт.* 100. Объ Олесницкомъ, см. *Дѣла Польск.* No 30, л. 97.

(219) См. Бера.

(220) Тамъ же.

(221) Тамъ же. Сей новый Самозванецъ, надменный своими успѣхами, сочинилъ для себя слѣдующій пышный титулъ: «Мы, Дим. Нв. Царь Московскій, Самодержецъ всѣхъ Княжесвъ Русскихъ, единый Богомъ данный и избранный, Богомъ хранимый, Богомъ помазанный и возвеличенный надъ прочими Царями, подобный второму Израилю, ведомый силою Всевышняго, единый Царь Христіанскій отъ Востокъ до Западъ, и многихъ Государствъ повелитель.» См. Бера и Петрея, стр. 425.

(222) Тамъ же, и *Столяр.* л. 548.— О Дѣлѣ Иванъ Грамошникъ см. *Ник. Лѣт.*

(223) Такъ пишутъ иностранцы Историки, Берѣ и Петрей.

(224) *Ник. Лѣт.* 100, и *Столяр.* л. 549.

(225) *Столяр.* л. 549.

(226) Сказаніе *Аврам. Палицына*, 58, и *Дѣл. Пол.* No 27, л. 42.

(227) *Ник. Лѣт.* 101.

(228) Тамъ же, 102.

Вступленіе въ Москву должно было послѣдовать не прежде Декабря. См. *Собр. Гос. Грам.* II, 342 и 346, и *Розр. Ки.*

(229) См. *Розр. Ки.*

(230) См. слова Паптіарха къ Царю Василію, въ Филаретовой Рукописи.

(231) Берѣ говоритъ о двухъ переметчикахъ, Гансѣ Шпейдерѣ, Лифляндцѣ, и Гансѣ Генрихѣ Канельсенѣ, уроженцѣ Австрійскомъ, присовокупляя, что послѣдній изъ нихъ былъ уже въ Турціи Мусульманиномъ, а послѣ опять жилъ въ Германіи; наконецъ прибылъ въ Москву при Годуновѣ и *перекрестился* въ Греческую вѣру, *отрекшись Бога, Котораго съ дѣт-*

ства исповѣдывалъ и обзавшись поклоняться Русско-
му Божу, Николаю.

- (232) См. Сказ. Аврам. Палицына, стран. 32.
(233) Тамъ же, стр. 31, 32, 36 и 37.
(234) См. См. Томъ XI, 175 и 197.
(235) Палиц. 37 и 56.
(236) См. Слов. Георг. Росс. Гос. Ч. V, подъ сло-
вомъ Святотроицк. Сергіева Лавра, стран. 805; так-
же Истор. Рос. Щербатова, Т. VII, 286. Ограда по-
строена за 20 лѣтъ до осады. См. также Кратк.
Историг. описаніе Св. Троицк. Сергіевой Лавры, соч.
Митроп. Платонолѣ.

- (237) См. Палиц. 59 и 60.
(238) См. тамъ же.
(239) Тамъ же, 59.
(240) Подъ Рахманцовымъ. См. выше, стран. 102.
(241) Палиц. 61 и 85.
(242) Тамъ же, 62.
(243) Тамъ же, 63 и 64.
(244) Тамъ же, 65.
(245) Тамъ же, 59.
(246) Тамъ же, 67—70.
(247) Палицынъ подробно описываетъ расположе-
ніе сихъ туровъ (стран. 72).

Щербатовъ (см. его Истор. XV, 295) повѣряетъ
сіе описаніе съ планомъ монастыря, сдѣланнымъ при
Императрицѣ Елисаветѣ Пешуровѣ, и съ свѣдѣніями,
доставленными ему опѣ Митрополишта Платона, ко-
торый о семъ спрашивалъ спарожиковъ. Упоми-
наемая Палицынымъ, Водяная башня находилась на
углу между южною и западною стѣнами, близъ того
мѣста, гдѣ были Водяныя ворота, а Плотничная —
которая именуется нынѣ Угольною и прошивъ коей
былъ прежде Плотничныи дворъ—между стѣнами за-
падною и сѣверною.

- (248) Палиц. 73 и 95.
(249) Тамъ же, 77 и 78.
(250) Тамъ же, 80 и 81.

(251) См. тамъ же (81 и 82) о запаленіи пивнаго
двора.

- (252) Тамъ же, 77.
(253) Тамъ же, 83.
(254) Тамъ же, 84 и 85.
(255) Тамъ же, 85—87.
(256) Тамъ же, 84.
(257) Тамъ же, 87.
(258) Тамъ же, 95 и далѣе: «Иное ядро проразилъ
железные двери съ полуденныя страны у Церкви
Живонац. Троицы и проби дску мѣстнаго образа ве-
ликаго Чудотв. Николы выше лѣваго плеча подлѣ
вѣнца, за иконою же ядро не объявился.» (Сей образъ
и железныя двери, пробитыя пушечнымъ ядромъ, по-
казываютъ донынѣ въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ).
Тогда въ церкви нападе спрахъ великъ на вся пред-
стоящія люди, и вси колеблющеся, и полиють бысть
помоситъ церковный слезами, пѣнію медлящу опѣ мно-
жества плача, и проч.

О побѣгѣ Оськи Селевина, см. тамъ же, стр. 80.

- (259) Палиц. 88.
(260) Тамъ же, 95.
(261) Тамъ же, 91.
(262) Палиц. 98.

Палицынъ пишетъ, что Атаманъ Епифанецъ уда-
лился опѣ Лавры, устращенный небесными явленіями.
Атаманы и Козаки видѣли ночью ходящихъ вокругъ
Обители двухъ свѣтозарныхъ Старцевъ, по образу и
по подобію Угодниковъ Божіихъ Сергія и Никона, изъ
коихъ одинъ кадилъ стѣны и ограждалъ ихъ кре-
стомъ, другой кропилъ Святою водою, и оба веле-
гласно пѣли стихъ: Спаси, Господи, люди своя, и
кондакъ: Вознесыйся на крестъ и пр.; попомъ, обра-
тивъ къ осаждающимъ, укоряли ихъ въ злодѣйскомъ
замыслѣ: «Почто стекоситесь разорити домъ Пресв.
Троицы и въ немъ Божіа церкви оскверити и ино-
чествующихъ и всѣхъ православныхъ Христіанъ
погубити? но не дастъ вамъ железа на жребій свой
Господь.»

- (263) Тамъ же, 101.
 (264) Тамъ же, 103, 107 и 108.
 (265) Тамъ же, 103.
 (266) Тамъ же, 102.
 (267) Троицкій слуга, Анапія Селевинъ, подвязав-
 шійся вмѣстѣ съ Иваномъ Ходыревымъ. См. *Палиц.*
 105 и 106.
 (268) Тамъ же, 106.
 (269) Тамъ же, 109.
 (270) Тамъ же, 109 и 110.
 (271) Тамъ же, 113.
 (272) Тамъ же, 113 и 114.
 (273) Тамъ же, 115.
 (274) Тамъ же, 116. Убишихъ было 40, и много
 раненныхъ.
 (275) Сии дѣши Болрскіе были Переславцы, Пе-
 труша Ошушковъ и Степанко Лешуковъ. См. *Па-
 лиц.* 121.
 (276) Тамъ же, 122, и *Истор. Щерб.* XV, 329.
 (277) Объ измѣнѣ Казначей дѣвочкина см. тамъ
 же, 117.
 (278) Тамъ же, 123 и 124.
 (279) Тамъ же, 125—127, и 145.
 (280) Съ 17 Ноября пишетъ Палицынъ на сѣвр.
 130.
 (281) Тамъ же, 132.
 (282) Тамъ же, 131 и дал.
 (283) Тамъ же, 135 и 136.
 (284) Тамъ же, 136 и 137.
 (285) Тамъ же, 140 и дал.
 (286) Тамъ же, 145.—О немъ см. выше, прим. 267.
 (287) *Палиц.* 145 и 146. — Тамъ же сказано, что
 въ одной вылазкѣ Анапія, рапуя вмѣстѣ съ Нѣмкомъ,
 потерялъ коня и съ того времени дѣйствовалъ не
 столь успешно. Не смотря на опухоль ноги, повре-
 жденной выстрѣломъ изъ пицали, онъ не переспа-
 валъ участвовать въ битвахъ, но опять получилъ
 рану въ ту же ногу. »И тако крѣпкій мужъ возвра-

- ипися всяны, и опече пога его до пояса, и по днехъ
 »малыхъ скончался ко Господу.»
 (288) *Палиц.* 147.
 (289) Тамъ же, 148.
 (290) Тамъ же, 98, 136 и 138.
 (291) Тамъ же, 148 и 149.
 (292) О числѣ погибшихъ см. *Палиц.* 132 и 134.
 (293) Тамъ же, 149 и 150.
 (294) Тамъ же, 150 и 151.
 (295) См. письмо Марины къ отцу отъ 23 Марта
 (по Нов. Ст.) 1609 г. (*Собр. Гос. Грам.* II, 360).
 (296) *Собр. Гос. Грамотъ*, II, 342 и 345.
 (297) *Ник. Лист.* 110.
 (298) Тамъ же, 102.
 (299) Тамъ же, 103 и 104.
 Нѣмцевичъ (См. Dz. P. Zyg. III, Т. II, 336) по-
 черпавшій свѣдѣнія болѣе изъ Польскихъ источни-
 ковъ, пишетъ, что *изображеніе* (posag, статуя) Св.
 Леонтія, доставшееся Сапѣгѣ, а отъ него подарен-
 ное Маринѣ, Русскіе цѣнили въ 50.000 рублей. Онъ
 же говоритъ, что въ Ростовѣ начальствовалъ тогда
 Третьякъ Сениповъ, который взялъ въ плѣнъ и ото-
 сланъ вмѣстѣ съ Филаретомъ къ Самозванцу. — По
 словамъ Бера, изображеніе Св. Леонтія, вылитое изъ
 золота, было вѣсомъ въ 200 фунтовъ.
 (300) *Палиц.* 44, и *Латух. Стен. Кн.*
 (301) Беръ утверждаетъ, что Филаретъ имѣлъ въ
 своемъ желѣзѣ восточный яхонтъ, равнявшійся цѣною
 съ полубочкою золота, и — подарилъ его Лжедми-
 трию!
 (302) См. выше, прим. 299.
 (303) См. *Собр. Гос. Грам.* II, 339.
 (304) Объ измѣнѣ Костромы, Галича, Углича и Во-
 логды см. *Нѣлицскаго* (D. P. Z. III, II, 339) и Бера.
 Въ *Ник. Лист.* (105) исчислены вѣрные города: ме-
 жду ними не наименованъ Владиміръ, и какъ вскорѣ по-
 томъ Липовицы, разбитые Княземъ Пожарскимъ, иска-
 ли въ немъ убѣжища (см. тамъ же, 106), что видно,
 что сей городъ былъ уже на сторонѣ Лжедмитрія.

- (305) *Ник. Лѣт.* 105.
 (306) Нѣмцев. D. P. Z. III, 357.
 (307) См. Бера и Петрел.
 (308) См. выше, глав. I, стр. 27.
 (309) *Псков. Лѣт.* 359. Тамъ же, на л. 355, 356 и 358 описаны бѣдствія Псковичей отъ издомства, грабительства и неправды.
 (310) *Псков. Лѣт.* 77 и 78.
 (311) Аврам. Палицын. 32—47.
 (312) О Филаретѣ см. выше, около прим. 500. О Ефокписѣ см. Аврам. Палиц. 44, и *Никон. Лѣт.* 131.
 (313) См. Псков. Лѣтоп. л. 77.
 (314) Палиц. 44.
 (315) *Никон. Лѣт.* 105, и *Хроногр. Стол.* л. 143 на обор.
 (316) См. *The Russian Impostor*, 153, и Машкѣвича.
 (317) Беръ пишетъ, что всѣ дивились чрезвычайному изобилію съѣстныхъ припасовъ въ Тушинѣ: головы, ноги и внутренности битой скотины валялись на улицахъ въ такомъ множествѣ, что собаки не успѣвали пожирать ихъ. Отъ того былъ дурной запахъ и даже боялись язвы. Послѣдній изъ воиновъ ежедневно приготовлялъ для себя самыя лучшія яства; изъ папишковъ болѣе выходило меду, нежели пива.
 (318) См. сей *Исторіи* Т. XI, 20.
 (319) Палиц. 40.—*Ник. Лѣт.* (стр. 89) говоритъ, что Князя Петръ и Александръ Урусовы измѣнили еще подъ Тулою.
 (320) См. выше, стр. 104.
 (321) См. *Собр. Гос. Грам.* II, 351. Марша писала къ отцу своему въ Генварь 1609 изъ-подъ Москвы, прося не лишить ее въ печали своего благословенія и простить, если она чѣмъ шудь прогнѣвала его: Она прибавляетъ: «Въ письмахъ къ Его Царской Милости упоминайте обо мнѣ и просите, чтобы я у него могла имѣть почтеніе, милость.» Далѣе, жалуюсь на прешерпываемый ею недостатокъ, говоритъ,

- что «у нея нѣтъ и сундука.» См. тамъ же, на стр. 361, записку ея отъ 23 Марша.
 (322) См. выше, прим. 138. Списокъ (на Польскомъ языкѣ) сей жалованной Грамоты, даной 14 Окш. 1608 изъ-подъ Москвы, находится въ Дѣлахъ Польскаго Двора 1736 года. — На основаніи сей и другихъ подобныхъ Грамотъ Польскій Коронный Великій Маршалокъ Миншекъ не спыдился нѣсколько разъ (въ 1718, 1720, 1732 и 1736 годахъ) домогаться отъ Россійскаго Двора всего обѣщаннаго предкамъ его Самозванцами, или даннаго ими, но въ послѣдствіи ошляпшаго. (См. *Диплом. Собр. Дѣлъ*, Б. Каменскаго. I, 397).
 (323) Такъ названные *прелесты*. См. выше, стр. 110.
 (324) Такъ пишетъ Машкѣвичъ, очевидно сихъ происшествій и наблюдавшій причины оныхъ. См. также Бера.
 (325) См. сей *Исторіи* Т. XI, Гл. IV.
 (326) См. выше, прим. 321. См. также другія письма ея отъ 26 Генв. и 23 Марша 1609, въ *Собр. Гос. Грам.* II, 353 и 359.
 (327) Въ *Дипл. Собр.* Б. Каменскаго (на стр. 398) помѣщенъ переводъ Меморіала, поданнаго на Сеймъ Послами Новѣповѣ. Списокъ онаго на Польскомъ языкѣ хранился въ Моск. Архивѣ, въ связкѣ писемъ Ошрепьева, подъ № 55. Въ семъ Меморіалѣ означены жалобы Поляковъ на Россію, въ 8-ми статьяхъ: 1) «что Русскіе, нарушивъ заключенную съ Поляками дружбу, обезчестили Королевскихъ Пословъ, и около двухъ лѣтъ помини ихъ въ заключеніи; 2) что они предали смерти Польскихъ людей, прибывшихъ въ Москву съ паспортами Королевскими и Рѣчи Посполитой и не вѣдавшихъ ни о какомъ обманѣ; 3) что мучили Сенатора Польской Короны, Воеводу Сандомирскаго, и другихъ знашнихъ особъ, пригласивъ ихъ къ себѣ подъ видомъ дружбы, и уже присагнувъ на вѣрность дочери перваго; 4) что отобрали у разныхъ людей грамоты Королевскія; 5) что оскорбили Бога въ лицѣ служителя Его, Ксендза и Секретаря
 Т. XII.

»Королевскаго, умерщвленнаго предъ самымъ Олп-
»ремъ; 6) что возсипали на Царя своего, Димитрія,
»послѣ заключенія имъ союза съ Польскою Короною,
»и шѣмъ оскорбили Короля и Рѣчь Посполитую: по-
»чему, если онъ живъ еще, должно подашь ему помощь;
»7) что нанесли *общую вѣстль обиду*, удержавъ, огра-
»бивъ и заключивъ въ темницу Испанскаго Священни-
»ка, прибывшаго въ Москву отъ Папы и Короля
»Испанскаго съ драгоценною церковною утварію (въ
сей счастъ прибавлено, что нѣкто изъ Шведовъ,
Гуспавъ, также умеръ въ темницѣ 1607 года: въ-
роятно Шведскій Королевичъ, прѣхавшій въ цар-
ствованіе Бориса); наконецъ 8) что побуждаютъ,
»какъ слышно, Шведовъ и Татаръ къ нападенію на
»Польшу.« За симъ сказано, что представляющійся
случай есть самый лучший для возвращенія Польши
всего, что ей принадлежитъ по праву, и означены
средства помочь Самозванцу.

(328) См. сей *Историю* Т. XI, стр. 40.

Нѣмцевичъ (Dz. P. Z. III, Т. II, 348) пишетъ, что
еще при Лжедимитріи одинъ изъ посланныхъ въ Польшу
изъяснялъ о желаніи Бояръ имѣть Государемъ
своимъ Королевича Владислава, вмѣсто Самозванца;
что тоже повторяли сами Бояре по убіеніи Лжеди-
митрія, говоря даже о готовности Шуйскаго усту-
пить вѣнецъ Королевичу, и что сіе извѣстіе под-
твердилось прибывшими изъ Москвы Спадницкимъ и
Домарадзкимъ. Нѣмцевичъ и Нарушевичъ ссылаются
на современную рукопись Гетмана Жолкѣвскаго, *Объ*
уступкахъ войны въ Россіи, находившуюся въ Библіо-
текѣ Залусскихъ. (См. Наруш. Hist. Chodk. I, кн.
IV, прим. 17, 107 и 108.)

(329) См. Нарушевича, Hist. Chodk. I, кн. IV,
255—259.

(330) См. выше, стр. 98.

(331) Hist. Chodk. I, кн. IV, прим. 115.

(332) См. Машкѣвича.

(333) Жолкѣвскій не спрашивалъ писатъ о семъ Ко-
ролю: «Слышно въ народѣ, что В. Кор. Вел. не

»столько думаетъ въ семъ дѣлѣ о благѣ Рѣчи Поспо-
»литой, сколько о собственныхъ своихъ выгодахъ. Не
»столько чернь, но и знатные, хотя и не охотно, съ
»душевною скорбью, говорятъ о семъ замыслѣ вашемъ.«
(См. Dz. P. Z. III, II, 351.) — См. также
Наруш. Hist. Chodk. I, кн. IV, прим. 114.

(334) Наруш. тамъ же, прим. 122.

(335) Помощникъ Всеволода въ шестомъ колѣнѣ К.
Вас. Андр., принявъ названіе *Пожарскаго* отъ того,
что ему достался въ наслѣдство опустошенный по-
жарами городокъ Погарь, который до нашествія Та-
тарскаго именовался Радогостъ. См. *Біограф. свѣд. о*
Князѣ Д. М. Пожарскомъ, соч. А. О. Малиновскаго,
Родосл. Книгу Князей и Дворянъ Россійскихъ, Ч. II,
стр. 59, 300 и 362, и *Розряд. Книг.* л. 973 и 979.

(336) *Ниж. Лѣт.* 106.

(337) Тамъ же, 109 и дал.

(338) См. Грамоту Царя Василія къ Галицкимъ жи-
телямъ, 50 Ноября 1608. (Въ *Собр. Гос. Грам.* II, 341).

См. тамъ же и прочія Грамоты Царя Василія: въ
Устюжну Желѣзнопольскую, 23 Дек. 1608 г. (шутъ
предписывалось вѣстъ ополченіямъ собираться въ Яро-
славъ для общей защиты); въ Володу, 15 Мая 1609;
Вологодскимъ, Бѣлозерскимъ, Устюжскимъ и другимъ
ратнымъ людямъ, 23 Мал; наконецъ, вѣстъ войскамъ,
собраннымъ у Ярославля, 28 Юня (шутъ исчислены
Воложане, Бѣлозерцы, Устюжане, Каргопольцы, жа-
тели Соли-Вычегодской, Топмичи, Вожае, Движане,
Костромичи, Галичане, Вятчане). Въ 1609 году Сѣ-
верные города уже держались стороны Царя. См. Бе-
ра и Петрея.

(339) Какъ видно, зимою, съ 1608 и 1609 г.: ибо
крестьяне, по словамъ Бера и Петрея, бросали гра-
бителей подъ ледъ. — Креспьяне, говоритъ Беръ, на-
зывали своихъ приписанныхъ *глаголями*, отъ того,
что Поляки ходили съ бритыми головами, оставляя
только на верху хохоль или пучокъ волосъ (Zöpfe).

(340) См. вышеупомянутыя въ прим. 338 Грамоты
23 Дек. 1608 и 15 Мая 1609 (*Собр. Гос. Гр.* II, 346).

(341) См. жалованную Грамоту *Искитолу* *геловку* Петр. Семен. Спроганову, 29 Мая 1610 (*Собр. Гос. Гр. II*, 386), коею дано ему право писаться съ *вигель*.

(342) О Данилѣ Эйлофѣ см. Бера.

(343) См. Бера и Рукоп. Филяр.

(344) *Ник. Лѣт.* 111.

(345) О Нащокинѣ см. Грамоту Василіеву 15 Мая, о коей въ прим. 338.—О Засполицкомъ и Панѣ Маттіасѣ см. окружную Грамоту Кн. Скопина-Шуйскаго, въ *Собр. Гос. Гр. II*, 343.—О Шмишѣ см. Бера.

(346) См. Грамоты, приведенныя выше, въ прим. 338.

(347) См. выше, стран. 111.

(348) Аврам. Палиц. 189.

(349) См. выше, стран. 159.

(350) См. *Ник. Лѣт.* 111, *Латух. Ст. Кн.*, и *Хронографъ Ключарева*.

(351) Въ *Латух. Ст. Книгѣ* описанный здѣсь мяшежъ описанъ также къ 7117 (1609) году, но позже повшорено въ слѣдующемъ, съ означеніемъ дня (17 Февр. какъ въ *Львов. Лѣтописцѣ*). Если мяшежники бѣжали къ Самозванцу въ Тушино, то конечно въ 1609 году: ибо въ слѣдующемъ Тушинскаго спана уже не было.

(352) *Хрон. Ключ.* и *Стол.*

(353) *Латух. Ст. Кн.*, и *Хрон. Стол.*

(354) *Лат. Ст. Кн.*, *Столѣр.* и *Ник. Лѣт.*; также *Хронографы*.

(355) Объ измѣнѣ Трубецкаго см. выше, стран. 95. О казни Крюка Колычева *Ник. Лѣт.* 112.

(356) Надъ сею рашію начальствовалъ Полковн. Млоцкій. См. *Ник. Лѣт.* 112.

(357) Тамъ же.

(358) Аврам. Палиц. 189.

(359) *Ник. Лѣт.* 112.

(360) Аврам. Пал. 190.

(361) *Ник. Лѣт.* (стр. 112) говоритъ, что съ Кн. Гатаринымъ пришелъ изъ Тушина и Ропмиспръ Мат-

тіасъ Мазяновъ. См. также Грамоту Царскую Болрицу Князю М. В. Скопину-Шуйскому, 2 Юн. 1609, (по списку бывшему у покойнаго Графа Н. П. Румянцева).

(362) См. выше въ семь Томѣ, стран. 107.

(363) *Розрѣд. Кн. л.* 1104.

(364) Видекинѣ, 46. См. также Далинову *Исторію Швеции*, Т. III, Ч. 2, стран. 454.

(365) Видек. 63.

(366) О безпорядкахъ и злодѣяніяхъ въ Псковѣ см. выше въ семь Томѣ, стран. 143.

(367) *Ник. Лѣт.* 107.

О Салтыковѣ см. *Розр. Кн. л.* 1104 на об.

(368) *Ник. Лѣт.* 108.

(369) Тамъ же, 109.

(370) Видек. о Керносицкомъ, 64.

(371) *Дѣл. Шведск.* Но 9, л. 2 и дал.

(372) См. *Дѣл. Шведск.* Но 9. Тоже рассказываетъ и Видекинѣ (стран. 47) о семь условіи, заключенномъ еще до начатія переговоровъ въ Выборгѣ; но вмѣсто еимиковъ онъ употребилъ названіе рублей.

(373) См. въ томъ же Договорѣ (*Д. Шв.* Но 9) о лошадахъ подъ огнеспрѣльный снарядъ: «А какъ воинскіе пѣшіе люди съ нарядомъ будутъ на рубежъ, и ямъ подъ нихъ и подъ нарядъ вѣлѣши собрати въ Орѣховскомъ и въ Корелскомъ уѣздѣ подводы, сколько мочно собрати, а иные подводы собирать идучи къ Новугороду, и давати имъ пѣ подводы подъ люди и подъ нарядъ безцѣпно и безденежно и на Русь идучи и съ Руси идучи... а коннымъ людямъ (у кого лошада падешъ) въ цѣну и зачипашъ въ наемъ.» О повиновеніи Шведскаго войска Русскимъ Воеводамъ см. тамъ же.

(374) Видек. 52, и *Д. Шв.* Но 9 въ Договорн. записи, 30 (?) Февраля 1609 г.

(375) Видек. 60.

(376) Видекинѣ 62, и *Льв. Лѣт.* 249.

(377) *Ник. Лѣт.* 118 и Видек. 66.

(378) *Дал. лѣт.* 460, и *Ник. Лѣт.* 118.

(379) *Ник. Лѣт.* 119, и Рукоп. Филар. См. также Видек. 73.

(380) Видек. 89. Грам. Царя Василія къ Скопину, 2 Іюня 1609, и *Ник. Лѣт.* 120.

(381) Видек. 74.

(382) *Ник. Лѣт.* 120, Рукоп. Филар., и Видек. 75.

(383) Петрей 422.

(384) Рук. Филар., *Ник. Лѣт.*, Видек. 84 и 88, Наруш. въ Hist. Chodk. I, 254, и Кобърж. 228.

(385) Видек. 73.

(386) Сіе воззваніе помѣщено въ *Собр. Гос. Гр.* (II, 347): «Божією милостию, Вельможнаго и Високорожденнаго Князь и Государь Каролуш Девятой, Свѣдскаго, Ходскаго, Венденскаго, Финскаго, Корельскаго, Лопскаго, Сѣверныя земли Каленской и Чухонскія въ Ливонской землѣ Король, объявляетъ вамъ, Митрополиту, Архіепископу, Игуменамъ и всему Собору, Боярамъ, Воеводамъ, Дьякамъ, Дворянамъ, Дѣпемъ Боярскимъ, Госпемъ и торговымъ людемъ во всемъ Новогородскомъ Государствѣ наше здорованье. Дошло до нашего Вельможства ваше листъ, а въ листу пишете, прошаючи, чтобъ нашего Вельможства пришесть бы Россійскому Государству на помощь прошивъ вашихъ недруговъ. И прошивъ вашего прошенья, приказали мы Великій Государь свою большую ратную Воеводу Графъ Іохимъ Фридрихъ Манфелшу и своимъ Приказными поварвци, съ нашею равнкою силою, къ вамъ на помощь иппи прошивъ вашихъ недруговъ. И мы Велик. Государь приказали ему прежде поипи къ Новугороду, провѣдати про вашихъ недруговъ, гдѣ они естъ и какъ памъ на Русіи дѣпся, а ему приспавати и пособляти, стояти за старую Греческую Вѣру и за всѣхъ Митрополищевъ, Архіепископовъ и Игуменовъ, Бояръ и Воеводъ, Дьяковъ, Дѣшей Боярскихъ, и гостей и торговыхъ людей, которые хопятъ держати старую Греческую Вѣру; а на Польскихъ, Литовскихъ людей и на Козаковъ ему приспавати и за ними гнаати мечемъ и огнемъ. Просимъ того для у васъ всѣхъ,

чтобъ вы съ нимъ за одно стояли и пособляли, себя опростали и избавляли отъ Польскихъ и Литовскихъ людей кровопивава хопяты, чтобъ Россійское Государство пришло бѣ въ свою старую возносъ и льготу, а не дали бы надъ свою голову посадити всякаго страдника, котораго Поляки и Литва полюбятъ. Того для берегитесь и примите думу, пока вамъ помочь даютъ, или вамъ самимъ будетъ видно: будетъ Поляки и Литва надъ вами силу возмутъ, не пощадаютъ Патріарху, Митрополиту, Архіепископу, ни Игуменамъ, ни Воеводамъ, ни Дьякамъ, ни Дворянамъ, ни Дѣпемъ Боярскимъ, ни госпемъ, ни торговымъ людемъ, ни дѣпенкамъ въ пемекъхъ, не токмо что пныхъ, доколѣ они изведутъ славный Россійскій родъ. Писана въ великомъ въ нашемъ въ опчинномъ городѣ въ Спекольнѣ, въ 3 день Генваря, лѣта отъ Христ. Рожд. 1609 года.»

(387) Видек. 77, и Далн. 462.

(388) Видек. 85.

(389) Далн. 463, и *Ник. Лѣт.* 126.

(390) *Ник. Лѣт.* 120, и Видек. 96.

(391) См. выше, стран. 163.

(392) Аврам. Палиц. 154.

(393) См. выше, стран. 156.

(394) Авр. Палиц. 155.

(395) Авр. Палиц. 156.

(396) Тамъ же, 158.

(397) Тамъ же, 157—160.

(398) *Ник. Лѣт.* 121.

(399) Тамъ же. — О Волуевъ см. сей *Исторіи* Т. XI, 329.

(400) См. Грам. Царскую 2 Іюн. 1609, которой списокъ принадлежалъ покойному Графу Н. П. Румянцеву.

(401) Аврам. Палиц. 169.

(402) См. выше около прим. 390. — Далн. 464, Видек. 96.

(403) Аврам. Палиц. 170.

Нельзя съ точностию опредѣлить, когда было сіе

сраженіе: по Видекиду 13 Августа Нов. Ст.; по *Сказанію* Палицына 5 Іюля; по въ семь Сказаніи явная ошибка, ибо Зборовскій приступалъ къ Лаврѣ 31 Іюля *прежде* сего сраженія.

(404) См. *Ник. Лѣт.* 121, и Видек. 96.

(405) Войско его снова возмутилось въ 5 день Авг. Н. Ст. (См. Видек. 95).

Ник. Лѣт. 120.

(406) См. *Длѣл. Швед.* Но 9, Договоръ Князя М. В. съ Секретаремъ Шведскаго Короля, Карломъ Олофсономъ, въ Колязинѣ, л. 42 и дал.

(407) *Ник. Лѣт.* 113 и 114, и *Столяр.* л. 550.

(408) См. выше, о сраженіяхъ на Восмѣ и на Медвѣжьемъ броду, стр. 64 и 102.

(409) *Ник. Лѣт.* 114.

(410) Тамъ же 115 и 116.

(411) Тамъ же.

(412) Тамъ же, 114.

(413) Тамъ же, 117, и *Столяр.* л. 543 на об.

(414) *Ник. Лѣт.* 116.

(415) *Никон. Лѣт.* 117, и Бера.

(416) *Столяр.* 550 на об.

Объ осадѣ Коломны и отраженіи Рязанцевъ Млоцкимъ см. *Ник. Лѣт.* 121 и 122.

(417) О медленности Шереметева см. тамъ же, 116. Онъ былъ въ Владимірѣ съ Мая мѣсяца, по словамъ Царя Василія (въ Грамотѣ его отъ 2 Іюня, къ Скопину, о которой см. выше, прим. 400).

(418) См. Авр. Палицына, 190 и 191, *Ник. Лѣт.* 122 и 123, также *Латух. Ст. Кн.*

(419) См. выше, около прим. 398, и *Ник. Лѣт.* 123.

(420) *Ник. Лѣт.* 122, *Латух. Ст. Кн.*, *Видек.* 102. Нѣмцев. (Dz. Rap. Zygm. III, II, 344) говоритъ о плѣненіи 154 Польскихъ Дворянъ, со множествомъ слугъ и Козаковъ, кои всѣ были преданы мучительной смерти.

(421) Видек. 102.

(422) См. тамъ же, *Ник. Лѣт.* 123, и *Лѣт. Ст. Кн.*

(423) Видек. 107.

(424) *Ник. Лѣт.* 122, и Видек. 104.

(425) Аврам. Пал. 171 и 173.

(426) *Ник. Лѣт.* 123, и Видек. 107.

(427) Видек. 108.

(428) Видек. 108, и Нѣмцев. въ D. P. Z. III.

(429) Видек. 104, *Ник. Лѣт.* 124, и *Латух. Ст. Кн.*

(430) Видек. 106 и 107.

(431) См. выше, стр. 167 и 194. — О Князѣ Миханѣ см. *Псков. Лѣтоп.* л. 39.

(432) См. выше, стр. 39 и 46.

(433) *Ник. Лѣт.* 124.

(434) *Ник. Лѣт.* 124 и дал.

Нѣмцевичъ (въ D. P. Z. III, II, 337) пишетъ, что съ Мосальскимъ находился и Кн. Голицынъ; ихъ войски претерпѣли столь сильное пораженіе, что лишь не многіе, спасаясь бѣгствомъ, могли принести о томъ вѣсть въ Москву. — Слѣдъ получилъ о томъ извѣстіе 7 Ноября (Нов. Ст.). См. *Жизнеописаніе Ян. Пестра Сиптеи*, изд. Когновичкимъ.

(435) *Ник. Лѣт.* 125 и 126. — О Хлопкѣ см. Т. XI, 130.

(436) *Ник. Лѣт.* 126. Пехорка впадаетъ въ Москву: (см. *Бол. Черт.* 193).

(437) См. выше, стр. 157.

(438) 29 Септябрю (Нов. Ст.), говоритъ Машкѣвичъ, служившій въ семь походѣ, Полковникомъ роты Князя Порицкаго. См. Zbiór Pamiętn. histor. o dawney Polsce przez Niemcewicza, стр. 352 и 355; также Съв. Архив. 1823 Но 1.

(439) Машкѣвичъ вмѣсто Борисоглѣбскаго монастыря называетъ Богородицкій; по въ перехваченномъ письмѣ Шенна къ Царю (отъ 9 Октябрю) имѣнно сказано, что Король, Гешманъ его Жолтѣвскій, Кашчаръ Левъ Слѣдъ, Спадицкій и прочіе Польскіе чиновники, пришедши подъ Смоленскъ, расположились въ монастыряхъ Троицкомъ, Спаскомъ, Борисоглѣбскомъ, Архангельскомъ и Св. Духовомъ. См. D. P. Z. III, II, примѣчаніе подъ No VIII.

(440) См. сей Универсалъ во II Томъ D. P. Z. III, примѣчаніе подъ No VII. Данъ въ спанѣ, на границѣ Смоленской, 19 Сент. 1609.

(441) См. тамъ же, въ примѣч. подъ No VIII, перехваченное письмо Смоленскихъ Старостъ и посадск. людей къ Царю, выписанное Нѣмцевичемъ изъ Рукописи Г. Зелинскаго.

(442) См. Нѣмцев. (D. P. Z. III, Т. II, 585), въ вышеказанномъ писмѣ Шенна.

Нѣмцевичъ, основываясь на современныхъ запискахъ Жолтѣвскаго и Машкѣвича, описываетъ сей приступъ слѣдующимъ образомъ: «Сигизмундъ, внявъ совѣту придворныхъ, желавшихъ употребить хитрость, рѣшился напасть незанно и ночью. Для сего 12 Окт.» (ошибка, вмѣсто Сентября) «назначенъ былъ опрѣдъ пѣхоты, подъ начальствомъ Мальтійск. Кавалера Новодворскаго, который славился ранимымъ искусствомъ и неустранимостью. Сдѣлано распоряженіе, чины Королевскіе трубачи, при взрывѣ ворогъ, дали сигналъ, по которому сполнившее не вдалекъ войско должно было устремиться чрезъ проломъ въ городъ. Новодворскій пробирался тихо, въ тишину ночной, къ воротамъ, держа рукою огромную пепарду, и согнувшись вмѣстѣ съ прочими воинами по причинѣ тишины прохода между стѣною и деревянными срубамъ (которые построены были Русскими предъ стѣною со стороны поля, на подобіе избъ, для прикрытія воротъ). Не смотря на сіи затрудненія, онъ подошелъ къ однимъ воротамъ, потомъ къ другимъ, взорвалъ ихъ, и вошелъ въ городъ съ нѣсколькими воинами. Жители въ ужасѣ искали убѣжища въ церквахъ, и Смоленскъ былъ бы покоренъ совершенно; но опъ того ли, что трубачи не исполнили приказа, или что сильный взрывъ заглушилъ звукъ сигнала, вспомогательный опрѣдъ не подошелъ вовремя; посаженные ободрлись, видя малочисленность нашихъ, и вытѣснили ихъ, положивъ однакожъ на мѣстѣ не болѣе 20 человекъ: ибо въ тишину стрѣляли наудачу.» Машкѣвичъ между прочимъ говоритъ, что Вен-

гереть Маркт, Капипанъ Королевской пѣхоты, не хотѣлъ идти въ проломъ по недостатку мужества, или по условію съ непріятелемъ, и пѣмъ османивалъ успѣхъ приступа.

О послѣдующихъ нападеніяхъ см. письмо Старостъ.

(443) Сіе выраженіе употреблено выше, при описаніи Троиц. осады, стр. 121.

(444) См. Нѣмцев. (стр. 362), и Машкѣв.

Машкѣвичъ именуетъ Шенна *искуснымъ и свѣдущимъ Полководцемъ*. См. также Кобѣрицкаго, Нѣмцевича 412, и Рукопись Филарета. Причиной сего упорства онъ считаетъ воспоминаніе Шенна объ отцѣ, потерявшемъ жизнь при осадѣ крѣпости *Сокотла*, во время войны съ Бапориємъ. (См. сей *Историю* Т. IX, стр. 345.)

(445) Кобѣрж. 94.

(446) Тамъ же, стр. 95.

(447) Рожинскій созвалъ товарищей своихъ въ кругъ (w koło) и сказалъ имъ, что они, давъ слово и клятву возвратитъ Димитрію Царство, будутъ гнѣсными врагами, если ему измѣнятъ, хотя бы и слушающая Короля; что честь есть первый законъ для гражданъ свободныхъ, и кто ей слѣдуетъ, тотъ достоинъ не укоризны, а похвалы. Изобразилъ жалостливую судьбу мнимаго Іоаннова сына, доказывая, что для нихъ не только безсовѣстно, но и безумно оставлять его въ жертву врагамъ, а самихъ себя признавать глупцами, которые, не зная для чего, столь долго обливались кровію въ битвахъ—онъ предложилъ товарищамъ взаимно обзавестись слѣдующею клятвою: 1) Умереть или возвести Димитрія на престолъ; 2) казнить любою смертію всякаго, кто бѣжитъ отъ знаменъ его; 3) дѣйствовать ливо, чуждаясь тайныхъ кововъ; 4) не отлучаться нигуда безъ дозволенія начальства; 5) отлучась по дозволенію, возвратиться къ празднику Пасхи или къ Троицкому дню 1610 года; 6) въ случаѣ Димитріева поржества требовать награды всемъ вмѣстѣ и не расходиться безъ полного удовлетворенія. — Всѣ отвѣтствовали громкимъ кли-

комъ усердія. См. Кобържицкаго (спран. 96) и Нѣмцевича (спран. 367).

(448) Сія слова сказалъ Королю одинъ изъ посланныхъ, Мархоцкій, *забивая въ нѣмъ лице Государя*. См. Кобърж. спран. 103.

(449) См. въ Кобържицкомъ (стр. 104—111) и въ Нѣмцевичъ (стр. 375). — Марина, вынчалась на Царство съ Отрепьевымъ, именовалась *Цесаревою Маріею*. См. *Собр. Гос. Грам.* II, 290 и 291; также сей *Исторіи* Т. XI, 304.

(450) См. Кобържицкаго и Нѣмцевича.

(451) См. память же. Сигизмундъ развѣдывалъ предварительно о Тушинскомъ спаніи чрезъ надежныхъ людей, Русьскаго и Вучинскаго. Ходя по шаптрамъ, они подслушивали мѣшій воиновъ и привлекали ихъ къ створамъ Короля.

(452) Все сіе подробно описано въ Кобържицкомъ, на спран. 128—137. Грамота Сигизмунда къ Царю Василию была писана 12 Ноября.

(453) Кобърж. 136 и Нѣмцевичъ.

(454) Кобърж. 137.

(455) Удержаніе въ Москвѣ Пословъ, пролитіе крови Польскаго Дворянства, въ день гибели Отрепьева, побужденіе Татпарскихъ Ордъ напасть на Подолію, подкрѣпленіе Шведскаго Короля деньгами, и пр. (Кобърж. 129).

(456) См. Кобържицкаго и Нѣмцевича.

(457) Тамъ же.

(458) Нарушев. (Zyc. Chodk. I, str. 285 i not. 151). См. также Кобържицкаго, 147.

(459) Кобържицкій.

(460) Годунову, Разспригъ, Василию.

(461) Кобърж. 148, и Нарушев. 283.

(462) Кобърж. 150. — Нѣмцевичъ, стр. 395.

(463) Сіе заключалось въ данномъ отъ Короля наставленіи. См. Кобърж. 153, Нѣмцев. 384, и *Жизнеоп. Я. П. Сапѣги*, 226.

(464) См. Бера и Петреля (спран. 427).

Алехимитрій простился съ женою, по свидѣтель-

ству Бера и Петреля, которые приводятъ и слова, сказанныя имъ на прощаньи. Нѣмцевичъ утверждаетъ, что онъ ухалъ, не давъ ей знать; по сего обстоятельства не находимъ въ другихъ.

См. Аврам. Палиц. 202, *Латух. Ст. Кл.*, и *Ник. Лвт.* 127.

Одинъ и прочихъ подробностяхъ его побѣга см. Бера.

(465) См. Бера и Петреля, 428.

(466) *Ник. Лвт.* 127.

(467) Кобърж. 152, и *Латух. Ст. Кл.*

(468) См. Нѣмцев. спран. 401.

(469) См. издашную въ 1674 г. книгу: *The Russian Impostor*. 166. Сіе писмо было отъ 15 Генваря 1610. См. Кобържицк. 157, и *Львов. Лвтоп.* 240. Марина подписалась: «Вашего Королевскаго Величества «доброжелательная Марина, Цесарева Московская» (Кобърж. *Imperatrix Moschoviae*).

(470) Въ семь воззваній именовалъ отъ Сигизмунда *поганыхъ* Королемъ, а Поляковъ *коварными* отступниками, обещая истребить ихъ *еретическую* вѣру, и не уступать имъ въ Россіи, *ни деревни, ни даже дерева*. Въ Калугу отъ прибылъ 1 Генваря 1610 года. См. Бера.

(471) См. выше, спран. 28.

(472) Шаховскій явился къ Самозванцу въ нѣмѣй день послѣ Праздника Богоявленія. См. Бера.

(473) См. Бера. Отъ, находясь тогда въ Козельскѣ, едва не убитъ.

(474) Беръ: «Несчастный Скопиницкій спрашивалъ, за что его казнятъ? Палачи отвѣчали: *Царь велѣлъ казнить не разсуждая съ тобою, а бросить тебя въ воду*; накинули ему пеплю на шею и повлекли, какъ «стерво. Послѣднія слова его были: *И такъ вотъ награда за вѣрную безжалостную службу и сильную особу, мною выдержанную: Боже, помилуй меня!*»

(475) См. Бера и Латух. Сп. Книгу. Въ ней смерть Ив. Ив. Годунова, описанная съ такими подробностями, описана къ временамъ Разсприги, что несправедливо: ибо тогда отъ находился не въ Калугѣ, а въ войскѣ Феодора Борисовича подъ Кромами и взытъ

въ пливъ (См. сей *Исторію* Т. XI, 212); потомъ оставался въ званіи Околыничего при Разстригѣ и Царѣ Василии, и только въ 1610 году исключенъ изъ Послужнаго Списка Бояръ, гдѣ сказано: *убитъ въ Кож-гу отъ вора.* См. *Др. Рос. Висл.* XX, 84.

(476) См. Бера.

(477) *The Russian Impostor*, 167, и *Лѣв. Лѣт.* 244.

(478) См. Бера и Кобѣржницкаго. Беръ именуется Казимирскаго *прѣлѣнъ Вертулиноу*, который съ Русскими былъ Русскій, съ Поляками Полякъ.

(479) Кобѣрж. 199.

(480) О семъ поступкѣ Маринны см. въ Кобѣрж. 201, въ Видекинд. 125, въ *The Russ. Impostor*. 168, въ Нѣмцев. 419.

(481) Двѣ тысячи, по словамъ Кобѣржницкаго (стр. 202). Тоже и въ *The Russ. Impostor*. Но Беръ пишетъ, что къ Димитрію прислало только 500 Козаковъ, изъ числа коихъ многие были побиты догнавшими ихъ Поляками.

(482) Беръ утверждаетъ, что 15 Генваря Самозванецъ получилъ въ Калугѣ извѣстіе оу Маринны, уже прибывшей изъ Тушина въ Дмитровъ. Сіе несогласно съ другими достовернѣйшими показаніями. 1) Письмо, оставленное ею въ Калугѣ, (см. ниже, прим. 483) оу 16 Февраля (по Стар. Сл. 6 Февр.): см. Нѣмцев. 421. — 2) Рожинскій, уведомляя Сигизмунда письмомъ оу 27 Февраля о побѣгѣ Маринны, говоритъ, что оный послѣдовалъ со Вторника на Среду (см. Нѣмц. 397). Перва предъ 27 числомъ Среда была 11 Февраля по Стар. Сл. И такъ Маринна бѣжала съ $\frac{16}{30}$ на $\frac{11}{27}$ число; письмо же могло быть ею приготоовлено за нѣсколько до того дней ($\frac{8}{10}$ Февр.) — 3) въ Дневникъ Савѣги (См. *Зус. I. P. Sapiehi*, 238) сказано, что она прибыла въ станъ его 26 Февр. (16 по Стар. Слудію).

(483) Сіе письмо помѣщено вполнѣ въ *Hist. Vlad. Кобѣржницкаго* на стр. 203, и въ *Зус. I. P. Sapiehi*, на стр. 234, а въ Нѣмцев. (стр. 421) и въ *The Russ. Impost.* (стр. 169) сокращенно.

(484) Типікѣвича. См. *The Rus. Impostor*, 170. Объ укоризнахъ мятежниковъ Рожинскому см. Кобѣрж. 207, Нѣмц. 422, и *The Russian Impostor*, 170.

(485) См. письмо 27 Февр. (выше, прим. 482).

(486) См. выше, supra. 53.

Имена нѣкоторыхъ Русскихъ Тушинскихъ Пословъ исчислены въ Грамотѣ Короля, отъ 21 Сент. 1610, о награжденіи ихъ домами въ Москвѣ и помѣщеніи окладами см. *Собр. Гос. Гр.* II, 451.

См. также *Нѣм. Лѣт.* 128, и *Лѣт. Ст. Книгу*.

(487) М. Салтыковъ, отправленный Посломъ въ Польшу отъ Царя Бориса, видѣлъ тамъ Владислава, еще семилѣтняго. См. сей *Исторію*, Т. XI, 40.

Всѣ сіи рѣчи и отвѣты Канцлера Савѣги находятся въ Кобѣржницкомъ (стр. 163 и дал.). См. *Собр. Гос. Гр.* II, 480.

(488) См. Кобѣрж. 175. — Нѣмцев. 407 и 408.

(489) Нѣмцев. 409.

(490) *Собр. Гос. Грам.* II, 441. (Въ окружн. Грам. Ки. О. П. Мстиславскаго и Бояръ, управлявшихъ съ нимъ Государствомъ, отъ 4 Сент.)

(491) См. принадлежавшій А. И. Ермолаеву списокъ съ Грамоты Москов. Боярь въ Казань, 30 Августа 118 (1610) г.

Въ D. P. Z. III, (Т. II, 410) помѣщена слѣдующая форма присяги, данной Послами: «Я (имярекъ) цѣлую сей Святыи Животворщи крестъ Государю моему Царю и Вел. Князю Владиславу Жигимонтовичу всея Руси на томъ, что долженъ ему Государю своему вѣрою и правдою служить и прѣимать и во всемъ добра желать, а къ Шуйскому и къ шому вору, что именуется себя Царевичемъ Димитріемъ, не приспѣвать и никакого Государя на Москов. Государство не желать, кромѣ Государя нашего Ц. и В. Ки. Владислава Жигимонтовича; а пока намъ Господь Богъ не дастъ на Москов. Государство, обязуюсь служить и прѣимать и во всемъ добра желать оному его, Государю нашему, нынѣшнему Наилнѣйшему Королю

Польскому, В. К. Липов. Жигимонту Ивановичу, и пр.

(492) См. сіе письмо въ D. P. Z. III, Т. II, въ примѣчаніи подѣ No X. Писано $\frac{2}{10}$ Марта.

(493) Кобѣрж. 181.

(494) Кобѣржицкій говоритъ, что отъ сихъ городовъ прибыло къ Сигизмунду 16 Бояръ, изъ коихъ главные были: Князь Leoncius Jaskovius и Гаврило Хрипуновъ.

(495) См. Кобѣрж. и Нѣмцев.

(496) Рожинскій въ письмѣ къ Королю (см. выше, прим. 482).

(497) Слова, приводимыя Беромъ: »Прилично ли мнѣ, Царицѣ всея Русіи, лѣвиться тамъ въ видѣ презрительнымъ? Я готова раздѣлять съ мужемъ все, что Богъ ни пошлетъ ему.« Она вышла въ Калугу верхомъ, въ красномъ бархатномъ Польскомъ кафтанѣ, въ сапогахъ со шпорами, вооруженная пистолетами и саблею. Сапѣга далъ ей всѣхъ Нѣмцевъ, которые при немъ находились, и 50 Козаковъ. Съ тѣхъ поръ она учредила при себѣ придворный шпатель изъ Нѣмокъ.

(498) См. Нѣмцев. 424, и Нарушев. 298. Мятежники назначали себѣ въ грабежъ имѣнія Липов. Марш. Дорогоспайскаго, Канцлера Сапѣги и Князя Збараскаго, какъ вредныхъ Королевскихъ совѣтниковъ.

(499) См. Видек. 118.

(500) См. *Разр. Кн.*, и *Ник. Лѣт.* 130.

(501) См. объ немъ выше, стран. 197, *Разр. Кн.*, и Авр. Пал. 178.

(502) Оспашки тридцати-тысячнаго воинства. См. выше, стран. 115.

(503) Аврам. Пал. 179 и дал., и Видек. 119.

(504) Авр. Пал. 180, Видек. 119, и *Ник. Лѣт.* 130.

(505) Видекиндъ пишетъ, что за войскомъ Шведскимъ шло 400 человекъ, частію изъ Нордбоппин, частію изъ сѣверныхъ областей Россіи. Они имѣли лѣжи въ 5 футовъ длиною, а шириною въ одинъ, и съ немовѣрною быстротою ходили по замерзшимъ снѣгамъ на непріятеля, который не могъ противъ нихъ

употребить ни конницы, ни пѣхоты.—Сраженіе подѣ Дмитровымъ происходило по словамъ его $\frac{16}{16}$ Февраля, а по Дневн. Запискѣ Сапѣги (см. Zysie I. P. Sapiehi, 259) въ первыхъ числахъ Марта.

(506) См. Нѣмцев. 424.

(507) См. выше, стран. 253.

Въ Видекиндѣ: опуступленіе Сапѣги къ Іосифову монастырю, стран. 127; къ Ржеву, стран. 145; прибытіе Горна въ Зубцовъ, стр. 146; приступъ къ Бѣлой, стр. 151. См. также *Ник. Лѣт.* 130, *Латух. Ст. Книгу*, Кобѣржицкаго (стр. 245), и The Russ. Impostor, 173.

(508) См. Кобѣрж. 217, Нарушев. 299, Нѣмцев. 425, *Ник. Лѣт.* 131, Бера, Аврам. Палицына (стр. 201), и *Лѣт. Ст. Кн.*

(509) 8 Апрѣля Пов. Ст. (Нарушев. 300) См. *Ник. Лѣт.* 131, и Видекинда, стран. 149.

(510) См. Кобѣржицкаго и Нѣмцевича.

(511) Беръ пишетъ, что Сапѣга, опуступивъ отъ Дмитрова и занявъ Іосифовъ монастырь, самъ отправился къ Королю въ Смоленскъ, и около Праздника Пасхи возвратился оппуда назадъ къ войску, стоявшему зимою вдоль рѣки Угры, въ мѣстѣ обильномъ сѣнами и хлѣбомъ, гдѣ еще не было военныхъ дѣйствій.—Сіе согласно съ *Дневн. запискою* Сапѣги. (См. его *Жизнеописаніе*, стр. 241).—Устьѣ рѣки Угры въ 7 верстахъ отъ города Калуги. См. *Больш. Черт.* 184. — Кобѣрж. 219.

(512) По словамъ Бера, Лисовскій держался цѣлую зиму въ Суздаль, откуда пошелъ въ Мѣ 1610 на Псковъ. Тамошніе измѣнники приняли его съ радостію. *Ник. Лѣт.* 145.

(513) *Ник. Лѣт.* 131, и Видек. 130.

(514) Аврам. Палиц. 203, Видекиндъ о пирахъ въ Москвѣ, стр. 151. См. также *Псков. Лѣт.* 39.

(515) Аврам. Палиц. 203.

(516) Тамъ же.

(517) *Псков. Лѣт.* л. 38 на обор. См. также Аврам. Палиц. 203.

(518) A Brief History of Moskovia, by Milton, Lond. 1682. pag. 63.

The Russ. Impostor, 205.

(519) См. Дипл. Собр. дѣлъ В. Каменскаго, стр. 391. — Въ Зерцалѣ Рос. Гос. Мальгина сказано, что Царь Вас. Иоан. имѣлъ двухъ дочерей, Анну и Марію, скончавшихся въ младенческомъ.

(520) Хронографъ Ключарева.

(521) Псков. Лѣт. л. 38, Ник. Лѣт. 152, и Видек. 156. О сдачѣ Кексгольма, см. выше, стр. 189.

(522) Видек. 156.

(523) Ник. Лѣт. 152.

(524) Псков. Лѣт. 59, и Ник. Лѣт. 152.

О днѣ смерти его см. Видек. 139, и Древн. Рос. Вивлио. (XI, 232), въ которой помѣщена выписка изъ панихидной книжки Архангельскаго Собора.

(525) См. Видек. 139 и 140, Бера, и Нѣмцевича (стр. 452).

(526) Аврам. Пал. 205, и Ник. Лѣт. 152.

(527) Ник. Лѣт. 152.

(528) Авр. Палиц. 205, Псков. Лѣт. 40, Хрон. Ключ., и Рукоп. Филар.

(529) Аврам. Палиц. 197—201, и Видек. 141.

(530) Хрон. Стол. л. 551 на обор.

(531) Оплъ Петра Болошниковъ и Тушинск. Самозванца.

(532) Ник. Лѣт. 155, и Лат. Ст. Ки. — Въ бумагахъ, принадлежавшихъ покойному Исторіографу, есть любопытная о томъ выписка, сдѣланная К. Ѳ. Калайдовичемъ изъ находящагося въ Зарайскѣ экземпляра напечатанной въ Москвѣ въ 1610 году книги Уставъ, сирѣчь око церковное. Сей Уставъ былъ положенъ въ Зарайскую Соборную церковь Николая Чудотворца Княземъ Д. М. Пожарскимъ и собственноручно имъ подписанъ киноварью по листамъ. Находящійся же въ Зарайскомъ Соборѣ золотой гербъ (см. Слов. Геогр. Рос. Гос. II, 581) пожалованъ Царемъ Вас. Иоан. въ-роляшию въ память разсѣянiя Тушинскаго шана.

(533) Ник. Лѣт. 154, Сис. Болхъ, и Хроногр. Стол. л. 555.

(534) См. Бера, Ник. Лѣт. 154, и Латух. Ст. Книж.

(535) Dz. Реп. Zygm. III, Т. II, 438, и Дневныя записки Машковича, который самъ былъ въ дружнѣ Кн. Порицкаго.

(536) См. письмо Короля, помѣщенное въ Dz. Реп. Zygm. III, Т. II, 605.

О числѣ Русскихъ и союзниковъ ихъ подѣ Бѣлою, см. Кобьрицкаго, стр. 246, Видек. стр. 152, и Ник. Лѣт. 154.

(537) 25 Іюня, Нов. Стыля. См. Кобьрицк. 259, и Нѣмцев. II, 441.

(538) См. Нѣмцевича (II, 444), который ссылается на собственныя записки Жолтвскаго. — Видек. 162. Пётрей, 440. Ник. Лѣт. 154.

(539) 4 Іюня, Нов. Сп. — См. Кобьрицк. 267, и письмо Жолтвскаго въ D. P. Z. III, Т. II, 600.

См. также Машковича, который былъ очевидцемъ сей битвы и подробно описалъ ее. По словамъ его, Гетманъ, приближаясь къ Русскому войску, ободрялъ своихъ ратниковъ рѣчью, а Священники ѣздили по рядамъ и благославляли ихъ на сраженіе. Упорство съ обѣихъ сторонъ было столь велико, что нѣкоторые Польскіе ронны принуждены были опуститься по 8 и 10 разъ, но снова возвращались къ бою съ кликомъ: do sprawy, do sprawy! Жолтвскій стоялъ на возвышенномъ мѣстѣ и съ поднятыми къ небу руками молилъ Бога о побѣдѣ.

(540) Видек. 167.

(541) Тамъ же, 170.

(542) См. письмо Жолтвскаго къ Сигизмунду (Dz. Реп. Zygm. III, Т. II. 605).

См. также Видек. стр. 172.

(543) См. Нѣмцевича (II, 454), который ссылается на Рукопись Жолтвскаго, и Ник. Лѣт. 155.

(544) См. принадлежавшій покойному А. И. Ермо-

леву списокъ съ Грамоты Московскихъ Бояръ въ Казань, и *Собр. Гос. Грам.* II, 429.

Объ условияхъ, заключенныхъ Михайломъ Салтыковымъ, см. выше, спрп. 229.

(545) См. Нѣмцевича.

(546) См. его же.

(547) *Ник. Лѣт.* 135.

(548) Нѣмцев. (II, 455).

(549) *Ник. Лѣт.* 135.

(550) Беръ пишетъ, что войско Савѣги увѣряло Лжедмитрія въ неизмѣнной своей къ нему преданности, требуя только жалованья за три четверти года и обѣщая служить ему при новой осадѣ Москвы, въ ожиданіи оспальной суммы. Царикъ, собравъ *по одну тысячу* рублей, отправился къ оному на Угру, въ сопровожденіи своихъ Козаковъ и Русскихъ измѣнниковъ, заплатилъ пребуемое и далъ приказъ готовиться послѣ Троицына дня къ походу на Москву. См. письмо Лжедмитрія къ Савѣгѣ изъ Калуги, отъ 29 Іюня 1610 (въ *Звс. Сар.*).

(551) *Ник. Лѣт.* 135.

(552) Въ гербѣ города Боровска серебряное поле изображаетъ непорочность, червленое сердце — вѣрность, а находящійся посреди онаго крестъ — усердіе къ закону Божию: сердце окружено лавровымъ вѣнкомъ — символомъ славы. См. *Геогр. Слов. Рос. Госуд.*, *Ник. Лѣт.* 136 и 137, и *Лат. Ст. Ки.*

(553) См. *Рост. Лѣт.* л. 723 на обор., *Лат. Ст. Ки.*, и *Ник. Лѣт.* 137 и 138.

(554) *Ник. Лѣт.* 137, и *Хрон. Стол.* л. 553 на об.

(555) *Псков. Лѣт.* л. 41.

(556) *Ник. Лѣт.* 139.

(557) *Собр. Гос. Грам.* II, 441, Аврам. Палиц. 206, *Хрон. Стол.* л. 553 на об., и *Ник. Лѣт.* 139.

(558) *Ник. Лѣт.* 139.

Беръ говоритъ, что сіе случилось 14 Іюля; Нѣмцевичъ: «24 Іирса» (по Новому Стилю).

(559) *Хрон. Стол.* л. 554, *Псков. Лѣт.* л. 40, и *Собр. Гос. Грам.* II, 388.

(560) *Латух. Ст. Ки.*, и *Ник. Лѣт.* 139.

(561) *Хрон. Стол.* л. 554. — См. также въ принадлежавшей покойному А. И. Ермолаеву рукописи списокъ съ Грамоты Московскихъ Бояръ въ Вологду 18 Іюля 118 (1610) года.

(562) *Дипл. Собр.* Б. Каменскаго, стр 409. — Тоже въ *Крестоприводной* записи (*Собр. Гос. Гр.* II, 390).

(563) *Ник. Лѣт.* 139.

Нѣмцевичъ. (II, 456), приводя слова Захарія Ляпунова, ссылается на *Записки* (Pamiętnik) Жолкѣвскаго.

(564) О днѣ сверженія Василія см. *Собр. Г. Гр.* II, 389, и *Дипл. Собр.* Б. Каменскаго.

Псков. Лѣт., говоритъ о причинѣ пародной не любви къ Царю Василю: «Не многими избранъ былъ грады, но единымъ Московскимъ Государствомъ, а не всею землею; того ради не возлюбилъ его мнози земли Русѣй.» — Объ избраніи Шуйскаго на Царство см. сей *Исторіи* Т. XI, 340.

(565) Аврам. Палиц. 206.

(566) Тамъ же, и *Ник. Лѣт.* 140.

(567) См. сей *Исторіи* Т. XI, 317.

(568) Аврам. Пал. 207, и *Ник. Лѣт.* 140.

(569) Рукоп. Филар.

(570) Аврам. Пал. 207, и *Хронографы*.

(571) Рук. Филар., Авр. Пал. 207, *Латух. Стен. Книги*, и *Хронографы*.

(572) *Ник. Лѣт.* 140, и *Лат. Ст. Ки.*

(573) См. выше, въ семъ Томѣ, спрп. 4, 10, 17, 27, 80, 81 и 82.

(574) См. *окружную* Грамоту, писанную 24 Іюля (въ *Собр. Гос. Грам.* II, 389): см. также Грамоту Моск. Бояръ въ Вологду отъ 18 Іюля, въ рукописи, принадлежавшей покойному А. И. Ермолаеву.

(575) Нѣмцев. (D. P. Z. III, Т. II, 458).

(576) Авр. Палиц. 207.

(577) См. Т. XI, 336, и въ семъ Томѣ, спрп. 27.

(578) Нѣмцевичъ (II, 458). Онъ ссылается на Рукопись Жолкѣвскаго.

(579) См. Нѣмцевича и Маржерета.

- (580) Въ окружной Грамотѣ К. Оед. Ив. Мстислав. и другихъ Бояръ (*Собр. Гос. Грам.* II, 441).
- (581) Тамъ же. Объ условіяхъ договора въ Царевъ-Займищѣ, см. выше стран. 257.
- (582) *Псков. Лѣт.* л. 41 на об.
- (583) Такъ сказано въ письмѣ Жолкѣвскаго къ Королю. См. *Dz. Pap. Z. III, T. II*, 461.
- (584) 3 Августа (Нов. Стиля). См. Нѣмцев. II, 458, и окружн. Грамоту, 19 Авг. (см. *Собр. Гос. Грам.* II, 458).
- (585) См. выше, стран. 89, 250 и 258.
- (586) Нѣмц. II, 459.
- (587) См. (въ *Собр. Гос. Гр.* II, 399) Договорную Запись, данную съ Россійской стороны Жолкѣвскому. — Нѣмц. II, 460 и 503.
- (588) *Нѣлицев.* II, 463.
- (589) *Собр. Гос. Гр.* II, 418.
- (590) *Нѣлицев.* II, 462, и *Собр. Гос. Грам.* II, 391.
- (591) Кромѣ одного. См. *Собр. Гос. Гр.* II, 393.
- (592) См. Договорную Запись, данную съ Рос. стороны Гешману Жолкѣвскому (въ *Собр. Гос. Грам.* II, 408).
- (593) Тамъ же.
- (594) Тамъ же (стран. 404).
- (595) *Ник. Лѣт.* 111.
- (596) См. выше, около прим. 589.
- (597) См. выше, стран. 5.
- (598) См. 7, 8, 9 и 10 статьи вышесказанныхъ условій.
- (599) Нѣмцев. *Dz. Pap. Zyg.* III, II, 475 и 476. — Кобѣржицк. 297 и 298. — Обрядъ присяги продолжался въ теченіе семи недѣль ежедневно, кромѣ дней Воскресныхъ и большихъ Праздниковъ. См. Машкѣвича (Сѣв. Арх. 1825, No 3).
- (600) *Собр. Гос. Гр.* II, 407.
- (601) Такъ онъ названъ въ *Дипл. Собр. дѣлъ*, Б. Каменскаго (стран. 405).
- (602) Нѣмцев. *Hist. Pap. Zyg.* III, T. II, 476.

- Онъ ссылается на сочиненіе Жолкѣвскаго: *Progres woyny Moskiewskiey*.
- (603) См. письмо Лжедимитрія отъ 18 Іюля (Нов. Ст.) 1610, помѣщенное въ концѣ *Życia I. P. Sapiehy*, подъ No X.
- (604) Этотъ монастырь названъ у Нѣмцевича (стр. 478) *Nowe hroszy*, т. е. на *Угрюшь*.
- (605) *Нѣлицев.* стран. 478.
- (606) *Нѣлицев.* стран. 480 и 481. — *Życie I. P. Sapiehy*, стран. 253.
- (607) Въ *окружной* Грамотѣ Боярина Кн. О. И. Мстиславскаго, отъ 4 Сентября 1610 г. числены оставившіе тогда Самозванца (см. *Собр. Гос. Грам.* II, 441), означенъ и день, въ который они его оставили (26 Авг.).
- (608) Нѣмцевичъ (*D. P. Z. III, T. II*, 484), кромѣ сихъ городовъ, именуетъ еще Переславль, Серпуховъ, Нижній, Вологу, Бѣлозерскъ, даже Новгородъ Великій со всею странною до Ледовитаго моря; упоминаетъ и о другихъ мѣстахъ подъ непонятными названіями *Czeranda* (Чердынъ?), *Rożanka*, *Szyszykie Zamki* (?).
- (609) См. Рисунки сихъ медалей и монетъ въ *Dz. Pap. Zyg.* III, T. II, стран. 482. На медали, съ одной стороны грудное изображеніе Королевича (въ лѣпахъ зрѣлыхъ), вокругъ онаго надпись: *WLADISLAVS E. Z. R. R. ET SV. M. DVX MOSCHOVIAE*, съ другой младенецъ всходящій на обелискъ, который украшенъ вѣнкомъ и двумя пальмовыми вѣтвями; надъ нимъ въ облакахъ монограмма имени Христа Спасителя *IHS*, и вокругъ надпись: *VEL SIC ENITAR*; на монетѣ представленъ съ одной стороны Св. Великомученикъ Георгій, на оборотѣ оспаленъ слова: **ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ .. ЛЯДИСЛАВ .. ЗІГМОНТ .. ВІЧЬ**.
- (610) См. выше, стран. 225.
- (611) См. выше, стран. 33.
- (612) *Ник. Лѣт.* 142.
- (613) См. въ Нѣмцевичѣ письмо Жолкѣвскаго къ Королю, и проч.

- (614) См. Нѣмцев. D. P. Z. III, Т. II, 482, 483, и письмо Жолѣвскаго къ Королю.—Аврам. Палиц. 210.
- (615) *Ник. Лѣт.* 143. См. также *Дополн. къ Длѣм. Петра Великаго*, Т. II, 20 и дал., гдѣ находишься выписка изъ Наказа, даннаго сему Посламъ.
- (616) См. *два вступящія Грамоты*, данныя сему Посламъ въ Сентябрѣ 1610 г. и Грамоту Патріарха Ермогена и всѣхъ Россійскихъ Духовныхъ и другихъ всякаго чина и званія людей къ Королевицу Владиславу, писанную 12 Сентября (въ *Собр. Гос. Грам.* II, 445 и 446).
- (617) См. *Собр. Гос. Грам.* II, 445, и *Ник. Лѣт.* 143.
- (618) См. выше, 17-ю страницю заключеннаго Гешманомъ Договора.
- (619) См. *Доп. къ Длѣм. Пет. В.* (II, 96), *Ник. Лѣт.*, и Нѣмцев. (II, 484).
- (620) См. Нѣмцевича, и *Ник. Лѣт.* 144.
- (621) См. *Грамоту*, писанную изъ Казани въ Хлыповъ, въ Генварь 1611. (См. *Собр. Гос. Грам.* II, 491).
- О дворѣ Царскомъ при Θεодорѣ, см. сей *Исторіи* Т. X, 234.
- (622) См. *Собр. Гос. Грам.* II, 463 и 464, также *Дополн. къ Длѣм. Петра Вел.* Т. II, 113.
- (623) Нѣмцев. въ D. P. Z. III, Т. II, 486.
- (624) См. Т. XI, 327, *Ник. Лѣт.* 145, и *Длѣм. Польск.* No 30, л. 128 на об.
- О назначеніи Гостѣвскаго начальникомъ Спрѣльцевъ см. Нѣмцевича (II, 487) и *Длѣм. Польск.* No 30, л. 134.
- О числѣ Спрѣльцевъ см. въ *Дневникѣ* Машкѣвича.
- (625) См. D. P. Z. III.
- (626) См. Кобѣржицкаго, справ. 339 и дал., и Нѣмцевича (II, 489).
- (627) См. выше, справ. 288.
- (628) *Длѣм. Собр.* Б. Каменскаго, стр. 422: »См. описки Пословъ въ Польскихъ Столицѣхъ 1610 г.« Голиковъ (въ *Доп. къ Длѣм. Петра Вел.* II, 34 и 35) исчисляетъ сіи письма: отъ 18, 21 и 30 Сентября.
- (629) См. *Дополн. къ Длѣм. Петра Вел.* II, 39. Тушъ помещена и рѣчь Кашцлера Сапѣги.

- (630) См. *Наказъ Посламъ* (*Собр. Гос. Грам.* II, 422).
- (631) Тамъ же (II, 430).
- (632) *Дополн. къ Длѣм. Петра Вел.* Т. II, 121. — Описки Пословъ см. въ *Собр. Гос. Грам.* (II, 468).
- (633) Тамъ же, и *Доп. къ Длѣм. П. В.* (II, 58 и 62).
- (634) См. отрывокъ Грамоты, о коемъ упомянуто выше.
- (635) *Доп. къ Длѣм. Петра Вел.* II, 67. — Землею Поморскою называлась сѣверная часть Россіи, отъ Бѣлаго и Ледовитаго моря.
- (636) Тамъ же, 69.
- (637) См. выше, справ. 279.
- (638) Сіе было сказано послѣ продолжительнаго спора о происхожденіи Св. Духа и о непадобности Владиславу повиноваться обряду крещенія въ Россіи. См. *Доп. къ Длѣм. Петра Вел.* II, 79.
- (639) См. выше, справ. 275.
- (640) См. *Доп. къ Длѣм. П. В.* II, 87, 92, 95 и 94.
- (641) *Длѣм. Польск.* No 30, л. 133 на обор.—О прощаньи Жолѣвскаго съ Моск. Боярами и оставшими въ столицѣ Поляками, см. Кобѣрж. 349 и 352, и Нѣмцев. II, 495.
- (642) См. Нѣмцев. D. P. Z. III, Т. II, 497, *Ник. Лѣт.* 147, и *Длѣм. Пол.* No 30, л. 128 на обор.
- (643) *Ник. Лѣт.* 147.
- (644) Аврам. Пал. пишетъ, что съ него было снято монашеское платье.
- (645) *Ник. Лѣт.* 148.
- (646) *Собр. Гос. Грам.* II, 476.
- (647) *Собр. Гос. Грам.* II, 474.
- (648) Тамъ же, 469.
- (649) *Длѣм. Пол.* No 30, л. 132 на об., и *Ник. Лѣт.* 151.
- (650) *Собр. Гос. Грам.* II, 491.
- (651) *Дневникъ* Машкѣвича.
- (652) Машкѣвичъ.
- (653) Авр. Пал. 209 и 211.
- (654) Отрывокъ сей Грамоты, писанной 21 Нояб. см. въ *Собр. Гос. Грам.* II, 466.

(655) Грамота о вознагражденіи измѣнниковъ дана 21 Септябр. См. *Собр. Гос. Грам.* II, 451.

(656) Тамъ же, стран. 517.

(657) Авр. Пал. 211, и *Ник. Лѣт.* 149.

(658) Авр. Пал. 211, *Дѣла Польск.* No 30, и *Собр. Гос. Грам.*

(659) Донесенія Ивана Салтыкова Королю, отъ 17 Ноября 1610 г. См. *Собр. Гос. Грам.* II, 454 и дал.

(660) См. Нѣмцевича (II, 499), который ссылается на Кобьржичаго (стр. 357) и на Ruch's T. IV, 69; также Видекинда *Hist. belli Sveco-Moscovitici*, 190, и Донесенія Ивана Салтыкова.

(661) См. *Ник. Лѣт.* 145, и *Собр. Гос. Грам.* II, 457 и 460.

(662) См. Донесенія Салтыкова (въ *Собр. Гос. Грам.* II, 454) и *Исков. Лѣт.* л. 84.

(663) См. въ семь Томъ, стран. 149.

(664) Лжедими́трій отпра́вилъ въ Астрахань Керно́сничкаго съ объявленіемъ милости ея жителемъ и съ извѣстіемъ, что желаетъ у нихъ основать свою столицу, ибо Москва и Сѣвера осквернились *некрестьями*. См. Бера.

(665) *Ник. Лѣт.* 150. Имя сего Воеводы находилось въ Грамотахъ, писанныхъ изъ Казани въ Генварь, и въ Казань въ Мартъ 1611 г.; но въ Маѣ того года о немъ уже не упоминается. См. *Собр. Гос. Грам.* II, 490, 492, 520, 523 и 541.

(666) См. въ *Собр. Гос. Грам.* II, 541. Послѣ убіенія Бѣльскаго получена въ Казани вѣсть о смерти Лжедими́трія. См. *Ник. Лѣт.*, и *Ст. Лат. Кн.*

(667) См. Бера.

(668) См. *Ник. Лѣт.* 149. Сей Ханъ былъ прежде въ сношеніяхъ съ Поляками. (Нѣмц. D. P. Z. III, T. II, 398). О заключеніи Кн. Петра Араслана Урусова, см. Бера, который называетъ его *Русланомъ*. — (Палицынъ (стран. 212) пишетъ напропихъ того, что Петръ Урусовъ умертвилъ Хана. День смерти Самозванца означаетъ въ Берѣ.

(669) См. Бера, Кобьрж. (стран. 319) и Нѣмцевича (II, 501).

(670) *Ник. Лѣт.* 150.

(671) Къ К. Юр. *Ник.* (?) Трубецкому и поварищамъ его писать Янъ Петръ Сапѣга въ Февралѣ 1611 г. (*Собр. Гос. Грам.* II, 507), увѣряя, что онъ не служилъ Королю, а желаетъ дѣйствовать за одно съ ними и съ Липунонымъ пропивъ враговъ Вѣры православной.

(672) *Хрон. Столяр.* л. 558, и *Ник. Лѣт.* 151.

(673) Нѣмцев. D. P. Z. III, T. II, 502. — *Ник. Лѣт.* 151.

(674) См. о самовластіи Сигизмунда выше, стран. 309.

(675) См. выше, стран. 267, *Доп. къ Дѣл. П. В.*, II, 146 и 174.

(676) Московскіе Болре допесли о томъ Королю въ Генварь 1611 годѣ. См. *Собр. Гос. Грам.* II, 490.

(677) Тамъ же, стран. 486, Палицына, *Доп. къ Дѣл. Петра Всел.* II, 155, и *Ник. Лѣт.* 148.

(678) *Собр. Гос. Грам.* II, 489, 494, 496, 498 и 517, Манжѣвъ, и *Ник. Лѣт.* 151.

(679) *Собр. Гос. Грам.* 478.

(680) Тамъ же, 480. Сія Грамота писана въ послѣднихъ числахъ Декабря 1610 года.

(681) Тамъ же, 494.

(682) Тамъ же, 495. Сія Грамота писана въ Генварѣ 1611 года.

(683) См. тамъ же, 496. И сія Грамота также писана въ Генварѣ 1611 года.

(684) Тамъ же, 499 и 518. — Подорожныя гонцамъ выдаваемы были отъ имени Папиріарха.

(685) На Грамотѣ Боларской Думы къ Королю подписано: *Всѣя Руси Салодержицу*. См. тамъ же, 490. О данномъ Думою предписаніи Посламъ и Шенну, и объ отправленіи Куракина, тамъ же, 513 и 515.

(686) *Собр. Гос. Грам.* II, 506 и 522.

(687) Тамъ же, 513 и 534.

(688) *Собр. Гос. Грам.* II, 489.

(689) О К. Воробынскомъ и К. Голицынѣ, см. *Ник. Лѣт.* 153. — О Засѣкѣ въ *Дѣл. Пол.* No 30, л. 131 на об.

- (690) См. Машкѣвича и Нѣмцевича.
 (691) См. Бера. Москвитяне говорили: »Син 6000
 »малогой должны добромъ убраться отсюда, если не
 »хотятъ, чтобы мы ихъ истребили.«
 (692) См. Машк. и Нѣмц.
 (693) Тамъ же.
 (694) Тамъ же.
 (695) См. Кобържницкаго, стран. 372, Нѣмцев. II,
 510, и *Дъл. Пол.* No 30, л. 131.
 (696) *Ник. Лѣт.* 152, и *Собр. Гос. Грам.* II, 491.
 (697) *Лѣт. Ст. Кн.*
 (698) Никоновскій, и другіе.
 (699) *Собр. Гос. Грам.* II, 521.
 (700) Тамъ же, 494.
 (701) Нѣмцев. II, 8.
 (702) *Собр. Гос. Грам.* II, 486.
 (703) Въ Февраль 1611 года. *Собр. Гос. Грам.* II, 505.
 (704) *Собр. Гос. Грам.* II, 502 и 503.
 (705) Нѣмц. D. P. Z. III, Т. III, 7.—Кобърж. 382.
 (706) *Собр. Гос. Грам.* II, 455 и 460.
 (707) См. выше, стран. 315.
 (708) *Лѣт. о мятежахъ*, 214 и *Ник. Лѣт.* 151.
 (709) См. выше, стран. 291.
 (710) *Собр. Гос. Грам.* II, 507 (выше, въ прим. 671),
 и 510. Тамъ же на стран. 535 и 541, перечислены по-
 двизавшіеся, кромѣ Русскихъ: »Мурзы, и служилые по-
 »вокрещены, и Татары, и Чюваши, и Черемиса, и Во-
 »пьяки, и всякіе люди Казаискаго Государства.«
 (711) Тамъ же, 507.
 (712) *Ник. Лѣт.* 151. Что Заруцкій былъ въ Туль,
 о томъ см. *Сказаніе Аврам. Палицына*, стр. 221, и
 въ *Доп. къ Д. П. В.* II, 197.
 (713) *Собр. Гос. Грам.* II, 512 и 519.
 (714) *Собр. Гос. Грам.* II, 496, 497 и 498, *Ник.*
Лѣт. 155 и 156.
 (714) См. описаніе сего обряда въ Т. IX.
 (715) См. Бера.
 (716) *Ник. Лѣт.* 156.
 (717) *The Russ. Impostor*, 193.

(718) См. Машкѣвича. По его словамъ Ляпуновъ велъ
 съ собою 80.000, Заруцкій 50.000, Просовецкій 15.000.
 Если вѣрить Бери, число ополчившихся простиралось
 до 700.000!

(719) См. Машкѣвича.

(720) *Ник. Лѣт.* 156.

(721) Авторъ книги *The Russian Impostor*
 утверждаетъ, что зачинщиками были Русскіе. Напро-
 тивъ того Машкѣвичъ пишетъ: »bliżej tego że nasi
 »dali przyczynę do tego rozruchu.«

Беръ описываетъ первый поводъ къ ссорѣ слѣдую-
 щимъ образомъ: »13 Февраля нѣсколько слугъ изъ По-
 ляковъ покупали овесъ на рынкѣ. Продавецъ попре-
 бовалъ съ одного вдвое дороже противъ того, что
 бралъ съ Русскихъ. Слуга, укоряя его, сказалъ: »за-
 чѣмъ грабишь насъ? развѣ мы не одному Царю слу-
 жимъ?« — Купецъ отвѣчалъ, что Полякамъ не поку-
 пать овса дешевле. Слуга обнажилъ саблю: и на шумъ
 сбѣжалось человекъ сорокъ Русскихъ съ дубинами. Три
 Поляка остались на мѣстѣ; прочихъ спасла подоспѣв-
 шая стража отъ *Водлянскихъ* воронъ; она разогнала
 толпы народа, убивъ 15 человекъ. Вѣсть о сей дра-
 кѣ пронеслась по предмѣстію и по Бѣлому городу.
 Жители начали спешиться отсюда и кровопролитіе
 было бы неминуемо, если бы Гостевскій не остано-
 вилъ его своею рѣчью къ народу, но лишь до слѣдую-
 го мѣсяца (то есть Марта 19 числа). »Тогда«—про-
 должаетъ Беръ—»Русскіе первые напали на Поляковъ.«

(722) Такъ пишетъ Машкѣвичъ. См. выше, прим. 721.

(723) Машкѣв., *Ник. Лѣт.* 157, и *Хрон. Стол. л.*
 558 на об.

(724) Тамъ же.

(725) См. Машкѣвича.

(726) См. сей *Исторіи* Томъ XI.

Въ концѣ II Тома *Собр. Гос. Грам.* на стран. 604,
 605 и 606, помѣщено подробное извѣстіе о Марже-
 ренѣ. Маржеренъ находился »въ Нѣмецкой ротѣ
 у Поляка Петра Борковскаго въ Поручикахъ« (*Собр.*
Г. Г. II, 605). Такъ именуетъ его и Беръ.

(727) См. Машкѣвича и *Ник. Лѣт.* 157. Сей Лѣтописецъ прибавляетъ, что въ помятый день по улицамъ лежали тѣла убитыхъ кучами, одни на другихъ, выше роста человѣческаго. — Кобѣржичскій (стр. 376) пишетъ, что по однимъ извѣстіямъ число погибшихъ простиралось до 60, по другимъ до 100 тысячъ. Лепниихъ, продолжавшій Хронику Бѣльскаго, говоритъ, что Русскихъ убито 6000 (спраи. 771), а въ пожаръ погибло безчисленное множество.

(728) См. Машкѣвича.

(729) *Хрон. Стол.* л. 558 на об., *Ник. Лѣт.* 158, и *Машкѣв.*

(730) *Хрон. Стол.* л. 558 на об., и *Ник. Лѣт.* 158.

(731) Тамъ же.

По словамъ Машкѣвича, въ слѣдующую ночь, при яркомъ пламени горящей Москвы, было въ Кремлѣ съвыпло, какъ днемъ. Ужасъ сей ночи, прибавляетъ онъ, можно было уподобить аду.

(732) См. (въ *Д. къ Д. II. В. II*, 219) слова Лѣтописца, и *Собр. Г. Г. II*, 555.

(733) См. Бера.

(734) См. Машкѣвича. — Беръ говоритъ, что инымъ доставалось отъ 10 до 20 фунтовъ серебра; что они, презирая богатство, стрѣляли въ Русскихъ жемчужинами; даже исцребляли съѣстные припасы не столь вкусные (а ихъ спало бы, прибавляетъ онъ, дѣтъ на шестъ); проигрывали въ карты дѣшей знатныхъ Бояръ и купцовъ, и проч. и проч.

(735) См. *Доп. къ Дѣл. Петра Вел.*, II, 229. — А *Ник. Лѣт.* говоритъ: «Ермогена съ Патріаршества «сведомъ въ Чюдотъ монастырь.» Никто безъ вѣдома Пристава не могъ войти къ Патріарху, и его не выпускали никуда.

(736) Аврам. Палиц. 217.

(737) Тамъ же, 219 и 220.

(738) 4 Апрѣля (Нов. Ст.), въ Понедѣльникъ Святой Недѣли. См. Машкѣвича. — По его словамъ, войско Просовецкаго имѣло подвижную ограду, составленную изъ большихъ саней съ воротами и самопа-

лами. (О семъ, такъ называемомъ *Гуляб-городѣ* см. сей *Историю* Т. X, спраи. 265). При каждахъ саяхъ находилось по 10 Стрѣльцевъ: они двигали передъ собою сани и стрѣляли изъ-за нихъ. Сими саями войско было окружено со всѣхъ сторонъ. — См. также *Dz. Pan. Zygm. III*, Т. II, 517.

(739) См. Парушевца въ *Hist. Chodk. T. I*, 331. и Лепнииха, продолжавшаго Хронику Бѣльскаго (стр. 771).

Поляки осажены въ Москвѣ 1 Апрѣля. См. *Рукоп. Филарета*, и *Собр. Гос. Грам.* II, 536.

Ник. Лѣт. 159.

(740) Аврам. Палиц. 222.

(741) Въ *Собр. Г. Г.* (II, 537) помѣщена *Крестоприводная запись*, по которой присягали всѣ собравшіеся подъ Москвою. Она оканчивается словами: «А кто не учнетъ по сей записи креста цѣловати, или крестъ цѣловать, не учнетъ такъ дѣлать, какъ въ сей записи писано, и не буди на томъ милость Божія и Преч. Богородицы и всѣхъ Святыхъ, и буди помятъ человекъ проклинъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ.»

(742) *Машкѣв.* и *Рукоп. Филар.*

(743) *Рукоп. Филарета* и *Аврам. Палиц.* 222.

Машкѣвичъ говоритъ о семъ дѣлѣ: поперя наша была не велика: погибло лишь нѣсколько человекъ при худой переправѣ чрезъ болото; въ иныхъ же ропсахъ всѣ остались цѣлы: ибо бѣжали исправно.

(744) Машкѣв.

(745) *Лѣт. о лятѣх.* 227, и *Ник. Лѣт.* 161.

(746) *Лѣт. о лятѣх.* 224, и *Ник. Лѣт.* 159.

(747) Видекиндъ (спраи. 290).

(748) См. выше, спраи. 72 и 106.

(749) *Собр. Гос. Грам.* II, 542.

(750) См. выше, спраи. 312. — Казанцы приглашали жителей Пермскихъ *быти со всею землею въ любви, и въ совѣтъ и въ соединень.* См. Грамоту ихъ, писанную въ Маѣ (*Собр. Г. Г. II*, 541).

(751) См. выше, прим. 635.

(752) См. выше, спраи. 306 и 319.

(753) *Лѣт. о лятѣх.* 229, *Ник. Лѣт.* 162, Аврам.

Палиц. 223. — Савѣга, какъ пишетъ Машкѣвичъ, пришелъ къ Москвѣ 17 Мая (Нов. Сп.): онъ расположился между монастырями Дѣвичьимъ и Симоновымъ.

(754) *Лит. о лит.* 230, *Ник. Лит.* 163, Машкѣв., Нѣмцев. (II, 519) и Нарушевича *Зус. Chodk. I*, 334.

О походѣ Савѣги внутрь Россіи и жестокихъ дѣйствіяхъ его см. Машкѣвича, также *Лит. о лит.* 232, и *Ник. Лит.* 164.

(755) См. Машкѣвича.

(756) Поляки праздновали, получивъ ложную вѣсть о прибытіи Гетмана 31 Мая (Нов. Сп.). См. Машкѣвича. — *Лит. о лит.* (стр. 232) и *Ник. Лит.* (стр. 165) говорятъ въ крапкахъ словахъ объ *огнищеніи* Бѣлаго города опѣт Липвы. Подробности въ Машкѣвичѣ.

(757) Машкѣвичъ, *Лит. о лит.* и *Ник. Лит.*

(758) Аврам. Палиц. 223, *Лит. о лит.* 232, и *Ник. Лит.* 164.

(759) Палицынъ (стр. 223) упоминаетъ о взятіи Новодѣвичьяго монастыря вмѣстѣ съ занятіемъ Бѣлаго города. Но въ *Дневникѣ* Машкѣвича сказано, что монастырь сдавъ 5 Іюня (по стар. Сп. 26 Мая): тамъ были двѣ Польскія конныя роты и 500 Нѣмцевъ. — Козаки дозволяли себѣ всякаго рода безчинства: ихъ вождь Заруцкій былъ тайно преданъ Ляхамъ. См. Машкѣвича.

О сдѣланныхъ Русскими укрѣпленіяхъ сказано въ Рукоп. Филар. См. и Машкѣвича.

(760) См. *Доп. къ Д. Петр. Вел. II*, 228, 229 и 231.

(761) Тамъ же.

(762) Тамъ же, 233. Условія, на конхъ Послы объявляли впустить Поляковъ въ Смоленскъ, были слѣдующія: 1) Быть Полякамъ въ Смоленскѣ только до воцаренія Владислава. 2) Иновѣрцамъ не входить въ Греческія церкви. 3) Никого изъ Смоленска не высылать до прибытія Королевича въ Москву. 4) Королю прежде всего снять осаду и отвести войско, а потомъ уже принять Смоленскъ во временное владѣніе. 5) Назначить срокъ для выхода Польскаго войска изъ

Россіи. 6) Остаться Смоленску за Россійскимъ Государствомъ по прежнему и безусловно. 7) Тамъ изъ Смоленскъ, кон присягнули Королю, поступить снова въ вѣдомство сего города. 8) Ключамъ Смоленска быть у Градоначальника. — 12 Апрѣля объявлено было Посланъ, чтобы они готовились къ отъѣзду; 13-го они отправлены за стражею. (Тамъ же, 236 и *Собр. Г. Г. II*, 526).

(763) Тамъ же, стр. 173.

(764) Нѣмцев. (въ *D. P. Z. III*, Т. III, 10) и Нарушев. въ *Зус. Chodk. I*, 331 и 447. — Жолкѣвскій выѣхалъ изъ Смоленска 25 (15) Апрѣля. См. *Кобѣржича*, стр. 396.

(765) *Доп. къ Дьял. Петр. В. II*, 256.

(766) *Собр. Гос. Грам. II*, 540.

(767) *Дипл. Собр. дѣлъ*, Б. Каменскаго, стр. 430. См. также *Dz. Рар. Zug. III*, Т. III, 9.

(768) *Лит. о лит.* 229, *Ник. Лит.* 163, *Dz. Рар. Zugm. III*, Т. III, 14, и Кобѣржичъ.

(769) *Лит. о лит.*, *Ник. Лит.*, и Бѣрь.

(770) Тамъ же. — Въ Рукописи Филаретовой сказано: «Того же лѣта Мая 26 дня Литов. Король Смоленскъ взялъ» Кобѣржичъ (на стр. 404 и 412), а за нимъ и Нѣмцевичъ (III, 15), пишутъ, что городъ взятъ 13 Іюня (3 Іюн. Стар. Сп.) въ день Св. Антонія. То же число означено и у Бера; но, вѣроятно, ошибкою: ибо онъ сѣдовалъ Старому Сп. — Сказаніе Польскихъ Историковъ достовернѣе: оно согласнѣе съ надписью на медали, выбитой въ память сего событія. См. Нѣмцевича, II, 21.

(771) Кобѣрж. и Нѣмцевичъ такъ рассказываютъ о семъ послѣднемъ приступѣ къ Смоленску. Іаковъ Пошонскій, тогда уже главный Предводитель осаждающихъ, съ нѣсколькими тысячами Козаковъ, подходитъ къ городу съ восточной стороны; Вел. Лип. Маршалокъ Дорогостайскій и Малп. Кавалеръ Новодворскій съ сѣверной, а съ западной Спешанъ Потоцкій, имѣя съ права Нейкирха съ Нѣмецкою пѣхотою Іак. Потоцкій велѣлъ своимъ сойти съ коней и, взбравшись

по лѣспинамъ на валь, первый ударилъ на Русскихъ; въ шожь время Нѣмецкая пѣхота овладѣла сѣбною съ другой стороны. Успѣхъ дѣла былъ сомнительнъ; наконецъ Новодворскій подорвалъ стѣну близъ Kępcowski (вѣроятно *Крестовскихъ*) воротъ, и тѣмъ открылъ Полякамъ свободный путь въ Смоленскъ.

(772) Кобѣрж. Hist. Vlad. 409 и 420.—Alexander Cigli, Т. II, 149.—Нѣмцев. Dz. Pan. Zygm. III, Т. III, 19.—*Ник. Лѣт.* 163.—*Лѣт. о лѣт.* 130.

(773) См. Кобѣржицк. и Нѣмцевича.

(774) См. *Ник. Лѣт.* и *Лѣт. о лѣт.* 230.

(775) См. Бера. Но Кобѣржицкій пишетъ (страница 414), что въ плѣнъ взято 2700 человекъ. О числѣ Русскихъ, погибшихъ во время осады, Беръ говоритъ, что ихъ было 80.000; а Кобѣржицкій, что болѣе 70.000.

(776) По словамъ Кобѣржицкаго, въ Смоленскѣ найдено 50 большихъ и 200 малыхъ пушекъ, пороха не много, но большой запасъ пуль и съѣстныхъ припасовъ, такъ, что ихъ стало бы еще на годъ.

(777) См. Грамоту осажденныхъ въ Москвѣ Болгаръ, писанную въ Любѣ (*Собр. Гос. Гр.* II, 550).

(778) Нѣмцев. въ Dz. Pan. Zygm. III, Т. III, 22.—Нарушев. въ *Życ. Chodk.* Т. I, 332.

(779) См. Нѣмцевича Dz. Pan. Zygm. III, Т. III, 23. Тамъ же, на страницѣ 565, подробное *Описаніе торжества*, напечатанное также и въ Журналѣ *Ramiętnik Lwowowski*, 1818 г. No 3. Оно взято изъ одной древней Лапинской рукописи.

(780) См. тамъ же.

(781) Тамъ же.

(782) Тамъ же.

(783) О твердости Василия см. выше, страницѣ 305.

(784) См. *Ник. Лѣт.* 148, и *Лѣт. о лѣт.* 208.

(785) См. *Описаніе торжества* и въ Нѣмцевичъ:

Нѣтъ надъ гробницею Царя Василия Іоанновича Шуйскаго въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ слѣдующая надпись: «Лѣта 7121 (1612), Сентября въ 12 день, ѡна память Святаго Священномуч. Авлапома престоав-

вися благовѣрный и Христіолюбивый Вел. Государь, Царь и Вел. Князь Василей Ивановичъ, всея Русіи Самодержецъ, въ Польск. Королевствѣ въ бо лѣто живота сего, а въ Полюнѣ лежало пѣло его въ Варшавѣ 23 года. И 143 (1635) году Вел. Государь Царь и Вел. Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи Самодержецъ со Владиславомъ Королемъ Польскимъ учинился въ братствѣ и въ вѣчномъ докончаніи; для того докончанья посылалъ ко Владиславу Королю Пословъ своихъ великихъ, Болрина К. Алексѣя Мих. Львова съ поварищи, и о тѣлѣ Царя и Вел. Князя Василья Ивановича всея Русіи, чтобы его отпустили, пелы въ Королю говорить; и Владиславъ Король тѣло Царя Василья Ивановича всея Русіи Царьскаго Величества Посломъ опдалъ, и въ царствующій градъ Москву принесено тѣло сего въ лѣто 7143 (1635) Іюня въ 10 день, въ 23 лѣто государства его.»

(786) Кобѣрж. Hist. Vlad. 428, и Нѣмц. D. P. Z. III, Т. III, 24.

(787) Шеннъ казнитъ въ 1634 году за потерю сраженія подъ Смоленскомъ. Сіе несчастное дѣло названо измѣною. См. *Лѣт. о лѣт.* 365.

(788) *Ник. Лѣт.* 166.—*Лѣт. о лѣт.* 234.

(789) См. *Życie J. P. Sapiehi*, и *Ник. Лѣт.* 165. Пясецкій пишетъ, что Заруцкій былъ родомъ изъ Тарнополя, но юность свою провелъ у Ташаръ, а поелъ у Донскихъ Козаковъ.

(790) См. Машковича.

(791) См. *Ник. Лѣт.*, 165.

(792) *Лѣт. о лѣт.* 235. и *Ник. Лѣт.* 166.

(793) Сія любопытная Грамота сослалась въ 1611 году Іюня въ 30 день.

(794) Имена городовъ: Кашинъ, Лихвинъ, Дмитровъ, Смоленскъ, Рославль, Ярославль, Можайскъ, Калуга, Муромъ, Владимиръ, Юрьевъ, Нижній Новгородъ, Полоцкопъ, Брянскъ, Романовъ, Вологда, Галичъ, Мещерскъ, Архангельскъ, Переславль-Залѣскій, Кострома, Воропынскъ, Юрьевъ Польскій, Болховъ, Звенигородъ.

(795) Не задолго предъ симъ Ляпуновы, и съ ними Голицынь, хотѣли непременно имѣть Царемъ Русскаго. См. выше, стран. 269.

(796) Такъ говорили Новгородцы Генералу Делагарди. См. Видек. Hist. bel. Svecos-Mosc. 237.

(797) Тамъ же, 222.

(798) Тамъ же. 217.

(799) См. его донесенія къ Сигизмунду, въ *Собр. Гос. Грам.* II, 452.

(800) *Льт. о млт.* 228, и *Ник. Льт.* 161.

(801) См. письмо Жолкъвскаго къ Сигизмунду въ D. P. Z. III, T. II, 603.

(802) *Льт. о млт.* 233 и 237.—*Ник. Льт.* 165 и 168.

(803) Видек. 235.

(804) Тамъ же, 236 и дал.

(805) *Льт. о млт.* 238, и *Ник. Льт.*

(806) См. Видекина; также *Льт. о млт.* и *Ник. Льт.*

(807) Рукоп. Филар., и *Исков. Льтоп.* л. 87 на об.

(808) Видек. 250, *Льт. о млт.* 238, и *Ник. Льт.*

(809) *Льт. о млт.* 239, и Видекинъ.

(810) Сей договоръ напечатанъ въ *Собр. Гос. Грам.* (II, 553), но не съ подлинника, а съ Латинскаго перевода, помѣщеннаго въ *Исторіи* Видекина (стр. 271). Временемъ заключенія оного означено 11 Июля; но мы знаемъ, что 15 и 16 сего мѣсяца еще продолжалась осада Новгорода. См. Видекина (стран. 501: «die 16 Julii») и Дална (Gesch. des Reiches Schweden, T. III, Ч. II, 497), который именно говоритъ, что Договоръ заключенъ 17 Июля.

(811) Или *Тязвинскаго*. См. сей *Исторіи* T. X, 183.

(812) *Собр. Гос. Грам.* II, 660.

(813) Сверхъ сего определено было назначить квартыры Шведскому войску, но въ дальнихъ частяхъ города, чтобы оно не было въ тягость гражданамъ; за исключеніемъ однакожь тѣхъ случаевъ, когда сіе будетъ необходимо для отраженія непріятеля; съ снятѣмъ поставлено жителямъ въ обязанность снабжать войски деньгами и съестными припасами. См. *Собр. Гос. Гр.* II, 562.

814 Видек. стран. 275.

815 Тамъ же, стран. 275.

816 Тамъ же, стран. 274 и 277, и *Льт. о млт.* 240.

817 *Льт. о млт.* 235, и *Астр. Пал.* 224.

818 *Ник. Льт.* и *Льт. о млт.*

819 Кобяркичій, стран. 454. — Объ участіи Голыскаго въ семъ войнѣ, см. въ Машкѣвичѣ.

820 *Льт. о млт.* 236.

821 *Астр. Пал.* 224, и *Льт. о млт.* 236.

822 *Льт. о млт.* и *Ник. Льт.*

823 *Астр. Пал.* 225, и *Дневникъ* Машкѣвича. Списокъ *Дневника*, съ коимъ справлялся покойный Исторіографъ, былъ ему доставленъ изъ Вишебскаго Польскаго монастыря.

824 *Доп. къ Дьял. Петр. В. II*, 198.

825 См. выше, стран. 312.

826 *Исков. Льт.* л. 367, и *Льт. о млт.* 242.

827 Видек. стран. 326, *Исков. Льт.* л. 84 дал и

828 Видек. стран. 312 и 315.

Сираи.

Родъ Василіевъ. Свойства новаго Царя. Клятва Василіева. Обнародованныя грамоты. Вычание. Опалы. Неудовольствія. Пренесеніе Димитріева тѣла. Новый Патриархъ. Гордосиъ Маринъ. Рѣчь Пословъ Липовскихъ. Посольство къ Сигизмунду. Сношенія съ Европою и съ Азією. Миссия въ Москвѣ. Бунтъ Шаховскаго. Вторый Лжедмитрій. Болотниковъ. Успѣхи мятежниковъ. Проконій Липуновъ. Пренесеніе тѣла Борисова. Мятежники подъ Москвою. Побѣда Скопина-Шуйскаго. Аженепрь. Осада Калуги. Годуновы въ Сибири. Распоряженія Василіева. Призваніе Гога. Храбрость Болотникова. Побѣда Романова. Мужество Скопина. Бодрость Василія въ несчастіяхъ. Доблесть Восходъ Царскихъ. Осада Тулы. Явленіе новаго Лжедмитрія. Взятіе Тулы. Бракъ Василіевъ. Законы. Успѣвъ воинскій 1

Г. 1606 — 1608.

Бѣгство Восходъ отъ Калуги. Самозванецъ усиливается. Дѣло знаменитое. Грамота Лжедмитріева. Предложеніе Шведовъ. Побѣда Лисовскаго. Побѣда Самозванца. Ужасъ въ Москвѣ. Измѣна Воеводъ. Самозванецъ въ Тушинѣ. Перемиріе съ Липовою. Коварство Ляховъ. Побѣда Сапѣги. Марава и Мишскъ у Самозванца. Скопинъ посланъ къ Шведамъ. Бѣгство къ Самозванцу. Развращъ въ Москвѣ. Знаменитая осада Лавры. Измѣна городовъ. Ужасное сословіе

Стран.

Россіи. Тушино. Договоръ Самозванца съ Минникомъ. Польша объявляетъ войну Россіи. Крайность Россіи и перемѣна къ лучшему 83

Г. 1607 — 1609.

Князь Пожарскій. Доблестъ Нпжняго Новгорода. Возстаніе и другихъ городовъ Низовыхъ. Возстаніе Сѣврной Россіи. Крамолы въ Москвѣ. Голодъ. Вѣсть о Князѣ Михаилѣ, и его подвиги. Присутствіе Лжедмитрія къ Москвѣ. Побѣда Царскаго войска. Три Самозванца. Нѣкоторыя удачи Лжедмитріевы. Новый мятежъ въ Москвѣ. Слобода Александровская. Побѣда надъ Сапѣгою. Любовь къ Князю Михаилу. Предлагаютъ вѣнецъ Герою. Разбой. Пожарскій. Осада Смоленска. Смятеніе Лжедмитріевыхъ Ляховъ. Распрія между Сигизмундомъ и Конфедератами. Посольство Королевское въ Тушино. Переговоры съ Тушинскими измѣнниками. Бѣгство Лжедмитрія. Высокомѣріе Маринъ. Злодѣйства Самозванца въ Калугѣ. Волненіе въ Тушинѣ. Бѣгство Маринъ. Посольство Тушинское къ Королю. Измѣнники признаютъ Владислава Царемъ. Маринъ въ Калугѣ. Успѣхи Князя Михаила. Освобожденіе Лавры. Бѣгство Сапѣги. Опустѣніе Тушина. Дѣло Князя Михаила. Торжественное вступленіе Героя въ Москву 158

Г. 1608 — 1610.

Паушники. Кончина Скопина-Шуйскаго. Горестъ народная. Князь Дмитрій Шуйскій Военачальникомъ. Бунтъ Липунова. Бѣгство подъ Клупинымъ. Делагарди оцѣшупаетъ къ Новугороду. Поляки занимаютъ Царево-Займище. Отчаяніе

столицы. Новые успѣхи Самозванца. Твердосѣ
Пожарскаго. Ропотъ народный. Василій ли-
шетъ престола. Тщешныя увѣщанія Паптріарха.
Поспrijженіе Василя и супруги его. Совѣтъ
Князя Мстиславскаго. Переговоры съ Жолкѣв-
скимъ. Условія. Присяга Владиславу. Намѣреніе
Сигизмунда. Бѣгство Самозванца въ Калугу.
Полишка Жолкѣвскаго. Посольство къ Королю.
Вступленіе Поляковъ въ Москву. Дѣйствія
Пословъ Московскихъ. Ошѣздъ Жолкѣвскаго.
Шуйскій предаѣтъ Полякамъ. Неудачныя при-
ступы къ Смоленску. Самовластіе Сигизмунда.
Неперытныя народа. Непріятельскія дѣйствія
Делагарди. Злодѣйства Лисовскаго. Измѣна Ка-
зани. Смерть Самозванца. Новый обманъ. На-
чальники возстанія народнаго. Грамоты Смоленъ
и Москвитяи. Слабость Московской Думы. Ссо-
ры съ Поляками. Соспавъ ополченія за Россію.
Кровопротііе въ столицѣ. Пожаръ Москвы.
Прибытіе Струса. Подвиги Пожарскаго. Нен-
сповѣдства Поляковъ въ Москвѣ. Заключеніе
Ермогена

Г. 1610 — 1611. 241

ГЛАВА V.

Слѣдствія сожженія Москвы. Поляки осаждены.
Твердосѣ Ермогена. Избраніе главныхъ Вое-
начальниковъ. Дѣйствія Сапѣги. Приспущъ къ
Кипаю-городу. Послы Московскіе отправлены
въ Лишву. Взятіе Смоленска. Шуйскіе въ Вар-
шавѣ. умыселъ Заруцкаго и Маршны. Успавная
грамота. Виды Ляпунова. Дѣла съ Шведами.
Новгородъ взятъ Генераломъ Делагарди. Дого-
воръ Шведовъ съ Новымъ городомъ. Мяшежъ въ
войскъ Генерала Делагарди. Убіеніе Ляпунова.
Послѣдствія. Состояніе Россіи

Г. 1611 — 1612.

340

РОДОСЛОВНЫЯ ВЛАДѢТЕЛЬНЫХЪ КНЯЗЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

Здѣсь предсѣявлены не всѣ, но только важнѣйшія имена, для удобнаго обозрѣнія Княжескихъ поколѣній. Основляю другому сочиненію полныя росписи, конхъ матеріалы находящіяся въ сей Испоріи, или въ ея примѣчаніяхъ. Означаю или годъ смерти Князей (+), или поимѣ, въ которомъ объ нихъ упоминается. — *Первая* роспись идетъ отъ XI вѣка до конца XII, также *вторая*; *третья* отъ XI до половины XIII; *четвертая* отъ XII до XIII; *пятая* отъ XII до XV; *шестая* отъ XII до XIV; *седьмая* отъ XI до XIII; *осьмая* отъ XI до XV; *девятая* отъ половины XII до XVII вѣка.

С І Е Л И

Леславъ
ицѣ на
, Графини
адской).

Борисъ
1079.

Л

Борисъ
1151.

Р О С П И С Ъ І.
ЯРОСЛАВЪ ВЕЛИКІЙ.

Илья. + 1020.	Владиміръ. + 1052.	Изяславъ. См. Но. II.	Святославъ. См. Но. III.	Всеволодъ (жена въ на Греческой Ца- реви). См. Но. IV.	Вячеславъ (жена въ на Одъ, Графиня Шпадекой).	Игорь (жена въ на Кунигун- дъ, Графиня Орла- мидской).	Елисавета (за ГАРЛА- домъ, Коро- лемъ Норвеж- скимъ).	Анна (за ГЕНРИ- комъ I, Ко- ролемъ Фран- цузскимъ).	Анастасія (за АНДРЕ- емъ, Коро- лемъ Венгер- скимъ).
Ростиславъ. + 1065.									
Рюрикъ. + 1094.	Володаръ.	Василько.							
Ростиславъ 1126.	Владимірко. 1153.	Дочь за сы- номъ Им- перашо- ра Гречес- каго, Але- ксіа.	Иванъ. Григорій.						
Іоаннъ. БЕРЛАДНИКЪ 1144.	Ярославъ, + 1188.								
Ростиславъ.	Владиміръ. (жена въ на Бо- леславъ, доче- ри Святосла- ва Всеволодо- вича Чернигов- скаго. 1198.	Олегъ, Сынъ на- ложницы.	Дочь за Коро- лемъ Венгер- скимъ СТЕФА- номъ III. 1167.						
Сынъ, жена въ на ТЕОДОРЪ, дочери РОМА- НА Галицкаго.									

РОСПИСЬ II.

ИЗЯСЛАВЪ, СЫНЪ ЯРОСЛАВА ВЕЛИКАГО.

Мстиславъ.		Святополкъ-Михаилъ.		Енраксiя (за сыномъ Болеслава II).		Ярополкъ.		
Ростиславъ. 1093.	Мстиславъ. (отъ палож- мицы). 1099.	Брягиславъ. + 1127.	Ярославъ, или Ярославецъ. + 1123.	Изяславъ. + 1127.	Сбыслава (за Болесла- вомъ Криво- устымъ, Ко- ролемъ Поль- скимъ). 1102.	Предслава (за сыномъ Коломана, Короля Вен- герскаго). 1104.	Яроглевъ. + 1102.	Вячеславъ. + 1105.
			Юрій (женавъ па дочери Все- володка, внука Моно- маховой). 1144.	Вячеславъ. 1127.				
Ярополкъ. 1190.	Иванъ. 1166.	Святополкъ. 1168.	Глѣбъ. 1185.	Ярославъ. 185.	Мальфрида (за Всеволо- домъ, сыномъ Ярослава Изя- славича, внука Мстислава Ве- ликаго).	Анна, супруга Рюри- кова.		

РОСПИСЬ III.

СВЯТОСЛАВЪ, СЫНЪ ЯРОСЛАВА ВЕЛИКАГО.

Глѣбъ. + 1078.		Давидъ.		Ярославъ. См. No. VIII.		Олегъ-Михаилъ.		Борисъ.		Романъ.	
Изяславъ. 1161.		Святоша. 1099-1106.		Владиміръ. (ж. на дочери Все- володка, внукъ Мо- номаховой). + 1151.		Ростиславъ. + 1120.		Всеволодъ. + 1146.		Глѣбъ. + 1138.	
Дочь (за Глѣбомъ Георгіевичемъ, вну- комъ Мономаха). 1154.		Дочь (за Всеволо- домъ Мстислави- чемъ, внукомъ Мономаха).		Святославъ. (зять Боголюбска- го). + 1166.		Святославъ. (ж. на дочери Василька По- лоцкаго). + 1194.		Святополкъ. + 1162.		Дочь (за Владисла- вомъ Герцо- гомъ Поль- скимъ).	
						Ростиславъ. 1147.		Ярославъ. + 1200.		Звенислава (за Болесла- вомъ, бра- томъ Влади- слава, Герцо- га Польскаго). 1142.	
						Ростиславъ. (ж. на Всеславъ, дочери Всеволо- да Великаго). 1187.		Ярополкъ. 1197. 1214.		Изяславъ + 1134.	
										Рости- славъ. 1142.	
										Олегъ. (зять Ро- стислава Мстисла- вича Смо- ленскаго женат. на Агатиі). + 106.	
										Святославъ. Борисъ. 1185.	
										Игоръ. + 1147.	
										Святославъ. + 1196.	
										Игоръ-Георгій. + 1202.	
										Владиміръ. + 1201.	
										Свято- славъ. (зять Рю- рикомъ). + 1205.	
										Олегъ. Курскій. 1228.	

Р О С П И С Ь И.
ВСЕВОЛОДЪ, СЫНЪ ЯРОСЛАВА ВЕЛИКАГО.

Янка
+ 1113.

Евпраксія.
(за Императоромъ
Генрикомъ IV?)
+ 1109.

Екатерина.
+ 1108.

Владиміръ
Мономахъ.
(Первая его супру-
га Гидла, дочь Англ.
Короля Гаральда.)
+ 1125.

Ростиславъ.

Мстиславъ-
Феодоръ
Великій.
(Первая его супруга
Христина, дочь
Шведск. Короля Ни-
лс-Спенкельсона.)
+ 1132.

Изяславъ.
+ 1096.

Романъ.
(ж. на до-
чери Воло-
даря).
+ 1119.

Ярополкъ.
+ 1139.

Вячеславъ.
+ 1154.
Михалко.
+ 1129.

Святославъ.
+ 1114.

Андрей.
+ 1141.
Владиміръ.
1166.

Ярополкъ.
1157.

Георгій.
Долгорукій.
+ 1157.
См. No. IX.

Евфимія
(За Венгерскимъ К.
Коломаномъ.)
Борисъ.
(ж. на родственницѣ
Мануила, Императ.
Греческ).
1139.
Коломанъ.
(Правитель Кили-
кии).
1139.

Дочь (за
Всеволод-
комъ Дави-
довичемъ,
внукомъ
Игоря,
правну-
комъ Яро-
слава Ве-
ликаго).

Марія
(за Леопомъ
Греческ. Ца-
ревичемъ).
Василько.
1136.

Всеволодъ-
Гаврилъ.
(ж. на дочери
Святоши).
+ 1138.

Изяславъ.
+ 1154.

Ростиславъ.
+ 1168.
См. No. V.

Святополкъ.
(ж. на Княжнѣ
Моравской).
1144.

Владиміръ.
+ 1173.

Ярославъ
(своякъ Всево-
лода Великаго).
1181.

Мстиславъ
(зять Святослава
Всеволодовича
Черниговскаго).
1175.

Дочь (за Норвежск.
Королемъ Сигур-
домъ, а послѣ за
Дашскимъ, Эрикомъ).

Дочь (за Бря-
числавомъ Бори-
совичемъ, вну-
комъ Всеслава
Полоцкаго).

Дочь (за Капу-
тоу Св., Ко-
ролемъ Обош-
рискимъ).

Дочь (за Яро-
славомъ, сы-
номъ Святопол-
ка II Михаила).

Евфросинія
(за Королемъ Вен-
герскимъ Гейзою).
1149.

Дочь (за Гре-
ческимъ Царе-
вичемъ Алексі-
емъ, сыномъ
Императора Ю-
анна).

Дочь (за Всево-
лодомъ Ольгови-
чемъ).
1140.

Иоаннъ.
+ 1128.

Владиміръ.
1136.

Верхуслава
(за Княземъ
Польскимъ).

Мстиславъ.
См. No. VI.

Ярославъ.
Мстиславъ
Нѣмый.
1184.
Иванъ.
1227.

Всеволодъ
(ж. на Маль-
фридъ, доче-
ри Юрія Я-
рославича
Туровскаго).

Изяславъ.
+ 1196.
Ярославъ.
1229.

Ингваръ.
1202.

Владиміръ.

Изяславъ.
+ 1224.

Ярополъ
(ж. на дочери
Святослава
Ольговича).

Васильки

Дочь (за Рогволо-
домъ Борисови-
чемъ Полоцкимъ).
1144.

РОСПИСЬ V.
РОДЪ КНЯЗЕЙ СМОЛЕНСКИХЪ.
РОСТИСЛАВЪ-МИХАИЛЪ МСТИСЛАВИЧЪ, ВНУКЪ МОНОМАХОВЪ.

Святославъ.	Романъ. Мстиславъ-Борисъ.	Рюрикъ-Василій. (ж. на Аннѣ, дочери Юрія Яросл., внука Святополкова-Миха- илова.	Давидъ. + 1197.	Мстиславъ Храбрый. (ж. на дочери Глѣ- ва Рязанскаго.) 1173.
Святославъ. 1232.	Всеволодъ.	1195.	Константинъ. 1197.	Мстиславъ-Θеодоръ. + 1230.
Предслава.	Евфросинія- Исмарагдъ.	Ростиславъ. (ж. на Верху- славъ - Ана- стаси, дочери Всеволода Ве- ликаго). 1189.	Владиміръ-Димитрій. 1187. Андрей Долгая рука (родоначальникъ Князей Вяземскихъ).	Ростиславъ-Борисъ.
			Глѣбъ. Всеволодъ-Александръ. Иванъ. Святославъ. Юрій. Θеодоръ.	Θеодоръ Ярославскій. Давидъ. Василій. Василій. Θеодоръ. Александръ.
				Мстиславъ Храбрый. 1224.
				Василій. 1217.
				Дочь (за Яросла- вомъ Θе- одоромъ, опцемъ Невскаго).
				Ярославъ. (ж. на Св. Евпраксіи). Пасынокъ. Евпраксинъ.
				1214.

+ 1170.

Романъ
(ж. на дочери Рюрика.)
+ 1205.

Святославъ.

Всеволодъ
Бѣльскій.

Неизвѣстный.

Всеволодъ.
1245.

Романъ.

Дочь
(за Андреемъ
Ярославичемъ
Суздальскимъ).

Левъ

(ж. на Констан-
тин, дочери Ко-
роля Венгерска-
го Бемы).

Юрій

(ж. на дочери
Ярослава Твер-
скаго.)
1289.

Михаилъ.
+ 1284.

Андрей.
+ 1324.

Левъ.
+ 1324.

Георгій.
† 1533.

Марія
(за Тройде-
номъ Мазов-
скимъ.)
1336.

Болеславъ.
1336.

Даніи́лъ.
1224.

Мстиславъ.

Θεοδώρα.

Щварно.

Василько

(ж. на дочери
Георгія, К. Вла-
димірскаго).

Дочь

(за К. Андреевъ
Всеволод. Чер-
нигов.).
1261.

Владимір-Іоаннъ.
† 1289.

Ольга.
1289.

Александръ.

Грелислава
(за Лешкомъ Бѣ-
лымъ).

Анастасія

(за Болеславомъ
Мазовскимъ, а
послѣ за Бояри-
номъ Венгер. Ди-
митріємъ).

Елена
(за Казимиромъ
Справедливымъ).
1196.

Всееолодъ.
1211.

РОСПИСЬ VIII.

РОДЪ КНЯЗЕЙ РЯЗАНСКИХЪ, МУРОМСКИХЪ И ПРОНСКИХЪ.
ЯРОСЛАВЪ СВЯТОСЛАВИЧЪ, ВНУКЪ ЯРОСЛАВА ВЕЛИКАГО.

1127.

				Ростиславъ Рязанскій.						Святославъ Рязанскій.		Юрій Муромскій.	
				Глѣбъ.									
Романъ. зять Свя- тослава Всеволо- дова ча Чернигов.)		Игорь. + 1194.		Владиміръ.						Юрій			
Ингварь-Козма.		Юрій.		Глѣбъ. (зять Да- вида Смо- ленск.)		Константинъ.		Олегъ.		Изяславъ.			
										Всеволодъ Пронскій.		Святославъ Пронскій.	
												Сынъ. 1175.	
												Дочь. 1175.	
												Мстиславъ.	
												Ростиславъ.	

РОДЪ ВЛДКИХЪ КНЯЗЕЙ ВЛАДИМІРСКИХЪ И МОСКОВСКИХЪ.
ГЕОРГІЙ ДОЛГОРУКІЙ, СЫНЪ МОНОМАХОВЪ.

+ 1157.

Ростиславъ.	Андрей Боголюбскій.	Іоаннъ.	Борисъ.	Глѣбъ.	Мстиславъ.	Василько.	Ярославъ. + 1166.	Михаилъ. Дочь.	Святославъ. + 1174.	Всеволодъ Великій, прозва- ніемъ Большое Гнѣздо.
Ярополкъ.	Мстиславъ. Святославъ.	Романъ.	Владиміръ.	Изяславъ. + 1165.	Мстиславъ. Василь. 171.	Георгій (ж. на Тамари, Царицѣ Гру- зинской).				
Константинъ. (Отъ него Ростов- скіе Князья).	Борисъ.	Юрій.	Ярославъ- Феодоръ.	Глѣбъ. + 1189.	Владиміръ.		Святославъ. Димитрій.		Іоаннъ. (Отъ него Стародубскіе Князья).	
Феодоръ.	Александръ Невскій.		Андрей. (Отъ него Суздаль- скіе Князья).	Константинъ. Галицкій.	Афанасій.	Данилъ.	Михаилъ.	Ярославъ. (Отъ него Твер- скіе Князья).	Василій Костромскій.	
Василій.	Димитрій.	Андрей.	Даниилъ. Московскій.							
Юрій.	Александръ.	Борисъ.	Іоаннъ I Калиста.	Афанасій.						
Симеонъ Гордый.	Іоаннъ II. Димитрій Донскій.	Іоаннъ.	Андрей. Владиміръ Храбрый.							
Даниилъ.	Василій.	Юрій.	Андрей.	Петръ.	Іоаннъ.	Константинъ.				
Іоаннъ.		Василій Темный.		Анна (за Греческ. Цари- чемъ Іоанномъ, сыномъ Мануила). 1414.						
Юрій.	Іоаннъ III Великій.	Юрій.	Андрей.							
Іоаннъ.	Василій.	Юрій.	Симеонъ.	Андрей.						
Димитрій.	Іоаннъ IV Грозный.									
Димитрій.	Іоаннъ.	Феодоръ Царь.	Св. Димитрій.							

РОДЪ ВЪЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ ВЛАДИМІРСКИХЪ И МОСКОВСКИХЪ.
ГЕОРГІЙ ДОЛГОРУКІЙ, СЫНЪ МОНОМАХОВЪ.

+ 1157.

Ростиславъ.	Андрей Боголюбскій.	Іоаннъ.	Борисъ.	Глебъ.	Мстиславъ.	Василько.	Ярославъ. + 1166.	Михаилъ. Дочь.	Святославъ. + 1174.	Всеволодъ Великій, прозва- ніемъ Большое Гнѣздо.
Ярополкъ.	Мстиславъ.	Романъ.	Владиміръ.	Изяславъ. + 1165.	Мстиславъ. Василь. 1171.	Георгій к. на Тамари, Дарницъ Гру- нскою).				
Святославъ.										
Константинъ. (Отъ него Ростов- скіе Князья).	Борисъ.	Іорій.	Ярославъ- Феодоръ.			Глебъ. + 1189.	Владиміръ.	Святославъ. Димитрій.		Іоаннъ. (Отъ него Стародубскіе Князья).
Феодоръ.	Александръ Невскій.		Андрей. (Отъ него Суздаль- скіе Князья).			Константинъ. Галицкій.	Афанасій.	Михаилъ.	Ярославъ. (Отъ него Твер- скіе Князья).	Василь Костромскій.
Василь.	Димитрій.	Андрей.	Даниилъ. Московскій.							
Іорій.	Александръ.	Борисъ.	Іоаннъ I Калиста.	Афанасій.						
Силеонъ Гордый.	Іоаннъ II. Димитрій Донскій.	Іоаннъ.	Андрей. Владиміръ Храбрый.							
Даниилъ.	Василь.	Іорій.	Андрей.	Петръ.	Іоаннъ.	Константинъ.				
Іоаннъ.		Василь Темный.		Анна (за Греческ. Царви- чемъ Іоанномъ, сыномъ Мануила). 1414.						
Іорій.	Іоаннъ III Великій.	Іорій.	Андрей.	Андрей.						
Іоаннъ.	Василь.	Іорій.	Димитрій.	Силеонъ.	Андрей.					
Димитрій.	Іоаннъ IV Грозный.									
Димитрій.	Іоаннъ.	Феодоръ Царь.	Св. Димитрій.							